

ЮРИЙ ДРОЗДОВ

Александр
Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Генерал-майор Юрий Иванович Дроздов (1925–2017) вошёл в историю прежде всего как руководитель нелегальной разведки — легендарного и таинственного Управления «С» Первого главного управления КГБ СССР. На эту должность он пришёл «громко», под автоматно-пулемётные очереди и разрывы гранат, потому как первой операцией, которой он руководил, был штурм президентского дворца в столице Афганистана Кабуле 27 декабря 1979 года. Но почему именно начальник нелегальной разведки возглавил боевую операцию? И почему он сам вычеркнул свою фамилию из списка участников штурма, представленных к званию Героя Советского Союза? Ответы на эти и ряд других вопросов читатель найдёт в этой книге. В ней на основе воспоминаний соратников Юрия Ивановича, его самого и некоторых рассекреченных документов подробно рассказывается о интереснейшей жизни разведчика: участии в Великой Отечественной войне, сорокалетней службе в разведке, руководстве Управлением «С», создании легендарного «Вымпела», а затем — независимого аналитического агентства «НАМАКОН».

- [Александр Бондаренко](#)
 -
 -
 -
 -
 - [К читателю](#)
 - [Глава 1. Всё впереди](#)
 - [Глава 2. Война лейтенанта Дроздова](#)
 - [Глава 3. Разведчиками не рождаются](#)
 - [Глава 4. Кузен Рудольфа Абеля](#)
 - [Глава 5. «Хорошие плохие годы»](#)
 - [Глава 6. «Плохие плохие годы»](#)
 - [Глава 7. «Д-104» и барон фон Хоэнштайн](#)
 - [Глава 8. «Иуда из Ясенева» против «Дубравина» и «Веста»](#)
 - [Глава 9. «У нас не принято обманывать»](#)
 - [Глава 10. Нации всех стран, объединяйтесь!](#)
 - [Глава 11. В разведке мелочей нет](#)
 - [Глава 12. Война генерала Дроздова](#)

- [Глава 13. «Самое главное в жизни — работа»](#)
- [Глава 14. Разведка своих не бросает](#)
- [Глава 15. «Только на равных. только с уважением»](#)
- [Глава 16. «Птенцы гнезда Дроздова»](#)
- [Глава 17. «Он был абсолютный романтик»](#)
- [Глава 18. «Позывной» — «Патриарх»](#)
- [Основные даты жизни и деятельности Ю. И. Дроздова](#)
- [Литература](#)
- [Над книгой работали](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)

- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)

- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)

- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)

- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)

- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)

- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)

- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)

- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)

- [comments](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)

- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)

- [135](#)
 - [136](#)
 - [137](#)
 - [138](#)
 - [139](#)
 - [140](#)
 - [141](#)
 - [142](#)
 - [143](#)
 - [144](#)
 - [145](#)
 - [146](#)
 - [147](#)
-

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2062

(1862)

Александр Бондаренко
ЮРИЙ ДРОЗДОВ
Начальник нелегальной разведки

Москва

Молодая гвардия

2020

© Бондаренко А. Ю., 2020
© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление,
2020

*

*20 декабря 2020 года — 100 лет Службе
внешней разведки Российской Федерации*

*Светлой памяти моего отца — Юлия Петровича
Бондаренко, который первым приоткрыл для меня
удивительный и таинственный мир разведки*

К читателю

«Судьба Дроздова — это как непрочитанная и даже нераскрытая книга. Он очень недооценён — как руководством внешней разведки и властью нашей страны, так и нами, сотрудниками, людьми, которые работали и под его руководством, и рядом с ним. Но также и теми, кто когда-то им руководил, — сказал мне полковник Валерий Владимирович Попов, ветеран спецподразделения „Вымпел“, один из друзей и сподвижников Юрия Ивановича. — Мне кажется, в его судьбе и характере осталось ещё очень много нераскрытого. Это был уникальный человек — с точки зрения своих человеческих качеств, с точки зрения профессиональной. Удивительный руководитель, даже — Учитель, мы так называли Юрия Ивановича в конце его жизни».

Биографическая книга должна быть основана на документах, однако большая часть официальных материалов, касающихся жизни и службы генерал-майора Юрия Ивановича Дроздова, не будет открыта никогда. Их публикация могла бы нанести серьёзнейший ущерб интересам не только Службы внешней разведки России, но и всего нашего государства, а также, в полном смысле слова, сломать судьбы многих людей, кого-то из них даже погубить. Но разведка умеет хранить свои тайны, и потому документы, о которых идёт речь, так и останутся навсегда нерассекреченными. А значит, очень многое из того, что сделал герой нашей книги, никогда не станет известно, что называется, широкому кругу читателей. Если же говорить точнее, то почти ничего открыто не будет. Ведь разведка, в отличие от любой профессии — любого рода человеческой деятельности, — хранит свои достижения в тайне. Чем больше успех — тем о нём меньше известно, ну а о путях его достижения вообще говорить не приходится. Впрочем, не только успехи: разведка тщательно скрывает от посторонних (тем паче — от профессионально заинтересованных) глаз формы, методы и цели своей работы, и даже сами её смысл и суть. В общем, абсолютно всё то, что с ней в той или иной степени связано. Особо охраняемым секретом являются кадры этой Службы, а в результате этого подавляющее большинство людей, так или иначе к ней причастных, до конца жизни сохраняют свою причастность в тайне. (Кстати, тайну эту охраняет также и соответствующий закон нашего государства.) Недаром девизом нелегальной разведки являются слова: «Без права на славу — во славу Державы».

И всё-таки я, как автор тогда ещё будущей книги, получил счастливую возможность обратиться с вопросами к некоторым из сослуживцев и подчинённых Юрия Ивановича Дроздова, к его коллегам и друзьям — благо что эти люди находятся среди нас — и привести в своём повествовании их воистину уникальные свидетельства о личности этого замечательного человека. Хотя, предупреждаю сразу, в этих доверительных рассказах не окажется ничего секретного — зато всё-таки будет открыто немало неизвестных ранее страниц, будут даны ответы на кое-какие из вопросов, что неизбежно задают многие читатели, знакомясь с биографией нашего героя.

Но при этом наша книга — никак не целостная картина, что положено для добросовестного издания «ЖЗЛ», где вся биография героя описана и осмыслена от и до — буквально с первого и уж точно до последнего дня. Нет, как уже сказано, написать такой труд не представляется возможным. Скорее, это некое мозаичное полотно, составленное из многообразных фактов, случаев и свидетельств. Представляется, что если бы такой информации было немного больше или несколько меньше, это не слишком повлияло бы на общую картину восприятия. Надеемся, что основное из того, что можно было сказать, нами всё-таки сказано.

Притом, к своему стыду, я, как автор, вынужден сразу же покаяться в двух своих недостатках (разумеется, таковых гораздо больше, но к данной книге они непосредственного отношения не имеют, а потому и говорить о них сейчас не будем). Так вот, во-первых, у меня очень плохая память на имена. Только по этой причине и получилось: в начале разговора мои собеседники называли себя, но потом, в процессе беседы, имена и отчества, а тем более фамилии кого-то из них вылетали из моей памяти. Переспрашивать же или уточнять впоследствии было неудобно... Поэтому не нужно удивляться, что кое-кто из моих собеседников останется на страницах этой книги безымянным или с искажённой по чистой случайности фамилией, за что я приношу искренние извинения и им самим, и всем читателям. Во-вторых, у меня есть некоторые проблемы с географией. Несмотря на то что когда-то, при поступлении в военное училище, сдал этот предмет на «отлично», я, в частности, до сих не могу отыскать на карте Народную Республику Алвизию (против её коварной спецслужбы, помнится, работал герой моей любимой французской комедии «Великолепный» — секретный агент Боб Сен-Клер) и, к своему стыду, напрочь позабыл, столицей какого государства является прекрасный город Манкитаун. Ну и так далее... Поэтому, если читатель вдруг обнаружит какие-то географические погрешности или поймёт, что я забыл, перепутал,

искажил названия каких-то стран или городов — просьба быть снисходительными к автору. В конце концов, как некогда писал про географию в своём бессмертном «Недоросле» Денис Иванович Фонвизин, «это таки и наука-то не дворянская». Мол, к чему она, если извозчики довезут? А сегодня вообще — навигаторы! Оно как-то утешает!

Зато говорю честно и откровенно, что никому из моих собеседников я не приписываю ничего лишнего, ими не сказанного, — и это может подтвердить любой из них. То же, что когда-то ранее рассказывали мне люди, уже ушедшие, в большинстве случаев было зафиксировано в некоторых моих предыдущих книгах и газетных публикациях, я делаю на них ссылки, и по ним, при желании, всё можно проверить. Точно так же зафиксировано и то, что говорил мне сам Юрий Иванович Дроздов, — с ним мне не раз довелось встречаться с начала 2000-х годов.

Предупреждаю также, что в книге напрочь отсутствуют какие-то версии, домыслы и авторские догадки, характерные для многих произведений современной «исторической» литературы, зато есть обоснованные предположения, сделанные сотрудниками Службы. Но это — точка зрения профессионалов, людей, не привыкших бросать слов на ветер, и потому сказанное по крайней мере достаточно близко к истине, известной далеко не каждому.

Понятно, что идея написать книгу «Юрий Дроздов» для серии «Жизнь замечательных людей», поддержанная руководством Службы внешней разведки России, возникла после ухода Юрия Ивановича из жизни, а потому нет смысла объяснять, что конкретный, целевой сбор материалов для этой биографии был начат мною сравнительно недавно. По этой причине остаётся только жалеть, что во время своих давнишних встреч с такими интересными и весьма осведомлёнными людьми, как председатель КГБ СССР Владимир Александрович Крючков, начальник Первого главного управления КГБ СССР Леонид Владимирович Шебаршин, первый заместитель начальника ПГУ КГБ СССР Вадим Алексеевич Кирпиченко, Постоянный представитель СССР при ООН Олег Александрович Трояновский, легендарный руководитель восточногерманской разведки Маркус Вольф, а также с некоторыми другими товарищами, имена которых встретятся на страницах этой книги, я ничего у них про Юрия Ивановича не спрашивал. К чему тогда мне это было? Дроздов ведь сам описал свою жизнь в книге «Вымысел исключён», как тогда казалось — максимально подробно. А какого-то повода — типа юбилейной даты, когда можно опубликовать в газете этакий «коллективный портрет» «виновника торжества», составленный из рассказов его коллег, друзей и знакомых, не

было... Вот и не возникало подобных вопросов, ибо «на пустом месте», заданные без реальной необходимости, они порой кажутся просто бестактными: мол, скажите, а что вы думаете относительно имярек? Ответ тут мог оказаться достаточно жёстким: «Что думаю, то и думаю, вам какое дело? Если хотите что-то о нём узнать, так у него самого и спрашивайте!»

Теперь-то мне известно, что эти давние мои собеседники могли не только рассказать много-много интересного именно для этой книги, но даже (если бы, конечно, захотели!) честно и объективно ответить на те непростые вопросы, что не раз возникают при обращении к биографии Дроздова, помочь «расставить» столь необходимые точки над «і». Какие именно это вопросы — читатель скоро узнает и поймёт. Если, разумеется, сам над ними не задумывался.

Но только вот сейчас эти люди уже никому ничего не расскажут. Обидно, но что поделаешь? Такова жизнь! Разумеется, ничего за этих давних своих собеседников додумывать, досказывать, а затем лукаво писать «из неопубликованного» я не буду. (Насколько известно, один из именитых старых большевиков, близко знавших В. И. Ленина, подобным образом срезал своих оппонентов, безапелляционно заявляя: «Владимир Ильич по этому поводу говорил вот так!» — «Откуда вам это известно? Ленин так не говорил!» — «Это вам он так не говорил — а мне говорил!» И попробуй возрази, учитывая авторитет того самого «сподвижника вождя мирового пролетариата». Но, как говорится, «мы пойдём другим путём».)

Ранее я упомянул книгу Юрия Ивановича «Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки»; первое издание вышло в 1997 году, сначала, в 1994 году, она вышла под названием «Нужная работа». Конечно, к этим воспоминаниям я обращался постоянно, не забывая при этом, что мемуары — это всё-таки литературный жанр, хотя и весьма специфический. Во-первых, они всегда хоть сколько-то, но субъективны; во-вторых, за давностью прошедших лет автор нередко может что-то позабыть или перепутать, а то и намеренно ввести читателя в заблуждение. Поэтому в той же Службе внешней разведки никакие воспоминания официальными документами не считаются. К тому же даже самый честный и откровенный мемуарист никогда не напишет «всё обо всём». Ведь, как рекомендовал когда-то начальник прусского генштаба и выдающийся военный теоретик граф Хельмут фон Мольтке^[1]: «Господа, пишите правду и только правду! Но не всю правду».

Так что, не раз ссылаясь на книгу «Вымысел исключён», я всё-таки не стану считать её истиной в последней инстанции и даже рискну подвергнуть обоснованному сомнению кое-что из сказанного.

Прошу также читателя не сетовать на обилие цитат — по моему мнению, гораздо лучше что-то повторить, сославшись на первоисточник, нежели пересказывать чужие тексты своими словами. Или же добавлять свои якобы заданные вопросы в воспоминания самого Юрия Ивановича либо кого-то из его соратников, чтобы представить это «творение» в качестве «эксклюзивного интервью». К сожалению, в процессе изучения материалов для книги мне пришлось встретиться и с подобными не совсем добросовестными «приёмчиками». Я пошёл более простым путём: ничего не пересказывая и не трансформируя тексты, адресую читателя к оригиналам, а то, что говорили мне различные люди, — стараюсь передать как можно точнее, чтобы интонации были «слышны».

Заканчивая это предисловие, выражаю искреннюю благодарность руководству Службы внешней разведки Российской Федерации и ряда её подразделений, бывшим и действующим сотрудникам Первого главного управления КГБ СССР и СВР России, ветеранам специальных подразделений, сотрудникам агентства «НАМАКОН», друзьям и знакомым Юрия Ивановича Дроздова — названным и неназванным, в общем, всем тем уважаемым людям, кто помог мне в сборе материалов и работе над этой книгой.

Особая признательность — моим друзьям из Пресс-бюро СВР России, которым руководит Сергей Николаевич Иванов, за их всегдашнюю помощь, поддержку, внимание и заботу, а Николаю Вячеславовичу Морозову — за предоставленные фотографии.

Вот, в принципе, всё то небольшое, о чём автору хочется предупредить читателя, начиная рассказ о замечательном человеке, легендарном советском разведчике генерал-майоре Юрии Ивановиче Дроздове, а также — об очень непростом периоде жизни нашей великой страны.

P. S.

В научной литературе авторы обычно заменяют местоимения «я» на «мы», и в данном случае я прибегаю к тому же приёму. Опыт подсказывает, что слишком частое упоминание автором «себя любимого» (а в данной книге оно неизбежно: «мне рассказали», «я встречался» и т. д.) утомляет и раздражает читателя. Скромное «мы» будет гораздо лучше.

Глава 1. Всё впереди

Известно, что главное в разведке — это связь. Какой бы важнейший и суперсекретный материал ни удалось заполучить разведчику, но если не удастся своевременно передать информацию в Центр, то в итоге грош ей окажется цена. Разумеется, что разведывательное сообщение должно быть написано предельно чётко и ясно: любая неточность может вызвать сомнение в достоверности всего материала.

Сказанное поясним на примере той самой книги Дроздова «Вымысел исключён» (подчёркиваем: не примером из книги, а на её примере!). Юрий Иванович, в частности, писал так:

«Отец мой, Иван Дмитриевич Дроздов, был офицером Русской армии. Участвовал в Первой мировой войне, воевал на Юго-Западном фронте. За храбрость получил Георгиевский крест и удар широким австрийским штыком в грудь. Но остался жив. После 1917 года служил в Красной Армии»^[1].

Вот и в телефильме, недавно с успехом показанном на одном из центральных каналов, говорится без всяких сомнений: «Его отец — офицер Русской армии, Георгиевский кавалер».

Ну что ж, для нас это прекрасная возможность получить сведения о боевой биографии Дроздова-старшего. Если офицер был награждён орденом Святого Георгия (применительно к нему название «Георгиевский крест» является просторечным, зато официальным — для солдатской награды четырёх степеней, изначально именовавшейся «Знаком отличия Военного ордена»), то следует обратиться к авторитетному биобиблиографическому справочнику «Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия»^[2], в котором представлены списки всех кавалеров ордена. Указано не только, кто именно и когда награждён, но и то, в каком полку и в каком чине офицер в это самое время служил.

Открываем раздел книги, посвящённый Первой мировой войне.

Фамилия «Дроздов» не слишком редкая, но мы находим лишь одного её представителя: на 501-й странице указано, что 5 октября 1917 года подпоручик 42-го пехотного Якутского полка Андрей Фёдорович Дроздов был награждён Георгиевским оружием. Перед ним, на той же странице, значится подпоручик 102-го пехотного Вятского полка Тимофей Иванович Дрозд, убитый 22 июня 1916 года и посмертно награждённый орденом

Святого Георгия 4-й степени, после А. Ф. Дроздова — полковник Генерального штаба Михаил Гордеевич Дроздовский, будущий белый генерал, награждённый в мае 1916 года Георгиевским оружием, а 26 ноября 1917-го (бюрократическая машина ещё работала!) — орденом 4-й степени. И всё!

А где Иван Дмитриевич Дроздов? Неужели информация про «Георгия» — всего лишь семейная легенда? Не станем же мы думать, что Юрий Иванович решил приукрасить отцовскую биографию.

По счастью, из Архива Службы внешней разведки нам передали копию чего-то типа «листка по учёту кадров» — названия нет. Датирован документ 28 декабря 1936 года — указано, что в этот день Ивану Дмитриевичу присвоено воинское звание «капитан». Потом «капитан» зачёркнут, написано «майор», но дата присвоения этого звания не обозначена.

Здесь же указано — перечисляем по порядку, — что Дроздов был беспартийный, происходил «из крестьян», «служил в РККА на должностях командного состава» с 1920 года, но имел перерыв с 1924-го по 1930-й. В Гражданской войне участвовал с 1919 по 1922 год. Разумеется — в рядах Красной армии. И, наконец, графа: «Служба в старой армии и последний чин». Записано: «1916–17, подпоручик». При этом в графе «Общее образование» указано: «низшее», а в качестве «военного образования» значатся «Химические курсы командного состава (КУКС) РККА в 1933 году».

И вот теперь, на основе этого документа, можно, пускай и не без труда, но приблизительно выстроить боевую биографию Ивана Дмитриевича Дроздова.

Почему «не без труда и приблизительно»? Поясняем.

К началу мировой войны ему исполнилось 20 лет: он родился в 1894-м, — а призывали тогда с двадцати одного года, так что его и призвали. Вот только почему-то совсем не скоро: в «листке» значит, что он служил с 1916-го. А ведь в том году, 24 мая, ему уже исполнилось 22 года. Нет, конечно, могли призвать и зимой или в начале весны, то есть ещё в 21 год, но вот будущего маршала Жукова, 1896 года рождения, «забрили» в девятнадцатилетнем возрасте, в августе 1915-го, потому как в связи с большими потерями на фронте в мае был объявлен досрочный призыв.

Понятно, что крестьянин с «низшим образованием» (значит, читать-писать умел, но с грехом пополам) изначально служил солдатом. Между прочим, в семье Дроздовых бытует версия — вроде кто-то что-то когда-то говорил, — что отец Ивана Дмитриевича был учителем, так что и

образование у него могло быть не совсем «низшим», но ни подтверждения тому, ни опровержения нет, оставляем утверждение без внимания.

Война между тем вносила в жизнь свои коррективы. Армия, как мы только что сказали, несла огромные потери, в первую очередь офицерского состава, потому как русские пехотные офицеры, по традиции, ходили в атаку впереди своих подразделений — с шашкой в руке и с папиросой в зубах. Высший шик! Но зато их и выбивали первыми. Нехватку офицерских кадров нужно было срочно пополнять.

«Во время Мировой войны для восполнения больших потерь офицерского состава армии открыты краткосрочные военно-учебные заведения офицеров военного времени — прапорщиков. К концу 1914 г. уже насчитывалось 11 таких школ с 3–4-месячным сроком обучения... Комплектовались школы прапорщиков лицами с высшим и средним образованием, годными к военной службе, студентами и вообще любыми лицами, имевшими образование хотя бы в объёме уездного или высшего начального училища, а также отличившимися на фронте солдатами и унтер-офицерами»^[3].

Обратите внимание на последнюю строку — про отличившихся на фронте. Таковых в школы прапорщиков брали и с «низшим образованием». Максимально возможной военной карьерой для выпускников этих школ — так называемых офицеров военного времени — был капитанский чин, а далёкой перспективой — увольнение в запас по окончании боевых действий. Хотя более реальной перспективой для них было погибнуть в бою... Понятно, что обстрелянные фронтовики, пусть и малограмотные, погибали меньше, нежели их образованные товарищи, не имевшие по выпуску из школы боевого опыта.

Что ж, теперь у нас практически нет никаких сомнений. Иван Дмитриевич действительно был удостоен Георгиевского креста — именно солдатской награды! — и вполне возможно, получил за храбрость лычки унтер-офицера. А может и нет, не обязательно. Зато потом, очевидно, он окончил школу прапорщиков и получил офицерские погоны.

Ничего более подробного узнать не удалось, хотя Юрий Иванович и писал, что отец его начинал армейскую службу в Казани, но что там найдёшь? Перед мировой войной в городе стоял штаб 41-й пехотной дивизии, в неё входили четыре полка — и где сейчас архивы этих полков? Существовали также 1-я и 2-я Казанские школы прапорщиков, но, скорее всего, Иван Дроздов окончил подобную школу уже на театре военных действий, при своём Юго-Западном фронте...

Зато можно с уверенностью сказать, что офицером он был хорошим —

как-никак, за короткое время (солдатская служба — учёба — офицерская служба, сколько её там было?) получил очередной чин подпоручика, не всем это удавалось, многие так и застревали в «прапорах» навечно. Но, как мы видим, в книге «Вымысел исключён» очердность событий оказалась нарушена («был офицером — получил „Георгия“», хотя оказалось наоборот), что, безусловно, может вызвать сомнение у какой-нибудь зануды, нам подобной. Вот и пришлось, чтобы докопаться до истины, провести небольшое исследование.

А теперь представьте: если примерно так же что-то окажется не совсем ясно в разведывательном сообщении? То есть допустим, что было сначала и что произошло потом — то есть нарушена причинно-временная связь. Но тут уже попросить человека, работающего «в поле» — то есть на чужой территории, — уточнить или хотя бы подредактировать свой текст далеко не всегда представляется возможным.

Кстати, в биографии Дроздова-старшего имеются и другие загадки. Как мы уже указывали выше, он «служил в РККА на должностях командного состава» с 1920 года, при том что участвовал в Гражданской войне с 1919-го. Возникают сразу два вопроса. Прежде всего, чем же занимался Иван Дмитриевич в том самом году, что даже в песне был обозначен как «боевой восемнадцатый», и когда в ряды противоборствующих армий не только приглашали и зазывали, но и забирали вне зависимости от прошлого и политических убеждений всех и каждого, так что избежать этой самой мобилизации было весьма проблематично? И что, разве в 1919 году он служил в качестве рядового, если был причислен — как это называлось — к «комначсоставу» только в 1920-м?

И далее. В книге у Юрия Ивановича этого нет, но в ряде его интервью и материалов о нём говорится, что отец его был офицером-артиллеристом. Причём как бы и на высокой должности.

Вот что писал об этом очень уважаемый нами ветеран внешней разведки и писатель Владимир Сергеевич Антонов^[2]:

«Он [Ю. И. Дроздов] родился... в семье профессионального военного, офицера-артиллериста царской и Красной армии... <...>

В Гражданскую войну перешёл на сторону красных, командовал артиллерией в дивизии Чапаева»^[4].

По-современному, начальник артиллерии дивизии — полковничья должность. Как известно, в Красной армии «бывших офицеров» хватало с избытком, так что вряд ли начальником артиллерии дивизии поставили бы

абы кого, исходя из одной только «революционной необходимости». Но почему-то потом артиллерист обратился в химика, закончил, как мы помним, «химические КУКС», а в 1939 году занимал должность начальника штаба Харьковской школы ПВХО — противовоздушной и противохимической обороны.

Ну ладно, об отце пока достаточно, поговорим теперь о начале биографии самого Юрия Дроздова, о его семье. Рассказ будет недолгим по двум причинам. Во-первых, интересно написать о судьбах большинства людей не так-то и просто: «жил там-то, учился, работал там-то». И в общем-то всё... Во-вторых, всё-таки читатель ожидает от нашей книги отнюдь не воспоминаний о «босоногом детстве» нашего героя.

Впрочем, и без таких воспоминаний в биографической книге обойтись нельзя.

Итак, родился Юрий Дроздов 19 сентября 1925 года в Минске, где в ту пору служил его отец.

«Я помню отца только военным, всегда в форме. Иван Дмитриевич происходил из зажиточного рода, жившего в Покровской Слободе (ныне Энгельс), — рассказывал Юрий Иванович корреспонденту журнала „VIP-Premier“. — Мой отец, царский офицер, перешёл на сторону большевиков и отправился воевать в составе дивизии Чапаева, а его брат сражался по другую сторону баррикад — гражданская война в отдельно взятой семье! Отца мотало по подразделениям в Сибири, Белоруссии, в конце концов он осел в районе Борисова. У мамы — Анастасии Кузьминичны — тоже интересная биография. Она выросла в семье охранника помещичьего сада. Хозяин сдуру выучил её в гимназии — отдал туда вместе со своей дочерью. Потом устроил работать машинисткой на английскую фабрику в Переславле-Залесском. Вернулась в отчий дом моя мама с хорошей специальностью и получила место машинистки в НКВД»^[5].

Известно также, что Иван Дмитриевич, дослужившийся перед войной до майора, с первых дней Великой Отечественной убыл на фронт, был тяжело ранен в боях под городом Старая Русса, тогда это была Ленинградская область. Полтора года госпиталей, потом — служба в тылу, начальником штаба военного училища. Закончил службу старший Дроздов там же, где и начинал, — в Казани. Ну, если такой вариант вполне можно было предполагать при призыве или мобилизации в далёком 1916 году, то думать о том, что он будет служить на военной кафедре Казанского университета, тогда было совершенно невозможно...

Из тех родственников, кого Юрий Иванович когда-то знал, остался в его памяти дед — Кузьма Панкевич, тот самый, который некогда служил

садовником (так пишет Дроздов в своей книге «Вымысел исключён») у помещика под Лепелем. Карьеры в результате Октябрьской революции дед не сделал и трудился сторожем на кладбище в том же Лепеле.

«Дед был молчалив, по-настоящему стар. Он строгал для меня из тонких жердинок удочки и уводил ловить рыбу в одном из затончиков старой Мариинской системы... В период Гражданской войны в Лепеле были поляки. Поляков дед не любил. Он не мог им простить, что польский жолнер тогда уволок у него оловянную мельницу»^[6].

Как это здорово, если в детстве у тебя был дед, водивший тебя на рыбалку! Такое действительно забыть невозможно...

Во время Великой Отечественной войны дед Кузьма — «простой, добрый, отзывчивый и нестигаемый человек», ушёл в партизаны, хотя было ему 90 лет. Вот только труд этот оказался для него уже непосилен: зимой 1943 года он заболел, возвратился в Лепель и умер прямо на своём кладбище...

В 1937 году (не надо напрягаться, большинство советских людей тогда жили своей обыкновенной жизнью!) Иван Дмитриевич получил назначение в Харьков, в одно из военных училищ. В какое именно — сказать трудно, потому как в ту пору в городе действовали пехотное, артиллерийское, танковое — вне всяких сомнений, ибо это был один из центров советского танкостроения, военно-политическое, военно-медицинское и какие-то ещё военные училища. И вообще это был крупный промышленный, научный и культурный центр.

В «Политическом словаре» издания 1940 года сказано:

«В Харькове — 30 вузов, в том числе университет; 38 техникумов, 44 научно-исследовательских института, 12 театров. В результате реконструкции Харьков, ранее грязный, страдавший от недостатка воды, превратился в один из лучших по благоустройству и красоте городов СССР»^[7].

Можно сказать, что Юра тогда «дорвался» до возможностей, предоставленных ему этим городом. Центром притяжения стал для него Дом Красной Армии, где для ребят — разумеется, совершенно бесплатно! — работали самые разные кружки и секции. Он стал посещать зоологический кружок и кружок исследователей Арктики, а также детскую драматическую студию при том же ДКА. Всё это было так интересно, такое счастье!

Впрочем, у жизни в Харькове сразу же нашлись и свои минусы, в частности обязательное изучение в школе украинского языка. Поставив на

первом же диктанте антирекорд по количеству ошибок — 39 на одной странице, — Юрий был вынужден всерьёз заняться изучением языка, в том числе и читать украинскую литературу. Очевидно, именно тогда впервые проявилась его способность к языкам, так что с этой проблемой удалось справиться.

Гораздо труднее было разобраться с другой проблемой — собственным здоровьем. Юрий Иванович признавался: «Первые 12–13 лет жизни рос я дохлым, болезненным мальчишкой. Перенёс, кажется, все болезни...» В конце концов Иван Дмитриевич воспользовался служебным положением и отправил сына на всё лето в лагерь своего военного училища. Целебный воздух соснового леса, спартанские условия жизни в палатке, здоровая солдатская пища и физические нагрузки сделали своё доброе дело — все болячки остались в прошлом, а перед Юрием открылась прямая дорога...

Но скажем сначала о дороге как бы параллельной, мы её уже упомянули.

«Учась в харьковской школе, я параллельно занимался в драматическом кружке, руководителем которого был Виктор Хохряков^[3], впоследствии уехавший в Москву и ставший народным артистом. Под его руководством мы ставили спектакль „Маленький Мук“, и должен сказать, что навыки, наработанные в детстве, потом мне весьмагодились»^[8].

Театр — это безумно интересно, но вряд ли Юра мог тогда даже подумать о профессиональной сцене. В те времена подавляющее большинство мальчишек мечтали о службе в рядах РККА и младший Дроздов, сын военного, исключением не являлся. Сейчас сложно сказать, насколько совпадали взгляды отца и сына, однако когда Иван Дмитриевич положил на стол перед сыном большую прекрасно изданную книгу в синей обложке «Артиллерия» и сказал, что это будет его профессия, — Юра возражать не стал.

Он сразу начал читать, и эта книга из разряда научно-популярной литературы оказалась очень интересной. Даже неожиданно интересной, потому как в ней не только подробно описывалось, что представляет собой тот самый род войск, что вскоре будет наречён «богом войны», но и были даны ответы на многие, в том числе и нелепые на первый взгляд вопросы. Отдельные разделы такими вопросами и озаглавлены: «Можно ли заменить порох бензином?» или «Пушка ли „Царь-пушка“?». Если к интересному, легко изложенному содержанию книги добавить большое количество самых разных рисунков, то не стоит удивляться ни тому, что младший Дроздов её буквально «проглотил», ни тому, что следующей осенью он

поступил в артиллерийскую спецшколу.

Думается, не лишним будет объяснить, что это за учебное заведение.

В то время в мире, говоря словами легендарного поэта-партизана Дениса Давыдова, уже основательно «пахло жжёным порохом». Советский Союз, так же как и прочие страны Европы, готовился к грядущей войне. Увеличивалась численность Красной армии, осуществлялось её перевооружение на новые, современные образцы. Естественно, что возник дефицит офицерских (тогда они назывались командирскими) кадров — особенно для так называемых технических войск. Было очевидно, что даже ускоренными методами типа «школы прапорщиков» с трёх-или четырёхмесячным периодом обучения его не покрыть. Более того, даже установленного в то время двухгодичного срока учёбы в военных училищах явно было недостаточно. Из понимания этого возникла здравая идея: готовить командирские кадры заранее, ещё до поступления молодых людей в военно-учебные заведения или до их прихода на срочную службу. Было решено создать специализированные школы для подготовки будущих курсантов военных училищ, для начала в качестве эксперимента — артиллерийских. Задачу по созданию таких школ непосредственно и совместно решали Народный комиссариат обороны СССР и Народный комиссариат просвещения РСФСР, а в качестве куратора проекта выступал Центральный комитет ВЛКСМ.

В том же самом 1937 году несколько российских школ были преобразованы — на уровне 8–10 классов — в артиллерийские спецшколы. Очевидно, что эксперимент оправдал себя изначально: так, уже в апреле следующего года Совет народных комиссаров СССР утвердил Положение о специальных школах Народных комиссариатов просвещения РСФСР и УССР, в результате чего было создано 16 артиллерийских спецшкол, причём пять из них дислоцировались в Москве. Были также спецшколы в Киеве, Ленинграде, Одессе и, что для нас особенно важно, в Харькове.

Поступить туда было нелегко, конкурс желающих сразу же оказался высокий. Для того чтобы стать воспитанником, ребятам следовало сдать экзамены по всем общеобразовательным дисциплинам, особое внимание при этом обращалось на столь необходимые для артиллериста математику, физику и химию, а также иностранный язык, ибо армия готовилась к войне. Как и положено для военного училища, абитуриенты проходили строгую медкомиссию и сдавали зачёт по физической подготовке. Нужно было также ещё пройти собеседование, в ходе которого проверялись кругозор, интеллектуальный и культурный уровень желающих стать командирами-артиллеристами. Недаром же в русской армии бытовала поговорка:

«Умный — в артиллерии, храбрый — в кавалерии, пьяницы — на флоте, а дураки — в пехоте».

Со всеми испытаниями Юрий Дроздов справился успешно, так что с 1 сентября 1940 года он начал учёбу в спецшколе, носившей номер «14». Тогда же он впервые надел военную форму: зелёный китель, перехваченный солдатским ремнём, брюки навыпуск — синие с красным кантом, фуражка с чёрным артиллерийским околышем. Зимой, соответственно, воспитанникам полагалась шинель. На чёрных петлицах, прикрепленных на отложных воротниках кителя или шинели — погоны тогда в армии не носили, — были помещены скрещенные стволы старинных орудий — эмблема артиллерии — и буквы «СШ». Хотя, может быть и «САШ» (специальная артиллерийская школа), по-разному случалось, если смотреть на сохранившиеся фотографии тех лет.

Отметим со слов подчинённых и сослуживцев Юрия Ивановича, что военную форму он любил (особенно — свою генеральскую), и в тех редких случаях, когда доводилось её надевать, делал это с искренним удовольствием.

Но кто бы тогда сказал Юрию, что впереди у него более полувека службы и генеральские звёзды, вот только две трети этого немалого срока он будет надевать мундир лишь затем, чтобы раз в несколько лет сфотографироваться для «личного дела» или покрасоваться в президиуме собрания по каким-то особо торжественным случаям! Ну сказали бы, и что с того? Он бы не поверил, даже не понял бы. Это нам сейчас всё просто и ясно, а тогда Дроздову казалось, что впереди — настоящая ратная служба, война с фашистами, которые к тому времени уже успели оккупировать пол-Европы. Недаром даже их, школьников, к службе и войне готовили по-настоящему. Понятно, что это делали не школьные учителя, но кадровые командиры артиллерии РККА, прикомандированные к спецшколам для преподавания военных дисциплин и осуществления командных функций. Причём сюда направляли не абы кого, лишь бы избавиться, но в действительности лучших, часто — орденосцев или награждённых боевыми медалями. Такие командиры пользовались у ребят особенным уважением и авторитетом, успешно выполняли функции воспитателей. Младшие командиры — командиры отделений, помощники командиров взводов — назначались, как и в настоящих военных училищах, из числа обучающихся, чтобы изначально приобретали столь необходимые командные навыки.

Школьная общеобразовательная программа, по которой занимались воспитанники, была скорректирована в соответствии с программой

обучения артиллерийских военных училищ, чтобы потом как бы плавно в неё перейти. Приоритетом пользовались всё те же точные науки, и опять-таки ребята здорово налегали на иностранный язык, как правило — немецкий. Между прочим, из штатских педагогов в спецшколы также отбирали лучших.

Порядки здесь были военные, их определяли специально разработанные «Правила внутреннего порядка в специальных средних военных школах» — разумеется, они были не такими жёсткими, как устав. К тому же местные ребята жили дома, иногородние — в интернате. В общем, казармы не было, и это существенно облегчало жизнь воспитанников. По окончании спецшкол их выпускники дружно отправлялись в артиллерийские училища разных городов и, как правило, становились там лучшими курсантами.

Эксперимент с артиллерийскими спецшколами удался. По этой причине в том самом 1940 году в СССР были также созданы спецшколы для Военно-морского флота и для авиации. Известно, что эти учебные заведения просуществовали всю войну и даже несколько дольше. Но к нашей теме это отношения уже не имеет.

Итак, осенью последнего предвоенного года Юрий Дроздов стал воспитанником артиллерийской спецшколы. Успешно прошёл год насыщенной учёбы, пришло самое интересное время: лагерный сбор на целых полтора месяца. А это значит — полевые занятия, тактика, боевые стрельбы не только из стрелкового оружия, но даже из артиллерийских систем. Вообще стрельбы и полевые выходы — это именно то, что позволяет курсанту (или воспитаннику, суворовцу) почувствовать себя по-настоящему военным человеком. Обыкновенному школьнику никто стрелять из пушки не доверит.

Да только пройти этот лагерный сбор до конца воспитанникам спецшколы в то лето 1941 года не удалось.

«Начало Великой Отечественной войны застало нашу семью в Харькове, — вспоминал Юрий Иванович. — С началом боевых действий курсантов спецшколы отозвали из летних лагерей и направили на танкоремонтный завод помогать ремонтировать танки, прибывавшие с фронта. Это было первое конкретное знакомство со следами жестокой войны, жертвой которой уже стал отец»^[9].

О том, что майор Иван Дмитриевич Дроздов получил серьёзное ранение в боях под Старой Руссой, мы уже говорили. У Юрия Ивановича же была своя фронтовая судьба. А от судьбы, как известно, не убежишь, равно как и бесполезно пытаться идти ей наперекор. Дроздов убедился в

этом на собственном опыте, о чём некогда и рассказал нам в своём интервью для газеты «Красная звезда»:

«С началом боевых действий нас отозвали из лагерей и направили на танкоремонтный завод, помогать ремонтировать поступавшие с фронта боевые машины. Затем нашу спецшколу эвакуировали в Актюбинск, и там, в 1942 году, мне пришлось пережить строгое, с угрозой исключения из комсомола, обсуждение на общем комсомольском собрании спецшколы за попытку бежать — ещё с тремя нашими ребятами — в Сталинград»^[10].

Почти теми же словами этот эпизод изложен Юрием Ивановичем и в книге «Вымысел исключён», с одной только маленькой, но весьма существенной разницей. В книге он пишет, что пытались бежать не просто в Сталинград, но в тамошнее танковое училище.

А это уточнение вызывает уже целый ряд вопросов. Прежде всего — почему именно в Сталинград? От Актюбинска до города на Волге — свыше тысячи километров. Гораздо ближе были Ульяновск, Саратов, Куйбышев, где также находились танковые училища. Впрочем, не также — ведь в Сталинграде не было танкового училища! В начале войны туда было эвакуировано из белорусского Бобруйска военно-тракторное училище, а «чисто» танкового вообще не было! Весьма сомнительно, что юные кандидаты в герои направлялись именно в это учебное заведение. Скорее всего, ребята бежали на фронт, в Сталинград, где разгоралась та самая «битва на Волге», что вскоре решительно изменит ход войны. А вот рассказ о танковом училище как бы добавлял осмысленности их поступку: мол, рванули не абы куда, но на боевую учёбу, понимая, что с их годичной подготовкой в спецшколе они принесут больше пользы в качестве командиров, а не рядовых солдат. Это не было боязнью оказаться «простым солдатом» — не нужно думать, что лейтенантские «кубики» на петлицах могли гарантировать их обладателю какую-то безопасность, скорее даже наоборот. И танк вообще-то на один бой рассчитан.

Однако дерзкий план не удался. Попасть на фронт Юрию было ещё рано. По счастью, «патриотический порыв» его и его товарищей был разумно оценён командованием спецшколы. Могли ведь в назидание другим и для укрепления дисциплины (между прочим, самый действенный метод, нередко практикуемый!) турнуть их и из комсомола, и, разумеется, из спецшколы. И тогда, в чём нет никакого сомнения, уже никто из остающихся в её стенах воспитанников не помышлял бы о побеге в сторону фронта. Юрий Дроздов дождался бы 1943 года — своего призывного восемнадцатилетнего возраста (не исключено, что могли призвать и раньше), получил бы повестку, прибыл в военкомат, ну и далее

как повезёт, на какой фронт рядовым солдатом отправят, ибо бывшего комсомольца в военное училище, пусть и самое краткосрочное, никогда бы не приняли... Так что при таком развитии событий вы бы эту книгу в руках не держали. Да и кто вообще о нём бы сегодня помнил?

А так всё обошлось, отделались в общем-то «лёгким испугом» — правда, каким именно («постановка на вид», «выговор», «строгий выговор» — список видов комсомольских взысканий можно продолжить), мы не знаем, но главное, что не финальное и фатальное «исключение из рядов ВЛКСМ».

Так что своё восемнадцатилетие Юрий встретил в стенах спецшколы. Не знаем, отметил он как-то это событие или нет — мог, например, купить ближайшим друзьям халвы или пригласить в «чепок», то есть курсантский буфет, на чашку чаю с булочкой, что-то иное вряд ли, — но переход к призывному возрасту ничего в его положении не изменил. Слава богу, был уже сорок третий год, а не сорок первый, и не лето сорок второго, когда даже курсантов военных училищ бросали на передовую в качестве рядовых. Дроздов же спокойно доучивался — конечно, «спокойно» — это не совсем точно, потому как он, как и все его товарищи, мечтал о фронте и боялся, что вдруг война без него закончится.

Нет, война не кончилась. 5 июля 1943 года началась Курская битва, 12 июля развернулась «Битва под Прохоровкой» — крупнейшее встречное танковое сражение Второй мировой войны, и только 18 июля Юрий Дроздов был наконец-то призван в ряды РККА. Но не на фронт, а на учёбу в 1-е Ленинградское Краснознамённое артиллерийское училище имени Красного Октября. Разумеется, училище тогда находилось не в блокированном гитлеровцами Ленинграде, а в городе Энгельсе Саратовской области, на левом берегу Волги.

...Повторим то, что уже сказано в предисловии: знать бы, что посчастливится писать книгу о Юрии Ивановиче, можно было бы в своё время расспросить о нём тех людей, которые теперь давным-давно ушли...

Когда-то в Ленинграде мы дружили с отставным подполковником Василием Тихоновичем Грицаевым, начальником музея Ленинградского высшего ордена Ленина Краснознамённого артиллерийского училища имени Красного Октября — того самого 1-го ЛАУ. Судьба его сложилась так, что не только вся служба, но и вся последующая его жизнь оказалась связана с этим учебным заведением. Почти всю Великую Отечественную войну, до самой Победы, этот отважный боевой офицер провёл в городе Энгельсе, командуя курсантским подразделением. Спросить бы у него: «Василий Тихонович, а вы не помните Юру Дроздова?» Как знать, может, и

ответил бы: «Да, был у меня такой курсант — толковый парень, умница! Хотя, скажу честно, авантюрист и сорвиголова... Такие ребята не забываются! А где он сейчас, что с ним?»»

Но этот встречный вопрос остался бы без ответа. Дело в том, что имя генерала Дроздова (в то время он уже был генералом) тогда не только не входило в помещённые в конце несколько раз переиздававшейся книге об истории 1-го ЛАУ — ЛВВАКУ списки выпускников, удостоившихся «генеральских эполет», но и вообще было скрыто под строжайшим грифом «Совершенно секретно». Так что и мы его в то время не знали, а потому ничего у нашего друга спросить не могли. Как жаль!

И второе, кстати, также очень интересное пересечение судеб, связанных всё с тем же училищем. Один из сотрудников нью-йоркской резидентуры того времени, когда Дроздов был резидентом (как мы и предупреждали: память подводит! Знаем, что зовут его так же, как и одного из начальников внешней разведки, — но кого именно?! Хотя, совершенно точно, не Артур Христианович!^[4]), рассказывал:

«Мой отец был артиллеристом. Он не был кадровым военным, но в 39-м году его призвали на сборы, с которых он возвратился в конце 45-го. Сначала — была Западная Украина, потом — Финская война, а перед Великой Отечественной он оказался рядом с границей, так что с первых её дней воевал на Юго-Западном фронте. Под Житомиром его сильно ранило, его вывезли последним поездом из окружённого Киева; после госпиталя, с 42-го, он преподавал в Энгельсе, в артиллерийском училище, а в 44-м, в конце — снова на фронт. Войну закончил майором и сразу демобилизовался».

Ведь как тесен мир! Вполне вероятно, что Дроздову приходилось общаться в училище и с этим офицером, может, даже он был у курсанта любимым преподавателем, но, разумеется, резидент не расспрашивал разведчика о биографии его отца — подобные разговоры относятся к категории «задушевных», они должны иметь некий особый повод, так же как и сотрудник не мог выяснять у своего начальника, где и когда тот учился...

А почему мы ранее назвали подполковника Грицаева, всю жизнь прослужившего в артиллерийском училище, боевым офицером? Да потому, что в истории этого училища была страница, о которой знал и курсант Дроздов, и эта страница, вне всякого сомнения, тревожила и его душу, и души его товарищей.

Огненным летом 1941 года, когда гитлеровцы рвались к Ленинграду, в районе Луги — в 136 километрах от города на Неве — была создана

укреплённая позиция, так называемый Лужский рубеж, и немцы застряли перед ним на целых 45 суток. Позицию эту обороняли курсанты ленинградских военных училищ.

«22 июля, вторник

...У деревни Язвище курсанты Ленинградского пехотного училища при поддержке курсантского дивизиона Ленинградского артиллерийского училища имени Красного Октября вели тяжёлый бой против вражеских танков и мотопехоты...

Метко били по противнику артиллеристы курсантского дивизиона. Уже в самом начале вражеской атаки противотанковые батареи старших лейтенантов Л. Зонова и П. Астафьева поразили девять танков. Три танка, пытаясь уйти от огня, повернули на левый фланг и попали под снаряды батареи лейтенанта В. Грицаева. Атака захлебнулась...»^[11]

Так громили немецко-фашистских захватчиков ленинградские курсанты, которым тогда было по 18 лет — как теперь им, «энгельским», сидящим за партами... О подвиге на Лужском рубеже, о героизме выпускников училища им напоминали постоянно, это была тема особой гордости: буквально только что, 22 марта 1943 года, был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении 1-го ЛАУ орденом Ленина. Этот орден считался в Советском Союзе высшей наградой, военных училищ, им награждённых, оказалось за всю историю не более полутора десятков — при том что Ленинградское училище было награждено в числе самых первых.

Без сомнения, это было предметом особой гордости и для вновь набранных курсантов — вот в каком училище мы учимся! — но примерно в то же время к этой «бочке мёда» они получили не то что «ложку», а, вполне возможно, альтернативную «бочку дёгтя». По крайней мере, они решили именно так.

В историческом очерке училища имени Красного Октября сказано:

«Великая Отечественная война предъявляла к военно-учебным заведениям, в том числе и артиллерийским, высокие требования. <...> Формы боя усложнялись. Роль артиллерии в наступательных боях всё усиливалась. Артиллерийский командир должен был решать разнообразные задачи в бою, обладать высокой культурой в обучении и воспитании советских воинов.

1 ЛАУ в 1943 году перешло с 8–10-месячного срока обучения курсантов на одногодичный и полуторагодичный»^[12].

Для курсантов это был удар: к моменту их выпуска война закончится,

враг будет разбит, и победа, разумеется, будет за нами...

Но что было делать?! Горький опыт побега на фронт у Дроздова уже имелся, а он был не из тех людей, кто позволяет себе дважды спотыкаться об один и тот же камень. Значит, следовало учиться — как бы ни было обидно.

Может, именно потому Юрий Иванович практически ничего не пишет в воспоминаниях об этих полутора годах своей жизни? Училище упомянуто мимоходом: «А в 1944-м, после подготовки в 1-ом Ленинградском артиллерийском училище г. Энгельса, уезжал на фронт»^[13]. И всё! А зря — по нескольким причинам...

Начнём с того, что Юрий получил там серьёзную подготовку артиллерийского командира, что, несомненно, пригодилось ему в последующей армейской жизни.

Училище было переведено в город Энгельс в августе 1941 года, а уже 1 сентября здесь начались занятия. Сложно сказать, когда спали курсанты первых «военных наборов» (но тогда ведь вся страна была настроена на то, что «отдыхать будем после победы»), однако они не только учились, чтобы ехать на фронт и бить гитлеровцев — плохо учиться было нельзя, противник у них был очень серьёзный, подготовленный по-настоящему! — но и буквально на пустом месте создавали учебно-материальную базу для себя и для будущих поколений.

«Были оборудованы винтполигоны, полигон для стрельбы по танкам, построен электрифицированный миниатюр-полигон, приведены в порядок и собраны комнатные столы-полигоны, сконструированы складные чемоданы-полигоны, а с наступлением лета в районе расположения дивизионов были оборудованы миниатюр-полигоны на местности.

По всем основным дисциплинам созданы и оборудованы классы. По тактике, материальной части артиллерии, топографии, связи, военно-инженерному делу силами преподавательского и курсантского состава изготовлено большое количество наглядных пособий.

Мероприятиями, приближавшими учёбу к условиям боевой обстановки, явились также полевые тактические учения с боевыми стрельбами и летние лагерные сборы...

Занятия в лагерях проходили как днём, так и ночью без срывов, с полным использованием боевой техники и ещё более приблизили жизнь и учёбу к боевой действительности»^[14].

Не будем разъяснять все эти термины: «винтполигон», «миниатюр-полигон» и прочее — кто знает, тот поймёт, а кто не знает, тот не поймёт, но

догадается, что всё это по-настоящему серьёзно...

К тому же Юрий теперь оказался в настоящем армейском коллективе. Это тоже весьма важно для формирования личности. Казарма многому учит, но главное — умению жить в коллективе и общению с людьми. А люди-то там были разные — не только «салажня» после школ и спецшкол. Конечно, «в области знаний» воспитанники артиллерийских спецшкол были на голову выше всех прочих, но чего реально стоили их знания по сравнению с боевым опытом некоторых их однокашников? Вспомним хотя бы Ивана Дмитриевича Дроздова, зачисленного в школу прапорщиков без всякого образования, но с Георгиевским крестом...

Там, в училище, Юрий подружился с сержантом Борисом Стекляром^{5}, воевавшим буквально с первого дня войны. Причём не просто добровольцем, но скорее даже «блатником», так как его, семнадцатилетнего, взяли в боевое подразделение исключительно потому, что там знали его отца, кадрового офицера. А далее — «котлы», ранения, Ржев и Сталинград, две медали: «За отвагу» и «За боевые заслуги». Самые весомые солдатские награды! Из курсантов, вчерашних школьников в подавляющем своём большинстве, такие медали имели очень и очень немногие. Понятно, что до такого уровня Дроздову нужно было ещё расти и расти.

Но вот что-то их, Юрия и Бориса, тогда свело — по нашей информации, в училище они дружили. А может, всему причиной — или виной? — оказался «чёрный юмор» кого-то из училищных командиров. Дроздов был высокий, Стекляр, напротив, маленький, а потому, хохмы ради, их периодически вместе ставили в наряд по кухне. Представляете, как такая «парочка» тащит котёл с водой? Умора! К ним, соответственно, прилепилась кличка «Пат и Паташон» — был такой дуэт актёров-комиков в эпоху немого кино. И это было всем понятно, потому как Великий немой «заговорил» не так ещё и давно...

Но вскоре судьба развела друзей навсегда. В марте 1944 года Борис был выпущен из училища и направлен на 1-й Белорусский фронт. В войска того же фронта совсем не скоро попадёт и Юрий Дроздов, но «хозяйство» это было слишком большое, так что не встретились. Стекляр честно заслужил четыре боевых ордена, а потом был переведён на службу в НКВД и впоследствии гонял по Западной Украине «рогулей», как не слишком уважительно именовались тамошние националисты. «Гонял» — в смысле уничтожал, будучи в составе специальных подразделений госбезопасности. На его боевом счете записано немало ликвидированных бандитов, в том числе и знаменитый в узких кругах «Гравёр», обеспечивавший

поддельными документами всё оуновское подполье. Так Стекляр воевал после победы и дослужился до звания полковника...

...Однажды, через много лет после окончания училища, Борис Ефимович случайно увидел Юрия Ивановича по телевизору, узнал его, был счастлив, но теперь давние однокашники жили в разных государствах, а потому встретиться им не удалось...

И ещё — возможно, что и наиболее важное: именно тогда, во время учёбы, Юрий впервые познакомился с самой настоящей, исконной Германией.

Повторим, что училище дислоцировалось в городе Энгельсе — ещё недавно это была столица Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья, в наше время давно уже позабытой. Между тем до Великой Отечественной войны это была серьёзная административно-территориальная единица площадью свыше 28 тысяч квадратных километров и населением более 600 тысяч человек, 400 тысяч из которых составляли немцы.

Если посмотреть тот же «Политический словарь», то можно узнать, что «Республика занимает одно из первых мест в СССР по уровню агротехники. Колхозы и совхозы республики имеют много тракторов и комбайнов. Основные культуры — яровая пшеница, подсолнечник, махорка, горчица и бахчевые. Советская власть создала в АССР Немцев Поволжья крупную промышленность: производство нефтяных двигателей, молочную, махорочную, костеобрабатывающую, мясную. Сильно расширено производство сарпинки^[6]. В республике — 4 вуза, 14 техникумов, 5 театров»^[15].

Всё это осталось в прошлом: в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года все немцы были выселены в Казахстан, на Алтай и в Сибирь. Не оставляли никого — ни передовиков производства, ни коммунистов, ни партийных и советских руководителей. Но в этом, очевидно, были свои разумные моменты: разделение на «чистых» и «нечистых» не способствует укреплению человеческих отношений.

Была упразднена и сама республика, её территорию сразу же разделили между Саратовской и Сталинградской областями. Людей депортировали, автономию упразднили, но всё равно «маленькая Германия», где немецкие колонисты и их потомки проживали почти с середины XVIII века, осталась.

Дроздов так потом и говорил: «„Маленькую Германию“ я видел ещё в

Энгельсе, во время учёбы».

В городе Энгельсе сохранился истинный немецкий быт — быт старой Германии. С её знаменитыми стойлами для лошадей, с её плотиной, сделанной на речке Саратовке... Там были весьма своеобразные, с точки зрения русского человека, дома, с отоплением, сделанным на немецкий лад, когда одна печка экономно отапливала большой, добротный немецкий дом. Это были именно немецкие дома, немецкие постройки, сделанные умелыми немецкими руками.

Знал бы тогда Юрий, насколько та визуальная информация, что была им здесь получена, пригодится ему в будущем! Но кто из нас может что-то знать наперёд?

Безусловно, за два года, прошедших со времени депортации немцев, здесь что-то изменилось: в опустевших домах теперь жили командиры, преподаватели и другие сотрудники артиллерийского училища и знаменитой Энгельсской военной авиационной школы пилотов имени Марины Расковой, жили также лётчики с семьями — в городе был большой военный аэродром. А так как жили, что называется, на чемоданах, днём и ночью пропадали на службе и надеялись сразу по окончании войны возвратиться в свои родные края, то никто в этих домах и на дворах ничего не переделывал, не «усовершенствовал», так что «германский быт» фактически оставался в неприкосновенности...

...В самом конце 1944 года Юрий Дроздов получил свидетельство об окончании училища и погоны младшего лейтенанта. Когда он учился, то казалось, что время тянется нестерпимо медленно. Теперь вдруг стало понятно, что полтора года учёбы пролетели почти мгновенно.

Война за это время закончиться не успела, но уже стремительно приближалась к своему закономерному финалу.

Глава 2. Война лейтенанта Дроздова

По окончании обучения Юрию предложили продолжать службу в «родных стенах» — здесь же, в училище, командиром курсантского взвода. Из этого можно понять, что отучился он весьма успешно, потому как «посредственным» выпускникам таких предложений не делают. К тому же, судя по имеющейся фотографии, в училище Дроздов заслужил сержантские лычки, хотя нигде о том не написано, так что, очевидно, командовал отделением курсантов.

Есть версия, которая проходит в различных публикациях (вообще всяких версий по тем или иным пунктам биографии Юрия Ивановича немало, что неудивительно: замечательную личность нередко пытаются ещё больше «улучшить»), что Дроздов, окончивший училище с отличием, получил право выбора вида артиллерии. Разумный человек в такой ситуации выбрал бы артиллерию дальнобойную — корпусную или Резерва Верховного Главнокомандования, то есть ту, что находится на порядочном удалении от линии фронта. Но он, как рассказывают, попросился в противотанковую артиллерию. На самый что ни на есть передний край — не даром же про «противотанкистов» говорили: «Ствол длинный, а жизнь короткая». Почему так? Объясняем. Если расчёту удавалось заранее хорошо замаскировать орудие, что получалось далеко не всегда, потому как нередко приходилось разворачиваться прямо под носом у наступающего противника, то артиллеристы получали «фору» в несколько неожиданных выстрелов, после чего пушка всё равно превращалась в прекрасную мишень. Впрочем, танк мог раздавить эту «мишень» и гусеницами. В любом случае, артиллерийский расчёт не имел никакой защиты — разве что щиток орудия мог прикрыть наводчика от автоматных пуль и шальных осколков, не более.

Однако сам Юрий Иванович не писал, что ему была предоставлена возможность что-то по выпуске выбрать, он только отказался остаться в училище и обрадовался назначению «командиром взвода в противотанковом артиллерийском дивизионе одной из гвардейских дивизий 1-го Белорусского»: «Мною двигало желание бороться и быть вместе с уходившими на фронт друзьями детства. Я понимал, что могу и погибнуть...»^[16]

Хотя на самом деле младший лейтенант Дроздов был направлен из училища не в какое-то конкретное подразделение и даже не на

определённую по категории должность, а скорее всего «в распоряжение», как указывалось в предписании, командующего артиллерией 1-го Белорусского фронта, оттуда его направили куда-то «пониже», и уже затем — в распоряжение начальника артиллерии 52-й гвардейской стрелковой Рижской ордена Ленина и ордена Суворова дивизии. Кстати, там-то, на месте, он уже мог что-то выбирать, но вряд ли младшему лейтенанту реальный выбор предлагался. Там могли спросить о пожеланиях, но направили туда, где были нужны люди. Таким образом он получил назначение командиром огневого взвода 57-го отдельного гвардейского истребительного противотанкового дивизиона. Взвод — две противотанковые пушки. Как рассказывал потом Юрий Иванович, это были 76-миллиметровые орудия ЗИС-3 образца 1942 года...

В часть он прибыл 15 января 1945 года, и с этого дня исчисляется срок его, как это звучит официально, «пребывания на фронтах Великой Отечественной войны» — реальная боевая выслуга.

Есть опять-таки версия — приходилось где-то читать, — что Юрий принимал участие во взятии Варшавы, которая пала через день после его прибытия, 17 января. Подобное утверждение не выдерживает никакой критики, ибо 52-я гвардейская дивизия в штурме столицы Польши не участвовала. Да если бы и участвовала, то кто бы отправил в бой только что прибывшего младшего лейтенанта? Это же не 1941-й, когда ему могли дать те самые два орудия и напутствовать: «Вот твой рубеж! Противник через него пройти не должен. Стой здесь и умри!» И встал бы, и стоял — до последнего снаряда, до самой смерти. Но в 1945-м никто бы не стал рисковать ни необстрелянным «мамлеем», как в войсках иронично называли младших лейтенантов, ни тем более двумя противотанковыми пушками.

Зато впереди у 52-й гвардейской дивизии и лично у гвардии младшего лейтенанта Дроздова были иные бои, причём гораздо более тяжёлые, потому как сопротивление гитлеровцев постоянно нарастало. Недаром поётся в известной песне: «Последний бой — он трудный самый». К этому последнему бою следовало готовиться самым тщательным образом, и так получилось, что Юрию вновь пришлось учиться, а не воевать, как он совсем уже было собрался...

Генерал-лейтенант Георгий Гаврилович Семёнов, бывший в годы войны начальником оперативного отдела 3-й Ударной армии, писал в мемуарах:

«Третью ударную вывели в резерв фронта... 23-я и 52-я стрелковые дивизии 12-го гвардейского корпуса заняли оборону по восточному берегу

Одера на участке протяжённостью 30 километров: от Нидер-Кренина до Альт-Рюдница. Все остальные соединения находились в тылу, приводили себя в порядок после боёв в Померании, принимали пополнение, занимались боевой учёбой.

Активных действий армия пока не вела. Штабные офицеры, разумеется, пытались определить наши перспективы, предусмотреть дальнейший ход событий. Если нам прикажут наступать строго на запад, то армия, форсировав Одер, пройдёт значительно севернее Берлина. Некоторые товарищи вздыхали: жаль, мол, что не придётся самим громить фашистское логово.

Как бы ни развивались события, дальнейший наш путь вперёд лежал через Одер, левый берег которого находился в руках противника. А опыта форсирования крупных водных преград дивизии нашей армии не имели.

Учить войска преодолевать водные преграды при помощи табельных и подручных средств — на этом было сосредоточено основное внимание всех командиров и инженерных начальников. При обучении использовалось всё, что могло держаться на воде, вплоть до брёвен и досок.

Занятия по форсированию водных преград проводились на ближайших озёрах, как правило, в сумерках или на рассвете.

Одновременно командиры соединений и частей, штабы и политорганы уделяли большое внимание тактической подготовке войск. С каждой ротой было проведено по два-три тактических учения. На батальонных учениях с боевой стрельбой отрабатывались вопросы взаимодействия подразделений между собой и с родами войск, а также формы и способы ведения боёв в населённом пункте и в ночных условиях. Командиры полков, офицеры штабов и политработники большую часть времени проводили в подразделениях, обучая солдат, сержантов и младших офицеров»^[17].

Можно понять, какие чувства обуревали младшего лейтенанта! Ладно ещё, что вместо боёв — та же поднадоевшая учёба, всё-таки бои будут, это к ним готовятся, но то, что дивизия оказывается на второстепенном направлении, пройдёт «значительно севернее Берлина» — это было по-настоящему обидно. Причём настолько обидно, что Юрий даже заболел — вполне возможно, что именно поэтому, ибо в периоды ожесточённых боёв ни у кого никаких болячек не было (а может, и простудился, пока добирался до фронта) — и угодил в госпиталь. Хотя, по другому варианту развития событий, он был легко ранен — но о том, где и когда, никакой информации не имеется, и сам Дроздов в своей книге этого не уточняет. Так что достоверен лишь один факт: он оказался в госпитале. Обидно, конечно: только приехал в часть, и вот тебе, пожалуйста, сразу на

больничную койку!

Но, как известно, никогда не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь. И вот тому в подтверждение фрагмент из книги «Вымысел исключён»:

«Я женат. Мы познакомились уже в конце войны. После освобождения Варшавы в одну из пауз в Висло-Одерской операции 1945 г. (то есть во второй половине января 1945 года. — А. Б.) я на пару недель оказался в полевом госпитале 3-й Ударной армии, где мы и встретили друг друга.

Моя жена, Людмила Александровна Дроздова (Юденич), моя ровесница, родилась в с. Жихарево Бельского уезда Нелидовской волости Западной (Калининской) области. <...> Ранней голодной весной 1943 г. она пришла в село Займищи Калининской области и поступила в полевой армейский госпиталь и прошла вместе с ним до окраин Берлина»^[18].

В общем, познакомились, а вскоре после войны, в поверженном Берлине, Юрий как-то смог отыскать эту красивую девушку и связал с ней свою судьбу до самого конца своей собственной жизни...

Но, повторим, это будет потом, после взятия Берлина, и до того времени ещё следовало дожить, что будет совсем непросто и удастся далеко не каждому.

К сожалению, у многих из нас представление о Великой Отечественной войне достаточно примитивное. Не будем в подробностях обсуждать эту тему, но вот завершающие аккорды войны многим представляются так: доблестные советские войска, подавляя последние очаги сопротивления гитлеровцев, неудержимо движутся к Берлину... И как бы ни сопротивлялись гитлеровцы, уже нет такой силы, которая могла бы противостоять мощной, опытной, прекрасно обученной и оснащённой самыми передовыми оружием и боевой техникой Красной армии. Советский Союз и его вооружённые силы сосредоточили все свои возможности для этого последнего, решительного боя. «Всё для фронта — всё для победы!»

А вот как вспоминал те самые дни победного наступления Герой Советского Союза гвардии генерал-майор Нестор Дмитриевич Козин, командир 52-й гвардейской стрелковой дивизии, в которой, напомним, служил Дроздов:

«Нашей 3-й ударной армии предстояла задача повернуть на северо-запад и двигаться на Иновроцлав, Бломберг. Это значило, надо пройти ещё не менее 150 километров. (Расстояние от Бломберга до Берлина по прямой — порядка 300 километров. — А. Б.)

Трудностей прибавилось: тылы дивизии растянулись, снабжение горючим и продовольствием ухудшилось. Особо беспокоили нас

боеприпасы. Начальник артснабжения майор И. Б. Ласточкин доложил, что дивизия в целом по всем видам не имеет и половины боекомплекта. А ведь мы шли в бой!»^[19]

Впечатляет? Между тем по кадрам фронтовой кинохроники представляется, что боеприпасов у наших войск в то время было более чем достаточно. И на всех снарядах неизменно писали «По Рейхстагу!» или «Подарок Гитлеру». А тут ещё, оказывается, были проблемы не только со снарядами, но и с продовольствием... И это, между прочим, на том фронте, которым командовал Маршал Победы Жуков, заместитель Верховного главнокомандующего. Что же тогда было на других фронтах?

После относительно небольшой передышки 52-я гвардейская дивизия вновь вошла в боевое соприкосновение с противником.

О том, как воевал в то время гвардии младший лейтенант Юрий Дроздов, мы ничего пока что говорить не можем, потому как не знаем и додумывать не станем, зато в воспоминаниях ветерана дивизии, командира одного из её полков гвардии полковника Гавриила Григорьевича Пантюхова есть конкретный рассказ о боевых действиях 57-го оиптдн (таково официальное сокращение названия «отдельный истребительный противотанковый дивизион»), того самого, в котором служил наш герой.

«Утром 1 марта сотни орудий открыли стрельбу, разорвав плотный, влажный воздух...

На позиции батальона гвардии майора В. М. Малютина надвигались сразу десять танков и самоходных орудий с двумя ротами пехоты. Подойди они беспрепятственно к цепям гвардейцев, спешно окопавшихся на окраине населённого пункта, батальон был бы смят. Но машины и пехоту противника ещё на дальних подступах встретила своим огнём дивизионная артиллерия, а когда они всё-таки приблизились к позициям, прогремели выстрелы приданного полку 57-го истребительно-противотанкового дивизиона. Батарея, которой командовал гвардии лейтенант М. Д. Бондарь, вела огонь прямой наводкой, подпустив танки и самоходки на расстояние 300–400 метров. Стрелять так было опасней, но зато орудия били наверняка. Три орудия, у панорамы которых стояли командир огневого взвода гвардии старший сержант В. А. Гук, наводчик И. Е. Курочкин, наводчик гвардии младший сержант С. И. Игнатьев, с первого выстрела попали в цель. Сразу три машины вышли из строя.

Батальон ружейно-пулемётным огнём отсекал пехоту от танков и самоходок, и, когда ещё две машины были подбиты, она отхлынула от населённого пункта»^[20].

Видимо, и у Дроздова примерно так было — конечно, на другом участке и с каким-то своим вариантом развития событий.

Следующий бой, в котором участвовал 57-й гвардейский дивизион, произошёл через неделю, 7 марта (впрочем, может быть, и ещё что-то случилось, а мы просто не знаем), — это взятие польского города Голенюв, и о том вспоминал командир дивизии:

«После короткой 15-минутной артподготовки стрелковые подразделения в сопровождении танковых частей, используя обходной манёвр, перешли в наступление: 33-я дивизия — с северо-востока, 52-я — с юго-запада. 10-я танковая дивизия СС и дивизия „Бервальде“ оказывали упорное сопротивление. После повторного арналёта, действий орудий прямой наводкой и огня танков с места по вновь выявленным огневым вражеским точкам к исходу дня мы штурмом овладели городом. Остатки разгромленного врага были отброшены на юго-запад.

При штурме города смелость и решительность проявили многие подразделения дивизии. <...> 57-й гвардейский отдельный истребительно-противотанковый дивизион Н. В. Позднякова подбил танк, две бронемашины и подавил два тяжёлых пулемёта»^[21].

Вполне возможно, что Юрий в этом бою участвовал.

Но всё это происходило как бы по дороге, по ходу развития событий, в преддверии того самого главного боя, которого ждали все в наших войсках — от солдат до маршалов.

Та страна, в которой теперь оказался Дроздов, не слишком походила на виденную им в Энгельсе «Малую Германию». Не только потому, что патриархальная старина неизбежно уходила в прошлое, уступая место современной архитектуре, но и, главное, потому, что война, возвратившаяся на немецкую территорию, откуда она в своё время пришла, изуродовала всё вокруг. Руины здешних населённых пунктов не очень-то отличались от руин польских, белорусских, украинских, русских и прочих городов... В руины превращалась и столица Германии, в направлении которой двигались войска Красной армии, несущие неотвратимое возмездие.

Понятно, что к штурму Берлина готовилось не только советское, но и гитлеровское командование, максимально усиливавшее группировку своих войск на этом главном, теперь уже последнем направлении войны. Если в Первую мировую главным для Германии был, безусловно, Западный фронт, где сражались английские и французские войска, то теперь «полюса» однозначно поменялись, и Западный фронт, против которого во Второй мировой войне действовали англо-американцы, немцами просто-таки обнажался. Открывая чуть ли не беспрепятственный путь для союзников,

немецко-фашистское командование перебрасывало оттуда войска на свой Восточный фронт, на защиту Берлина. Сюда же стягивались последние оставшиеся части и соединения из внутренних районов Германии. Численность этих войск увеличивалась за счёт «тотальной мобилизации», когда на военную службу призывались немцы в возрасте от шестнадцати до шестидесяти пяти лет.

Советские артисты-куплетисты, выступая перед бойцами, пели по этому поводу: «Мой любимый старый дед в шлем тотально был одет». Это казалось смешно, но в действительности ничего смешного тут не было: и старый ветеран Первой мировой с пулемётом «MG», и четырнадцатилетний мальчишка из гитлерюгенда с фаустпатроном — все они представляли реальную опасность, потому как каждый из них неминуемо утащил бы с собой на тот свет сколько-нибудь советских солдат.

В результате всех этих лихорадочных мер фюреру удалось сосредоточить в Берлине и его окрестностях до миллиона солдат и офицеров, 10 400 орудий и миномётов, 1500 танков и штурмовых орудий и три миллиона фаустпатронов. В воздух над столицей доживавшего свои последние дни «тысячелетнего рейха» могли подняться 3300 боевых самолётов. На подступах к Берлину была создана мощная система оборонительных рубежей общей глубиной до 90 километров.

В штабах между тем шла своя работа, в результате которой неоднократно менялись и корректировались недавно ещё столь тщательно составленные планы. Вот так, вдруг, и получилось, что 3-я Ударная армия получила задачу наносить удар по Берлину.

«Основная роль в овладении Берлином отводилась 1-му Белорусскому фронту, которым командовал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

В составе войск 1-го Белорусского фронта к участию в Берлинской операции готовилась и 3-я ударная армия, в которую входили 12-й гвардейский, 7-й и 79-й стрелковые корпуса. Находясь на направлении главного удара фронта, в первом его эшелоне, она получила задачу прорвать оборону противника на участке Золиканте, Форстаккер, разгромить противостоящие части противника и, развивая удар в общем направлении Нейтреббин, Мецдорф, Бернау, Биркенвердер, к исходу третьего дня операции овладеть рубежом Альбертсхоф, Таерфельде, Леме. В дальнейшем наступать в обход Берлина с севера в направлении Бернау, Глиникке, Ней-Дебериц и на восьмой день операции овладеть районом Хеннигсдорф, Фарланд, Гатов, Шпандау, расположенным западнее Берлина. Справа наступала 47-я армия, слева — 5-я ударная армия.

3-й ударной армии противостояли 309-я пехотная дивизия, части

дивизии „Курмарк“, 25-я моторизованная дивизия и мехдивизия „Мюнхенберг“. Всего противник здесь сосредоточил до 1640 орудий и миномётов, более 100 танков и самоходных установок и около 600 пулемётов.

Для выполнения поставленной задачи командующий армией решил прорыв обороны противника осуществить на участке 6 км силами 79-го и 12-го гвардейского стрелковых корпусов, нанося главный удар в центре полосы наступления в направлении Нейтреббин, Мецдорф, Бернау.

79-му и 12-му гвардейскому стрелковым корпусам ставилась задача прорвать оборону противника на участке Золиканте, Форстаккер, разгромить противостоящие части 309-й пехотной и 25-й моторизованной дивизий противника, к исходу дня овладеть второй полосой его обороны и обеспечить ввод в прорыв 9-го гвардейского танкового корпуса 2-й гвардейской танковой армии»^[22].

Простите за эту длинную цитату из книги по истории 3-й Ударной армии, но она здесь отнюдь не случайна именно в таком объёме. Только представьте: громады войск и огромное количество вооружения с обеих сторон, добрый десяток каких-то совершенно незнакомых населённых пунктов, постоянно меняющиеся боевые планы — и посреди всего этого находится гвардии младший лейтенант, известный лишь своему непосредственному начальству, десятку подчинённых, то есть двум своим артиллерийским расчётам, и несколькими боевыми товарищам. Словно бы песчинка на берегу стремительно текущей реки. Чьё-то неверное движение, резкий порыв ветра — и где она? Кто вспомнит? Разве что девушка Люда из военного госпиталя? Но и она долго ли будет думать про мелькнувшего и невесть куда сгинувшего молодого офицера, пусть даже и очень симпатичного? Война давно отучила людей заикливаться на потерях. «Да, был — больше нету... Жаль!» Всё! Забыли. Как в той песне: «Живём случайно, расстаёмся, не скорбя...»

Но кто тогда думал о себе, что именно он будет убит в том самом завершающем бою? И вообще многим наивно верилось, что штурм Берлина станет самой последней битвой на Земле, а потом они будут иметь счастье долго-долго жить в мирном мире.

Разумеется, высшее командование Красной армии относилось к происходящему гораздо более реалистично. Маршал Жуков вспоминал:

«В целом проведённая работа по подготовке Берлинской операции была невиданной по своему размаху и напряжению. На сравнительно узком участке 1-го Белорусского фронта за короткое время было сосредоточено 77 стрелковых дивизий, 3155 танков и самоходных орудий, 14 628 орудий и

миномётов и 1531 установка реактивной артиллерии. Мы были уверены в том, что с этими средствами и силами наши войска разгромят противника в самый короткий срок»^[23].

Из этих 14 628 орудий два ствола — причём на общем фоне из числа самых маленьких по своему калибру — составляли взвод гвардии младшего лейтенанта Дроздова. Ему тогда было поручено восемь метров фронта: чтобы надёжно подавить оборону гитлеровцев, на участке прорыва создавалась плотность 266 орудий и миномётов на километр. Подсчитать несложно: порядка четырёх метров на одно орудие, восемь метров — на противотанковый взвод.

Хотя понятно, что на самом деле всё было совершенно не так, никто там пушки и гаубицы в ряд не ставил. Огромные дальнобойные орудия находились далеко за линией фронта, и пехота вспоминала о дальнобойщиках лишь тогда, когда слышала, как шелестят, пролетая в вышине, крупнокалиберные снаряды, именуемые «чемоданами»; противотанкисты же, напротив, стояли перед пехотой, воистину закрывали её собой — «ствол длинный, а жизнь короткая».

Впереди был самый трудный, самый поганый вид боя — бой в городе. Генерал-майор Козин вспоминал то, что видел своими глазами (нередко случается так, что мемуаристы вспоминают то, что видели другие):

«Вражеская столица была хорошо подготовлена к обороне. Каждый квартал, каждый дом, каждый этаж сражался. Стреляло каждое окно. Фашисты не сдавались. У них была большая возможность манёвра, им были известны особенности каждой улицы — подземные ходы сообщения, подвалы, люки.

Вести бой в городе всегда трудно, а тем более в таком, как Берлин, в котором все прочные каменные дома были превращены в крепости с многоэтажными подземными бункерами, подвалами»^[24].

Про штурм Берлина написано немало. Юрий Иванович Дроздов таких воспоминаний не оставил, и вообще вся «военная» — то есть непосредственно про войну — часть его воспоминаний состоит из двух с половиной предложений:

«Никаких героических подвигов в ходе боевых действий мне совершить не пришлось. Война — это страшная кровавая работа, тяжёлая и безжалостная, и чтобы выжить самому и другим, я просто старался делать её добросовестно, насколько это было возможно младшему лейтенанту в неполные девятнадцать лет. Войну закончил в Берлине...»^[25]

Обрываем фразу, потому как далее — уже о послевоенной службе в

рядах Советской армии. Правда, тут можно заметить очевидную неточность: в мае 1945-го Юрию Дроздову было неполных двадцать. Но это, как понимаем, «прокол» редактора его воспоминаний.

52-я гвардейская стрелковая дивизия была введена в наступление на главном направлении 19 апреля и в ходе ожесточённого боя преодолела три оборонительных рубежа. Утром 21 апреля дивизия первой из всех атакующих соединений Красной армии вошла в Берлин. Продолжая наступление, завершившееся 2 мая, она прошла по германской столице порядка двадцати километров, очистив при этом 120 её кварталов.

О том, как сражался в Берлине Дроздов, можно узнать из двух источников. В общих чертах об этом писал командир 52-й гвардейской дивизии:

«При наступлении в Берлине мы применяли тактику действий штурмовыми отрядами и группами (взвод, рота), усиленными артиллерией, танками, САУ, сапёрами, химиками и огнеметчиками, — вклинивались в расположение противника, расчленили его оборону на куски. Изолируя кварталы и отдельные районы, мы затем овладевали ими. Боевой порядок штурмовых отрядов и групп эшелонировался в глубину с таким расчётом, чтобы действия пехоты поддерживались танками и самоходно-артиллерийскими установками, а танки охранялись пехотой и поддерживались САУ. Танки и САУ, двигаясь за пехотой, которая овладевала домами, уничтожали огневые точки. Сзади идущая пехота прочёсывала и очищала подвалы, этажи, чердаки зданий»^[26].

Гвардии младший лейтенант Дроздов обеспечивал артиллерийскую поддержку одной из наступающих групп. Танки и САУ, о которых писал генерал Козин, это, конечно, хорошо, а вот противотанковые орудия тащили по городу их расчёты, устанавливали их на огневые позиции, стреляли — и тащили дальше под непрерывным огнём врага.

Конкретно о действиях Юрия Дроздова можно узнать из второго источника, «наградного листа» — представления на награждение орденом Красной Звезды. Пусть в нём изложено не слишком грамотно, но зато очень чётко:

«В уличных боях по овладению г. Берлин гв. мл. лейтенант проявил себя храбрым и отважным офицером, умело руководящим огнём своего взвода.

25.4.1945 на ул. Шифельбейнер-штрассе г. Берлин, когда с его взвода были выведены [из строя] одновременно 4 бойца, под сильным огнём противника т. Дроздов, лично участвуя, организовал медицинскую помощь раненым и обеспечил эвакуацию в тыл. Несмотря на большой процент

выбывших из расчёта, оба орудия продолжали вести огонь по противнику, и при этом его взводом уничтожены 2 75-мм пушки, 1 зенитное орудие, 5 пулемётов вместе с прислугой противника и до 80 солдат противника, что способствовало продвижению нашей пехоты. За проявленные доблесть и отвагу в боях по овладению г. Берлин достоин правительственной награды орденом „Красная звезда“».

Стоит обратить внимание на то, что молодой офицер отнюдь не стремился выполнить поставленную задачу любой ценой, ни с чем не считаясь, но даже и в той адской обстановке сумел позаботиться о своих раненых бойцах. Не всякий командир, скажем честно, поступил бы таким образом — можно было продолжать наступление, не заботясь о судьбе раненых и успокоив свою совесть тем, что их, конечно же, подберут идущие сзади санитары. Командира поощряют за выполнение или наказывают за невыполнение приказа, и вообще, как известно, победителей не судят.

Это качество — заботу о подчинённых — отмечали все те, с кем сводила Юрия Ивановича судьба на протяжении всей его полувековой службы. Мы о том ещё расскажем.

За тот самый бой гвардии младший лейтенант Дроздов был награждён орденом Красной Звезды, а 52-й гвардейской дивизии присвоено почётное звание «Берлинская».

...Говорить о войне генерал-майор Дроздов не любил, «фронтowymi байками» сотрудников не развлекал. Хотя с ветеранами-фронтовиками, которых в Управлении «С» в его времена было немало — в том числе и тех людей, что были гораздо выше Юрия Ивановича и по чину, и по должности, да и воевали гораздо дольше, — у начальника были свои отношения, свои разговоры, которые так между ними и оставались. Было тогда этим людям лет по пятьдесят или чуть больше...

Но как-то Дроздов рассказал одному из своих в ту пору молодых сотрудников — спустя годы тот передал этот рассказ нам — о том, что при штурме Берлина оказалось для него самым страшным. Вернее, уже после штурма.

Это был убитый танкист, младший лейтенант, свесившийся из люка своего подбитого танка... Он явно был ровесником Юрия и, скорее всего, так же, как и он, только недавно окончил военное училище и поспешил на фронт...

Лишь тогда, в первый раз за весь этот страшный бой, Дроздов вдруг ощутил ту самую свою смертность, о которой под вражеским огнём совершенно не думалось, зримо представил себе, что он мог бы вот так же

лежать сейчас у станины одного из своих разбитых орудий...
Мы ставим точку в этой главе и прощаемся с войной.
Надолго. Но, к сожалению, не навсегда.

Глава 3. Разведчиками не рождаются

В предыдущей главе мы оборвали фразу из воспоминаний Юрия Ивановича о его участии в Великой Отечественной войне на том месте, где он писал о переходе к мирной жизни. Ну что ж, теперь и продолжим оттуда, где остановились:

«...затем служил в Германии и Прибалтийском военном округе помощником начальника штаба артиллерийского полка.

В 1952 г. поступил в Военный институт иностранных языков в Москве. На мандатной комиссии начальник института генерал Ратов спросил меня, какой язык мне хотелось бы изучать. Я ответил: „Немецкий“. Он окинул меня взглядом и бросил: „Подходишь“. Видимо, это определило мою дальнейшую судьбу»^[27].

Если совершенно точно, то данное военно-учебное заведение называлось ВИИЯКА — Военный институт иностранных языков Красной армии. Этот вуз действительно был уникальным — начиная даже с названия, ибо в то время в РККА были только военные училища — это, так сказать, первая ступень, а второй степенью были военные академии — и никаких институтов! На всякий случай уточним, что третьей степенью была Академия Генштаба, «генеральская кузница», откуда генералы не только выходили в перспективе, но где даже они и учились при своих погонах, но не о том сейчас речь.

ВИИЯКА, употребим эту традиционную аббревиатуру, был создан в 1940 году на основе постановления [Совета народных комиссаров СССР](#), тогдашнего Совмина. Для военно-учебного заведения это было весьма круто, потому как обычно решение о создании таковых самолично принимал нарком обороны. «База», на которой формировался институт, также оказалась весьма необычной: это был Военный факультет — со статусом высшего военно-учебного заведения — при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков. Соответственно, здесь готовили военных педагогов — преподавателей немецкого, английского и французского языков для училищ и академий РККА. Через год, в начале 1941-го, факультет был расширен и переименован в Военный факультет западных языков при 1-м и 2-м МГПИИЯ, то есть сразу при двух Московских педагогических инязах.

Затем свои коррективы внесла война, потому как оказалось, что армии необходимы военные переводчики — причём со знанием не только языка

«главного противника», каковым на том этапе являлся немецкий, но и многих других. В результате 12 апреля 1942 года теперь уже приказом Народного комиссара обороны СССР — наркомом в ту пору был сам товарищ Иосиф Виссарионович Сталин, являвшийся также и председателем Совнаркома, — Военный факультет западных языков, к которому были присоединены Военный факультет восточных языков, существовавший при Московском институте востоковедения, и военные курсы иностранных языков, действовавшие тогда в городе Орске, был преобразован в самостоятельный Военный институт. За время Великой Отечественной войны ВИИЯКА выпустил более четырёх с половиной тысяч офицеров — переводчиков и так называемых «спецпропагандистов», занимавшихся идеологическим «разложением» войск противника.

В разряд таковых впоследствии должен был попасть и Юрий Иванович Дроздов...

Но до этого было ещё далеко, и вскоре после войны Военный институт — как, разумеется, и все сохранившиеся военно-учебные заведения РККА — был серьёзно реформирован. В 1948 году ВИИЯСА (это было новое название, связанное с переименованием Красной армии в Советскую, однако в обиходе чаще всего говорили просто «ВИЯК») был переведён на пятигодичный срок обучения; каждый слушатель теперь изучал по два языка, тогда как всего языков здесь изучалось много. На любой, так сказать, вкус — ведь было уже понятно, что Вторая мировая окажется далеко не самой последней войной на Земном шаре, а опыт её свидетельствовал о том, что офицеры, владеющие иностранными языками, в армии необходимы как воздух. Общеизвестных «Halt! Hände hoch! Hitler Kaput!»^[7] для полноценного межнационального общения было явно недостаточно.

«Я был зачислен на 4-й факультет (разложение войск и населения противника), с большим интересом изучал немецкий и английский языки, другие специальные дисциплины, — вспоминал Юрий Иванович на страницах своей книги „Вымысел исключён“. — Годы, проведённые в ВИИЯ Советской Армии, несмотря на крайне напряжённый ритм учёбы, обогатили знаниями, которые пригодились во всей последующей жизни»^[28].

Учёба шла успешно, приближался выпуск, впереди уже даже вырисовывались какие-то заманчивые служебные перспективы, но, как говорится, «пришла беда, откуда не ждали».

1956 год — начало так называемой хрущёвской оттепели.

Политических оценок этому до сих пор до конца не прояснённого времени мы давать не будем, но если судить об оттепели, так сказать, по-житейски, исключительно как о природном явлении, то несмотря на весьма приятную картинку: звонкую капель, журчащие ручьи, даже кое-где пробивающуюся травку, время это весьма опасное и гнилое. Можно, к примеру, промочить ноги и простудиться или неожиданно поскользнуться на намёрзшем за ночь ледке...

Вот и «оттепель» 1956 года: доклад на XX съезде КПСС, оставивший во многих умах и сердцах бесчисленное количество вопросов и сомнений; миллионное сокращение советских вооружённых сил, которое не только сломало несчётное количество судеб, но и нанесло по Советской армии серьёзнейший удар; эксперименты с реорганизацией сельского хозяйства, приведшие к его развалу...

Всё делалось в спешке, непродуманно и, как часто у нас бывает, основываясь на единоличной точке зрения очередного «вождя», окружённого верными лизоблюдами.

У Никиты Сергеевича было своё видение оснащённой небывалым супероружием «современной армии» — весьма далёкое от реальности, и создание такой армии он решил начать с обвального сокращения существующей.

И тогда, всё в том же 1956 году, — говорим сейчас только о том, что имеет непосредственное отношение к нашему повествованию, — был расформирован Военный институт иностранных языков. Почему? А кто его знает! «Сверху» заявили, что за ненадобностью — так там кому-то показалось.

Юрий Иванович прокомментировал это следующим образом:

«Наш институт попал в число ненужных военных учебных заведений, трудно было понять, кому могло прийти в голову решение о ликвидации бесценной базы подготовки кадров, нехватка которых ощущалась уже в период расформирования»^[29].

Можем уточнить, что всего лишь через два года при Военной академии Советской армии (в современной Российской армии она до недавнего времени именовалась Военно-дипломатической академией) был создан Военный факультет иностранных языков, а в июне 1963-го (все эти лихорадочные перипетии происходили во время хрущёвского правления) ВИИЯ СА был сформирован вновь.

Однако к тому времени Юрий Иванович Дроздов уже давно распрощался с Советской армией. В своей книге он, ничего не конкретизируя, написал, что в 1956 году был переведён из кадров армии в

Комитет госбезопасности. Мол, ему предложили, они с Людмилой Александровной это обсудили — и было дано согласие.

Тут, во-первых, следует уточнить, что Юрий и Людмила поженились буквально сразу после войны, на территории Германии, где продолжал службу Дроздов, и вскоре уже у них появились два сына — Юрий и Александр. Так что теперь, когда Юрий Иванович был слушателем ВИИЯ, его немаленькому семейству приходилось мыкаться по съёмным комнатам московских коммуналок. А впереди маячила неизвестность — куда направят по окончании института?

Уточняем, во-вторых, и то, что Дроздова не просто взяли в КГБ, но ему дали возможность до назначения на оперативную должность получить высшее образование.

Сейчас уже вряд ли кто скажет, что это такое — «Кормушка». Не в смысле приспособления, в который насыпают корм для птичек или иной живности, а в смысле Института иностранных языков КГБ при Совете министров СССР, находившегося в Ленинграде, на улице Пионерской, 18. Город на Неве уже тридцать лет как в очередной раз сменил своё название, но улица так и продолжает именоваться в честь юных ленинцев. Сам же дом 18, в котором по 1917 год находилось Владимирское пехотное юнкерское училище, был уничтожен в начале XXI века, в 2007 году, а на его месте возведён какой-то коммерческий центр.

Институт этот был создан вскоре после окончания войны, сначала как среднее военно-учебное заведение МГБ, а затем, примерно в 1950 году, преобразован в высшее. Понятно, что курсанты «языкового» вуза чувствовали себя несколько вольготно — по сравнению с теми же будущими командирами, и это вызвало возмущение очередного начальника, генерала-фронтовика, пришедшего из войск НКВД (тогда уже ставших войсками МВД или МГБ). Войсковым генералам всегда было непросто найти общий язык с курсантами или слушателями, относящимися к категории гуманитариев, и понять, что жизнь военного вуза определяется не одними лишь уставными требованиями. На первом же построении новый начальник безапелляционно заявил перед строем курсантов и офицеров-слушателей:

«Здесь вам не кормушка, это военно-учебное заведение!» — ну и далее — общеизвестные каждому военнослужащему фразы об укреплении воинской дисциплины и наведении уставного порядка.

Не имеем понятия, вспоминал ли он про «кормушку» в других своих выступлениях, но слово это с первого раза запало в курсантские души и к вузу намертво приклеилось данное это неофициальное наименование.

Пребывание Юрия Ивановича на Пионерской, 18, было не слишком долгим. Через год, в августе 1957-го, капитан Дроздов получил приказание убыть к новому месту службы — в Берлин, в Аппарат Уполномоченного КГБ СССР при МГБ ГДР. В то время это называлось Аппаратом старшего советника КГБ при органах МГБ ГДР, а с 1959 года стало именоваться Аппаратом Уполномоченного КГБ по координации и связи с МГБ ГДР. Кстати, когда с 1962 года уполномоченные КГБ при спецслужбах дружественных СССР стран стали называться представителями, в обиход вошло неофициальное название «представительство».

Итак, Дроздову предстояло служить в «Германии, в Германии в проклятой стороне», как изначально пелось во фронтовой песне. (Потом стали петь «толерантно»: «...в далёкой стороне».)

Это в благословенные 1970–1980-е годы ГДР, точнее — Группа советских войск в Германии (ГСВГ) — считалась для офицеров Советской армии очень «блатным» местом, куда мечтали попасть многие. Условия службы и жизни там были гораздо лучше, нежели в так называемых внутренних округах, материальная обеспеченность, соответственно, тоже. Конечно, в случае военной угрозы именно эти войска приняли бы первый удар — но всё-таки по тем временам такая угроза была весьма гипотетической. А вот в конце 1950-х годов обстановка в мире была гораздо острее и условия жизни в послевоенной Германии — несравненно хуже.

Понятно, что для сотрудников спецслужб в отличие от военных Восточная Германия отнюдь не являлась пределом мечтаний, ибо были страны гораздо более интересные. К тому же им не приходилось ждать начала «особого периода», как деликатно именовалась война, — свои тайные сражения они вели ежедневно и ежечасно.

«После окончания Второй мировой войны сотрудники Внешней разведки и ГРУ активно действовали в обоих германских государствах, как в ФРГ, так и в ГДР, где размещалась Группа советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ, позже ГСВГ, позже Западная группа войск). Главной задачей разведок был сбор информации о планах и конкретных действиях военного командования США, Англии, Франции и других стран НАТО в ФРГ, а также о бундесвере. Их работу значительно облегчала возможность свободной миграции в ФРГ для жителей ГДР — иногда количество выезжавших достигало 3 тыс. человек в месяц. Кроме того, в западных зонах оккупации находились советские военные миссии. Благодаря этому деятельность агентов — маршрутчиков и связников была сопряжена с меньшим риском и с большими возможностями»^[30].

Обо всём этом мы, разумеется, расскажем несколько позже.

Впрочем, ещё до направления в ГДР рассматривался иной вариант служебного использования Юрия Ивановича — незадолго до выпуска ему было предложено стать разведчиком-нелегалом.

Данное словосочетание, появившееся в нашей книге в первый раз, теперь пройдёт красной нитью через всё её содержание. Поэтому, не вдаваясь пока что в подробности, мы объясним, для чего оно всё нужно, а сделать это нам поможет генерал-лейтенант Вадим Алексеевич Кирпиченко ^[8], некогда сам руководивший Управлением «С» — нелегальной разведкой:

«Почему нужны нелегалы в разведке? По многим причинам. Прежде всего потому, что за официальными российскими представителями всегда может следовать „хвост“, видимый или невидимый (с учётом развития технических средств), а за нелегалом, если он сам не совершил какой-либо ошибки, не ведётся наблюдение. Географическое пространство для граждан России за рубежом ограничено всевозможными зонами, а разведчик-нелегал может передвигаться свободно. С рядом государств наша страна не имеет дипломатических отношений, а по делам разведки там иногда необходимо бывать» ^[31].

Ну, в общих чертах — именно так.

Заметим, что ничего экстраординарного в прозвучавшем в стенах института предложении стать нелегальным разведчиком не было: не он один из выпускников «Кормушки» такое предложение получил. В частности, на сей раз Юрий Дроздов лишь чуть-чуть разминулся с выпускником «Института без вывески» (это второе неофициальное название кагэбэшного иняза), которого вскоре назовут Владимиром Мартыновым. В 1956 году, как мы помним, Дроздов туда ещё только был зачислен, а будущий Мартынов оттуда уже выпускался после четырёх лет курсантской учёбы. Повстречаться им придётся гораздо позже — к сожалению, при весьма неприятных и даже трагических обстоятельствах.

Кстати, из того же выпуска «Кормушки» Юрию Ивановичу следовало бы обратить внимание и на лейтенанта Олега Даниловича Калугина ^[9] — но это уже, как говорится, совсем из другой оперы, и кто это такой, объяснять не имеет смысла — и так хорошо известен...

Возвратимся, однако, к самому Дроздову.

В книге «Вымысел исключён» он писал, что заманчивое предложение идти на «нелегалку» было получено им весной 1957 года. А он отказался... Эпизод этот изложен в книге достаточно подробно, но лучше мы обратимся к рассказу полковника (не будем уточнять, кто из называемых нами здесь и

далее людей — действующий сотрудник, а кто пребывает в запасе или в отставке, благо звание у всех сохраняется; особого значения для читателя это не имеет) Валерия Владимировича Попова, президента Ассоциации «Группы „Вымпел“». Рассказ этот позволяет взглянуть на произошедшее со стороны, несколько отстранённым взглядом профессионала:

«Когда Юрию Ивановичу было предложено работать в качестве нелегала, он был уже в возрасте за тридцать, у него были жена и двое детей. К тому же внешность у него была достаточно запоминающаяся: высокий, худой и лысый.

Он тогда спросил — могу ли я подумать? Посоветовался с Людмилой Александровной и, придя на следующий день, заявил продуманно и аргументированно, что, мол, мне поздновато уже какие-то вещи начинать с нуля, да и сложно оставлять такую семью, и нелегко мне быть нелегалом с такой-то приметной (в некоторых интервью Юрий Иванович говорил — „броской“. — А. Б.) внешностью. В общем, заявил Дроздов, мне кажется, что я буду более полезен в этом же управлении, но не по этой линии.

А ведь в разведке во второй раз не предлагают! Если человек от чего-то отказался и не аргументированно, то второй раз с ним уже разговаривать не будут, и ничего хорошего ему могут больше не предложить. Так что в данном случае был шанс, что на него могли посмотреть совершенно по-другому — не как на человека, представляющего оперативный интерес и имеющего определённые перспективы. Однако Юрий Иванович сумел дать абсолютно точный и аргументированный ответ по поводу своего отказа. Он вообще всегда говорил очень чётко, конкретно и понятно — что с начальниками, что с подчинёнными».

Что именно говорил Дроздов, обосновывая свою точку зрения, мы не знаем, но если обратиться к книге классика серии «ЖЗЛ» о спецслужбах Теодора Кирилловича Гладкова^[10] «Коротков» (с самим героем этой книги мы повстречаемся чуть позже), то можно понять, почему Юрия Ивановича весьма обеспокоил его тридцатилетний возраст:

«На отбор и полную подготовку молодого нелегала уходило порой пять-семь лет, но это себя в принципе оправдало, поскольку, как правило, нелегалу, в отличие от сотрудника резидентуры, предстояло работать „в поле“ в одной командировке не три-четыре года, а лет пятнадцать, а то и двадцать. Нелегалы — это всегда марафонцы разведки.

Уже сами по себе эти сроки подсказывают, что кандидат в нелегалы должен быть человеком молодым...»^[32]

Продуманный, аргументированный отказ никак не сказался на

дальнейшей карьере Дроздова. Более того, у нас есть оперативная — по рассказу одного уважаемого человека, — однако ничем не подтверждённая информация, что и потом Юрию Ивановичу вновь предлагали идти на нелегальную работу. Согласился он или нет, сказать не можем, потому как знаем, что в Западном Берлине для него даже была куплена маленькая картинная галерея — Дроздов ведь хорошо разбирался в живописи, а потому вполне мог превратиться в квалифицированного торговца произведениями искусства. Но что-то там переменялось или не срослось...

Но, кстати, насколько чётко определил Юрий Иванович свои перспективы и возможности! Сказал, что будет полезен в этом же управлении — и действительно, большая часть его службы оказалась связана с Управлением «С», которое, пройдя буквально по всем должностным ступеням, он возглавлял более десяти лет. Чувствовал он это, что ли? Нет, скорее — предвидел.

...Если же говорить о разведчиках-нелегалах, то как раз в то самое время, ранним утром 21 июня 1957 года, в Нью-Йорке из-за предательства был арестован полковник советской внешней разведки (назвавшийся Рудольфом Ивановичем Абелем) Вильям Генрихович Фишер^[111]. К Юрию Дроздову тогда это не имело абсолютно никакого отношения, он об этом скорее всего и не слышал. Хотя западная пресса буквально гудела — когда это было, чтобы вот так удалось захватить советского разведчика! — но вряд ли в условиях Ленинграда, в «Кормушке», Дроздов имел возможность поутру, за чашечкой кофе, перелистать свежий номер «New York Times» или «Der Spiegel»^[112]. А наши «Правда», «Известия» и «Красная звезда» об этом, разумеется, молчали.

Между тем через некоторое время произошедшее в далёком Нью-Йорке будет иметь к Юрию Ивановичу самое непосредственное отношение, и ему придётся принимать весьма активное участие в освобождении разведчика.

И ещё... Просто обратите внимание на эту дату: 21 июня 1957 года — о ней мы вспомним в самом конце нашей книги.

...Когда по окончании института капитан Дроздов прибыл в восточногерманский Карлхорст, ему здесь, в Аппарате Уполномоченного, предложили, что называется, «низовую» — в том числе и по должностному окладу — должность оперативного переводчика. А ведь он, напомним, к тому времени имел двоих детей, которых нужно было кормить и содержать. Юрий Иванович решительно выступил против подобного назначения и попросил начальство: если нет иных вариантов его служебного

использования, он хотел бы возвратиться на Родину, в Советский Союз. Это был серьёзный демарш, наверное — единственный в своём роде. Ведь за границу люди тогда держались — пусть жили они там и не шикарно, но всё-таки лучше, нежели в родном СССР. Недаром же досрочное возвращение «к родным пенатам» считалось самым серьёзным наказанием за какие-либо грехи. И вдруг — подобное заявление!

Уполномоченным КГБ в ГДР тогда был генерал-майор Александр Михайлович Коротков, блистательный нелегал, сам возглавлявший нелегальную разведку с 1946 года. О Короткове достаточно сказать, что в июне 1941 года, когда он работал «легально», «под крышей» советского посольства в Берлине, он уже после нападения Германии на Советский Союз сумел выйти из заблокированного эсэсовской охраной посольского здания на улице Унтер-ден-Линден и встретиться со своими агентами — членами впоследствии знаменитой «Красной капеллы», чтобы передать им инструкции и питание для радиостанций.

Ох, знал бы Александр Михайлович, что лет через двадцать этот своенравный капитан станет его преемником как начальника нелегальной разведки! Ведь можно было бы с ним как следует поработать на перспективу, что называется — в плане передачи опыта.

Но, к сожалению, Коротков не знал этого тогда и не узнает потом, так как скончается в июне 1961 года.

Строптивного капитана вызвали к уполномоченному, и разговор у них получился достаточно жёстким.

Вот как описал Юрий Иванович свою первую встречу с генералом Коротковым:

«— В чём дело? — сухо спросил он.

— Я прошу назначить меня на должность, близкую хотя бы по окладу той, что я занимал в Армии.

— Но вы же ничего у нас пока не знаете.

— Но и ваши сотрудники не всё знают и умеют. Не могут же они спланировать наступление артиллерийского полка.

— Согласен. Идите и работайте. Мы ещё встретимся и поговорим.

Второй раз кадровики приняли меня приветливее и отправили в отдел нелегальной разведки...»^[33]

Что можно добавить к вышесказанному? Известно, что Юрий Иванович не только отличался независимостью, но и любил этой независимостью бравировать, подчеркнуть её, и это, заметим, не всегда шло ему на пользу. Ему повезло, что Александр Михайлович Коротков был умным человеком и прекрасно понял логику своего подчинённого: ранее

Дроздов служил Родине по другому ведомству, но служил честно и добросовестно, достиг определённых высот. Почему же теперь, перейдя из армии в КГБ, он должен забыть свои прежние заслуги и вновь начинать службу с нуля?

Итак, Юрий Дроздов был определён в нелегальную разведку, но, как мы сказали, не в качестве разведчика-нелегала — ему была поставлена задача «сделать жизнь другого человека». Что это значит?

В книге «Повседневная жизнь советского разведчика», которую в 2004 году издал в молодогвардейской серии «Живая история» наш старый друг, разведчик и писатель полковник Борис Николаевич Григорьев, который, кстати, сам проработал 16 лет в отделе документации Управления «С» — то есть «делал жизни других», — суть этой работы объясняется так:

«Человек из гражданина Сидорова буквально превращается в мистера Смита. Ещё вчера он выправлял справку о прописке в ЖЭК г. Урюпинска, а сегодня открывает небольшую фирму в Лондоне или Брюсселе. Несколько лет до этого он с трудом читал английский алфавит, а сегодня владеет языком Диккенса не хуже выпускника Кембриджского университета.

Конечно же, за всем этим стоит колоссальный труд — труд самого нелегала, целой команды специалистов, над обеспечением его будущей командировки работают многочисленные сотрудники Службы. Подготовка такого специалиста разведки — дело невероятно сложное, длительное и дорогостоящее»^[34].

В общих чертах понятно? Вот и ладно! Всё равно более подробно никто объяснять не станет.

Хотя вот что писал об этом сам Дроздов, вспоминая уже далёкие для него годы — из этого тоже можно кое-что узнать и понять:

«„Сделать жизнь“ можно, но как же это трудно, каких требует знаний, сколько разных особенностей нужно предусмотреть, чтобы ожила и принесла пользу придуманная и отдокументированная тобой жизнь иностранца, в которого превращался советский разведчик.

Этот участок работы в нелегальной разведке — самый трудоёмкий, даже нудный, но наиболее важный. Разведчики-документальщики называют себя Союзом неформалов, подчёркивая недопустимость шаблона. Уже через 10 дней после приезда в Берлин они окунули меня в разведывательную работу, наблюдая за моими действиями и строго управляя ими»^[35].

Далее Юрий Иванович перечисляет людей, в том числе ныне и очень известных, с кем начинал он работать в далёких 1950-х. Не будем

повторять этого перечисления и остановимся всего на двух фамилиях, названных нам ветераном Управления «С» генерал-майором Сергеем Сергеевичем Яковлевым. Обращаясь всё к той же книге Дроздова, он рассказывал:

«Юрий Иванович называет несколько фамилий своих первых начальников, в частности — Александра Афанасьевича Корешкова. Этот человек ещё в Смерше служил, и после войны на Западной Украине, судя по всему, работал... Он в своё время подсказал идею с проникновением в Центр связи... (Об этой операции мы расскажем несколько позже. — А. Б.) Александр Афанасьевич стал первым куратором у Коэнов^{13}, когда они в 50-м году прибыли в Москву. Он с ними работал, при нём они познакомились с Беном — Кононом Трофимовичем Молодым^{14}.

Опыт у него был богатейший, а Юрий Иванович таких людей ценил. При мне Александр Афанасьевич — у него уже пенсионный возраст был — работал нештатным сотрудником в нашем Управлении, писал пособия для молодёжи по некоторым направлениям работы...

А вот Марина Ивановна Кирина до войны была пионервожатой у Маркуса Вольфа^{15}... Потом она работала в Управлении по документированию, а Юрий Иванович как раз на этом-то направлении начинал свою деятельность. Так что Марина Ивановна для него в какой-то степени даже и наставницей была. Вполне возможно, что знакомство Дроздова с Маркусом Вольфом произошло с её помощью, поскольку она в ГДР приезжала... Потом, будучи уже на пенсии, она занималась работой с жёнами сотрудников — курсы для них вела...»

Отмечены весьма интересные моменты: далеко не все начальники помнят своих наставников, используют их опыт, обращаются к ним за помощью. Как видим, Юрий Иванович не только уважительно относился к ветеранам, но и проявлял о них реальную заботу. Поэтому и ветераны относились к нему с большим уважением.

Можно было бы рассказать и о некоторых других сотрудниках, перечисленных в мемуарах Дроздова, тем более что кое-кого из них мы знали лично, но не станем увлекаться обращениями к этой книге. Наши читатели сами в состоянии её прочитать, и думается, что многие давно это сделали. Зато, как мы уже говорили, нам, благодаря общению с различными людьми, известно про генерала Дроздова немало того, что по многообразным причинам оказалось за рамками его мемуаров.

Вот, например, как раз то, о чём мы сейчас говорим: он написал, как «делал жизнь» — придуманную жизнь! — разведчикам-нелегалам, но не

рассказал о том, как в самом полном смысле слова «сделал жизнь» своему другу Евгению Савинцеву^{16}.

Евгений Александрович был одноклассником Юрия Ивановича, во время войны также учился в артиллерийском училище. Вот только на фронт попасть ему не удалось, зато пороху он вдосталь понюхал после войны, когда в рядах спецподразделений МГБ боролся с бандитским подпольем на Западной Украине. Потом был переведён в разведку, работал в Германии — там они с Дроздовым и подружились.

Но речь у нас сейчас совершенно не о Савинцеве! Вернее, пока что не о нём — всему своё время...

Случилось как-то — это был уже не первый год пребывания Юрия Ивановича в Германии, — что он, возвращаясь в Берлин из очередной служебной поездки в Москву, оказался в купе с молодой и красивой девушкой. Разговорились. Оказалось, что Светлана, научный сотрудник одного из московских музеев, ехала в командировку в какой-то немецкий военно-исторический музей... Такая поездка для неё была не первой, чему способствовало её знание немецкого языка. Перешли на немецкий — и Дроздов был удивлён, насколько хорошо владела языком его собеседница. Не знаем, что рассказывал о себе Юрий Иванович — была у него какая-то «легенда».

При подъезде к Берлину распрощались, координатами не обменивались — случайные дорожные попутчики так же легко уходят из нашей жизни, как и входят в неё.

На следующий день, когда Дроздов был в Представительстве (будем употреблять это неточное, но удобное название), он заглянул в один из кабинетов и увидел... свою вчерашнюю попутчицу!

Встречные вопросы, прозвучав одновременно, скрестились, как две шпаги: «Светлана, а вы что тут делаете?!» — «Юрий, как вы здесь оказались?!»

Потом они долго смеялись. Выяснилось, что Светлана тоже была сотрудницей, разумеется — ещё очень молодой, приехала в Берлин на так называемую «практику — стажировку в условиях нашего Представительства».

Присмотревшись к Светлане, Дроздов сделал соответствующие выводы. А далее всё получилось почти так, как потом будет в легендарном фильме «Место встречи изменить нельзя», когда капитан Жеглов говорил старшему лейтенанту Шарапову: «Правильная девочка» — и рекомендовал ему жениться. Юрий Иванович зашёл, что называется, с другой стороны, сказав: «Света, смотри: такой парень, надёжный, толковый, я его давно

знаю. Ты не теряйся!» — а потом познакомил её с Савинцевым на волейбольной площадке.

Вскоре Евгений Александрович Савинцев, о судьбе которого мы кое-что потом расскажем, и Светлана Александровна поженились и вместе прожили долгую и счастливую жизнь.

...И тут, думается, кто-то из читателей может — по аналогии — попросить рассказать что-либо о личной жизни нашего героя. Нет проблем, рассказываем как раз о том самом времени, ссылаясь на его старшего сына, Юрия Юрьевича:

«Насколько я помню отца, с раннего моего детства, он всё время зубрил немецкий язык. Утро, ночь — без разницы — сидит у настольной лампы, что-то учит, отмечает в блокноте правильные-неправильные глаголы. Потом он передал эти свои блокноты моей дочери, она пыталась по ним заниматься, но ничего не получилось — это было его личное, его методика...»

Известно, что Юрий Иванович прекрасно знал немецкий язык и говорил на различных его диалектах. Чтобы иметь возможность при необходимости «превратиться в немца», он нередко выезжал в Западный Берлин, благо знаменитой стены тогда ещё не было, наблюдал за тем, как местные жители ведут себя в различных житейских обстоятельствах — в магазине, в кафе или в пивной, в кино, слушал, как они разговаривают между собой, старался усвоить их манеру поведения, жестикуляцию и многое иное, что создаёт образ «типичного представителя» этой нации. И ведь получалось — немцы в повседневном общении принимали его за своего соотечественника!

Но оказалось, что в тот момент руководству Дроздова потребовался человек совсем иной национальности. Об этом нам рассказывал сам Юрий Иванович, когда мы работали над книгой «Подлинная история „Майора Вихря“», посвящённой судьбе Героя России Алексея Николаевича Ботяна^[17], которая вскоре вышла в «молодогвардейской» серии «Дело № ...»:

«Где-то в 1959 году меня один раз вызвали к руководству. Там было несколько человек, и Ботян там сидел тогда... Начали меня расспрашивать: давайте поговорим на украинском языке, а какие песни украинские вы знаете, ну и так далее... Такой вроде бы лёгкий, ни к чему не обязывающий разговор. Ко мне обратились потому, что я жил в Харькове и немного говорил по-украински. Ботян ничего не спрашивал, только смотрел на меня и внимательно слушал. Так мы посидели, побеседовали, затем мне говорят: „Ладно, иди, не подходишь!“ И я спокойно возвратился к своим делам.

Только через некоторое время мне стало ясно, что меня рассматривали как человека, который мог бы принять участие в операции по ликвидации Бандеры^{18}. Но не получилось! Ботян там присутствовал как специалист, как эксперт...»

Сам Алексей Николаевич, когда мы его спросили, про этот случай не помнил. «Что-то было, — ответил он. — Но в памяти это не осталось — я же в этом деле активного участия не принимал...»

Счастливая особенность профессии разведчика: напроочь забывать то, чего держать в голове не нужно.

Зато, как помнится, сам Юрий Иванович с большой теплотой рассказывал нам про этого замечательного человека, фамилия которого ещё не раз прозвучит на страницах нашей книги:

«С Алексеем Николаевичем Ботяном я познакомился в 1957 году. До этого я его не знал никак. Знакомство наше состоялось на спортивной площадке, на задворках больницы Святого Антония — это в Берлине, где мы каждое утро собирались для игры в волейбол. Вместо физзарядки. Так он там был — подвижный, прыгающий живчик, который работал — вернее, служил — в одном из отделов Берлинского аппарата... Там мы и познакомились. То, что он весельчак — это известно, и когда придёшь к ним туда, в подразделение, то голос его всегда был слышен. Живой, энергичный и очень хороший парень такой! Больше я какого-либо отношения в годы работы в Германии с ним не имел, потому как подразделения находились в разных местах, он занимался своим делом, я — своим...»

А вот сам Дроздов остался в памяти своих сослуживцев человеком совершенно иного склада. Нам повезло, потому как мы достаточно хорошо знаем полковника Виталия Викторовича Короткова, который был свидетелем первых шагов Юрия Ивановича на разведывательном поприще.

Предупреждаем сразу: это совсем не родственник вышеупомянутого генерал-майора Александра Михайловича Короткова, и его отец, Виктор Васильевич Коротков, был не чекистом, но армейцем, генерал-майором танковых войск. В 1943 году, во время Курской битвы, он был начальником штаба Управления командующего бронетанковыми и механизированными войсками Донского фронта и «пристроил» шестнадцатилетнего сына, мечтавшего попасть на фронт и выполнившего условие успешно завершить школьный учебный год, в танкоремонтную мастерскую — рядовым солдатом. После войны Виталий Викторович окончил военное училище, а затем был зачислен во внешнюю разведку. Про Юрия Ивановича он рассказывал так:

«Я знал его по Берлину как работника отдела „Н“ (нелегальная разведка. — А. Б.). А я тогда был заместителем начальника 1-го отдела — политическая разведка.

Деловых, рабочих контактов — как и вообще постоянных контактов — у нас никаких с отделом нелегальной разведки не было. Мы сидели довольно разобщённо. Потому как его встретил коллектив, как он проявил себя в первые дни в коллективе — ничего этого я сказать не могу.

Но вот моё впечатление: ходит лысый, серьёзный человек, немногословный, не любящий какие-то пустые разговоры, пустую болтовню — даже, может быть, сторонящийся незнакомых, неизвестных ему лиц. Держался замкнуто, не стараясь идти на какие-то широкие контакты... При этом, очевидно, цену он себе знал. Могу также сказать — но это уже по впоследствии полученной мною информации, — что он знал своё дело и его делал. Только и всего!

Позже, уже здесь находясь, в Москве, я услышал, что он играл роль родственника Абея, принимал участие в обмене этого легендарного разведчика. В Берлине всё это нам было не-до-ступ-но! Мы об этом ничего не знали — я имею в виду сотрудников других подразделений, не отдела нелегальной разведки».

Ну что ж, вот и пришло время рассказать про «кузена Дривса» и «дело полковника Абея».

Глава 4. Кузен Рудольфа Абеля

Нет смысла объяснять, что в мирное время подвиг чаще всего является следствием чьей-то ошибки или разгильдяйства. Герою, подчас ценой своей жизни, приходится исправлять чью-то небрежность, оплошность или, того хуже, сознательные действия, совершённые в уверенности, что «и так сойдёт».

В истории провала Вильяма Фишера, самого знаменитого до недавнего времени советского разведчика-нелегала (впрочем, других мы в общем-то и не знали), также не обошлось без ошибок — в том числе со стороны Центра.

Нет, начиналось всё замечательно. В конце 1948 года в Канаду приехал американец Эндрю Кайотис, а в мае следующего года он же, только уже как Эмиль Роберт Гольдфус, поселился в Нью-Йорке и затем, теперь как «Марк» — оперативный псевдоним разведчика, — возглавил там деятельность нелегальной резидентуры. В конце того же 1949 года опытный сотрудник разведки полковник Фишер был награждён орденом Красной Звезды, который он лично получит только во второй половине 1955 года, когда приедет в отпуск в Москву...

А 21 июня 1957 года Вильям Генрихович был арестован в нью-йоркской гостинице «Латам».

В очерках «История Российской внешней разведки» написано так:

«Провал, а затем арест разведчика произошёл в результате предательства помощника Фишера Хэйханена, который на почве пьянства оказался не в состоянии вести разведывательную работу и получил (под благовидным предлогом) указание возвращаться в Москву. Надеюсь, что на предательстве он заработает большие деньги и обеспечит себе вольготную жизнь, Хэйханен явился к властям США и рассказал то, что знал о своём руководителе. Он сообщил, что его начальник имеет звание полковника, дал описание его внешности, характер прикрытия и примерный район его проживания. Другого он не знал»^[36].

Неудивительно. В разведке каждый знает ровно столько, сколько ему необходимо и положено. Ведь многие знания — это не только многие печали, как сказано в Библии, но и лишняя возможность для утечки информации.

В итоге опытные оперативники ФБР смогли определить квартиру, где проживал пока что безымянный для них полковник советской разведки,

установили круглосуточное наблюдение за домом и конкретно за окнами квартиры, однако Фишер, который готовился к эвакуации и «консервировал» свои дела, дважды сумел пройти к себе домой незамеченным. В первый раз он вынес радиостанцию и содержимое одного тайника, во второй — опустошил другой тайник, но при этом уронил на пол маленький контейнер, в котором хранились личные письма, очень ему дорогие. А уже начиналась ночь и в комнате было темно, шторы плотно закрывали окна, так что разведчик совсем ненадолго включил свет и вскоре обнаружил контейнер под столом. Зато для фэбээровцев всё сложилось прямо как в популярной советской песне чуть более позднего времени: «На миллом этаже квадратики огня...» — только если в песне они горели «совсем не для меня», то в данном случае этот свет послужил сигналом, что в квартире наконец кто-то появился.

Так что человека, вскоре вышедшего на улицу из соответствующей парадной, «подхватила» «наружка» — сотрудник службы наружного наблюдения — и проводила до самой гостиницы, где он был «установлен». Причём фэбээровец действовал весьма остроумно: он не пытался казаться незаметным, наоборот, он тащил с собой чемодан, и это сбило с толку опытнейшего разведчика.

Утром 21 июня Эмиль Гольдфус был арестован в своём номере и после того, как его назвали полковником, сразу понял, что именно произошло. В принципе, всё именно к этому и шло... По этой причине он «признался», что на самом деле его зовут Рудольфом Абелем — но далее продолжал держаться своей «легенды».

Рудольф Иванович Абель — это был его друг, также сотрудник разведки, уже покойный. Фишер просчитал, что в Москве всё поймут, — и не ошибся.

15 ноября 1957 года в федеральном суде нью-йоркского района Бруклин был оглашён приговор: 54-летний «полковник Абель» был осуждён на 30 лет тюрьмы. Реально получалось, что пожизненно.

А теперь возвратимся к началу нашей главы — к рассуждению об ошибках и разгильдяйстве.

Известно, что алкоголизм в отличие от гриппа и тому подобных болезней одномоментно подцепить невозможно, он зарабатывается годами упорных тренировок. И разве в Центре никто не знал, что Хэйханен — алкоголик? И Абель, который с ним работал с 1953 года, ничего не замечал и не сообщал в Москву ни о каких «тревожных симптомах»? Между тем у «Вика» — оперативный псевдоним связного — были проблемы и в семейной жизни, да такие, что из-за его «домашних разборок» соседям

пару раз приходилось вызывать полицию. Американскую, разумеется. В Советском Союзе такого «аморального типа» давно бы выгнали из любой уважаемой «конторы». А тут достаточно долго готовились «аккуратно отозвать» его, но опоздали...

Может быть, и сам «Марк» не проявил должной настойчивости: не так просто было сделать это на расстоянии в семь с половиной тысяч километров, разделяющем Москву и Нью-Йорк, но вот привести ненадёжного (понятно же было, что это так!) связника почти к самому своему дому, сказать, чтобы тот подождал, а затем через пять минут возвратиться с плёнкой или чем-то ещё — это, наверное, оказалось самой серьёзной ошибкой, погубившей разведчика. Отсюда ведь и переданная в ФБР информация о «примерном районе его проживания».

Ладно, речь сейчас не о том, кто виноват и насколько. Главное, что Фишера нужно было спасать.

Но это понятно сейчас, а вот в те далёкие времена всё было несколько по-иному. Вот что рассказывал нам генерал армии Владимир Александрович Крючков^[19], возглавлявший советскую разведку почти полтора десятилетия:

«Было время, когда мы вообще от наших нелегалов отказывались. Им запрещали переходить на советскую основу — мол, вы сами по себе. Мы с Андроповым долго обсуждали эту проблему и пришли к выводу, что разведчик должен чувствовать Родину, которая в трудный момент его защитит. Поэтому впоследствии, если наш разведчик попадался, он переходил на советскую основу: я — советский гражданин. Всё! Это было, я считаю, небольшой революцией. Мы официально вступались за своего человека, поднимали вопрос, добивались его освобождения, обменивали его на другого, платили деньги... Более того, мы сразу пускали в ход контрмеры. Я не помню ни одного случая, чтобы нам не удавалось освободить нелегала. Когда мы пошли по этой колее, это вдохнуло в разведчиков уверенность...»^[37]

Но то, о чём мы сейчас рассказали, было, так сказать, «до революции», а потому не только полковник Фишер не подтвердил своей принадлежности к советской разведке — у него не было такого варианта «отступной легенды» на случай провала, в соответствии с которой можно было в чём-то как бы признаться и покаяться, но и родина не попросила настоятельно американцев вернуть одного из своих сыновей. Но всё-таки времена менялись, а потому, пожалуй впервые в истории, руководство КГБ и само руководство Советского Союза задумались о том, чтобы спасти разведчика-

нелегала официальным путём. Хотя и по известному принципу: «чёрных-белых не берите, „да“ и „нет“ не говорите». То есть «действуя втёмную», что называется — «под чужим флагом». Флаг на сей раз оказался чёрно-красно-жёлтым, с молотком и циркулем — флаг ГДР.

Но всё происходило совсем не так быстро, как хотелось бы.

Джеймс Донован^[20], адвокат Абеля, в своей книге «Незнакомцы на мосту. Дело полковника Абеля», выполненной в форме дневника, писал 23 августа того же 1957 года:

«Пока что позицию посольства (Советского посольства в США, разумеется. — А. Б.) можно было выразить фразой: „Нас это дело не интересует“»^[38].

На той же странице книги, несколько ниже, автор приводит свои слова, сказанные Абелю:

«По-моему, Рудольф, ваша страна уже списала вас со счетов как разведчика, и вы должны полагаться только на себя»^[39].

Это было личное мнение Донована — ну и, так скажем, его стороны.

Полковник Борис Яковлевич Наливайко^[21], человек, оставивший о себе добрую память в разведывательном сообществе, впоследствии писал:

«Поиском путей вызволения товарища по работе, оказавшегося в американской тюрьме, внешняя разведка занялась буквально с первых дней после окончания суда и вынесения ему приговора. После всесторонней оценки положения дел стало очевидным, что единственным путём, позволяющим рассчитывать на успех, мог стать только обмен. А это означало, что необходимо вступить в контакт с противником — американской стороной, заручиться её принципиальным согласием на подобное решение вопроса, найти удовлетворяющий другую сторону эквивалент обмена и, наконец, договориться о процедуре, месте и времени проведения операции.

Дело осложнялось тем, что из-за легенды, которой придерживалась наша сторона на всём протяжении следствия и собственно процесса, какие-то действия непосредственно от имени Советского Союза полностью исключались. Нужна была страна-посредник. Таким посредником стала ГДР. Немецкие коллеги отнеслись к нашей просьбе с полным пониманием, пообещав всяческое содействие со своей стороны»^[40].

А потому дело вскоре пошло так, словно бы кто-то как-то — некие родственники — по своей сугубо личной инициативе решил заняться спасением этого загадочного человека. Почему загадочного? Да потому, что американцы так ничего реального про него и не узнали.

«Важное значение имело поведение на суде самого разведчика. Им был избран оптимальный вариант действий. В соответствии с американским законодательством он отказался от дачи показаний, уполномочил суд выделить ему защитника и весь процесс обратил в диалог между судом и защитой. Это лишило обвинение возможности требовать от разведчика показаний, объяснений, доказательств и разыгрывать эффектные сцены политического шоу»^[41].

Однако не будем увлекаться историей Рудольфа Абея, наша книга совсем не о нём, а потому выбираем лишь те страницы, которые непосредственно связаны с Юрием Дроздовым. И первую из них найдём в его книге «Вымысел исключён»:

«...Двоюродным братом Р. И. Абея — Ю. Дривсом, мелким служащим, проживающим в ГДР, я стал при следующих обстоятельствах. Весной 1958 г. Н. М. Горшков^[22], руководитель отдела, где я работал, положил передо мной журнал „Дер Шпигель“ со статьёй „Дело Эмиля Гольдфуса“. Он предложил мне прочитать статью и подумать. На нашем языке это означало дать конкретные предложения по существу вопроса.

— Надо освобождать, — сказал я.

— Вот и займись! — был ответ.

Таким образом было доведено до меня решение руководства разведки об участии в мероприятиях по освобождению захваченного в США советского разведчика-нелегала „Марка“ (Р. И. Абея)^[42].

Честно говоря, воспоминания больших начальников о своей молодости следует читать с некоторой осторожностью. Не потому, что они непременно должны что-то забыть или перепутать, но потому — никому не в обиду! — что они давно уже мыслят совершенно иными категориями, нежели мыслили когда-то. К примеру, вот этот диалог: «Надо освобождать». — «Вот и займись!» — воспринимается так, словно бы именно Дроздову поручили начинать разработку и выполнение этой операции.

Такое впечатление неудивительно, ведь сколько раз потом начальник Управления «С» генерал-майор Дроздов получал подобные указания от Юрия Владимировича Андропова или Владимира Александровича Крючкова! И разрабатывал, и руководил... Но тогда, в 1958-м, всё было несколько по-иному. К тому же припомните наш разговор с Крючковым. Никогда ранее ничего подобного не было, но тут получается, что словно бы это сам Дроздов решил: мол, надо... И всё завертелось!

...Наши друзья с телеканала «Россия» передали нам уникальную

расшифровку интервью с Юрием Ивановичем, и к этому тексту мы не раз ещё обратимся в нашем повествовании. Когда именно вышла в эфир эта беседа, коллеги нам сказать не смогли — давно это было, а потому для уточнения источника мы будем делать сноску: «ТВ „Россия“». Так вот, в этом интервью всё представлено более подробно и, скажем так, уже на несколько ином уровне. Юрий Иванович вспоминал:

«Это дело было в Берлине, когда уже шла операция, разработанная центром по освобождению Абеля, и меня вызвали к начальнику отдела — простого оперуполномоченного.

Он мне, значит, через стол так бросил журнал „Шпигель“, говорит: „Прочитай там про этого, про Абеля“. Я говорю: „Хорошо“. Прочитал. Подымаю голову, говорит: „Ну что?“ — „Ну что, — говорю, — надо освободить, решать, каким образом это сделать“.

Он раскрыл передо мной содержание всего того, что эта операция по организации его освобождения идёт уже некоторое время, но застопорилась. Как и что? „Вот, давай свяжись с немцами, пускай они выделяют помощника, и дай свои предложения“»^[43].

Самое интересное, что нам Юрий Иванович вообще рассказал обо всём этом по-другому. Может, просто надоедало по двадцать раз одно и то же пересказывать? Расшифровка этой записи сохранилась у нас в архиве, Дроздов говорил так:

«После провала Абеля, когда удалось наладить какую-то переписку с ним через адвокатов, то возникла необходимость создания маленькой агентурной группы. Ну, на эту агентурную группу меня почему-то вызвали и сказали: мы согласовали вопрос с Мильке^[23], займись этим вопросом. Я говорю: да, но на это нужен адвокат, знающий это дело, — и появился Вольф.

Не тот Вольф, не Маркус, — а известный немецкий адвокат. Один из моих начальников привёл меня по указанию Александра Михайловича Короткова к этому Вольфу. Мы с полковником зашли к нему в кабинет, полковник говорил на немецком языке с хорошим русским акцентом и потому заставил разговаривать меня... Решили пару вопросов, потом мой начальник сказал, что нужно познакомить меня с Вольфгангом Фогелем^[24]. Вольф тут же преспокойно набрал номер телефона: „Слушай, есть один человек, с которым тебе надо поговорить, обсудить один вопрос...“ Договорились, что мы встречаемся в Шарлоттенбурге^[25], обсуждаем этот вопрос и начинаем работу... Всё! Больше он ни слова не сказал.

Мы встретились — тот старый костюм, в котором я тогда был, у меня,

по-моему, дома до сих пор висит — около почтового отделения, познакомились и начали организовывать дело по созданию серьёзной маленькой законспирированной группы, которая вышла на контакт с американцами, с американскими адвокатами, и занялась освобождением Абея. Фогель был единственный, кто мог спокойно выезжать в Западный Берлин, работал там со своими связями. Он прошёл через все судебные процессы — мне кажется, мы его тогда замотали...»

Примерно то же самое, но с меньшими подробностями Юрий Иванович говорил в своём интервью для телеканала «Россия»:

«Ну, мы встретились с этим товарищем, с немецким, поговорили. Потом я съездил в его контору. Это знаменитый адвокат Фогель, Вольфганг Фогель такой. Очень приятный, интересный человек... Ну, и начали разрабатывать операцию»^[44].

И далее — в том же интервью, только несколько позже, отвечая на очередной вопрос:

«Нет, не я разработчик. Разработчиком операции была целая группа сотрудников, которая знала Абея длительное время — в разных местах. Они многим были и лично, и по-человечески ему обязаны — просто-напросто рабочими отношениями и своими дружескими отношениями»^[45].

Итак, дело пошло.

«Вскоре в переписку с адвокатом [Джеймсом Донованом] вступил двоюродный брат Абея — мелкий служащий из ГДР Юрген Дривс. Вот когда ещё раз сработала легенда, придуманная Вильямом Генриховичем Фишером в отношении его репатриации в Германию. Через свои оперативные возможности ЦРУ осуществило негласную проверку и убедилось: всё верно, Юрген Дривс действительно проживает в Германской Демократической Республике и является родственником Абея. И лишь совсем недавно выяснилось, что никакого Дривса не было и в помине. Просто его роль великолепно сыграл будущий руководитель нелегальной разведки КГБ СССР генерал Юрий Дроздов»^[46].

Не всем, очевидно, понятно, зачем Юрий Иванович выступал «под чужим флагом». Сам он объяснял это так:

«Кому я нужен был бы русский? Тогда это было бы подтверждение тех данных, которые нужны американцам, если бы я был как русский, а я выступал как немец. Так что всё было нормально».

Американцы представляются тупыми дураками только в выступлениях наших юмористов. (Известно, что литературный герой не может быть умнее своего автора.) Так что неудивительно, что американские

спецслужбы решили проверить личность новоявленного «кузена». Но ведь и наши были не дураки, они такую возможность предполагали, а потому информация о прибытии «проверяльщика» поступила сразу. Разумеется, не без помощи восточногерманских коллег, на территории которых всё это происходило, — советская разведка на территории стран социалистического лагеря не работала.

Юрий Иванович нам рассказывал:

«Один раз я приехал в Дрезден, зашёл к нашему офицеру связи, он говорит: „Слушай, надо зайти к немцам — пойдём, я познакомлю тебя...“ Ну, мы пришли к нашим тамошним коллегам, они говорят: „Мы странный документ получили. Задержали одного человека, который занимался установкой Юргена Дривса — кузена Абея. Ищут они этого человека...“

Так я узнал, что ищут меня. А я перед этим там был, поправил табличку с „моим“ именем возле дверей, с портье поговорил, с женщиной, которая меня прикрывала, с „почтовым ящиком“. Посмотрел на донесение, которое было у того „установщика“ отобрано во время задержания — о том, кого он должен был найти, кого увидеть, установить... Смешно всё это было, как детская игра!»

Трудность состояла в том, что просто так объявиться — «здрасьте, я двоюродный братец ваш» — и потом исчезнуть, оставив почтовый адрес «Берлин, Главпочтамт, до востребования» — было нельзя. «Кузена» следовало «залегендировать» самым тщательным образом и по всем направлениям. Это уже потом, после той самой «революции», о которой рассказывал нам Владимир Александрович, стало возможно обращаться по официальным дипломатическим каналам (впрочем, думается, и теперь не всегда), а тогда следовало делать всё тщательно и осторожно, чтобы ничьи «уши» не вылезали.

В интервью для телевидения Юрий Иванович объяснял:

«Я там снял квартирку маленькую. Начали мы оттуда посылать письма для того, чтобы связаться с американскими адвокатами, — а их (очевидно, ФБР. — А. Б.) заинтересовала такая дерзость. Вот они туда прислали, значит, человека... А там ему подтвердили, что я действительно проживаю в этом немецком доме»^[47].

Но больше к той «своей» квартире Дроздов не приезжал, с хозяйкой её не встречался и вообще старался, как он выразился, «обходить это место большими кругами». «Светиться», расшифровываться перед противником для него не было никакого смысла, ему ещё нужно было работать и работать в будущем, не превращаясь, что называется, в «установленного сотрудника разведки» — мало ли чего ещё американцы могли придумать

для выяснения подлинной личности этого самого «кузена». При этом письма из США, которые приходили на тот адрес, всегда передавали куда следует.

Нет, «игра» была серьёзная!

А вот рассказ Юрия Ивановича из другого источника:

«Чтобы достоверно сыграть роль родственника, мне пришлось заочно хорошо изучить Рудольфа Ивановича. В своих письмах, которые направлялись на его имя в Америку, я, как мог, пытался подбодрить его и сообщал, что родственники предпринимают определённые шаги к его освобождению. Конечно, американцы читали эти письма, но ничего подозрительного в них не находили. А нам нужно было морально поддержать Абеля и, что называется между строк, информировать его о состоянии дел по обмену. Уверен, он правильно интерпретировал все мои письма...

Около года тянулась эта „семейная“ переписка»^[48].

Кстати, на самом деле «подложных» Дривсов было два, да к ним ещё и один подлинный в придачу! Об этом мы узнали из интервью Юрия Ивановича, данного им в 1996 году корреспонденту журнала «Профиль». Дроздов рассказывал:

«„Настоящий“ Юрген Дривс был преуспевающим адвокатом, владеющим дорогим особняком в Западном Берлине. Я был на него очень похож. Если мне случалось бывать в Западном Берлине, я пользовался документами на имя адвоката Дривса. Таким образом я придавал себе определённый вес, мне задавали меньше вопросов. А в Восточном Берлине опять становился мелким клерком. Конечно, риск был огромным. Но именно за риск я больше всего любил свою работу»^[49].

Наверное, всё так и было, а смысл этого «единого в двух лицах» крылся, очевидно, в том, что если в Восточной Германии с «Дривсом» вдруг нечаянно встретится некто «с той стороны», то и опознает его и назовёт как Дривса (не вдаваясь, разумеется, в подробности, кто он — мелкий клерк или преуспевающий адвокат), а не как Шмидта или, допустим, какого-нибудь фон Штауффенберга...

При этом, правда, нас несколько смутило длинное название того самого журнального интервью: «Юрий Дроздов, он же барон Хоэнштайн, он же нацист Дривс, он же кузен Рудольфа Абеля». Который же из Дривсов оказался нацистом, если Юрий Иванович ни одного, ни второго («кузен Абеля» в расчёт не идёт) таковым в интервью не обозначил? Ну да ладно, не о том сейчас речь!

Всё изложенное выше было лишь одним из направлений работы по освобождению советского разведчика. По другому направлению действовало по просьбе советского правительства руководство ГДР, проводившее официальные переговоры. По третьему — адвокат Джеймс Donovan, проникшийся искренней симпатией к своему незаурядному подзащитному. Предлагались различные варианты обмена, явно неравноценного по количеству «голов», отдаваемых нашей стороной, чтобы вернуть одного своего разведчика, вот только американская сторона отнюдь не желала выпускать из своих рук советского «супершпиона», понимая, что обмен всё равно будет неравноценным и «большевики» в любом случае останутся в выигрыше.

Но, как мы уже сказали, это всё не наша история, так что углубляться в неё не будем.

Точно так же не станем подробно вдаваться в историю лётчика Пауэрса и ограничимся лишь краткой официальной информацией по этому делу:

«1 мая 1960 года в районе Свердловска был сбит американский разведывательный самолёт У-2, который пилотировал Френсис Пауэрс, тридцатилетний американский лётчик. Самолёт принадлежал ЦРУ и был буквально напичкан разнообразной техникой. Задача лётчика — сфотографировать ракетные базы под Свердловском»^[50].

Произошло то, чего американцы никак не ожидали: зенитная ракета комплекса С-75 «Двина» достала самолёт-разведчик на высоте более 21 тысячи метров. Пилоту следовало бы воспользоваться катапультной, но (есть такая версия — «ужастики» про идеологических противников у нас были в почёте) Пауэрс знал от каких-то доброжелателей, что в этом случае он не вылетит из самолёта, но взорвётся вместе с подбитой машиной. Поэтому он просто выбросился с парашютом, что было сложнее, но безопаснее.

Пауэрс отнюдь не хотел умирать, так что иголка с ядом, лежавшая в его кармане «на всякий случай», была в неповреждённом виде передана военным контрразведчикам, в чьих руках американец оказался вскоре после приземления.

Хотя первыми его встретили местные жители, а так как уже началась «космическая эра», появились первые спутники, и народ (смутно или осознанно) ожидал скорого полёта человека в космос, то Пауэрса они поначалу приняли за космонавта и даже, по русской традиции, хотели «угостить», однако не успели — приехали уже проинформированные товарищи из КГБ. Задержанного срочно отправили самолётом в Москву.

19 августа 1960 года лётчик-шпион был приговорён Военной

коллегией Верховного суда СССР к десяти годам лишения свободы: три года тюрьмы, затем — колония...

И вот тут заинтересованной стороне стало понятно, что появился реальный вариант обмена. Не потому, что Пауэрса можно было сравнить по значимости с Абелем, но вряд ли ЦРУ хотело оставлять своего человека в советской тюрьме.

К тому же, если о судьбе Абеля хлопотали «родственники из ГДР» («кузен Дривс» — в первую очередь), то облегчить участь Пауэрса стремились его действительные родственники из США, кровно заинтересованные. Они также сразу связали эти два имени.

Поэтому Оливер Пауэрс, отец пилота, написал письмо не только советскому лидеру Никите Хрущёву, но и... узнику федеральной исправительной тюрьмы в Атланте Рудольфу Абелю — можно полагать, что не совсем по личной инициативе. Он писал:

«Вы, конечно, поймёте моё беспокойство как отца о судьбе моего сына и моё страстное желание, чтобы моего сына освободили и вернули домой. Я имею намерение просить Государственный департамент и президента Соединённых Штатов об обмене с целью освобождения моего сына. Я имею в виду, что буду настаивать и сделаю всё возможное, чтобы добиться от моего правительства вашего освобождения и возвращения на родину, если власти вашей страны освободят моего сына и разрешат ему вернуться ко мне. Если вы согласны действовать в этом направлении, я был бы вам обязан, если вы сообщите мне об этом и поставите в известность власти вашей страны...»^[51]

Он, узник американской тюрьмы, — да был не согласен! Вот только понятно, что к властям своей страны Абель никак обратиться не мог. Но за него это делали другие...

И вот что ещё говорил нам Дроздов:

«Хотя, возможно, ничего бы не получилось, если бы один из руководителей НАТО — не помню его фамилию — не написал письмо к президенту США. Он вспомнил выступление Донована на одном из заседаний — что у нас находится не только Пауэрс, но есть и другие, и надо решать их судьбу, используя этот имеющийся прецедент. Мол, хватит валять дурака! И Джон Кеннеди понял...»

Опять-таки не будем, по вполне понятной причине, вдаваться в подробности и скажем лишь о том, что в конце концов переговоры увенчались успехом.

2 февраля 1962 года адвокат Донован прибыл в Восточный Берлин. На следующий день он посетил Советское посольство. Вот как описывает этот

визит уже известный нам Борис Яковлевич Наливайко, назвавший себя в этом же тексте «непосредственным участником разработки и практической реализации всех последующих мероприятий по этому делу» — оно действительно так:

«На состоявшейся в здании посольства СССР на Унтер-ден-Линден встрече, куда Донован прибыл в точно указанное им в письме время, кроме упомянутого выше официального представителя посольства присутствовали также прибывшие накануне из Москвы жена Абеля Елена Степановна, дочь Эвелина и выступавший в роли „кузена“ оперативный работник, в производстве которого находилось дело Абеля. Поскольку „кузен“ свободно владел как немецким, так и английским языками, нужды в переводчике не было»^[52].

Далее автор пишет о том, что американская сторона — устами Донована — предложила менять Абеля не только на одного лишь Пауэрса, но ещё и на двух американских студентов, арестованных и сидевших за шпионаж: Фредерика Прайора — в Восточном Берлине и Марвина Макинена — в Киеве...

Но их, скажем, заглядывая вперёд, передавали потом не вместе с Пауэрсом, а на пограничном контрольно-пропускном пункте «Чарли», что ныне сохраняется в качестве исторического памятника на Фридрихштрассе в Берлине. Но эти люди нас абсолютно не интересуют.

Думается, не имеет смысла уточнять, кто был вышеупомянутый «кузен».

А вот таким увидел Дроздова адвокат Донован (опускаем характеристики, данные им всем прочим участникам разговора):

«„Кузен Дривс“ не проронил ни слова. Это был худой, суровый на вид человек, лет пятидесяти пяти. Он всё время сжимал и разжимал свои могучие кулачищи, и я мысленно отнёс его к типу „Отто-вешателя“^[26]. Он, вероятно, был из восточногерманской полиции»^[53].

Вообще-то Юрию Ивановичу в то время не исполнилось ещё и 37 лет. Но то, что Донован решил, что он из восточногерманской полиции, — это гораздо лучше, нежели бы он написал, что «явно из советского КГБ». Ведь внешне восточные немцы никак от западных не отличались — разве что по одежке.

«Позднее в своих воспоминаниях адвокат Д. Донован напишет, что у родственника Абеля большие волосатые руки, — писал Дроздов в своей книге. — Прочитав это, я долго рассматривал кисти своих рук, но ничего подобного не заметил. Видимо, для устрашения своей общественности он

воспользовался приёмом гиперболы»^[54].

Насчёт «волосатых рук» Донован, как мы можем прочитать чуть выше, не писал — а вот фраза про «большие руки» ещё прозвучит в нашем повествовании в качестве цитаты...

В своих ставших бестселлером «Незнакомцах на мосту» Донован ещё несколько раз пишет о встречах с Дривсом — без всякой симпатии (но и без кавычек, в отличие от варианта первого дня), что, вполне возможно, объясняется сложностью «торга» по обмену: понимая ценность советского разведчика, американцы старались получить за него как можно больше своих провалившихся агентов...

Но вот один момент в книге Донована уж точно вызывает сомнение:

«В разговоре с Дривсом я заметил, что мне „очень жаль“ семью Абеля, и спросил, как зовут г-жу Абель и её дочь. Он ответил, что мать зовут Лидией, а дочь — Еленой. Я спросил, была ли Елена замужем, и он ответил:

— К сожалению, нет.

Затем он сразу же спросил, не говорил ли со мной Абель о своей семье, на что я ответил:

— У нас никогда не было для этого подходящего случая.

(Фактически, судя по прежней переписке и данным, фигурировавшим на процессе Абеля, включая микроплёнки с письмами, захваченными в комнате Абеля при его аресте, заявления кузена Дривса были абсолютно ложными. Как зовут мать и дочь, он перепутал, поменяв их имена. Кроме того, в одном письме, приводившемся на процессе в качестве улики и, видимо, написанном дочерью Абеля, подробно описывался её муж)»^[55].

Ой не верим — и всё тут! (Очень, кстати, разумно — врать, когда знаешь, что уличать тебя никто не станет. Донован, как мы понимаем, хороший мужик, но это не мешало ему выполнять чей-то заказ и показывать противника не в самом лучшем свете.) Ведь Юрий Иванович, как свидетельствуют все, кому довелось с ним работать и общаться, имел блестящую, феноменальную память. Примеров тому немало встретится и на страницах нашей книги. Так что если он говорил, что «заочно хорошо изучил Рудольфа Ивановича» и в течение года вёл с ним «семейную переписку», то, значит, ничего перепутать не мог — тем более на столь элементарном уровне.

Известно, что жену Вильяма Генриховича Фишера звали Елена Степановна; у них была дочь Эвелина и была ещё племянница Лидия, взятая на воспитание после смерти родителей. Какие имена были

обнаружены в письмах, к кому обращался «Рудольф Иванович» из тюрьмы — большой вопрос. Вроде бы редкое имя «Эвелина» в письмах не упоминалось вообще — из предосторожности, чтобы в Москве американцы не установили таковую. (Вот это — истинный профессионализм!) В воспоминаниях полковника Наливайко сказано, что в Берлин приезжали Елена Степановна и Эвелина. Донован пишет, что приезжала Лидия. Честно говоря, разобраться не так-то просто — тем более что под этими именами мог скрываться кто угодно. Но это нам тяжело, а не Дроздову, который был «в теме».

Ну да ладно! Всё равно история стремительно приближалась к развязке...

...И как же вовремя эта развязка наступила! Кто тогда мог предположить, что пройдёт совсем немного времени, всего-то полгода, и советские грузовые суда повезут в своих трюмах к американским берегам, на остров Свободы — Кубу баллистические ракеты с ядерными зарядами, реактивные истребители и бомбардировщики, противозенитно-ракетные комплексы, танки и десятки тысяч человек личного состава. Карибский кризис вскоре поставит мир на грань ядерной войны, а СССР и США будут готовы порвать всяческие межгосударственные отношения.

Тут уже никто не возьмётся сказать, как бы тогда решился — и решался бы вообще — вопрос о судьбе полковника советской разведки, оказавшегося в тюрьме государства, считающегося главным противником его Родины...

Ладно, возвращаемся в день 9 февраля пока что ещё спокойного 1962 года. Юрий Иванович нам о том дне рассказывал:

«Вечером у начальника моего отдела было совещание. Говорили о чём угодно, о пустяках, каждый высказывал своё мнение — а у меня в то время жена болела и уехала в Кисловодск на лечение. Я сидел, слушал, слушал, слушал... А когда организовалась такая нормальная пауза, то я бросил фразу: „А вообще, товарищи, поскольку у меня дома двое пацанов, а жена в отъезде, на лечении, то если я завтра просплю, то всё будет хорошо...“ Начальник отдела выругался, закрыл это самое совещание, а утром я проснулся оттого, что его заместитель стучит ко мне в двери — и я выскочил, небритый, поехал...

Начальник отдела, по пути, когда Донован с ним разговаривал, показал на меня и заявил: „Так его эти бабы замучили (имелись в виду жена и дочь Абея. — А. Б.), что он даже небритый приехал. Всю ночь не спал, молился, всё это дело организовывал...“»

Итак, обмен происходил утром 10 февраля, на мосту Глинике (если

совсем точно — Альтглиннике-Брюкке) через реку Хафель, в районе Потсдама.

Что интересно, в книге «Вымысел исключён» Юрий Иванович не сам описывает процедуру обмена Абеля и Пауэрса, но приводит пространную, на две страницы, да ещё и мелким шрифтом, цитату из «Незнакомцев на мосту».

Борис Яковлевич в своём очерке рассказывает обо всём сам и гораздо подробнее, при этом указывая, что «в кинофильме „Мёртвый сезон“, благодаря консультациям Р. И. Абеля, процедура обмена показана почти с документальной точностью. Единственным отступлением является то, что в фильме после завершения операции машины на сумасшедшей скорости разворачиваются, поднимая облако пыли, после чего уже исчезают из вида. На самом же деле... и мы, и американская сторона развернули свои машины заранее, сразу же по прибытии на место. Но вариант, представленный в фильме, производит на зрителя, конечно, более эффектное впечатление»^[56].

В общем, кому интересен именно этот момент — есть, где почитать и что посмотреть.

Дроздов же в разговоре с нами согласился, что, действительно, обмен — когда Абель и Пауэрс проходили через те самые линии — был похож на то, что показано в «Мёртвом сезоне». И они почти так же посмотрели друг на друга, только немного быстрее это было...

«А так было интересно, — вспоминал Юрий Иванович. — Но американцы во всех своих литературных измышлениях отрицают один факт: они не говорят о том, что на реке Шпрее, на её водной глади, стояли справа и слева от моста две лодки, в которых под брезентом лежали пулемёты. Один раз была только такая маленькая замечочка об этом — и всё...»

И ещё уточнение от Юрия Ивановича:

«А когда, значит, Абеля освободили, я потратил полтора дня для того, чтобы его одеть, переодеть из американской робы в нормальное человеческое платье из берлинских магазинов»^[57].

Можно уточнить, что советская сторона «экипировала» Френсиса Пауэрса весьма прилично, несмотря на весь наш пресловутый дефицит промышленных товаров.

Так завершилась одна из наиболее известных операций (подчёркиваем: «одна из...»), в которых принимал участие разведчик Юрий Иванович Дроздов.

...У многих, естественно, возникает вопрос: как потом сложились отношения между Абелем и Дроздовым. Ответ предельно прост — никак. Рудольф Иванович через сутки улетел в Москву, Юрий Иванович до лета 1963 года оставался в Берлине, но в советской столице их пути ещё долго не пересекались, каждый занимался своим делом.

«Я встретился с ним ещё раз в конце 60-х годов в столовой нашего здания на Лубянке во время своего приезда в Центр из Китая, — писал Дроздов в своей книге. — Он узнал меня, подошёл, поблагодарил, сказал, что нам надо всё же пообщаться хоть через 5 лет. Я не мог, поскольку в тот же вечер улетал.

Судьба распорядилась так, что я посетил дачу Р. И. Абеля в 1972 г., в годовщину его смерти (15 ноября. — А. Б.)...»^[58]

Война есть война (французы по этому поводу говорят своё знаменитое «à la guerre comme à la guerre»^[271]) — даже если она тайная, а потому выбывшего из строя бойца заменяет кто-то другой, окопы пустыми не остаются.

В своё время корреспондент «Российской газеты» спрашивал Юрия Ивановича:

«— Из американских СМИ я знаю, что преемником Абеля в США стал некий „Георгий“. Что он основал там свою компанию и стал даже субконтрактором Пентагона по осуществлению программы ракеты „Титан“. Георгий работал в США 15 лет, получая множество патентов по технологии вооружений и передавая их в КГБ. Так вот, пишут американцы, руководил „Георгием“ Юрий Дроздов. Что скажете?

— Рассказывать обо всём, что связано с „Георгием“, время не пришло. В работе с ним участвовали и другие сотрудники»^[59].

Кажется, тема закрыта. Однако всё-таки и в ней есть некоторые «моменты», о которых можно сказать. Точнее, не о самой теме, но о её предыстории.

Это ведь только в боевиках разведчик-супермен, возникший ниоткуда, тут же находит высокопоставленные знакомства и покровительство, входит в доверие ко всем и каждому, а в итоге овладевает ключами от сейфа большого босса и заодно его сногшибательной секретаршей. В жизненных реалиях оно как-то всё несколько сложнее, так что даже супермену лучше приходить на заранее подготовленную почву и губы на длинноногих секретарш особенно не раскатывать.

Для того чтобы внедрить «Георгия» в «цитадель империализма», как именовали в те времена Соединённые Штаты, следовало сделать так, чтобы

тамошние серьёзные люди были заинтересованы в нём как в специалисте, чтобы его там ждали для конкретного использования.

«Один из наших сотрудников, — вспоминал Юрий Иванович, — бросил идею проникнуть в находящийся под контролем спецслужб пункт специальной связи, через который проходят все служебные отправления. Мои непосредственные руководители идею подхватили, и я превратился почти на два месяца в „инспектора Клейнерта“. Перед этим немецкие друзья экзаменовали меня перекрёстным опросом на пригодность к очередной роли добрых полтора часа, пока их начальник, генерал-майор Вайкерт, не сказал: „Пусть идёт, выдержит“»^[60].

Практически ничего конкретного об этой операции Юрий Иванович не писал и не рассказывал — есть такое понятие, как «методика работы», и её раскрывать не нужно до тех пор, пока она не устареет безнадёжно. Поэтому скажем кое-что по минимуму.

На сей раз Дроздову опять пришлось превратиться в иностранца, но если «кузен Дривс» действовал на «нашей», гэдээровской территории и в основном среди своих, то «инспектору Клейнерту» следовало перейти «на ту сторону» и реально оказаться во «враждебном окружении». Отрадно, что Джеймс Донован не смог идентифицировать его как советского гражданина и, как мы помним, «примерил» на него два образа: восточногерманского полицейского и «Отто-вешателя». Однозначно второй образ теперь был гораздо предпочтительнее. За первый могли не только посадить, но даже и убить, ибо никакого «прикрытия» у него не было, а в разного рода западногерманских структурах вполне хватало своих «отто» из Третьего рейха — «вешателей» самого разного ранга и с богатым практическим опытом. Со дня окончания Великой Отечественной войны не прошло ещё и двадцати лет, так что основному количеству её ветеранов было тогда лет по 40–50.

Юрий прекрасно понимал, в какую воистину смертельную ловушку он суётся. Недаром же, по его признанию, ему на память вдруг пришли слова французского маршала Тюренна^[28], некогда обращённые к самому себе перед каким-то большим сражением: «Ты дрожишь, мой скелет? Ты дрожал бы ещё больше, если бы знал, куда я тебя сейчас поведу».

Это к тому, что Дроздову реально было страшно: «обстрелянный» человек не понаслышке знает, что такое опасность, и не бравитует отчаянной храбростью, но... другого варианта для него не было. Про патриотизм, чувство долга и иную мотивацию поведения каждый может добавить сам. Так что навстречу смертельной опасности он шагнул не

очертя голову, а вполне сознательно.

«Легендирован» он был не то как почтовый инспектор, не то как инспектор криминальной полиции (приходилось читать различные варианты) — в общем, как какой-то проверяющий, «боковой» начальник. Немцы же, это известно, при общении с начальством воистину впадают в ступор. (К сожалению, такая поганая болезнь сегодня всюю распространяется и на нашей российской земле.) Так что «инспектор Клейнерт» не только успешно выполнил свою инспекторскую миссию, но и завязал на «объекте» хорошие связи, обзавёлся знакомыми и даже как бы друзьями. Ну а заодно — из-за чего всё и затевалось — сумел перехватить документы проверки и, как представляется, заменить их на бумаги, необходимые для внедрения «Георгия»... туда, куда это было нужно.

Завершив «инспекторскую миссию», Юрий Дроздов без лишней рекламы и слёзных прощаний возвратился туда, откуда приехал, — в Восточный Берлин, навсегда исчезнув из поля зрения своих друзей и знакомых.

...«Георгий» отработал в Соединённых Штатах 15 лет, благополучно возвратился на Родину — и вскоре, что получилось совершенно случайно и нелепо, скончался от перитонита в Ленинграде...

«Роль „инспектора Клейнерта“ привела и к переменам в моей работе. Мне пришлось взять на себя выполнение ряда других оперативных функций, заняться по решению руководства и вербовкой агентуры для обеспечения деятельности нелегальной разведки.

Выполняя различные поручения, я изъездил всю Германию вдоль и поперёк, внимательно приглядываясь к людям, их нравам, привычкам...»^[61]

Всё это очень интересно, но ничего конкретного мы более уже не скажем.

...Успешно выполнив стоявшие перед ним задачи, Юрий Иванович возвратился в Москву в конце лета 1963 года.

Глава 5. «Хорошие плохие годы»

И вспоминается Священное Писание: «Уничжение паче гордыни».

К чему это? Да вот, обратите внимание, как Юрий Иванович начинает главу книги «Вымысел исключён», по времени соответствующую нашему рассказу:

«После возвращения из Германии, несмотря на положительные результаты в работе, мне не нашлось места в центральном аппарате нелегальной разведки. Для него я был новичком. Хотя и опытным, но новичком, а таких туда брали неохотно. К тому же тогдашнему руководству были известны мои взгляды на организацию работы и использование нелегалов, что отдельными руководителями воспринималось в 1963 г. с опаской и настороженностью.

Я не стал спорить и был направлен отделом кадров на курсы усовершенствования оперативного состава (УСО)»^[62].

Всё-таки, судя по ряду отзывов, он был тем ещё хитрецом! Однако поверьте, что в разведке, а тем более в нелегальной разведке, чистосердечному простачку делать нечего. А именно бытие, если кто ещё помнит, определяет сознание. Так что не говорим в укор, но просто констатируем факт.

Вот Дроздов пишет, что ему «не нашлось места», что он вызывал «опаску и настороженность», а потом его вдруг взяли и направили на УСО. Но ведь именно эти курсы открыли ему дорогу для служебного роста! УСО — совсем не пункт «отсидки» для тех, кому нет другого места, но подготовка руководящих кадров.

К тому же, как нам известно, на курсах Юрий Иванович был не просто рядовым слушателем. Сам он об этом в книге не писал, но у нас, помнится, был большой разговор с полковником Юрием Анатольевичем Шевченко — недавно раскритиченным разведчиком-нелегалом, в мае 2017 года удостоенным звания Героя Российской Федерации. Юрий Анатольевич рассказал:

«Впервые я увидел Юрия Ивановича в 1963 году — мы с ним вместе учились в нашей Высшей разведывательной школе, тогда она называлась 101-я школа. Он был в звании подполковника и являлся старшиной УСО — факультета усовершенствования. Группа интересная была — все заслуженные офицеры, многие из них прошли огни и воды как в военное, так и в мирное время. Там были и заслуженные сотрудники

госбезопасности...

Дроздов почему-то сразу привлёк моё внимание. Человек этот буквально притягивал к себе своим поведением, своим обаянием. Мои сведения о нём были самые общие: фронтовик, у него немецкий язык. Где он работал, что делал — никаких подробностей я не знал, и мы ничем этим ни про кого не интересовались, не спрашивали. Это был принцип. Конечно, я был „первоклассник“, а этот уже — „выпускник“, так что мы с ним тогда ни одним словом не перемолвились. Между такими категориями даже какого-то знакомства, не то что дружбы, быть не могло...

Когда я поступил в эту школу, то меня, так как я был по образованию архитектором, сразу направили в редколлегию стенной газеты. Рисуи! Рисовал я хорошо — у нас завкафедрой рисунка был академик Дейнека^{29}, и у меня, одного из немногих, была оценка „отлично“. Газета, кстати, получилась шикарной! У нас было много журналистов — естественно, они писали интересные тексты, ну а моим делом было оформление. Я подготовил макет газеты так, как мы в Архитектурном институте делали: восемь ватманских листов, подрамники... Серьёзно!

И вот Новый год подходит. Я решил в этом номере нарисовать дружеские шаржи на всех, кто мне нравился. Думаю, как же мне Юрия Ивановича нарисовать? А в школе он был такой же, каким, фактически, оставался до конца жизни. Не очень кудрявый, поэтому подпольная кличка у него была „Череп“. (По нашей информации, она закрепилась на долгие годы. — А. Б.) Вот я и решил, что надо сделать дружеский шарж с затылка — и все его узнают. На моём рисунке получилось так, что „папа“ держит в охапку, обнимает своих слушателей с УСО. Ему вроде тоже понравилось — он с юмором был.

Такая была наша первая встреча».

Заметим, что в отличие от тех, кто только начинал службу в разведке и был, что называется, «на казарменном положении» — жили в общежитии, слушатели УСО приезжали в 101-ю школу утром и уезжали после занятий.

И вот, кстати, ещё один взгляд на Дроздова того времени:

«Он там был на переподготовке, а я — на одногодичном курсе. Познакомились. Практически не общались. Высокий, приветливый — и всё».

Из всего сказанного здесь и ранее вывод один: Юрий Иванович умел располагать к себе людей.

Повторим, что подполковник Дроздов был старшиной курсов усовершенствования, а тем, кто знаком с системой обучения в военно-учебных заведениях (без разницы, какого ведомства и уровня), не нужно

объяснять, что командный состав из числа слушателей и курсантов пользуется определёнными привилегиями не только в процессе учёбы, но и по выпуске. В смысле места распределения. Понятно и то, что в серьёзных военно-учебных заведениях абы кто на командирские должности не назначался...

В общем, не стоит удивляться тому, что ещё задолго до выпуска Дроздов получил предложение готовиться к командировке в КНР в качестве главного резидента. Назначение очень и очень высокое — резидент в великой стране (хотя тогда всё было наоборот, и великой страной считался не Китай, а СССР), но уж точно — резидент в огромной стране. Работа предстояла безумно трудная.

«Китайская проблема неизменно занимала важнейшее место в сфере внешнеполитической деятельности Советского Союза. Андропов никогда не выпускал её из поля зрения, много занимался ею. Причины очевидны: Китай — не просто соседнее государство, но и держава, великая по любому параметру.

Неосторожное обращение Хрущёва с китайским соседом в конце 50-х — начале 60-х годов дорого обошлось СССР»^[63].

Эти заметки Владимира Александровича Крючкова относятся как раз к тому времени, а сам он тогда ещё и не помышлял, что вскоре возглавит советскую разведку. И Юрий Владимирович Андропов был ещё не председателем КГБ СССР, но заведующим Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Вот только о чём он в ту пору думал, какими видел свои ближайшие и последующие перспективы — этого не скажет никто, ибо Андропов — одна из самых загадочных личностей в советской истории...

Ну да не о нём пока что речь — всему своё время.

Главным действующим лицом на «китайском театре» являлся «председатель Мао» — семидесятилетний Мао Цзэдун^[30], старательно укреплявший свою власть. Старики консервативны и хотя бы уже потому им совершенно не хочется менять свой привычный статус. Стремлением Мао оставаться «у руля» объясняется многое из того, что происходило в тогдашнем Китае.

«Начиная с 1963 года Председатель со всё возраставшей энергией боролся против внутренней „контрреволюции“. В мае ЦК китайской компартии даже принял специальный документ (так называемые „Первые 10 пунктов“), определивший цели, движущие силы, объекты и масштабы движения за социалистическое воспитание в деревне, ставшей к тому

времени главной ареной борьбы с реставрацией капитализма в связи с распространением там системы подряда. Документ этот был разработан под непосредственным руководством Мао, заострившим его против некой „новой буржуазии“, к которой вождь относил главным образом недобитых „помещиков“, „кулаков“ и других алчных эксплуататоров, внедрившихся, с его точки зрения, в руководство ряда „коммун“ и бригад для „контратаки“ на партию и раздела земли. Откуда в КНР после коллективизации, голода и борьбы с „семейным подрядом“ оказались „помещики“ и „кулаки“, сказать трудно, но Мао настаивал на таком видении проблемы.

Набирала дальнейшие обороты и кампания борьбы с внешним, советским, „ревизионизмом“»^[64].

Но, бессрочно оставаясь «у руля», Мао отнюдь не был обеспокоен проблемами повышения своего личного благосостояния (этот «вирус» станет поражать многих из «мировых лидеров» несколько позже), зато стремился превратить Китай в великое коммунистическое государство, считая это своей исторической миссией. «Его генеральная линия на сталинизацию Китая по советскому образцу получила поддержку как в партии, так и среди широких слоёв населения. Этому, разумеется, способствовали не только репрессивные кампании, но и экономические успехи, достигнутые коммунистическим режимом за первую половину 1950-х годов с помощью Советского Союза»^[65].

Неудивительно, что проводимая в то же самое время хрущёвская политика «десталинизации» СССР не только вызвала резкое неприятие со стороны китайского лидера, но и рассорила наши страны — недавних ближайших союзников. Популярная песня со словами «Русский с китайцем братья навек» была позабыта, а «советские братья» превратились в «советских ревизионистов». Но сложность была в том, что совсем ещё недавно всё во взаимоотношениях между нашими государствами было совершенно по-иному!

Вот что рассказывал по этому поводу Юрий Иванович корреспонденту «Российской газеты»:

«Шел 1964 год. Резкое ухудшение советско-китайских отношений потребовало организации разведработы по КНР, которую мы прекратили в октябре 1949-го. Тем самым совершили недопустимый для любой разведки промах. Ведь китайские разведчики и контрразведчики проходили в те годы обучение у нас, были частыми гостями на Лубянке, мы не делали от них секретов из своей работы, поскольку не обращали внимания на отдельные действия китайской верхушки. В частности, не сделали выводов из

ставшего уже тогда известным нам разговора между Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем^[31] во время первого парада на площади Тяньаньмэнь. Мао сказал Чжоу: „Ну что? Несбыточное, как видишь, с советской помощью осуществилось“. На что Чжоу ответил: „Теперь бы с их помощью и удержаться“. „Удержимся, — бросил Мао. — Но не будешь же ты считать их постоянными союзниками?“»^[66].

Насколько нам известно, Дроздов не раз повторял, что несмотря на всё уважение к китайцам доверять им нельзя, потому как в первую очередь они преследуют свои собственные интересы. Интересы друзей, союзников, партнёров — кого угодно! — для них всегда остаются на втором плане.

И ведь исторический опыт подтверждал его правоту!

Генерал-лейтенант разведки, работавший с Юрием Ивановичем в Китае (будучи, разумеется, не генерал-лейтенантом, а просто сотрудником резидентуры) — для простоты назовём его Иваном Юрьевичем, — рассказал нам об одном печально известном моменте, беспрецедентном в истории нашей Службы:

«Ведь до сих пор не нашли того дурака, который это предложил — и это исполнили! Китайцы „купили“ нас здорово. После 1949 года они сказали: „Вы нам очень сильно помогли против японцев! И мы теперь самостоятельное государство. У вас были помощники среди наших — надо их всех наградить за это, за помощь!“ И наши выдали им список наших помощников.

Все они погибли. Кто — за воровство, кто — за изнасилование, кто ещё за что-то. Погибли все! Это были сорок девятый — начало пятидесятого года.

А кто предложил передать списки — все отрицают: „Не я... не я... не я!“

Но кто-то ведь сказал!»

Вот такая роковая, в полном смысле слова смертельная ошибка. Или предательство. Реально получилось именно так. Не нужно думать, что все изменники предают сознательно — нередко это происходит по глупости, из-за воспалённого самолюбия (но это тоже дурость), а то, напротив, из-за комплекса неполноценности. И что, можно было думать, будто после подобного предательства даже самые истинные коммунисты, искренние друзья Советского Союза захотят помогать СССР? А где гарантия, что ничего подобного не повторится вновь? Юрий Иванович Дроздов говорил, что «ошибочность этого шага сказывается и по сей день».

В общем, с Китаем в то время всё было очень и очень неясно. Хотя

неясно было в то время и с Советским Союзом, но это пока ещё не было известно, между тем как события назревали и стремительно приближались. О том можно судить хотя бы по такому фрагменту из воспоминаний Дроздова:

«Начальник Первого главного управления генерал А. М. Сахаровский^[32], напутствуя меня на работу в Пекине, просил быть осторожным, терпеливым, всё перепроверять, не забывать об истории Китая и его отношениях с Россией, а также об особенностях психологического склада китайцев, который во многом определяет их отношение к другим странам и их поведение с иностранцами.

В конце августа 1964 г. я улетел в Пекин»^[67].

Если судить по сказанному, то какой-то уж слишком осторожный, излишне аккуратный инструктаж получился... Ведь в первую очередь нужно было думать об интересах Советского Союза, а «китайский менталитет» — дело десятое!

Между тем работать в КНР было трудно по многим причинам, и не только политическим.

Главная сложность, очевидно, состояла в том, что это была первая резидентура в Пекине, созданная после 1949 года, — то есть советская разведка вновь начала работать по Китаю. Уточним, что разведка работает не «против какой-то страны», а «по какой-то стране». Если вдуматься, то глубокий смысл этого термина станет очевиден: даже добывая секреты, разведка в общем-то не делает ничего конкретно во вред данному государству. Просто получает информацию.

Так как это была первая резидентура, то всё приходилось начинать с нуля, во всём разбираться на месте. Там, где всё отлажено, каждый сотрудник работал по своей линии: кто занимался политической разведкой, кто — научно-технической, а здесь пока ещё разграничений не было, все работали по любым линиям, буквально «нащупывая», у кого что лучше получается. Хотя главной, бесспорно, была политическая линия — следовало дать ответ на вопрос: куда пойдёт Китай, в какую сторону он будет ориентироваться? Выяснить, что знают о Китае «западники», как они его оценивают и что они от Китая ждут.

К сожалению, вопросы эти были заданы слишком поздно: Китай давно уже сориентировался на Запад.

Между тем в Пекине продолжало работать Представительство КГБ при внешнеполитической разведке КНР — подобное тем, что существовали в большинстве других соцстран, и его сотрудники, подобно их коллегам во

всех прочих Представительствах, делились с «местными товарищами» своим оперативным опытом, учили китайцев, как нужно работать против врагов. А ведь тогда всё очевиднее становилось, что именно СССР воспринимался Китаем как первый враг.

При этом и резидентура, работавшая по Китаю, и Представительство, обучавшее «китайских товарищей» азам разведки, были подчинены Дроздову, главному резиденту. Как свидетельствовали сотрудники, работавшие в то время в КНР, в результате этого были каша и путаница. Но Юрий Иванович вскоре во всём разобрался, и вполне возможно, что это по его инициативе уже в октябре 1964 года Представительство было упразднено.

Между тем условия работы в Китайской Народной Республике коренным образом отличались от условий работы — как бы поточнее выразиться? — в нормальных, скажем так, странах.

«Агенты из числа китайцев частично были отозваны или потеряли свои возможности, частично отказались от сотрудничества из страха или идеологических соображений. Новые вербовки, особенно должностных лиц, стали практически невозможными. Все контакты происходили под пристальным демонстративным наблюдением китайских спецслужб. Человек с европейской внешностью сразу привлекал к себе внимание и ходил окружённый толпой воинственно настроенных хунвейбинов. Разведка использовала агентуру из числа монголов или среднеазиатов, но полезной информации она почти не приносила»^[68].

Ветеран разведки, работавший в Поднебесной вскоре после отъезда оттуда Юрия Ивановича, рассказывал:

«Что такое Китай? Глаза везде! Глаза, глаза, глаза... И белое лицо, где бы ни появилось, оно как бельмо в этом узком глазу. Сразу бросается! Помню, мне пришлось проводить тайниковую операцию. Места, подобранные моими предшественниками, были вполне нормальные — с нашей „официальной“, формальной точки зрения. Но не в глазах людей, которые наблюдают за нами. Например, нам нельзя было оставлять следы на снегу — местные ходили в резиновых тапочках без каблука, а там, где мы появлялись, был каблук. Ну и потом, у нас от них всё отличалось — цвет лица, одежда, фигура, рост — всё! И кто тебя заметит — наружное наблюдение или добровольцы, которых было очень много, — попробуй пойми. Китайцы в тот период имели такое указание: где бы ни появился „сулян“, то есть советский, немедленно сообщать родителям, старшему по подъезду, по дому — и в полицию! Такие вот были замечательные условия! Поэтому работать надо было чётко, относиться к делу очень серьёзно. Я

понимал, что каждый тайник — это не только человеческая жизнь, но и межгосударственные отношения... Ошибки здесь были недопустимы!»

Помнится, когда-то, пока «цивилизованный мир» ещё не был забит толпами китайских туристов, бытовал такой анекдот: «Почему в мире так много китайских ресторанов? Да потому, что китайский шпион был бы слишком заметен в толпе». А в китайской толпе, соответственно, заметен любой иностранец.

Хотя чего там иностранец! Наш вышеназванный собеседник рассказывал:

«Во всех гостиницах около администратора, который регистрирует посетителей, сидит „слухач“, который по особенностям речи китайца может без ошибки сказать, из какой провинции, из какого он уезда или даже из какого населённого пункта. „Слухачи“ были во всех гостиницах. Наши не знали этих тонкостей и наплевательски относились. Я знал это, а потому боялся кого-то из своей агентуры лишний раз „выдёргивать“.

А знаете, что такое бросить письмо в почтовый ящик? Там ящики не такие, как у нас. Там такая тумба стоит около дороги, с клапаном со стороны проезжей части. Не со стороны пешеходов, просто так, проходя, незаметно письмо не бросишь! Когда почтовые работники вынимают почту, они перетягивают резинкой получившуюся пачку, вставляют белый листок бумаги и пишут номер почтового ящика и время. И не дай Бог, попадись там письмо, написанное не китайцем! Или каким-то образом отличающееся по написанию адреса или чего ещё — ты можешь попасть в число разрабатываемых. Это я чётко видел и чётко представлял...»

И вот в этих воистину невысказанных условиях нужно было налаживать — точнее, начинать с самого начала — разведывательную работу, чтобы понять, повторим, в какую сторону будет двигаться наш недавний друг и союзник. Тем более что в октябре того же 1964 года, с интервалом всего в двое суток, в Советском Союзе и в Китае произошли события чрезвычайной важности для каждой конкретной страны, получившие и огромный международный резонанс.

14 октября пленум ЦК КПСС в конце концов отправил на пенсию первого секретаря Центрального комитета КПСС Никиту Сергеевича Хрущёва.

16 октября, под адский грохот взорванной на полигоне Малань атомной бомбы, Китай самочинно вступил в «клуб ядерных держав», заняв в нём пятое место после США, СССР, Великобритании и Франции.

Думается, что комментировать эти события не имеет смысла.

Можно только предполагать, насколько усложнилась работа

резидентуры (следовало не только узнавать, что делается у китайцев, но и понять, что происходит в родной стране, ибо со сменой непопулярного лидера во многом менялся или корректировался ранее проводимый им курс, и это неминуемо должно было отразиться на деятельности разведки), так тут ещё и самому резиденту пришлось разбираться с собственной личной проблемой. По вполне понятной причине он не вспоминает о ней в своей книге, но, как мы уже говорили, даже само название «Вымысел исключён» не исключает наличия каких-то недомолвок.

Впрочем, об этом случае ранее вообще нигде не рассказывалось.

Так вот, как сообщил нам один наш весьма информированный источник, в начале своей командировки Юрий Иванович попал в серьёзную автомобильную аварию. Он сбил китайца, причём, как было нам сказано, «подшиб его здорово».

Наш собеседник пояснял:

«Ездить в Китае в то время было очень трудно — особенно по вечерам или в ночное время. Уличного освещения практически не было, а спали они зачастую на улице, прямо на дороге. В домах спать было невозможно: лето — душно, жарко... Зато дороги были пустые, автотранспорта почти что не было. Вот выйдет китаец на улицу, постелет циновку, где ему захотелось, и на этой циновке спит. Поэтому налететь на подобную неприятность было парой пустяков».

Как нам было сказано, Дроздов в Китае ездил на «жигулях», но это ошибка — «жигули» тогда ещё не выпускались, скорее это был «москвич».

«Машина небольшая, а он ведь был высокого роста... Ему говорили: „Давай мы тебе прорежем дырку наверху, чтобы голова хоть торчала“. Нет, отказывался!»

Смех смехом, но неприятность очень серьёзная. Тем более что требования к советским гражданам за рубежом были достаточно высоки, чтобы, как говорится, всё у них было без сучка без задоринки. Если же что-то оказывалось не так, то могли без промедления вернуть на Родину, чего далеко не всем хотелось. Потому, оказавшись в подобной ситуации, кое-кто начинал «ловчить», пытался скрыть свои прегрешения, что порой приводило к тяжёлым последствиям (вплоть до вербовки и предательства!), так как за советскими гражданами пристально следили и местные, и иные спецслужбы. Местные же, в любом случае, старались обвинить в происшедшем иностранного подданного и сделать так, чтобы он сам улаживал отношения с потерпевшим. Да и «подстава» не исключалась...

Хотя Юрий Иванович виноватым себя не чувствовал и таковым не являлся, он сразу же сообщил о происшествии в Центр. Там во всём

разобрались и, насколько мы знаем, возвратили ему немалую «компенсацию», выплаченную им китайцу; был также обеспечен ремонт машины. Насчёт «компенсации» — вопрос тонкий: даже если пострадавший получил серьёзные травмы, то полученная им сумма вполне примиряла его не только с конкретным советским дипломатом, но и со всем Советским Союзом. А это было нелишним...

Как оценили сотрудники резидентуры, «из этой ситуации он хорошо вышел, по-человечески», и это добавило Дроздову авторитета.

Вообще пекинский резидент пользовался в своём коллективе немалым уважением: разведчики ценили его и как профессионала высокого класса, и как внимательного, заботливого начальника.

Так, когда сотрудник уходил на операцию по связи с агентом, Юрий Иванович всегда обязательно дожидался, когда он вернётся. Ждал, чтобы оперативный работник пришёл и доложил, что всё было в порядке, — только тогда и резиденту можно идти отдыхать. Это у него было чётко отработано и очень ценилось коллективом. Обстановка в стране усложнялась и ухудшалась, а потому не вернуться с задания было вполне возможно.

В своих воспоминаниях Юрий Иванович писал:

«Итак, 1964–1968 гг. я провёл в Китае. Пожалуй, это было наиболее критическое время в советско-китайских отношениях. Наши китаеведы и сами китайцы называли его „хорошее плохое“ до мая 1966 года, и потом — „плохое плохое“ время»^[69].

«Казалось, всё шло по расчётам Мао. Страна медленно, но развивалась, истерия борьбы с опасностью реставрации овладевала массами. Почва из-под ног умеренных, которых вождь теперь считал идущими по капиталистическому пути, ускользала. Пышным цветом расцветал культ Председателя, и Мао сам поощрял его, особенно после бесславного падения презираемого им Хрущёва. Как известно, тот был снят в 1964 году, на октябрьском пленуме ЦК КПСС, и одну из причин его падения Мао видел именно в том, что у него, в отличие от Сталина, совсем не было культа личности.

В те годы Мао не мог не испытывать всё возрастающего душевного волнения. Как хищник, без усталости преследующий свою жертву, он распалялся охотой...»^[70]

И вот в таких условиях пекинской резидентуре советской разведки следовало работать.

И в таких условиях она работала.

Генерал Иван Юрьевич вспоминает:

«Самое трудное было встрече организовать. Что подчас приходилось делать? Устраивали наши, как мы их называли — „демократы“ (то есть дипломаты других социалистических стран или, по-иному, стран народной демократии. — А. Б.), приём; с этого приёма потихонечку убегал, садился в оперативную машину, ехал на встречу — и возвращался опять на этот приём. Примитивно, но приходилось идти вот таким путём. Потому что „наружка“ работает у них по-другому, она стационарная. Она не ходит за тобой, а они сидят постоянно везде, и ты прошёл — они помечают: „17.05, прошёл на север“. Раз — пишут! А к вечеру всё твоё бродяжничество сходится в одном месте, у начальства. Это было тяжело. С „западниками“, с дипломатами, работать было легче. С ними можно было общаться на приёмах, а вот с китайцами — тяжело. Но как-то крутились, крутились. Информация была, шла наверх».

Несмотря на своё «начальническое» положение, Юрий Иванович и сам работал «в поле», практически решал оперативные вопросы — и это также привлекало к нему сотрудников, вызывало их уважение. Конечно, он не только высокопоставленный дипломат — его официальным прикрытием была должность советника посольства, но и высокорослый, да ещё и лысый, то есть очень приметный, на тайниковые операции или агентурные встречи, проводимые где-нибудь в хутонах (это кварталы старого города, соединённые между собой переулки и дворы, где испокон веков жили пекинцы), не ходил, тем более что китайского языка он не знал. Зато Дроздов работал по дипломатам капиталистических стран, встречаясь с ними на различных официальных и неофициальных мероприятиях и, соответственно, свободно общаясь с ними на немецком и английском языках. Нет смысла уточнять, что знание иностранного языка обычно располагает к вам его носителей. Так что через «западников» ему удавалось получать ценную информацию.

Наши друзья из одной из редакций телеканала «РТ» — это замечательно, когда у тебя много друзей, и все они стараются и тебе помочь! — передали нам расшифровку беседы с Юрием Ивановичем, к ней мы сейчас и обращаемся (в сносках здесь и далее будет указываться «Телеканал „РТ“»):

«В Китае мы постарались за время своей работы там всё-таки восстановить какие-то утраченные кадровые возможности — я имею в виду агентурной работы. Это давало возможность видеть, что там происходит, и видеть то, что делали и представители „Третьего мира“ — я имею в виду капиталистические страны, которые очень внимательно также

следили за развитием обстановки в Китае. („Третий мир“ — официальный термин для „развивающихся стран“, но в данном случае под „первым миром“ подразумевался СССР, а под „вторым“ — Китай. — А. Б.) Но мы не должны забывать, особенно сегодня, что в своё время на территории Китая — в рамках всех трёх больших гражданских войн — Запад сосредоточил очень большие силы. Например, на территории Китая, тесно взаимодействуя с противниками Китайской коммунистической партии, находился американский военный корпус, так называемая группа „Янга“, которая имела в своём составе, если мне память не изменяет, несколько сот тысяч человек...»^[71]

Известно, что Китай с давних времён вызывал пристальный интерес Западного мира и в особенности Соединённых Штатов Америки. Это был не только интерес к Китаю как таковому, со всеми его потенциальными возможностями, но и внимание как к альтернативе или противовесу Советскому Союзу — в региональном и даже в мировом масштабе.

«Обобщая сегодня весь свой опыт и свою осведомлённость по вопросу взаимоотношений в треугольнике Китай — СССР — США, я не могу не согласиться с выводом, к которому пришёл Пьетро Кварони в книге „Русские и китайцы. Кризис коммунистического мира“: напряжённая обстановка на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, по существу, была отражением тогдашнего конфликта между СССР и США... В ходе психологической войны США против СССР, приведшей к взвинчиванию расходов на военные цели, наша страна вовлекалась в гонку вооружений и, не доводя дела до открытого конфликта, становилась на путь саморазрушения»^[72].

В книге «Вымысел исключён» Дроздов подчёркивал, что нам следует учитывать это и в будущем: он же прекрасно знал, что в России совершенно наплеватьски относятся к опыту предыдущих поколений, воистину лежащему под ногами — наклонись и подними, но вечно ориентируются на Запад, который постоянно ругают. В итоге — часто и упорно наступают на всё те же грабли...

Коллеги отмечают, что Юрий Иванович постоянно искал новые пути, новые методы работы — и это был колоссальный плюс его деятельной натуры. Так, в частности, он предложил привлекать к работе — теперь это дело прошлое, можно рассказать, — «китайских жён», русских по принадлежности. Точнее — родом из Советского Союза. Были, разумеется, среди них и толковые женщины, но, думается, люди старшего поколения примерно представляют, кто выходил замуж за студентов, приезжавших в

Москву, Ленинград, Киев и иные советские города из стран Азии и Африки. Поэтому не всегда оперативная работа с ними могла дать положительные результаты, а резиденты не считали таковых перспективным «кадровым резервом» для своей агентуры.

Иван Юрьевич вспоминал:

«Сидит наш парень, плюётся. Спрашиваю: „Ты чего?“ — „Да вот, тайнопись перевёл! А тайнописи я её научил..“ — „Ну и что?“ — „Вот пишет: ‘А на базаре куры синие — аж жуть!’ И это в тайнописи! На хрена мне это надо?! Зачем?!“ — „Плохо ты её учил — чего именно тебе надо, чего тебе не надо!“ — „Да, — признаётся он, — не сумел я её научить!“ Я представил себе сценку их общения...»

И он же, генерал Иван Юрьевич, рассказал нам о совершенно иной ситуации:

«Я видел, как одна женщина, из „местных русских“, что-то положила в карман висевшего на вешалке пальто нашего оперативного сотрудника и при этом плакала навзрыд, — в это время в нашем клубе показывали какой-то фильм, посвящённый Гражданской войне, и, значит, это было слишком для неё близко. Близко! Почему — я не знал, я даже не был с ней знаком...»

К сожалению, китайцы довольно быстро во всём разобрались, и этих жён изолировали: исключали контакты с сотрудниками Советского посольства, даже в кино, в посольский клуб ходить им не разрешили.

А вообще, как бы то ни было, но к местным гражданам следовало относиться уважительно — и к отдельным личностям, и к великому китайскому народу, изживать существовавший ранее комплекс «старшего брата», что порой прослеживался у советских граждан по отношению к представителям прочих социалистических стран.

О работе с «местными товарищами» и её специфике очень интересно рассказывал один сотрудник разведки, работавший в советском консульстве в Пекине через несколько лет после отъезда из Китая Юрия Ивановича:

«Когда я принимал посетителей, я всегда проявлял доброжелательность. Где бы я ни был — в ресторанах, в компаниях — я всегда говорил только положительно и об их руководителях, и о китайцах как таковых. Я никогда не ругал их! И когда кто-то начинал их ругать, я брал на себя роль защитника китайцев. Говорил, что именно они первыми изобрели компас, порох, бумагу, фарфор — а то, что теперь у них жизнь такая, то причин тому много, но это временно, это пройдёт, поэтому к ним надо относиться как минимум снисходительно. Видеть в них людей. И это не осталось незамеченным со стороны китайцев...»

А то приехал один наш по линии торгпредства, несколько лет перед

тем отработавший в Америке, заявляет: „Фи, как здесь пахнет, как здесь некультурно!“ „Ничего, — говорю, — три месяца пройдёт, ты привыкнешься, привыкнешь — и поймёшь, как работать надо...“ Те, кто вот так приезжал, — они и уезжали оттуда по окончании срока „голыми“, без вербовок. Я же, между прочим, нашёл человека из окружения... не будем говорить кого, но в высшем руководстве! Доверительная связь была».

Вот и Дроздов вошёл в китайскую жизнь без особого труда, спокойно принял её условия и условности. К примеру, китайскую кухню европейцы или воспринимают, или начисто отвергают.

Иван Юрьевич вспоминал:

«Юрий Иванович прошёл войну, знал, что такое голод, а потому не выдрючивался с едой, никогда ни от чего не отказывался. Он молодец, был всеяден. И вообще китайскую еду он очень любил, так что с ним легко было ездить куда бы то ни было, проблем не было. Подбить его на посещение китайского ресторана или китайской экзотики было парой пустяков.

Если же конкретно говорить о его „гастрономических предпочтениях“... Юрий Иванович любил курицу — не знаю, как её готовят, но делают это прямо на твоих глазах: жареная, с соусом и с орешками... Очень любил мясо с рыбьим вкусом — так это называется. Действительно, говядина — а вкус рыбы! Такой они соус кладут. Пирожки китайские — весной поспеваала травка, которую клали в пельмени и в пирожки, и они были особого вкуса, совершенно! И вот это он любил. Юрий Иванович совершенно освоил палочки, а вот Людмила Александровна — нет... Причём как там считается? Если иностранец берёт трепанга и стряхивает с него лишние капли сока — то он умеет пользоваться палочками. А китаец палочками муху на лету ловит!

Но лично я вам скажу, что палочками есть вкуснее.

...Дроздов был очень подвижный человек, интересный, всем увлекался — никаких проблем с ним не было. Никаких!»

Так считали в резидентуре.

...Новый, 1965 год сотрудники резидентуры встречали у него на квартире — Юрий Иванович жил в таких же условиях, как и все остальные. Народ нередко приходил к нему в гости, собирались компанией — просто по-дружески, не по служебным вопросам. Служебные вопросы решались только в резидентуре, в служебном помещении, оно было «чистое», периодически проверялось — никаких рабочих вопросов на домашних встречах не было...

Так вот, когда сотрудники пришли встречать Новый год, хозяину принесли оригинальный подарок: красивую, старинного красного дерева коробочку. А в ней — бархотка. Зачем? Для его лысины — вместо расчёски! Он понял, оценил и заразительно хохотал — громче всех. Начальнику, с которым есть трудности во взаимоотношениях, подобных подарков, разумеется, не делают.

Дроздов же не только сам был человеком с юмором, но и ценил юмор у других. Себя он никак не относил к разряду «неприкосновенных личностей», стоящих «над толпой».

Однако ещё до наступления 1965 года в жизни Юрия Ивановича произошла встреча из разряда тех, что называются «судьбоносными». По крайней мере, знакомство это продлится до 1984 года и будет иметь свои как положительные, так и отрицательные последствия.

Это была его первая личная встреча с Юрием Владимировичем Андроповым, в то время, повторим, заведующим Отделом и секретарём ЦК КПСС, человеком весьма интересным. Например, вот что писал о нём литератор и публицист Сергей Семанов^[33] (читатель сейчас поймёт, почему этот отзыв привлёк наше внимание, а также чем была обусловлена встреча, о которой рассказывается далее):

«...Хрущёв оценил осмотрительного и опытного опекуна „братских стран“. Без личного участия Никиты никак было бы невозможно Андропову всего лишь через год (ноябрь 1962-го) стать Секретарём ЦК, оставшись, по сути, руководителем только своего собственного отдела. Зато положение его, а главное — доступ к руководству и ко всей совокупности информации сделались неизмеримо шире. Он не спешил, не участвовал в интригах, он присматривался.

Чем занимался Андропов, руководя в существенном смысле огромным лагерем „братских стран“, открылось лишь очень немного достоверного. Например, в последние годы правления Никиты началась глупейшая ссора с Мао. Какую линию вёл Андропов в советско-китайских отношениях? Пока нам известно обо всём этом довольно мало.

Секретарь ЦК КПСС Ю. Андропов должен был присутствовать на еженедельных заседаниях секретариата. Он принимал участие в разработке всех документов, которые готовились в ЦК КПСС по мере развития советско-китайского конфликта»^[73].

В общем, совсем неудивительно, что когда в конце 1964 года Дроздов приехал в командировку в Москву, то сразу после того, как он доложил председателю Комитета госбезопасности о проделанной им на первом

этапе работе, Семичастный^[34] позвонил по «кремлёвке» Андропову (знал бы он, что звонит своему грядущему «могильщику»!) и любезно сообщил, что у него в кабинете находится резидент из Пекина. В ответ Юрий Владимирович попросил, чтобы Дроздов как можно быстрее приехал к нему. Подобная просьба была равносильна приказу, так что с Лубянки Юрий Иванович напрямик направился на Старую площадь, благо до неё было минут десять хода. Хотя, думается, что пешком в ЦК прийти было бы просто несолидно.

А далее мы приводим несколько сокращённый рассказ Юрия Ивановича корреспонденту телеканала «РТ»:

«Мы с Юрием Владимировичем познакомились прямо в помещении Центрального комитета, и первое, что меня в отличие от целого ряда других наших руководителей, с которыми приходилось иногда знаться, поразило в нём, то, что он с улыбкой встал из-за письменного стола, вышел из-за него и пошёл мне навстречу. Протянул руку и сказал: „Я очень рад, что ты приехал!“ Он сразу перешел на „ты“. „Давай садись, рассказывай обо всем. Какое впечатление на тебя произвела Китайская Народная Республика в период наибольших разногласий?“

Мы просидели четыре с лишним часа, во время нашей первой беседы он задавал вопросы, сам давал на них, на некоторые, ответы, в кабинет входили люди, кому-то он что-то срочно подписывал и отпускал его, другим говорил: „Садись, это тебе надо послушать, это ты должен знать“.

Я понял, что в этих вопросах он был подготовлен очень хорошо. К тому же он был активным собеседником, втягивающим партнера в обсуждение темы, не стеснялся задать вопросы, которые казались в какой-то степени необычными, ну и просто-напросто он был человек, с которым ты беседуешь почти на равных...»^[74]

Кстати, в интервью для телеканала «Россия» Юрий Иванович более конкретно говорил о своём разговоре с Андроповым — и это интересно:

«Я рассказывал ему об особенностях работы нашей советской колонии в то время в Китае. Рассказывал об отношении китайцев к нам. Говорил о китайцах, которые обслуживают посольство. О людях, с которыми приходилось встречаться. Его интересовало, как вели себя и как ведут себя те из китайцев, кто раньше учился в Советском Союзе. Кто вернулся и какое к ним отношение есть... Андропов спрашивал о работе наших сотрудников, которые хорошо осваивали особенности „периода социалистического воспитания“, которое проводил тогда Мао Цзэдун — свою очередную кампанию в преддверии „великой культурной

революции“»^[75].

Даже из этого можно понять, что разговор был совершенно неформальный и по-настоящему содержательный.

Но возвращаемся к интервью для «РТ»:

«Мы просидели, проговорили вот эти четыре с лишним часа, вопросы были самые различные, что-то он записывал, что-то повторял — значит, при этом был в размышлениях своих, и кончилась наша беседа тем, что он сказал: „Слушай, я тебя уже утомил? Давай как-нибудь встретимся еще раз“. Когда мы прощались, он вдруг сказал: „А что ты думаешь относительно работы в аппарате ЦК?“ Для меня такой вопрос был крайне неожиданным. Я помолчал, потом набрался сил, смелости и сказал: „Юрий Владимирович, не могу. Я не привык менять своих хозяев“.

Вот на этом и закончилась наша первая беседа»^[76].

Здесь Дроздов опять не совсем откровенен — в интервью он выпустил существенный момент, который есть в его книге воспоминаний:

«Ю. В. Андропова интересовали именно впечатления, наблюдения, моя точка зрения на то, каким образом можно разрубить узел советско-китайских противоречий.

Зная сложность этого вопроса, я в шутку заметил: „Видимо, следует наложить на марксизм ленинизм, потом маоизм, затем всё просветить, и что будет сбоку марксизма — отрезать“^[35]. Он улыбнулся, ответил, что это уже пробовали...»^[77]

И опять весьма и весьма независимая позиция Юрия Дроздова! Далеко не каждый осмеливался «шутки шутить», находясь в ЦК КПСС (кстати, вот старая шуточка — теперь уже можно! — об отличии между двумя уважаемыми ведомствами: «В ЧК — чикают, а в ЦК — цыкают»; но там так могли «цыкнуть», что никому мало бы не показалось).

Немногие бы, пожалуй, отказались тогда от перспективы, что называется, «пройти через Старую площадь». Случалось, что сотрудники КГБ, кому оказывалось подобное доверие (считалось именно так), несколько лет работали в Центральном комитете КПСС и возвращались обратно на Лубянку, чтобы занять здесь более высокие должности, чем занимали ранее.

...Как мы сказали, вскоре судьба достаточно тесно сведёт двух Юриев — Владимировича и Ивановича, — и для последнего это будет иметь не только положительные, но и отрицательные стороны.

Впрочем, тогда ещё полковнику Юрию Ивановичу Дроздову следовало возвращаться обратно в Поднебесную.

Глава 6. «Плохие плохие годы»

Их следующая встреча произошла чуть более чем через два года, зимой 1967-го. Вот что писал о том Юрий Иванович:

«...И когда через несколько лет он [Андропов] прилетел с Алексеем Николаевичем [Косыгиным] в Китай, в посольстве, на лестнице, Юрий Владимирович напомнил о нашем разговоре и „предупредил“, что опять увидимся»^[78].

Интересно, это — аккуратный намёк на то, что вскоре, в грядущем мае, он займёт должность председателя Комитета госбезопасности? В таком случае, не совсем понятно, почему Леонид Ильич, осуществлявший эту замену, так долго тянул с исполнением своего решения. Хотя, насколько известно, Брежнев просто поставил Андропова перед фактом: принимай дела — и не стал слушать его возражений. Насколько были искренни эти возражения, мы не знаем.

Хотя из интервью телеканалу «Россия» можно понять, что короткий разговор Андропова с Дроздовым подобных намёков не содержал:

«Когда Юрий Владимирович и Алексей Николаевич Косыгин ехали, пролетали через Пекин во Вьетнам, состоялась наша вторая беседа. Мы встретились очень накоротке, фактически даже он спускался по лестнице вместе с Алексеем Николаевичем, а я поднимался, наоборот, вверх, в этот зал, в свою резиденцию. И он посмотрел внимательно, остановился около окна, поинтересовался — есть ли что-нибудь новое и интересное кроме того, что ты сообщал в Москву? Я ответил — пока вот нету. Следим за вашим визитом и, значит, за тем, что происходит в Китае и во Вьетнаме.

Ну ладно, говорит, но о нашем разговоре не забывай. Мне было приятно, что он помнит о том, что мы говорили и что мой прямой ответ тогда ни в какой степени его, значит, ну, не обидел»^[79].

Стоит заметить, что председатель Совета министров СССР Косыгин летел к «вьетнамским товарищам» в очень непростое время и по весьма сложному маршруту: американская авиация уже на протяжении двух лет варварски бомбила территорию Северного Вьетнама, а в Китае всюду полыхала «культурная революция».

Думается, нелишним будет уточнить, что такое «культурная революция», потому как для молодого читателя термин этот малоизвестный, а для представителей теперь уже старшего поколения малопонятный по своей «китайской сути». Ведь если «культурная

революция в СССР» реально способствовала повышению культурного и образовательного уровня самых широких масс трудящихся, то в Поднебесной всё получалось «с точностью до наоборот». Что ж, постараемся в этом разобраться.

Как можно понять, стареющий Мао Цзэдун строил «Китай своей мечты», своего видения, — государство «военного коммунизма», руководствуясь при этом известным принципом: «Есть две точки зрения — моя и неправильная». Те, кто придерживался второй точки зрения, попадал в разряд «ревизионистов», «каппутистов» — то есть идущих по капиталистическому пути, и прочее.

Председатель пришёл к выводу, что главной проблемой китайского общества стали теперь противоречия между «сознательными массами» — честными трудящимися — и переродившимися чиновниками-бюрократами, саботирующими руководящие указания лидера, направленные исключительно на благо народа. Всё это звучало весьма популистски и очень напоминало любимую русскую сказочку, бытовавшую на протяжении многих веков монархии, что, мол, царь добрый, но бояре его обманывают! А вот «Мудрого Мао» обмануть было нельзя — он вывел переродившихся чиновников на чистую воду.

На самом деле Мао прекрасно понимал, что его «святое место» может попытаться занять лишь кто-то из этой чиновничье-бюрократической верхушки, а никак не из «сознательных масс». Массы делом занимаются, а целый ряд чиновников, как говорится, спит и видит, как бы сместить стареющего вождя. Но он ещё полон жизненных сил и настоящий спортсмен: так, вскоре, 16 июля 1966 года, Мао даже переплывёт реку Янцзы — причём с рекордным временем. Тут, конечно, поспособствовал попутный ветер, но всё-таки... Неужели все эти чиновники не понимают, что им не под силу тягаться с «великим кормчим»?

«Как же можно их образумить? Снять с командных должностей и выкинуть из партии? Конечно. Но одного этого недостаточно: ведь на их место придут другие, не лучше. Значит, надо изменить само мировоззрение людей, полностью очистив его от всех наслоений прошлого, создать нового человека, подлинного строителя коммунизма. Иными словами, нужна „культурная революция“, классовая борьба в сфере культуры, направленная на тотальное разрушение традиционных нравов, обычаев, идеологии и других культурных ценностей китайского народа и замену их новыми, коммунистическими. То есть вслед за революционным преобразованием экономического базиса надо коренным образом перестроить все области надстройки! (Позже он подчеркнёт, что „борьба с теми, кто стоит у власти в

партии и идёт по капиталистическому пути, — это главная задача, а никак не цель. Цель [культурной революции] — решить вопрос о мировоззрении, выкорчевать корни ревизионизма“»^[80].

Это, так сказать, теория, а далее — практика решения вопроса.

16 мая в Пекине прошло расширенное заседание Политбюро, на котором был принят текст специального обращения ЦК ко всем партийным организациям — об образовании новой Группы по делам культурной революции, которая была подчинена непосредственно Постоянному комитету Политбюро ЦК КПК.

«Именно это сообщение впервые призвало всю партию „высоко держать великое знамя пролетарской культурной революции“. Оно было написано самим Мао.

С этого сообщения началось вовлечение в „культурную революцию“ широких масс, что придало движению особый характер.

Страна вновь погружалась в хаос. Но Мао, похоже, это ничуть не смущало. Наоборот, он сам провоцировал бунт. Казалось, стареющий вождь получал огромную дозу адреналина, дирижируя массовым движением. Он шёл ва-банк, чувствуя, что его окружают враги. И для того чтобы сокрушить „заговорщиков“, вновь обратился к народу. Он знал, что такой манёвр был беспроигрышным. На этот раз он бросил клич неопытной и фанатично преданной ему молодёжи — студентам вузов, а также учащимся техникумов и средних школ. Именно это „пушечное мясо“ должно было стать его новой гвардией, перед мощным натиском которой ни один чиновник, „идущий по каппути“, не мог бы ни за что устоять.

Он уже давно размышлял о необходимости более глубокого вовлечения молодёжи в „подлинную социалистическую революцию“. Именно „классовую борьбу“ он считал самой главной дисциплиной. От большинства же других предметов, которые изучались в учебных заведениях, был, по его мнению, только вред»^[81].

«Основной удар приняла интеллектуальная составляющая китайского общества — профессура, писатели, учёные, художники, врачи, партийные работники, генералитет; дискредитируются и подвергаются репрессиям потенциальные политические оппоненты Мао — Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Пэн Дэхуай, Чжу Дэ, Уланьфу; диктатуре не нужны свободно мыслящие люди, способные к анализу и оценке действий власти и её результатов не по идеологическим лекалам партии, а в соответствии с законами философии, экономики, морали, элементарной логики, наконец, здравого смысла»^[82].

«Подросткам предоставлялась возможность расправляться со всеми,

кто кажется врагом, буржуазным реакционером. Прежде всего они взялись за своих учителей. Классы превращали в тюрьмы, над педагогами издевались, били, пытали. Молодёжь освобождал от всякой ответственности лозунг Мао: „В ходе Великой культурной революции необходимо полностью покончить с таким явлением, как господство буржуазной интеллигенции в наших учебных заведениях“.

С конца августа по конец сентября 1966 года в Пекине хунвейбинами были убиты 1722 человека. К началу октября из городов были изгнаны свыше 397 тысяч человек „нечисти“»^[83].

Всё это так, да только не совсем так, потому как оказывается, что у Председателя Мао, «режиссёра» этого чудовищного спектакля, были некие тайные советники из-за океана и с другого края Евразии. Вот что говорил Юрий Иванович, отвечая на вопрос корреспондента телеканала «РТ»:

«Нет, не только американские... В этой работе участвовали очень многие, в том числе, в частности, участвовали представители Швейцарии. Я говорю о Швейцарии по той простой причине, что в Шанхае, в Школе воспитания и подготовки кадров культурной революции, работали швейцарцы, которые знакомили китайцев с материалами, точнее — с разработками, как ни удивительно — розенберговскими^[36], то есть из гитлеровской Германии по управлению большими массами населения. Вот откуда появлялись большие группы хунвейбинов, насчитывавшие в годы „Культурной революции“ до пятисот — шестисот тысяч человек! Со строгой организацией, со строгой культурой и довольно интересные по характеру своей деятельности»^[84].

Вот так! Нам казалось, что вся эта вакханалия имела чёткий штамп «Made in China», тогда как исполнение «проекта» осуществлялось по рецептам Третьего рейха, а в роли наставников выступали «цюрихские гномы»! Сейчас-то всё наоборот: берёшь товар с уверенностью, что он из Германии или Швейцарии, а потом выясняется — «China»...

Впрочем, мы не о том.

Как же отразилась пресловутая «культурная революция» на жизни и работе советских разведчиков? Естественно, самым отрицательным образом.

Генерал-лейтенант Иван Юрьевич рассказывает:

«Китайцы тогда на нас смотрели плохо — мы стали врагами, но нам повезло, у нас не было больших неприятностей — нас не били. Сотрудники резидентуры не залезали ни в какие ситуации, которые бы их провоцировали...

Но вообще плохого было много.

В частности, китайцы отказались нам готовить — ладно, тогда у нас приехали солдаты-таманцы, армейские повара из Таманской мотострелковой дивизии. Когда на первый дипломатический приём они пришли все стриженные, то наши коллеги из социалистических стран, которые во время „культурной революции“ также лишились местной услуги, посмотрели на них и решили: „А это выход!“

Солдаты были поварами, а вот с прачками был вопрос. Стирала сами. А так как у многих в то время уезжали семьи, то мужикам было нелегко. Мы собирались вечером на бассейне, все жили там, рядом, и обсуждали, кто как выходит из положения, делились опытом. Победил один товарищ, который заявил: „Я очень просто делаю. Всё кидаю в ванну, а когда много всего накопится, то залезаю в ванну сам, включаю душ и быстро-быстро перебираю ногами. Да, и туда ещё мыло! И оно стирается, стирается...“

Людмила Александровна тоже стирала, но ей помогали — жена водителя, в частности. Они вместе и стирали, женщины...»

Можно понять, что жизнь разведчика в зарубежной командировке — не только вербовки, встречи с агентами, тайниковые операции или дипломатические приёмы, но и многое, многое иное, что чаще всего остаётся «за кадром».

Дроздов вспоминал:

«Обстановка вокруг представителей „советского ревизионизма“ продолжала накаляться. Несколько раз наши сотрудники подвергались нападениям со стороны хунвейбинов. Почти целую ночь я провёл недалеко от ворот торгпредства в своём новеньком „Москвиче“, облепленном всякими дацзыбао^[37], с выхлопной трубой, обмотанной соломой (гори, ревизионист, сам себя подожжёшь, если заведёшь мотор). Напряжённость нарастала. Хунвейбины подвергли городок посольства двухдневной физической и звуковой блокаде, вынудившей нас с помощью других дипломатических представительств провести эвакуацию членов семей»^[85].

«С раннего утра до глубокой ночи к посольству шли колонны так называемых демонстрантов. У посольства постоянно находились тысячи бесновавшихся хунвейбинов. Ворота и забор, ограждающий территорию посольства, прилегающие к посольству улицы были обклеены антисоветскими лозунгами со словами угрозы расправиться с советскими гражданами в Пекине и вообще с Советским Союзом. На воротах посольства вешали чучела советских людей, которые здесь же сжигались на кострах. Советских граждан, проезжавших по улицам, ведущим к

посольству СССР, осыпали бранью, колотили по автомашинам всем, что попадало под руку, плевали и бросали камни в автомашины...»^[86]

Но не стоит думать, что советские представители — речь в данный момент не только о сотрудниках резидентуры — покорно и перепуганно сидели в этой «самоизоляции», окружённые плотным кольцом придурковатых хунвейбинов, и покорно ждали своей печальной участи.

Кстати, насчёт «придурковатых хунвейбинов» — никакого национализма тут нет, не подумайте! Но как ещё относиться к людям, которые тупо «сотворяют себе кумира» и поклоняются ему, подобно живому божеству? К чему обожествлять «верховного правителя», тобою же, как считается, избранного? Почему человеку так хочется ощущать себя рабом другого двуногого? А именно это происходило в Китае «эпохи „культурной революции“». Думается, что как раз неограниченное властолюбие одних, обеспеченное той самой рабской психологией других, скомпрометировало и опорочило великую социалистическую идею, привело к крушению мировой социалистической системы.

Так вот, советские люди отнюдь не желали чувствовать себя невольниками — и не позволяли маоистам превращать себя в таковых.

...Любая война неизбежно приводит к людским потерям, и хотя подразделения Советской армии не принимали непосредственного участия в отражении американской агрессии против Социалистической Республики Вьетнам, однако советские военные советники в СРВ были, ну и кому-то, скажем так, к сожалению, не повезло. За время военного конфликта погибло, по различным данным, от 13 до 16 советских военнослужащих.

В январе 1967 года через Китай в СССР должны были быть переправлены тела трёх погибших (при каких обстоятельствах — нам неизвестно) воинов зенитно-ракетных войск. В принципе, можно было бы просто отправить в Москву «груз-200» (впрочем, этот термин вошёл в обиход во время Афганской войны), не привлекая ничьего внимания. Однако Посольство СССР в Китае решило провести торжественно-траурные проводы павших. Не знаем, согласовывалось это с Москвой или нет, потому как тогдашний Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в КНР Сергей Георгиевич Лапин^[38] был личным другом Леонида Ильича и выполнял лишь его указания — или решал сам.

На посольской территории перед главным зданием были собраны и выстроились коллективы официальных советских представительств — посольства, консульства, торгпредства. Играла траурная музыка, был проведён митинг; посредством громкоговорителя собравшимся вокруг

посольства хунвейбинам и просто любопытным, которых было немало, рассказали по-китайски о подвиге советских воинов-коммунистов, оказывающих помощь вьетнамцам, братьям по социалистическому лагерю, ведущим справедливую борьбу против американцев — «акул империализма», врагов «прогрессивного человечества» и мира на земле.

Под звуки траурного марша грузовик с гробами медленно проехал мимо замерших шеренг дипломатов и других советских работников (пусть и гражданские, но стоять в строю советские люди умели) и выехал через раскрытые ворота за территорию посольства. Хунвейбины, которые совсем ещё недавно сходили с ума и бесновались, озадаченно притихли и расступились, траурный кортеж, не прибавляя скорости, беспрепятственно двинулся в сторону аэропорта.

Этот нравственный урок отрезвляюще подействовал на блокировавший посольство «молодняк»: в течение нескольких дней обстановка вокруг посольства была гораздо спокойнее, нежели раньше, но, очевидно, встревожил «кукловодов» из маоистского руководства. Через несколько дней толпы хунвейбинов были двинуты на штурм городка советского представительства. Были перебиты все стёкла на первом этаже посольского здания, разгромлено консульство и сожжена будка привратника.

Но вот тогда Юрий Иванович совершил большую ошибку, о которой нам известно из весьма информированного источника. Думается, об этой ошибке тогда знали всего лишь несколько человек... Когда начался штурм, Юрий Иванович вызвал шифровальщика: «У тебя есть определённый знак, показывающий нападение на нашу страну. Поставь его в телеграмме!» Тот беспрекословно выполнил приказ резидента.

Формально всё было именно так: территория диппредставительства официально считается территорией той страны, которой оно принадлежит. Но всё-таки есть немалая разница в алгоритме действий соответствующих структур при нападении на посольство и при начале вооружённой агрессии противника.

Понятно? Не очень? Ну и слава богу!

Действия соответствующих структур в первые минуты по получении сигнала были именно такие, как при начале войны... Но потом, очень и очень быстро, был дан отбой и введён другой алгоритм...

«Юрию Ивановичу, при многих его положительных качествах, была присуща некоторая торопливость, — пояснил наш источник. — Порой он мог принять не совсем продуманное решение, ни с кем при этом не посоветовавшись...»

Что ж, примем эту информацию к сведению. Мы пишем не «житие», но биографию, а каждому человеку свойственно ошибаться, каждый обладает определённым набором не только положительных, но и отрицательных качеств. К тому же те характеристики личности, которые в одной ситуации представляются сугубо положительными, в другой могут оказаться и негативными...

Кстати, сам Дроздов это прекрасно понимал. Нам он представляется образцовым семьянином и, насколько мы знаем, относительно спиртного был достаточно строг. Естественно, он, мягко говоря, должен был беспокоиться о моральном облике своих сотрудников. Однако мы знаем, что Юрий Иванович говорил так: «Если оперработник не обернётся вслед симпатичной женщине и если он никогда не выпьет — это плохой оперработник! Вызывает вопросы: что это такое и всё ли с ним в порядке?»

К каким последствиям лично для Дроздова привела та самая ошибка, мы не знаем. Нет смысла повторять общеизвестное, что от ошибок никто не застрахован. Но если у одних это «явление» разовое, то у других вся жизнь — сплошная череда ошибок. Значит, определённо в Центре сопоставили цену этого «прокола» с той пользой, что приносила пекинская резидентура, и оценка гораздо в большей степени оказалась положительной. Думается, «чертей он получил», причём весьма основательных, но на том всё и успокоилось.

А через несколько дней, пролётом в Ханой, в Пекине побывал премьер Косыгин, которого сопровождали Андропов, пока ещё заведующий Отделом ЦК, и, как писалось в газетных отчётах того времени, «другие официальные лица».

Как мы знаем, Юрий Владимирович накоротке переговорил с Дроздовым на лестнице в посольстве. Алексей Николаевич же имел недолгую беседу с Чжоу Эньлаем, и эта беседа, как отмечал потом Юрий Иванович, «на некоторое время сняла острое напряжение».

...Между тем даже в тогдашних ненормальных условиях работа резидентуры продолжалась и давала свои результаты.

О некоторых людях легенды слагают ещё при жизни. Наш старинный друг — назовём его Аарон Бенедиктович, хотя на самом деле это совершенно не так, но где-то к тому близко, — работавший по линии «Н», рассказывал:

«У нас говорили, что именно Юрий Иванович установил, что китайцы будут на нас нападать».

Он, будучи резидентом, имел настолько хорошие контакты в Китае, что однажды к нему явился один из старых казаков, который там поселился

ещё в царские времена, древний старик, пришёл и рассказал, что вот, китайцы выгнали его из его жилища, а на его земельном участке построили макет острова Даманский, все наши тамошние коммуникации изобразили и там тренируются. В Москву пошла предупреждающая телеграмма...

Уже потом я нашёл этому подтверждение в книге „Вымысел исключён“».

Однако легенды легендам рознь. В Интернете, в частности, представлено большое интервью, которое, как там написано, Дроздов дал 2 ноября 2011 года корреспонденту одного уважаемого портала. Нет, серьёзно — уважаемого!

Можно заметить, что по тексту и языку изложения все интервью Юрия Ивановича очень близки к его воспоминаниям. В этом можно убедиться даже по расшифровкам, подаренным нам с телеканалов «Россия» и «РТ», хотя там-то непосредственно живая, неправленая, речь, да ещё и с многократно повторяющимся «так» — «словом-паразитом» Дроздова, добросовестно зафиксированным «дешифровщиками». Понятно, что бывший начальник нелегальной разведки не позволяет себе отходить от некогда согласованного текста (у Службы жёсткие правила, для всех обязательные). Однако в некоторых случаях «интервью», как представляется, просто взяты из книги и несколько «расцвечены» вопросами и фантазией «интервьюера». При этом добавленные фантазии не всегда оказываются достоверными и даже достаточно грамотными. Вот пример из того самого интервью «от 02.11.2011»:

«В моём личном деле, как мне говорили, есть резолюция ещё самого Никиты Сергеевича Хрущёва, которого в 1960-х годах я, как резидент советской разведки в Китае, предупреждал о готовящихся столкновениях на Даманском, а Хрущёв на материале с этой моей информацией написал: „Не верю“».

Кажется, что журналист походя перепутал Хрущёва и Станиславского. При чём здесь Станиславский? Да ни при чём — точно так же как и Хрущёв, который был снят со всех своих партийно-государственных постов вскоре после того, как Дроздов прибыл в Китай и, разумеется, не успел ещё подойти к такой серьёзной информации. События на Даманском произошли почти четыре года спустя после отставки Никиты Сергеевича, так что вряд ли китайцы могли столько времени готовить свою провокацию. В общем, «не верю!» — как заявлял именно Станиславский. Про резолюцию Н. С. Хрущёва Юрий Иванович своему собеседнику рассказать никак не мог. Рассказывал ли он всё остальное — оставляем на совести автора.

А что же было на самом деле — относительно военных планов и действий китайского руководства?

«С 1964 по 1969 год на советско-китайской границе имели место 4189 столкновений (правда, без применения оружия). Ситуация резко обострилась после ввода советских войск в Чехословакию в конце августа 1968 года и принятия советским руководством так называемой „брежневской доктрины“, гласившей, что СССР имеет право вмешиваться во внутренние дела любой социалистической страны, если в этой стране социализм находится в опасности. Министр обороны КНР Линь Бяо первым почувствовал опасность. В октябре 1968 года армия КНР была приведена в боевую готовность. Соответственно, усилилась нервозность в войсках, особенно пограничных. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай вначале скептически отнеслись к беспокойству Линь Бяо, но возражать против мер предосторожности не стали»^[87].

Как-то не совсем всё это понятно... Боялись вторжения, однако, если грубо сосчитать, ежедневно на Государственной границе СССР случалось по две-три провокации. Сомнительно, чтобы инициатива шла со стороны «северного соседа» — там и провоцировать-то было некому, люди работали, а не бегали с «цитатниками Л. И. Брежнева» в поисках «ревизионистов» и «каппутистов». (Напомним, что самым популярным изданием того времени в Китае был «Цитатник Мао Цзэдуна».) Так что, с одной стороны, китайцы боялись потенциальной агрессии, но с другой — сами же её старательно провоцировали. Что ж, воспитание в народе «психологии осаждённой крепости» (весь мир — или ближайшие соседи — против нас, но мы сплотимся вокруг нашего гениального лидера и выстоим) — приём, давно уже отработанный правителями, но кое-где до сих пор не утративший эффективности...

Хотя, между прочим, в китайских «верхах» были люди, которые даже обращались к советскому руководству с просьбой действительно навести в Поднебесной порядок: кровавая вакханалия «культурной революции» не вызывала большой радости у мыслящей части общества. Однако вводить войска в страну, 750-миллионное население которой было не только фанатично предано Председателю Мао (сколько процентов было таких фанатиков — не знаем, однако даже и трети от общего числа больше чем достаточно), но и имело за плечами почти четвертьвековой опыт партизанской гражданской войны, стало бы безумием. Зато возможность китайской агрессии представлялась вполне реальной.

Напомним, что в Пекине Юрий Иванович в основном работал с «западниками» — не только с дипломатами, но и с высокопоставленными

представителями торгово-промышленных кругов.

Особый интерес для Дроздова представила встреча с представителем фирмы «Крупп». В своё время основатель этого концерна Альфред Крупп {39} получил прозвище «Пушечный король», а живой пока ещё в то время (вскоре умрёт) «продолжатель его дела» Альфрид Крупп {40} был в 1948 году осуждён на 12 лет Нюрнбергским трибуналом за «разграбление промышленных предприятий других государств и использование рабского труда». «Крупп», помимо всего, — это дальнобойные стальные орудия и «крупповская броня» для боевых кораблей... Само присутствие в Пекине человека из этой фирмы свидетельствовало о многом.

Так вот, «крупповец» откровенно сказал советскому представителю, что, мол, вы, русские, — дураки, не видите того, что делается у вас под самым носом. Немец не только многое знал «по службе», но и бывал в тех местах, куда китайцы бывших своих советских друзей давно уже не пускали, а потому понимал, к чему готовится маоистское руководство.

Почему же он рассказывал о том Дроздову? (Вопрос, знал ли он, что общается с советским резидентом, по вполне понятным причинам остаётся открытым.) Объясняется просто: в то время ещё не было понятия «толерантность» и советские граждане пользовались у европейцев или белых американцев гораздо большей симпатией (возможно, даже безотчётной), нежели представители иных рас, в том числе и оказавшихся их союзниками. Мало того что своим «жёлтым» и «чёрным» «друзьям» англосаксы и прочие не только не доверяли, они и смотрели на них презрительно, свысока. Поэтому представители спецслужб Запада могли запросто поделиться с советскими коллегами (зная или подозревая таковых среди дипломатов, журналистов и прочих) информацией по стране пребывания — разумеется, не в ущерб интересам собственных государств. Главное, чтобы собеседник был приятным человеком, таким, с которым хочется и полезно общаться. Так, «западники» доверительно сообщали нашим сотрудникам, что китайцы усиливают войсковую группировку на границе с СССР.

Ну а теперь — относительно острова Даманский, из первоисточника:

«Незадолго до штурма посольства хунвейбинами нашим сотрудникам удалось побывать в провинции Хейлуцзян и Харбине и встретиться с нашими престарелыми соотечественниками. Один из них рассказал, что китайские власти выселили его с принадлежащей ему пасеки, превратили её в огромный ящик с песком (не следует понимать этот военный термин буквально: это макет местности, а не „песочница“, как кому-то может

показаться. — А. Б.), какие бывают в классах военных академий. Представленная на нём местность отображала участок сопредельной советской территории. Старый 84-летний амурский казачий офицер этим был очень озадачен»^[88].

Озадачены были и в Москве. Идеологи со Старой площади упёрлись в ленинский постулат «учение Маркса всеильно, потому что оно верно» и, как кажется, абсолютно не думали о развитии той самой «всепобеждающей теории» — был такой термин. В соответствии с теорией в текущем столетии возможны были три вида войн: империалистические — за передел мира, гражданские освободительные — то есть пролетариата против буржуазии и национально-освободительные, которые вели народы колоний и зависимых стран против своих угнетателей. Всё! Марксизм-ленинизм никоим образом не предполагал военных конфликтов между социалистическими странами! А ведь Китай, хотя и избравший особый путь развития, оставался, вне всякого сомнения, социалистической страной — в соответствии с чётким марксистско-ленинским определением.

Пекинская резидентура буквально кричала в Центр: «Проверьте нашу информацию всеми возможными средствами — космической, радиотехнической, военной и пограничной разведками!» Центр угрюмо молчал.

Только не надо думать, что в ПГУ были такие испуганные люди. Просто разведка не сама решает, что ей делать, задачи ей ставятся соответствующей «инстанцией». В те времена этим словом обозначался Центральный комитет КПСС. Руководство разведки добросовестно направило соответствующее сообщение в ЦК, откуда пришло распоряжение информацию проверить и, если она не подтвердится, резидента наказать...

Между прочим, даже если эта информация не пошла напрямую в Отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, то, вне всяких сомнений, мимо руководства отдела не прошла. Вот только этим подразделением ЦК руководил уже не Андропов: 10 мая того самого 1967 года он был назначен председателем КГБ при Совете министров СССР.

И тут возникает вопрос: почему Юрий Владимирович не поддержал решительным образом резидента, не убедил руководство страны принять в соответствии с его письмом необходимые меры? Понятно, что информация разведки шла в «инстанцию» не в обход председателя, который к тому же был экспертом в «китайском вопросе»! И Дроздова он знал лично, даже приглашал его работать в ЦК. Нет сомнения, что «фаворит Брежнева»

сумел бы сделать всё необходимое, тем более что и требовалось только как следует выяснить, что происходит с южной стороны советско-китайской границы.

Ответ на заданный нами вопрос как бы даёт генерал-лейтенант Кирпиченко:

«Андропов был человеком очень осторожным и никогда не брал на себя лишнего, того, что могло быть истолковано как превышение полномочий. По всем мало-мальски серьёзным вопросам писались бумаги в ЦК КПСС или непосредственно Генеральному секретарю для получения согласия на то или иное предложение»^[89].

Георгий Хосроевич Шахназаров^[41], один из близких к Андропову людей во время его работы в ЦК КПСС, так охарактеризовал Юрия Владимировича (даём эту характеристику по книге Сергея Семанова — с авторским комментарием):

«„В Андропове непостижимым образом уживались два разных человека — русский интеллигент в нормальном значении этого понятия и чиновник, видящий жизненное предназначение в служении партии. Я подчёркиваю: не делу коммунизма, не отвлечённым понятиям о благе народа, страны, государства, а именно партии как организации самодостаточной, не требующей для своего оправдания каких-то иных, более возвышенных целей“.

Выразительная характеристика, ничего не скажешь! Отчётливо выраженная „раздвоенность“ Андропова: либерал для своих и послушный партисполнитель для высшего начальства. И это вовсе не пристрастие осведомлённого мемуариста. Нет, таким „двойным“ и скрытным Андропов был во все долгие годы своего неуклонного восхождения вверх, к самой-самой вершине»^[90].

Марксистско-ленинская теория не предусматривала (или напрочь отрицала?) возможности военного конфликта между социалистическими странами — исключительно потому, что этого не может быть никогда. А значит, Юрий Владимирович противоречить «всепобеждающей» теории не мог. До 1979 года, когда начнётся война между Китайской Народной Республикой и Социалистической Республикой Вьетнам, было ещё далеко...

Гораздо раньше, в марте 1969 года, произошли вооружённые столкновения между советскими пограничниками и китайскими военнослужащими на острове Даманский. Или, как написано в книге Дроздова, «в районе, близком к пасеке». Той самой, превращённой в «ящик

с песком».

Но в это время Юрий Иванович был уже в Москве.

Кстати, если возвратиться к обещанию (или угрозе?) из ЦК проверить полученную от резидента информацию, то, по словам Дроздова: «Проверили. Всё подтвердилось. Не извинились. Не принято»^[91].

Ну и последнее — маленький эпизод, рассказанный нам Героем России Юрием Анатольевичем Шевченко:

«Когда я узнал, что Юрий Иванович работает в Китае, соседом моим по лестничной клетке на Ленинском проспекте был Саша Тер-Григорян^[42], собственный корреспондент газеты „Известия“. Лучший китаевед Советского Союза! Великолепный! Стихи писал — в том числе и по-китайски, замечательно! Правда, они у него все получались матерные — он в китайском специально такие слова подбирал...

Ну, я его спросил: „Саша, а как там, в Китае?“ Он знал, что я — в соответствии с моей „легендой“ — работаю в ЮНЕСКО, болтаюсь где-то за границей... „Ты там в посольстве был?“ — спрашиваю. „Почти нет, я же корреспондент! Чего мне там? Хотя в посольстве у нас такой интересный человек был: длинный, лысый, острый такой — великолепный! Он мне помогал там здорово! Он был первый секретарь или советник-посланник — в общем, высокого ранга“. Я сразу понял: это Дроздов! Хотя, конечно, Тер-Григорян знал его под совершенно иной фамилией. Впрочем, он мне фамилии не называл, просто вот так описал, но не узнать его даже по описанию было невозможно!

А тут, через пару недель после этого разговора с Сашей, у меня очередная командировка — и мы встречаемся с Юрием Ивановичем. Он нас всегда провожал на боевое задание. Я говорю: „Юрий Иванович, вы же только из Китая вернулись — вот там был Саша Тер-Григорян, и он рассказывал, что у него такой интересный был знакомый в посольстве — и описал точно вас!“ — „Знаю я этого Тер-Григоряна — великолепный человек!“ — „Как хорошо вы друг о друге отзываетесь!“ — „Но он ‘чистый’, даже не ‘полосатый’“, — на всякий случай уточнил Дроздов. — „Да, я знаю!“

Вот это было так...»

Очень интересная характеристика личности! В манере поведения Юрия Ивановича не было никакой многозначительности, таинственности, что отличают порой высокопоставленных «посвящённых», вращающихся в каких-либо особых сферах или властных структурах, недостижимых для «простых смертных».

И уточним, это нам пригодится, что «чистый» дипломат, журналист или кто-либо ещё — это значит не имеющий к разведке никакого отношения. А «полосатый» — ну, наверное, это не совсем «чистый»... Но и не сотрудник!

Глава 7. «Д-104» и барон фон Хоэнштайн

Итак, Дроздов вновь приехал в Москву. Вот что Юрий Иванович рассказывал корреспонденту «РТ» о том времени:

«Когда я возвращался из Китая, мне было поручено отдельной телеграммой от Юрия Владимировича написать кроме официального отчёта свои собственные соображения относительно всего там происходящего. Я написал сто четыре страницы, заголовок — „Четыре года в Китае“, подзаголовок в скобках — „Вместо отчёта“, в котором высказывал целый ряд своих мыслей и наблюдений, которые делал в то время по Китаю.

Главная мысль была о том, что Китай — древнейшее государство, со своей богатой и интересной историей, что нас не должно удивлять то, что происходит в Китае, хотя бы по той причине, что история имеет подобного рода случаи. Например, в недрах феодального строя более двухсот с лишним лет существовала Венецианская республика, в которой всё было иначе, чем в отдельных феодальных государствах. И это не мешало им терпеливо искать преобразования своего собственного общества. И что китайцы имеют право на поиск своего собственного пути»^[92].

Вообще очень смелый вывод для того времени, да и сравнение просто удивительное — «твердолобым» догматикам вряд ли понравилось! Однако оставим пока что Китай в покое и обратимся непосредственно к судьбе нашего героя. В своих воспоминаниях он пишет:

«Видимо, мои записки „Четыре года в Китае“ побудили его [Андропова] направить меня на короткий промежуток времени в китайский отдел ПГУ, а затем вернуть в Управление „С“.

Как он и начальник ПГУ А. М. Сахаровский решали мою судьбу, мне до сих пор неизвестно. Александр Михайлович Сахаровский, вызвав меня, передал решение Председателя КГБ о моём новом назначении заместителем начальника нелегальной разведки. Я ответил согласием, но предупредил, что процесс „притирки“ к новому коллективу руководителей может быть трудным из-за трений, которые были в 1963 г. по вопросам организации работы. А. М. Сахаровский попросил внимательно ознакомиться с взглядами Ю. В. Андропова на деятельность нелегальной разведки, подчеркнул, что период поисков пути закончился, и подвёл итог: *„Внутри Управления можешь пробовать, искать, менять, делать что хочешь, но Управление ‘С’ должно найти своё место. Это просил*

передать тебе Ю. В. Андропов“^[43].

Так произошло моё возвращение в нелегальную разведку»^[93].

Ну вот, теперь мы вплотную подошли к сложнейшей и в общем-то почти абсолютно закрытой теме нелегальной разведки — к самой трудной, пожалуй, части нашего повествования. Если мы могли рассказывать о конкретном эпизоде «кузена Дривса» и даже кое-что о работе Пекинской резидентуры в условиях «культурной революции», то описывать деятельность Управления «С» в тот период, когда Юрий Иванович являлся заместителем его начальника, нам будет практически невозможно. (Как, впрочем, и любой другой период существования нелегальной разведки.) Ведь даже сам Дроздов в книге посвятил этому времени всего лишь две страницы — с пересказом пары эпизодов из жизни разведчиков-нелегалов, в конце которых с присущей ему скромностью уточнил, что ему за эти годы «пришлось также побывать в разных странах разных континентов».

Недаром уже известный читателю генерал-лейтенант Вадим Алексеевич Кирпиченко писал так:

«Говорить о конкретных делах нелегальной разведки, в том числе и в прошедшем времени, крайне затруднительно. Это особо охраняемая тема. Подготовить настоящего разведчика-нелегала, снабдить его надёжными документами и вывезти за рубеж для практической работы — дело чрезвычайно трудное и требующее невероятных усилий со стороны специалистов разного профиля...

Нелегальная разведка существенно отличается от других звеньев внешней разведки своей спецификой и налагаемой ею особой ответственностью...»^[94]

Но всё-таки очень хочется осветить эту тему поглубже, она вызывает повышенный читательский интерес... И вдруг, по зрелом, так сказать, размышлении, мы приходим к выводу, что такая возможность у нас есть! Причём навёл нас на неё сам Юрий Иванович:

«Видимо, нет никакой надобности останавливаться на структуре и организации работы Управления „С“, так как это с большим усилием и изрядной долей выдумки сделали перебежчики-предатели Гордиевский^[44] и Кузичкин^[45] в своих мемуарах...»^[95]

Торопливо прочитав эту «рекомендацию», мы лишь скользнули взглядом по словам об «изрядной доле выдумки», не обратив на это должного внимания, и поскорее стали выбирать «жареную информацию» из скандально известной автобиографической книги Олега Гордиевского «Следующая остановка — расстрел» (знать бы, в какой ещё стране

издаются повышенными тиражами и продаются свободно книги изменников Родины, приговорённых к высшей мере наказания?).

Что ж, берём книгу и узнаём, что в МГИМО — Московском государственном институте международных отношений — его в своё время окончил Гордиевский, был некий Пётр Григорьевич, «который представлял в институте Управление „С“ (оно ведало нелегалами), и однажды в начале 1961 года тот пригласил меня в свой маленький кабинет для беседы. Когда он спросил, заинтересован ли я в работе в Управлении „С“, я ответил „да“. Он сказал, что меня вызовут на собеседование в так называемое Бюро пропусков на Кузнецком Мосту...»^[96].

Далее на той же странице автор пишет, что в Бюро пропусков с ним разговаривал «офицер в более высоком чине», а затем, недели через две, его знания немецкого языка проверила «миловидная женщина лет за пятьдесят». На том всё и закончилось. «Я был зачислен в резерв Управления „С“, и с этого момента никакой другой отдел КГБ не имел права вести со мной переговоры».

Просто, как апельсин!

Прочитав эту сказку, мы запоздало вспомнили предупреждение Юрия Ивановича об «изрядной доле выдумки» в трудах подобных «мастеров пера». Стало ясно, что подлинной и по-настоящему интересной для нас информации в этом «произведении» не найти. А вот сам Гордиевский, к сожалению, ещё появится на страницах нашей книги — довольно скоро и не один раз.

Но чтобы читатель понял, что именно смутило нас в повествовании «Иуды из Ясенева» (так убийственно окрестил Гордиевского в своей одноименной книге^[46] наш друг и писатель, автор нескольких биографий серии «ЖЗЛ» — полковник разведки Борис Николаевич Григорьев, свою первую книгу выпустивший под псевдонимом), обратимся к рассказу другого полковника — его, кажется, зовут Николай Павлович, — в своё время занимавшего пост заместителя начальника Управления «С». Уточняем, что это было не при Дроздове, при нём наш собеседник был молодым сотрудником. Так вот, Николай Павлович рассказывал:

«Я окончил 101-ю школу в 1968 году. И сразу, в августе, отозвав из отпусков, нас, выпускников, отправили в Берлин. Там я был закреплён за 3-м отделом Представительства. Только приехав туда, я узнал, что это — нелегальная разведка. А там, в школе, со мною всё время приходили, беседовали... И получалось так: приходят, с группой разговаривают, а моего куратора всё нет. Он приходил потом, всегда отдельно, беседовал. Но

сколько я ни спрашивал, из какого он подразделения, он как-то не говорил, и никто толком не знал. Только потом выяснилось, что он из Управления „С“. Не знаю, кто на меня там глаз положил, почему обратили на меня внимание, присмотрели, но всю учёбу я шёл как кандидат в Управление „С“. Только сам я этого не знал!»

Есть разница? Сравните: ничего не знавший до момента определения в оперативное подразделение выпускник 101-й школы — и студент МГИМО, которого уже на студенческой скамье отобрали на «нелегалку», о чём сразу же оповестили. А по фразе Гордиевского «с этого момента никакой другой отдел КГБ не имел права вести со мной переговоры» вообще можно понять, что соответствующую информацию получили отделы кадров всех гёбэшных управлений. Бред!

В общем, понятно, что черпать информацию из этого «мутного источника» бесполезно...

Что ж, попробуем осветить данный период жизни нашего героя на основании, так скажем, показаний очевидцев и иной информации, которую по крупицам можно собрать из достоверных источников. Главное, чтобы описываемые события были в той или иной степени связаны с Юрием Ивановичем.

Для начала возвратимся к рассказу Николая Павловича, приехавшего в Берлин в августе бурного 1968 года. И вот чем он там занимался:

«Я был начинающий работник, но мне повезло: мне передали там на связь четверых, как мы их тогда называли, — „агентов-нелегалов“, из немцев, ГДРовцев. Только что подобранные. Вначале их смотрели на длительный вывод, но что-то там не получилось. А подготовку они полностью прошли... И вот этих агентов-нелегалов мы использовали на краткосрочные поездки. Делали им западные документы и выводили через Западный Берлин в Европу — какие-то локальные задания они там выполняли или собирали сведения. Их называли — был жаргон такой, от ГДРовцев он пошёл, — „Ромео“, „подразделение Ромео“. Это были парни, молодые мужчины, на которых женщина могла „кlynуть“, крепкие такие...

И у меня три из четырёх „зацепили“ девок — секретарей очень высокопоставленных лиц. Дело уже прошлое, всё это широко освещалось в зарубежной прессе, почти все они прошли тюрьму, так что могу сейчас рассказать. Бургомистром Западного Берлина был тогда Вилли Брандт^[47]. И один из его ближайших чиновников имел любовницу, которая одновременно стала любовницей нашего „Ромео“. А тот чиновник её взял в секретари. И к нам стали попадать со стола Вилли Брандта очень важные документы — например, о взаимоотношениях двух германских государств.

„Холодная война“ была в разгаре...»

Кстати, та же самая тема, с несколько иной точки зрения, рассматривается и в книге руководителя восточногерманской внешней разведки Маркуса Вольфа «Игра на чужом поле»:

«Распространённое в средствах массовой информации утверждение о том, что Главное управление разведки выпустило на невинных гражданок Западной Германии настоящих „шпионов-Ромео“, быстро зажило собственной жизнью. С этим ничего нельзя было поделать, и с тех пор к моей службе прицепилась сомнительная слава „взломщиков сердец“, которые таким способом выведывают тайны боннского правительства.

Мне, конечно, нет необходимости специально подчёркивать, что такое отделение относится к той же категории фантастики, как и мнимое подразделение в британской МИ-5, где изобретаются и испытываются новейшие вспомогательные средства для агента 007 (очевидно, всё-таки МИ-6, именно там „трудился“ знаменитый Джеймс Бонд. — А. Б.). Сама возможность возникновения „стереотипа Ромео“ связана с тем, что большинство разведчиков, которых мы посылали на Запад, были холостыми.

Придумать достоверные легенды для супружеских пар было гораздо труднее, чем для одиноких...»^[97]

Если кому-то кажется, что точки зрения бывших руководителя разведки ГДР и опера из ПГУ КГБ СССР в чём-то не сходятся — ничего удивительного! Каждая спецслужба делала своё дело. Об этом, кстати, нам в своё время рассказывал и сам Михаил Фёдорович Вольф (называть просто по имени того, кто значительно старше, русскому человеку просто неудобно), отвечая на вопрос, как складывались отношения между двумя разведками:

«У нас были дружеские, партнерские отношения. По-моему, это было и на разных уровнях — от руководителей до рядовых работников. Конечно, в личном плане это было по-разному, но, главное, у нас не было чувства, что мы имеем дело с представителями „великой державы“, которые относятся к нам как к „младшим братьям“. Прежде всего, между нами было взаимное уважение»^[98].

Генерал Вольф тогда рассказывал нам и о том, как между спецслужбами осуществлялся обмен оперативной информацией:

«Процесс этот был не то что взаимовыгодным — скорее взаимопользным. Очень полезным! Конечно, мы давали больше разведывательной информации, чем получали сами, но мы полностью

сознавали, что даём эту информацию нашему главному союзнику, который несёт бóльшую ношу всех обязанностей, всех расходов на наше общее дело — защиту нашего союза»^[99].

И вот что ещё тут важно отметить. Если со спецслужбами подавляющего большинства социалистических стран советская разведка взаимодействовала, в основном обмениваясь информацией, то характер сотрудничества и взаимодействия с «органами» (говорим нашим привычным термином) ГДР носил особый характер.

Генерал-лейтенант Виталий Григорьевич Павлов^[48], некогда бывший заместителем руководителя Первого главного управления КГБ СССР, пояснял:

«Гэдээровская разведка имела большие возможности проникать на Запад и добывать там нужную Организации Варшавского Договора и СССР в частности разведывательную информацию. Все годы, вплоть до воссоединения с Западной Германией, разведка ГДР являлась важным источником такой информации, внося ощутимый вклад в укрепление позиции всего социалистического содружества в его противостоянии агрессивному союзу Запада — НАТО.

Не менее важные задачи решала и сама наша внешняя разведка через ГДР, создавая на её территории возможности проникновения и нашей агентуры и разведчиков в западные государства»^[100].

Но возвратимся к Николаю Павловичу, к его рассказу, попутно задаваясь вопросом: при чём же здесь Юрий Иванович Дроздов?

Итак, Николай Павлович рассказывал:

«Мы знали, что в Греции сотрудники немецкого посольства обычно проводят свободное время после работы в ресторане, находящемся неподалёку от их диппредставительства. Тогда мы послали туда моего агента — псевдоним „Роланд“, чтобы он разыскал одну секретаршу. Она была внучатой племянницей фельдмаршала Кейтеля^[49], того самого, что подписывал капитуляцию Германии. „Роланд“ съездил на две недели и выяснил, что её перевели в Париж.

Там он её в конце концов и нашёл. Здоровенная дылда — но и наш парень был ничего, под два метра, — очень некрасивая. Очевидно, военные опекали её как родственницу Кейтеля: она работала секретарём в военном атташате. „Ромео“ несколько раз с ней переспал, но большой симпатии она у него не вызывала...

Но, к счастью, через несколько дней она взяла его к своей подружке, тоже из посольства, у которой был день рождения. Та была посимпатичнее,

пофигуристее... А потом оказалось, что это — секретарша резидентуры БНД^[50] в Париже. Первая девка увидела возникшую симпатию и отошла в сторону. Правда, перед тем у неё с подругой было выяснение отношений... И он остался с той, со второй. Он не всё время сидел — приедет, две-три недели покрутится по „легенде“ — и уезжает. „Куда ты?“ — „В Аргентину! В Буэнос-Айрес“. Потом опять приезжает...

Почему мы на неё ставку сделали, а не на эту дылду некрасивую? Во главе резидентуры БНД в Париже тогда был зять Гелена^[51]. И он тоже, кстати, к этой девке похаживал...»

Останавливаемся, чтобы уточнить:

«Со дня основания организации Гелен постоянно укреплял семейственность в ней и особенно усилил эту тенденцию после образования БНД. К этому времени в службе образовался настоящий семейный клан, который не только участвовал в шпионаже, но и оказывал влияние на политику секретной службы»^[101].

Что ж, вполне по-грибоедовски: «Ну как не порадеть родному человечку?» Хотя основатель БНД уже ушёл на покой, дух его ещё витал в Пуллахе^[52], а его кадры вершили политику Службы. Париж — одна из лучших мировых столиц, но если, можем предположить, у резидента КГБ там дел и забот хватает, то у резидента БНД их, очевидно, будет гораздо меньше — «блатное место», так сказать. К тому же, исключительно по причине своего родственного положения, парижский резидент получал важные материалы информационного плана, предназначенные для руководителей более высокого уровня. Материалы, разумеется, проходили через его секретаршу, а при наличии «определённых», скажем так, отношений с ней можно было и кое-что обсудить в неформальной обстановке. Хотя бы пожаловаться на очередную глупость «наших идиотов в Пуллахе», потому как если вести подобные разговоры с кем-то иным, даже с собственным заместителем, это может иметь вполне предсказуемые негативные последствия — «подсидят» запросто!

Кстати, позже стало известно, что секретарша «близко дружила» не только с зятем Гелена: через её постель прошла чуть ли не вся мужская часть Парижской резидентуры БНД.

О том, что было дальше, рассказал в августе 1995 года германский журнал «Фокус» (этот текст в переводе вскоре был помещён в сентябрьском номере газеты «Кто есть кто» и по этой публикации мы его и цитируем). В материале названы подлинные имена персонажей: «Хайдрун Хофер, любвеобильная секретарша из БНД» и «Ханс Пушке, родившийся в

Кёнигсберге».

«Пушке... вербует молодую женщину под чужой флаг: по словам Пушке, он примкнул в Южной Америке к группе бывших офицеров вермахта, которые намерены создать в Германии организацию правоконсервативного толка. А для этого, как заявил новоявленный Ромео 30-летней секретарше из БНД, была бы очень полезна информация из центра БНД в Пуллахе.

Дочка капитана вермахта (по нашей информации это был капитан „цурзее“ — капитан 1-го ранга в запасе или в резерве; в то время он был капитаном какого-то большого гражданского судна. — А. Б.) Хайдрун Хофер поставляет очень секретные данные из БНД относительно планов ФРГ в кризисный период, ракетных позиций, рассказывает о совершенно секретных планах НАТО»^[102].

Про папашу-морьяка было известно, что он настроен профашистски — в тогдашней Федеративной Республике оставалось много таких, кому не давали покоя недавнее призрачное величие Третьего рейха, практически покорившего Европу, горечь последующего поражения и унижение разделённой, фактически оккупированной (ведь даже в американских «союзниках» многие немцы видели оккупантов) Германии. Если же сказать точнее, то в семье Хофер воистину царил культ гитлеризма и нацизма, и Хайдрун, соответственно, была воспитана в том же «патриотическом» духе.

Во время общения «Роланд» пару раз обсуждал с ней подобные темы, и стало ясно, что именно это будет основа её вербовки.

Как именно проходила такая «вербовка под чужой флаг», нам рассказал «режиссёр» и активный участник всех событий Николай Павлович:

«С моим коллегой, который был в Центре, и с подсказки исполнителя мы пришли к выводу, что основой вербовки должно быть что-то, связанное с нацизмом. Уже не помню, кому в голову пришла та идея: „Давайте скажем, что мы из Латинской Америки, недобитые, — в том числе генералы и их родственники — организация, которая, думая о будущем Германии, интересуется всей информацией, анализирует, для того, чтобы потом всё изменить или прийти к власти, чтобы была единая Германия!“».

«Ничто не ново под луною», — писал в XVIII столетии Николай Михайлович Карамзин и, разумеется, был абсолютно прав. За полвека ещё до рождения идеи про организацию гитлеровских «недобитков» из Латинской Америки сотрудники ВЧК точно так же «легендировали» «Монархическое объединение Центральной России», с чего началась знаменитая операция «Трест». Теперь этот опыт — кстати, приумноженный

в ходе многочисленных радиоигр Великой Отечественной войны — был взят на вооружение сотрудниками советской внешней разведки.

Для начала была проведена серьёзная подготовительная работа: в немецких и наших архивах были подобраны фотоснимки генералов — в форме, фашистских времён, тщательно изучены их биографии. Были смонтированы фотографии, на которых появились лица, о которых в Германии было доподлинно известно, что теперь они укрываются в Латинской Америке, в основном в Аргентине... Эти фотографии, как бы случайно, Хайдрун увидела у своего ухажёра. «Ой, это кто у тебя там?» — «Мой дядя, он сейчас тоже в Аргентине». Или ещё кто-то из родственников, хороших знакомых...

«Это были „живые дела“ не только для 3-го отдела Представительства, но и для Управления „С“. Из Москвы начали прилетать ко мне в командировку — больше из-за дела по БНД...» — рассказывает Николай Павлович.

И вот тут, наконец-то для нас, в процесс активно включается Юрий Иванович — уже в ранге заместителя начальника Управления «С». Так получилось, что однажды, в отсутствие своего начальника, Дроздов пошёл на доклад к председателю КГБ Андропову — в том числе по материалам, связанным с Парижской резидентурой БНД. Информация вызвала очень большой интерес Юрия Владимировича — кажется, и потому (как нам сказали), что «дело было связано с молодой девкой». Затем Андропов распорядился, чтобы по этому делу к нему всегда приходил докладывать именно Дроздов.

Вследствие этого начались трения. Начальником Управления «С» в ту пору был его многолетний и опытный сотрудник, на три года старше Юрия Ивановича, но уже в генеральском чине, по характеру своему человек властный и самолюбивый. То, что его заместителя стали «через его голову» приглашать к председателю, ему не очень понравилось. Тем более что на этих докладах присутствовал и Крючков, в ту пору ещё заместитель начальника разведки, в полном смысле слова — «человек Андропова». Он был от этой разработки в восторге — возможно и потому, что знал оценку «первого лица», и отношения у него с Дроздовым складывались тогда самые дружеские!

В общем, так получилось, что Юрий Владимирович серьёзно усложнил взаимоотношения Юрия Ивановича и его начальника — и вряд ли это было случайно. Андропов совсем не был так прост, чтобы этого не понимать: ведь самого председателя КГБ очень напрягало то, что оба его первых заместителя, Цвигун^[53] и Цинёв^[54], имели прямой доступ к

Брежневу. (Точно так же, только позже, Юрий Владимирович «столкнёт лбами» Дроздова и Крючкова, но об этом в своё время!) Хотя известно, что Андропов Дроздову искренне симпатизировал.

Несмотря на все трения, важнейшая эта работа продолжалась. Между тем люди в Управлении «С», к ней причастные, как бы разделились на два лагеря. Одни уверенно заявляли: «Вам эту девку подсунули, это подстава!», другие отвечали решительно: «Да ни хрена! Всё как надо!»

В Карлсхорсте, в Представительстве КГБ, немногие «причастные» также не придерживались единой точки зрения: слишком уж серьёзная «добыча» попала «в сети», даже не верилось. Хотя, разумеется, сомнения полезны — и не только в разведке. В жизни часто случается, что потом, когда выясняется, что то, во что верили, оказалось совсем не тем, — следует горькое разочарование. Не случайно в недрах НКВД (скорее — КГБ, там народ был более юморной, а времена — либеральнее) появился термин «здоровое недоверие»... Сомнения также шли на пользу, заставляли многое продумывать и перепроверять.

Но при всём этом Николая Павловича решительно поддержал генерал-лейтенант Иван Анисимович Фадейкин¹⁵⁵, руководитель Представительства, умный начальник и очень интересный человек. Он распорядился, чтобы оперработник лично приходил к нему на доклад — с начальником отдела, а то и без него. Но это ничуть не испортило отношений Николая Павловича с его непосредственным руководством: для полковника старший лейтенант конкурентом быть не может, так что всё было исключительно по делу. Иван Анисимович изначально сказал начальнику отдела: «Пусть он докладывает, он знает детали, а то ты бы каждый раз у него спрашивал!» И никаких проблем — ни служебных, ни тем более личных — не возникало.

...Если верить кинофильмам, то нелегальный разведчик, получив задание, абсолютно всё решает и делает сам, чтобы потом прийти в Центр (или к резиденту), имея в своём атташе-кейсе как минимум пару-тройку документов с высшим натовским грифом секретности «Cosmic» — в виде приятной неожиданности.

На самом деле всё происходило совершенно по-иному. Герой России Юрий Анатольевич Шевченко объясняет:

«По серьёзным вопросам нужна была обязательно санкция из Центра. Меня так научили, и это справедливо. У нелегалов никогда нет личных побед — это совместная работа Центра и исполнителя. Они, Центр, не перестраховываются, у них риск больше, чем у нелегалов. Нелегалы рискуют только собой, а рисковать другим человеком — как взять на себя

такую ответственность? Это сложнее...»

Так что вся эта история с «Ромео» («Роландом» — Хансом Пушке) и Хайдрун Хофер была совсем не так проста, как кажется... С первого взгляда всё действительно походило на детектив: у «агентессы» в авторучку был вмонтирован фотоаппарат; связь с Пуллахом у резидентуры БНД осуществлялась посредством особого телетайпа: там было специальное приспособление по расшифровке и зашифровке. Когда резидентура отправляла материалы в Центр, сначала был видимый текст, потом он обращался в шифр. А Хайдрун затем должна была уничтожать оригиналы документов, составлять их опись.

Для «Роланда» была придумана «легенда», почему он этими вопросами интересовался. Поверив рассказанному, подруга приносила ему неуничтоженные материалы, а Пушке переписывал их в блокнот с тайнописной копиркой. Работы было много! И как-то раз девица ушла в посольство, потом вдруг возвращается с одним из сотрудников своей «конторы» — а тут наш агент с блокнотом сидит. Любой разведчик сразу поймёт, что это за блокнот! «Роланда» чуть кондрашка не хватил, однако он успел чем-то прикрыть и материалы, и блокнот.

Что интересно, его знала вся парижская резидентура БНД: на квартире у Хайдрун нередко бывали вечеринки, она приглашала всех сотрудников — и наш «Ромео» там нередко появлялся, со всеми перезнакомился. Но никто из гостей к нему особого интереса не выказывал, зато болтали при нём много, и много при нём говорилось лишнего. В результате советская разведка имела очень хорошую информацию о контактах германских и французских спецслужб, ценнейшие сведения поступали по линии НАТО...

В частности, высокая оценка была дана Центром информации о начале проведения крупных учений Североатлантического блока «Винтекс-71»:

«Как отмечалось в натовских планирующих документах, основные цели и задачи учений „Винтекс“ включали: проверку эффективности системы управления Объединёнными вооружёнными силами НАТО; отработку схемы перевода ВС с мирного на военное положение; развёртывание частей и соединений ОВС блока в назначенных им районах; переброску резервных войск из США на Европейский театр войны; подготовку и ведение обычных боевых действий и перерастание их в операции с применением вначале тактических, а затем (при необходимости) стратегических ядерных средств»^[103].

Можно понять, что всё это было очень серьёзно.

О том, как эта работа планировалась, готовилась и обеспечивалась, нам рассказывает Николай Павлович, немножко приоткрывая самое святое

— «кухню» разведки:

«Очень тяжёлая работа была. Напланируем, в Москву послали, приходит отчёт, что они не согласны. Наоборот — они присылают задание, мы с Хансом обсуждаем, он говорит: „Да нельзя это!“ В Берлине я был младшим во всей этой цепочке, хотя все оперативные дела именно у меня в сейфе лежали. Меня тогда здорово поддерживал Иван Анисимович. Иногда из Центра пришлют указания, которые ни в какие ворота не лезут! У них же свои каноны, а исполнитель на месте знает какие-то детали — тогда Фадейкин звонил по „ВЧ“ напрямую, добивался отмены поступивших указаний и поддержки нашего варианта... Это было беспрерывно, а потому, чтобы решать сразу и на месте, к нам стали часто приезжать опытные руководители высокого ранга из Москвы...»

Всё было настолько серьёзно, что, когда у Николая Павловича завершился срок командировки и он укладывал домашнее имущество в контейнер — реально, а не фигурально! — вдруг приехал дежурный из Представительства, сказал всё бросить и отвёз его к начальству. Там оперработнику показали телеграмму за подписью Андропова с указанием: «Продлить командировку». Лично председатель КГБ СССР продлял командировку капитану! В результате с последующими продлениями командировка затянулась на целых семь лет.

Впрочем, возвратимся к началу этой истории, потому как именно тогда, когда «Ромео» ещё только удалось «зацепить» секретаршу из БНД, Николай Павлович и познакомился с полковником Дроздовым.

В то время Юрий Иванович только что приехал из Китая — из самой настоящей «горячей точки», где набирала обороты пресловутая «культурная революция», которая, как оказалось, продлится до 1976 года; а в марте 1969-го начнутся вооружённые столкновения на советско-китайской границе... Как известно, в Советском Союзе была маниакальная страсть всё засекречивать (хотя ещё в XIX столетии французская писательница Жорж Санд заявила: «В России всё тайна, но ничто не секрет»), зато была и особая категория людей «допущенных» (чтобы не употребить масонский термин «посвящённых»), которым что-то «приоткрывалось». Чекисты, как традиционно именовались сотрудники госбезопасности, относились к этой категории. Вот почему Дроздов в качестве «первоисточника» был отправлен в командировку в Представительство в ГДР, на передовую линию, чтобы рассказать сотрудникам всё как есть в бывшем братском Китае. (Разумеется, в каких-то определённых пределах.) Тем более Юрий Иванович ещё не был определён на должность — время было.

Николай Павлович рассказывает:

«Меня ему представили как человека, который закреплён за 5-м, Европейским, отделом Управления „С“. Он ведь в Китай уезжал из „С“, и хотя его качество официально пока ещё не было определено, но все знали, что он возвращается в „С“, замом. Вот он и подошёл ко мне познакомиться, по этим делам поговорить...

Потом в Москве, на докладе Андропову, он предложил, чтобы для подтверждения перед Хайдрун „легенды“ о том, что это реальная пронацистская организация, надо с ней познакомиться кому-то из, так сказать, представителей её руководства. Сказал: „Давайте я, я же владею немецким языком!“ И он трижды с ней встречался. Не только он ездил — ещё одного нелегала, который был у меня на связи, к ней посылали. Всё было хорошо, но, единственное, пару раз её смутил немецкий язык Юрия Ивановича...»

Делаем паузу и напоминаем, что перед тем Дроздов почти пять лет провёл в Китае, а до того ещё год на УСО, и это было совсем не то, что всё время находиться в «языковой среде». Возвращаемся к рассказу Николая Павловича:

«А я же был молодой, глупый! И никто мне не подсказал... Поэтому я в своём докладе в Центр преспокойно сообщил о том, что язык Дроздова вызвал вопросы. Юрий Иванович, конечно, обиделся, когда узнал. Хотя я помню, что писал деликатно — чтобы никого особенно не задевало... Мне потом сказали, что та часть в доклад Андропову не вошла — ему же некогда всё читать, ему выжимки доложили. Но такая вот кошка на какое-то время между нами пробежала, было... Это мне всё потом рассказали, когда я вернулся из командировки. Но, по большому счёту, на наших отношениях это никак не сказалось. Мы с Юрием Ивановичем сошлись, и это дело семь лет держало нас как бы в связке. Когда я в Москву приезжал, то шёл к нему, мы согласовывали следующий шаг; он в Берлин несколько раз приезжал и специально со мной работал...»

Не только Николай Павлович, но и некоторые другие сотрудники рассказывали нам о подобных «кошках», «пробегавших» между ними и генералом Дроздовым по тому или иному поводу. Однако ни одна из этих «кошек» не превратилась в «камень за пазухой». Говорили, что да, он мог обидеться, но ненадолго, злопамятным не был и обид не таил, мог обидеть и сам — но потом, как правило, всё сглаживал. К некоторым из этих историй мы ещё вернёмся...

Так что, отправляясь на встречу с секретаршей из БНД, Дроздов сначала прилетал в Берлин, обсуждал с Николаем Павловичем и немногими

другими «причастными» то, что он должен сказать или не сказать, представляя «организацию». Общался он, разумеется, и с Пушке. Кстати, «Роланд» объяснил своей подруге, что за четверть века проживания за океаном его «старший товарищ» несколько «подпортил» родной язык, на котором по ряду обстоятельств ему там редко приходится разговаривать. Объяснение было принято.

В общем, Юрий Иванович серьёзно погрузился в это дело, о котором по возвращении всякий раз подробно докладывал Андропову — не случайно же потом он получил за эту операцию награду.

Сейчас уже можно сказать, что работа по этой самой Хайдрун являлась для Дроздова чем-то типа генеральной репетиции для исполнения роли барона фон Хоэнштайна, бывшего офицера СС, ныне — представителя неонацистской организации из Латинской Америки, в другой, ещё более важной операции. Для того чтобы вжиться в образ — прямо-таки как настоящему артисту! — ему пришлось даже побывать в некоторых странах Южной Америки, пообщаться с теми «особями», по которым ему довелось вести огонь из своих орудий на улицах Берлина в апреле 1945 года. Понятно, что он им об этом не рассказывал... Под какой он там был легендой — этого мы не знаем. Соблазнительно представить, что и туда советский разведчик прибыл под личиной эсэсовца барона фон Хоэнштайна (этакий послевоенный вариант штандартенфюрера фон Штирлица), но вряд ли — слишком велик был риск встретить какого-нибудь бывшего «сослуживца», который тебя знать не знает, после чего навсегда затеряться в аргентинских тропических лесах...

Об этом Юрий Иванович говорил корреспонденту «Российской газеты» — скромно и без лишних подробностей: «Мне пришлось посетить некоторые страны Латинской Америки, познакомиться с рядом бывших нацистов, проживавших там...»^[104]

Но в те далёкие края заместитель начальника Управления «С» мотался не только ради знакомства с гитлеровскими недобитками. Известно также, что он несколько раз побывал в Чили, где к власти пришло правительство Народного единства, стремившееся повернуть страну на путь социалистической ориентации, что очень не нравилось руководству Соединённых Штатов.

Впрочем, речь у нас сейчас не о том...

Итак, в Латинской Америке Дроздов обзавёлся какими-то связями и набрал информации, необходимой для серьёзного легендирования подпольной организации. Затем «под флагом» этой организации он, теперь уже обладатель звучного титула, и завербовал агента «Д-104» — ценного

источника в БНД. Вполне возможно, что в этом деле интересному и представительному «барону» помогла и фройляйн Хофер, однако на этот вопрос Николай Павлович ответил так:

«Не нужно старика трогать! Бээндэшники долго, но безуспешно и старательно искали нашего „крота“ в своих рядах и не нашли. Ну и ладно! Лучше будет, если они про него поскорее забудут, и пусть он себе спокойно живёт — дай ему Бог здоровья и долгих лет жизни!»

Мы следуем этому совету и ограничиваем рассказ на эту очень интересную тему цитатой из уже известного нашему читателю германского журнала «Фокус» (представляем ту информацию, что знакома противоположной стороне), потому как вообще обойти эту тему молчанием всё-таки не можем:

«Детальные расследования журнала „Фокус“ дали следующие результаты: КГБ, по всей вероятности, имел в составе Федеральной разведывательной службы (БНД) своего ценного высокопоставленного агента, который не разоблачён до сих пор. На прошлой неделе соответствующий запрос журнала „Фокус“ вызвал смятение у руководства разведывательной службы в Пуллахе под Мюнхеном, которое уже начало поиски предполагаемого шпиона Москвы.

И такое возбуждение вполне понятно: возглавляемое Дроздовым подразделение, в соответствии с проведённым „Фокусом“ собственным расследованием, по всей видимости, уже в 1972 году завербовало человека, который мог выдавать Москве рискованные операции БНД, те, что она проводила в странах восточного блока. И не только этот агент под псевдонимом „Д-104“, по-видимому, действовал в самом сердце БНД, имел тесные контакты с представителями дружеских западных разведок и, возможно, также информировал Кремль об операциях американских, английских и французских агентов против Варшавского пакта»^[105].

Сам же Юрий Иванович говорил об этом так:

«Агент, назовём его условно „Д-104“, работал в самом чувствительном для нас подразделении Центрального аппарата БНД. Вокруг него была создана защитная агентурная сеть. В итоге мы получили доступ к деликатной информации о взаимодействии спецслужб стран НАТО.

Мы работали с „Д-104“ около пяти лет. Потом случился провал одной нашей агентессы из защитной сети, и нам пришлось скрепя сердце прикрыть операцию. Барон фон Хоэнштайн и „Д-104“ ушли в небытие»^[106].

Да, круто! Однако, как нас и просили, мы закрываем тему и

возвращаемся к злосчастной Хайдрун Хофер, о провале которой чуть выше сказал Дроздов.

По окончании командировки секретарша возвратилась в Германию и получила назначение в штаб-квартиру БНД. Влиятельный парижский резидент ходатайствовал, чтобы его подругу определили в какое-то хорошее подразделение, так что «Роланд» успешно продолжал свои контакты.

Но дальше всё получилось не совсем понятно и совершенно, мягко говоря, бестолково. Точнее — нелепо, ибо если такое описать в детективном романе, то разборчивый читатель просто отбросил бы книгу, решив, что фантазия автора иссякла и он пытается поскорее и абы как завершить повествование. (В XIX веке некий литератор и издатель, из номера в номер публиковавший в своей газете роман с продолжением, в конце концов закончил его так: «Потом все они сели на один корабль, но корабль попал в шторм и утонул». У нас будет казаться ещё искусственнее — но это абсолютная правда!)

Не знаем, был ли резидент в курсе того, что «делит» благосклонность своей секретарши с прочими сотрудниками, но появление в её постели ещё и «человека со стороны», этого самого Пушке из далёкой Латинской Америки, кажется, смутило «резака». Зять Гелена решил сделать «установочку», чтобы разобраться, кто это сумел так легко и ненавязчиво войти в «дружную семью» парижской резидентуры БНД. Уж слишком давно он числился в женихах Хайдрун Хофер, бывал даже у её родителей, но не спешил связывать себя узами брака. Есть также вариант, что сама секретарша наболтала своему шефу лишнего...

«Установка» была сделана, личность Ханса Пушке подтвердилась, но при этом выяснилось, что он проживает не в Аргентине, а в Австралии, и вообще, судя по всему, это был совершенно другой человек, хотя абсолютно все данные удивительно совпадали.

Николай Павлович рассказал нам о том, что происходило дальше, незадолго до рождественских праздников 1976 года:

«„Документы прикрытия“ для агента-нелегала сфотографировали на Лейпцигской ярмарке — у немца, настоящего Пушке, приехавшего из Австралии. Оттуда в Европу каждый день не поездишь, поэтому наш парень спокойно шастал с этими документами. Они, проверив по документам, поняли, что что-то не так — но, очевидно, не разобрались, в чём суть, и начали готовить его арест. А мы его в тот раз выводили на Запад. И вдруг гэдээровцы звонят в Представительство, сообщают: „Готовится захват Пушке! Ваш или нет?“ Наши ответили: „Нет такого!“

Спрашивали ведь где-то на уровне начальника отдела, который мог не знать, под каким именем работает агент.

Он такого человека не знает, у других не спросить. Это сейчас — мобильный телефон, всё моментально, а тогда — нет сотрудника на месте, и не найдёшь.

А я в это время как раз отвёз агента в аэропорт. Он прошёл на посадку — я спокойно поехал к себе. Приезжаю, мне говорят: „Вот такой Пушке, знаешь?“ — „А что?“ — „Захват!“ Ого! Что делать?!

Звоню в аэропорт, и тут выясняется, что самолёт почему-то задержался! Я на машину — и туда. Почти что из самолёта его вытащили! Проблема была в том, чтобы чемодан в багаже найти, но тут немецкие друзья помогли.

И надо же такому случиться, что именно в тот самый день в Мюнхен из Австралии прилетает настоящий Пушке! Ну не может такого быть, но...»

Можем заметить, что совпадений и случайностей не бывает только в хорошей литературе, зато в реальной жизни может произойти любая глупость — в том числе и самое нелепое совпадение!

Николай Павлович продолжает рассказ:

«Тут его прямо в аэропорту под белы руки! Два дня допрашивали и убедились, что это совершенно не тот человек, что был в Париже. Пришлось извиняться, отпускать, но всё равно история попала в прессу — конфуз, скандал!

Заодно арестовывают и эту самую Хайдрун — на неё в общем-то ничего нет, кроме подозрений, но...»

Чтобы подтвердить, что именно так и было, вновь берём публикацию из немецкого журнала «Фокус»:

«Во время допросов в Мюнхенском земельном ведомстве криминальной полиции она [Хайдрун Хофер] выпрыгивает с шестого этажа. (Несчастливая упала на густые кусты; кстати, по русской нумерации это был седьмой этаж. — А. Б.) В связи с тяжёлыми травмами уголовное преследование её так и не было начато, и в 1987 году дело было прекращено по истечении срока давности»^[107].

Когда об этом стало известно в Москве, Андропов сказал: «Это же надо было с 7-го этажа выпрыгнуть, чтобы мы убедились, что это не подстава!»

Разговоры о возможной подставе велись в Ясенева (пока операция проводилась, ПГУ сменило свою дислокацию) до самого завершения этой истории.

...Как далее сложилась судьба Хайдрун Хофер, мы не знаем, но это уже не наша тема.

Барон фон Хоэнштайн и агент «Д-104» ушли в небытие.

После объединения Германии «Роланд» — Ханс Пушке, как и большинство немцев, связанных с восточногерманской или советской разведкой, несколько лет отсидел в тюрьме теперь уже единого немецкого государства. Руководству «объединённой Германии» не хватило благородства простить (хотя тут даже и определение «простить» не совсем подходит) людей, честно выполнявших свой долг перед своим государством, перед страной, в которой они жили. Говорить о благородстве руководства «позднего СССР» — «новой России» по отношению к недавним союзникам вообще бессмысленно. Все эти люди были преданы — начиная с «дяди Миши» Вольфа, приговорённого в 1993 году к шести годам лишения свободы, и заканчивая теми самыми благородными (без всякой иронии!) «Ромео».

Но всё это будет впереди. А пока Николай Павлович, которому досрочно присвоили звание майора, благополучно возвратился на Родину.

Юрий Иванович же к тому времени получил новое назначение и оказался очень далеко не только от Германии, но и от Европейского континента.

Но о том, куда он уехал, мы расскажем позже.

Глава 8. «Иуда из Ясенева» против «Дубравина» и «Веста»

Повторим ещё раз, что о конкретной работе Юрия Ивановича многого и много не расскажешь, но всё же стараемся представить какую-то конкретику.

...В 1955 году 25-летний чех Людек Земенек был зачислен в штат нелегальной разведки КГБ СССР и на исходе 1957 года выведен на территорию ФРГ. Затем была Канада, а в 1968 году нелегал с семьёй осел в США. В конце 1970 года ему было присвоено звание подполковника.

Теперь — о конкретной работе Дроздова:

«В апреле 1972 года Земенек был вызван в Киото. Его контактом здесь стал Юрий Иванович Дроздов. Встреча носила контрольный характер, а опытный сотрудник Управления „С“ Ю. Дроздов умело укрепил Земенека в его мнении о собственной значимости. Весной 1974 года после свержения правительства С. Альенде^[56] в Чили Земенек был командирован туда с целью оценить на месте сложившуюся там политическую обстановку...»^[108]

И далее на той же странице:

«В июне 1974 года разными маршрутами Людек, Инга и Петер (жена и сын Земенека. — А. Б.) прибыли в Москву, причём отец и сын встретились в Копенгагене и сели там на советский теплоход, следовавший в Ленинград»^[109].

К чему эта информация? Пока ни к чему. Но пригодится! Много чего ещё нам пригодится...

Например, вы запомнили выпускника ленинградской «Кормушки», встреченного нами в 3-й главе этой книги, а Юрием Ивановичем (возможно) в 1956 году, — Владимира Мартынова? На самом деле его звали Вадим Михайлович Майоров, но в то время, о котором идёт речь, он вообще был Владиславо Месконис и жил в Аргентине с женой и двумя маленькими дочками, а в Центре несколько человек знали его под оперативным псевдонимом «Вест». Путь Майорова на Запад через целый ряд стран начался в феврале 1961 года. Конечной точкой маршрута должны были стать Соединённые Штаты, но предпоследней остановкой, достаточно долгой, была назначена Аргентина. Там «Вест» отслужил рядовым солдатом в местной армии (будучи старшим лейтенантом КГБ

СССР), туда привёз молодую жену, брак с которой оформил в Лондоне (перед тем их с Ларисой Васильевной расписали в московском загсе), там, в Аргентине, у них родились дочери Сабина и Александра... В Буэнос-Айресе он стал владельцем посреднической экспортно-импортной конторы, установил связи со многими странами и готовился перебраться в США.

Всё круто изменилось 9 октября 1970 года.

Поздно вечером в квартиру ворвались полицейские и агенты службы безопасности СИДЕ, вытащили Мескониса из душа, доставили в полицейский участок, где ему без всяких околичностей было сказано: «Нам всё известно! Вы — шпион, офицер русской разведки!»

Вспомните тот «звоночек», что некогда прозвучал для Абея! Изобличить человека в шпионаже иногда можно довольно легко (если он потерял осторожность), но сразу и точно указать, на какую разведку работает подозреваемый и даже провалившийся — гораздо сложнее. Поэтому у «Веста» тут же возникло подозрение. Потом, позднее, его подтвердил один из охранников или чинов полиции, шепнувший Месконису: «Вас предали!»

Вадим Михайлович нам рассказывал:

«Допрос начали сразу... Тут же угрозы: говорили, что жену солдатам в казарму отдадут, с детьми что-то там сделают... В коридоре крутили магнитофонные записи с криками детей. Ещё говорили, что у них военный режим, поэтому могут нас всех расстрелять и бросить в яму. Это не была пустая угроза: у них до сих пор неизвестна судьба порядка десяти тысяч человек.

А камера — каменный мешок без крыши и цементный пол, политый водой. Можно только стоять или сидеть на корточках. Сырость»^[110].

Лариса и девочки находились в другом полицейском участке, где было попроще — хотя бы пол был паркетным.

В начавшихся допросах роль «первой скрипки» исполняли американцы, которые формально здесь были совершенно ни при чём, и это также подтверждало предательство... О том, что их арестовали по наводке, свидетельствовали и весьма конкретные вопросы, и те основательные знания, которые выказывали допрашивающие. Причём знания эти были не по работе сейчас, а по «прошлой жизни» в Союзе, по подготовке к выполнению задания. «Отступная легенда» — то есть то, что следовало рассказывать в случае провала, явно «не прокатывала», проводившие допросы американцы безошибочно определяли в ней уязвимые места, словно зная всё заранее.

(Вот как прокомментировал этот момент Борис Николаевич Григорьев:

«„Отступная легенда“, рассчитанная усыпить бдительность спецслужб в случае провала, прозвучала неубедительно. Ещё бы: О. Гордиевский, сам выходец из недр нелегальной службы, слишком хорошо знал её методы и приёмы и обо всём рассказал англичанам. Для спасения жизни семьи нелегалу пришлось на ходу менять линию поведения и притворяться, что он пошёл на сотрудничество с противником»^[111].)

Если бы «Вест» был один, он мог бы просто молчать — будь что будет, в конце концов, он знал, на что идёт, поступая в нелегальную разведку! Но сейчас от него и только от него зависели судьбы жены и маленьких дочек, которые могли точно так же, как и он, просто исчезнуть в неизвестности. Никого не выдавая — Мартынов за годы «на нелегалке» немало с кем встречался и работал, но эти подробности остались в тайне, — он всё-таки был вынужден рассказывать больше, нежели следовало по его «легендам».

Не вызывало сомнения: их выдал «крот», некий «Иуда из Ясенева», как назовёт этого человека Григорьев. Но... какой «крот»? Кто этот Иуда?

В июле следующего, 1971 года «Мартыновы» были переданы американцам и перевезены в Соединённые Штаты, где их разместили в дачном посёлке, милях в двадцати от Вашингтона. Им предлагалось попросить и гарантированно получить политическое убежище, на что они вроде бы и соглашались, однако 7 января 1972 года «Вест» и «Веста» смогли тайно покинуть место своего теперь уже не столь строгого, по сравнению с аргентинской тюрьмой, заточения. Вскоре при содействии «коллег» из Вашингтонской резидентуры они оказались в Москве.

Родина встретила их неласково. Вот фрагменты из книги Владимира Мартынова — выдержка из диалога с «ответственным товарищем», который, по словам автора, «даже не соизволил представиться»:

«— Версия о том, что ваш арест является результатом предательства, не подтверждается. На основании вашей информации была проведена тщательная всесторонняя проверка. Были задействованы десятки людей, проведены оперативно-проверочные мероприятия. Общий результат отрицательный.

<...>

— Мы настаиваем на том, что наш провал произошёл по причине утечки информации из Центра или через одного из работников на „периферии“^[57]. Возможно, во время нашей поездки домой в 1967 году. Или, может быть, во время поездки „Весты“ в 1970 году. А сейчас враг предупреждён о нашем побеге и затаился, залёг на дно.

— Напрасно вы настаиваете на своей версии. Очень даже напрасно. У

нас вот сложилось мнение, что эту версию вы придумали нарочно, чтобы обелить себя, представить нам своё, мягко говоря, недостойное поведение в руках противника в более приглядном свете»^[112].

И это всё при том, что они возвратились сами, бежав из-под стражи, хотя имели реальную возможность стать американскими гражданами и получить хорошо оплачиваемую работу консультантов в Лэнгли^[58]!

А теперь мы наконец-то вспоминаем про Юрия Ивановича... Один генерал с короткой, такой, скажем, «энергичной» фамилией — не записали сразу, и забылась! — которого зовут, кажется, Владислав Николаевич, ветеран Управления «С», говорит о нём:

«Дроздов любил нелегалов — и нелегалы любили его. До него были начальники Управления нелегальной разведки, после него были, но такого, как Дроздов, — не было! Я видел, как светились лица нелегалов, когда они встречались с Юрием Ивановичем. Я слышал оценки, которые он давал, — а он такой жестковатый в этом плане был. Но когда начинали говорить о нелегалах, то он менялся. Он считал, что это — самое главное, это „товар штучный“, „товар особый“, „золотой фонд разведки“».

И вот, несмотря на такое отношение к нелегальным разведчикам, Дроздов никоим образом супругов Мартыновых не поддержал! Наоборот.

Из песни слова не выкинешь, да и мы, как говорили ранее, пишем не «житие», но биографическую книгу, а потому данный момент нам обойти нельзя. Насколько нам известно, не один сотрудник Службы осуждал Дроздова за занятую им тогда позицию. А она, грубо говоря, была такова: «В Управлении „С“ предателей быть не может! Только вы сами во всём виноваты!»

Мы разговаривали о Дроздове с одним сотрудником, Героем России, человеком принципиальным, категоричным и резким в оценках. Он рассказал, что был на том партийном собрании, где «громили» Мартыновых, и Дроздов ему тогда не понравился. В подробности вдаваться не будем... И ещё ряд наших собеседников вставали на сторону «Веста» и «Весты», осуждая Юрия Ивановича. Для кого-то этот момент стал «ложкой дёгтя» в их последующем отношении к Дроздову.

Но, отметим, речь идёт не о сотрудниках Управления «С».

Конечно, вопрос сложнейший! Нелегальная разведка, повторяем вновь и вновь, это во всех отношениях святая святых, и думать, что в ней может оказаться предатель... Это всё равно что предполагать такового в своём родном доме, в своей семье! В домашней ситуации иногда лучше ничего лишнего не знать и не предполагать, а то ведь так неприятно! Но это — в

семье. В Службе должно быть по-другому, там голову в песок прятать нельзя — просто опасно.

Кстати, нечто похожее, во что долго не могли поверить, произошло в военной разведке, когда в шпионаже в пользу американцев был уличён генерал-майор Поляков^[59], резидент ГРУ в Индии. Тогда даже генерал армии Цинёв, курировавший военную контрразведку, чуть ли не кричал «особистам», просившим у него санкцию на углублённую проверку подозреваемого: «Генерал разведки не может быть предателем!»

Почему не может? Только потому, что этого не может быть никогда! Но последующие события нашей истории показали и показывают, что в этой жизни может происходить всё что угодно. И люди — точнее, людишки, способны быстро перекрашиваться.

Удивительно, но многие из старшего поколения, те, кто прожил труднейшую жизнь, прошёл воистину невыносимые испытания, до конца своих дней в чём-то оставались идеалистами. Они верили в светлые коммунистические идеалы, надеялись построить рай земной на одной шестой части суши — и во многом, как мы знаем, преуспели... Вот только идеализм не всегда бывает положительным, что ли, — в иных делах он немало вредит.

Думается, что если бы руководство — Управления «С», ПГУ КГБ СССР, самого Комитета? — не знаем, не наша компетенция! — не только беспристрастно оценило бы показания Мартыновых, определив степень их вины, коль таковая имелась, но также дало бы объективную оценку несомненным «шероховатостям», после чего стало настойчиво искать «крота», то разведка избежала бы ряда серьёзных провалов. Но победила идеалистическая (или — идеальная?) точка зрения: «В Управлении „С“ предателей быть не может!»

Виноватыми в произошедшем были определены сами Мартыновы.

«После длительного служебного разбирательства Вадим и Лариса были исключены из партии, лишены наград и направлены на постоянное жительство в Калугу (официально это объяснялось целью обеспечения их личной безопасности. — А. Б.). Там Вадим устроился на работу в педагогический институт преподавателем английского языка, а Лариса лаборанткой. Весной 1979 года она окончила этот институт»^[113].

Зато «крот» чувствовал себя превосходно, о чём можно прочитать в его насквозь лживых, как мы убедились, воспоминаниях:

«...в те же дни в руки аргентинской спецслужбы попали Мартыновы, семейная пара наших нелегалов, которых я, в бытность мою в Копенгагене,

сажал на советский пароход, следовавший рейсом до Ленинграда...»^[114]

Стоп! Предвидим, что иные из наших читателей уже заглянули в начало этой главы, чтобы уточнить (мы, без сомнения, сделали именно так!), что подобная ситуация с посадкой разведчиков-нелегалов на советской пароход, следующий до Ленинграда, ранее была. Да, это было — точнее, если по хронологии, будет — в июне 1974-го, когда в отпуск в Союз отправится Людек Земенек со своей семьёй.

2 мая 1977 года он будет задержан в Нью-Йорке агентами ФБР по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Припёртый неопровержимыми (опять-таки!) доказательствами и связанный наличием семьи — хорошо хоть, там не было маленьких девочек, да и Штаты по отношению к людям сложно сравнивать с Аргентиной — разведчик сначала согласился стать двойным агентом, а затем вообще «ушёл на Запад».

Это квалифицируется как предательство, но...

«Земенек сообщил, что ФБР вышло на него в конце 1974 — начале 1975 года, причём, по утверждению допрашивавших его агентов, он сам не допустил ни малейшей ошибки, которая могла бы послужить причиной провала. Следовательно, провал произошёл в результате ошибки куратора или предательства сотрудника КГБ»^[115].

То есть в его провале был виноват человек, представлявший ту страну, на благо которой он работал, — и это был серьёзный удар. В общем, вопрос тут весьма сложный: как сохранить верность тем, кто тебя предал?

Однако возвратимся к «байкам» Гордиевского относительно Мартыновых. Он утверждает:

«После допроса аргентинцы передали наших разведчиков для дальнейшего разбирательства американцам, и Громушкин^[60] был абсолютно уверен, что Мартыновы расколются и расскажут, как их, иностранных граждан, сотрудник советского посольства с дипломатическим паспортом отправлял из Копенгагена в СССР, опишут мои внешние данные, и тогда все западные спецслужбы узнают, что Гордиевский, он же Горнов, является сотрудником КГБ.

Насколько убедительны были доводы моего начальства, я не мог судить. Мартыновы подлинного моего имени не знали, но выйти на меня датским спецслужбам не составило бы труда»^[116].

Верх цинизма! Предал людей, а потом изображает боязнь того, что они «сдадут» его, и клеветает на них... Да и сомнительно, чтобы такой уважаемый человек, как Павел Георгиевич Громушкин, поспешил «поставить клеймо» на попавших в беду. Если библейский Иуда сам себя

осудил и казнил, то «Иуде из Ясенева», как говорится: «Хоть плюй в глаза — всё Божья роса!», и он старательно оправдывает свою подлость, перекладывая ответственность на других.

Ну и ещё один неприятный момент. Тоже — ранее известный, потому как никакой не рассекреченной информации в нашей книге не содержится.

28 июня 1980 года по прилёте в Йоханнесбург, столицу ЮжноАфриканской Республики, был арестован разведчик-нелегал Алексей Козлов^{61}, оперативный псевдоним «Дубравин», по «легенде», кажется, западногерманский бизнесмен, представитель руководства сети бельгийских химчисток... Это был тот человек, который получил информацию, позволившую «засветить» перед всем миром ядерную программу ЮАР, что вызвало грандиозный скандал.

Алексей Михайлович нам рассказывал, что наружное наблюдение за собой он обнаружил в Намибии — ничего подобного раньше не было! — когда прилетел туда из ЮАР. И он решил лететь обратно...

«Бежать мне было некуда — из Намибии можно было вернуться только в ЮАР. Разве что идти до Анголы пешком, через пустыню — 3,5 тысячи километров. Но я не знал этой дороги, да и со львами и змеями мне как-то не хотелось встречаться. Вот и вылетел в Йоханнесбург.

Так вот, когда самолёт прилетел в Йоханнесбург, я увидел в иллюминатор, как к нам направляется чёрная машина, типа „Волги“, с синим „маячком“. И я сразу понял, что это за мной, — так или иначе, есть у человека „шестое чувство“. К тому же наружное наблюдение... Из машины вышел, как я потом узнал, генерал Бродерик, заместитель директора контрразведки ЮАР. Неплохой, интеллигентный мужик такой был. Он показал мне своё удостоверение и сказал, что я арестован.

Конечно, я потребовал, чтобы меня связали с западногерманским посольством, но они на это просто плюнули. Там ведь всё было как в нацистской Германии, в точности! У моего следователя полковника Глоя в кабинете висел такой красивый портрет Гитлера — будь здоров! Глой был самый настоящий нацист, поклонник Эрнста Кальтенбруннера^{62}. <...>

Меня привезли в тюрьму контрразведки, начались бесконечные допросы, которые продолжались и днём, и ночью. Я не спал ни одной минуты — целую неделю! Причём про меня южноафриканцы ни хрена не знали. Даже когда они меня били, они не понимали, зачем они это делают. Это уже потом, через неделю, приехали немцы из ведомства по охране конституции и из разведки ФРГ и показали мне фотографии. Я смотрю: эти фотокарточки только из института могли выйти, я там ещё совсем молодой

был...

Они мне не сказали, что я не должен переворачивать — и я перевернул одну фотокарточку, а там латинскими буквами: „А. М. Kozlov“. Ну что, доказывать, что я не верблюд, что ли? Я сказал, что являюсь советским гражданином, разведчиком. Больше я им не сказал ни хрена — это доказано»^[117].

«Дубравин» не ездил, подобно Мартынову и Земенеку, в отпуск через Копенгаген, зато он учился вместе с Гордиевским — был на два курса его старше. И вот о какой подробности рассказал нам Алексей Михайлович:

«Я с этой сволочью в своё время учился в МГИМО, мы с ним вместе работали в комитете комсомола. Кстати, он очень такой идейный был — любил выступить...»^[118]

Но в то время это знакомство ещё не считалось «токсичным» и не могло вызвать никакого беспокойства в Москве. Тем более что сам Олег Антонович тогда работал в центральном аппарате разведки, но не в Управлении «С».

А Юрий Иванович Дроздов — говорим, заглядывая вперёд, — уже руководил данным управлением. Когда стало известно об аресте нелегала — информация дошла до Москвы далеко не сразу, ведь ни одна страна мира не поддерживала с ЮАР дипломатических отношений, — Дроздов был готов принять любые меры для его освобождения. По нашей информации, которую официально вряд ли кто подтвердит, — вплоть до самых радикальных мер. В конце концов, Советский Союз был великой державой, а Южно-Африканская Республика поставила себя своим «знаменитым» апартеидом как бы вне законов цивилизованного мира. Если уж доблестный МОССАД^[63] позволил себе не только похитить из Аргентины нациста Эйхмана^[64], которого судили и казнили в Израиле, но даже угнать с верфей французского Шербура пять ракетных катеров, то и наша разведка вполне могла предпринять что-то подобное для спасения своего сотрудника. Думается, «цивилизованный мир» посмотрел бы на происшедшее сквозь пальцы. Юрий Иванович это прекрасно понимал, но мы ничего более не знаем.

По счастью, обошлось без радикальных мер, путём «натурального обмена» — традиционно неравноценного по количеству «голов», отдаваемых за разведчика.

Ладно, о судьбе Героя России Козлова мы ещё расскажем, а сейчас обратимся к личности его одноклассника по МГИМО — Гордиевского.

Дроздов писал о нём так, нам кажется, что не совсем объективно:

«Непродолжительное время он работал у нас в нелегальной разведке на вспомогательном участке. Его данные позволяли ему стать хорошим разведчиком, но ему показалось у нас трудно и опасно. Изменив Родине, он перешёл на другой участок работы в легальной разведке и стал подниматься по служебной лестнице. Продавать же врагу он стал своих товарищей по прежней работе и известные ему дела, понимая, что искать причину провала мы начнём у себя»^[119].

Несколько строк — а как много сказано! Есть о чём подумать, есть что обсудить, но есть и с чем поспорить. «Мог стать хорошим разведчиком» — он ведь действительно стал высококлассным шпионом, работавшим на англичан порядка пятнадцати лет. «У нас показалось трудно и опасно» — можно полагать, что быть «кротом» гораздо труднее и во много раз опаснее! Про то, как искали предателя и как не услышали тревожного «первого звончка», мы уже говорили...

Мы помним, что в разведке мемуары документом не считаются, потому как нередко их авторы излишне вольно трактуют события, приукрашивают себя, преувеличивают свою (и без того кажущуюся) роль в истории. Вот и Гордиевский мог бы честно написать, что когда он, будучи студентом МГИМО, стажировался в Дании, то решил оттуда съездить в Швецию, благо граница между этими Скандинавскими странами была условной. Но лишь для туземцев, иностранцам следовало оформлять шведскую визу. Официально этого ему сделать было нельзя: не станешь же объяснять руководителю стажировки, что тебя живо интересуют такие понятия, как «шведская семья» и «свободная любовь»!

В итоге любознательного студента прихватила в Стокгольме шведская полиция, передала датским коллегам, а те познакомили с ним не только своих контрразведчиков, но и представителей британской спецслужбы, для которых тот представлял гораздо бóльший интерес.

Борис Николаевич Григорьев, который не только работал, но и дружил, чего он не скрывает, с Гордиевским, рассказывал нам:

«История его предательства подробно изложена мною в книге „Иуда из Ясенева“. Я знаю его нездоровый интерес к сексуальным проблемам, и спецслужбы прихватили его на компромате. Завербовав, отпустили „на вырост“, чтобы потом, когда он где-то появится, сделать к нему подход. Он-то надеялся, что все забудут.

То, что он пишет про „прозрение“ из-за событий в Чехословакии, — ерунда. Это человек с железной логикой мышления, с холодным умом, так что вряд ли, чтобы переживания за судьбу чехов подвигли его стать предателем. Однако теперь ему нужна какая-то основа для жизненного

упора. Стать предателем за деньги — в его понимании, это же так вульгарно. Вот он и построил себе идейную основу и даже, может быть, сам в неё поверил»^[120].

Действительно, в своей «Следующей остановке...» (до которой он, к сожалению, пока не доехал) Гордиевский пафосно пишет:

«Двадцать первого августа [1968 года] весь мир облетела весть о вторжении советских войск на территорию соседней страны [Чехословакии]. Это ужасное событие коренным образом изменило мою жизнь. Уже в течение двух лет я критически относился к советской системе, а теперь, когда военная машина Страны Советов раздавила зачатки демократических реформ в Чехословакии, я возненавидел её всеми фибрами души. „Отныне я уже никогда не буду поддерживать эту систему, — сказал я себе. — Более того, отныне я буду всеми доступными мне средствами с ней бороться“. <...>

Естественно, в нашем посольстве я оказался единственным, кто так болезненно и резко отреагировал на ввод советских войск в Чехословакию»^[121].

Вообще-то в подобной ситуации русские офицеры выбирали один из двух возможных путей: пулю в лоб или рапорт об отставке. Олег Антонович, который в своей книге восхищается нравами прежних времён, выбрал третий путь, невозможный для русского офицера, — предательство. И выбрал он его до Чехословакии, очевидно тогда, когда представители МИ-6 сделали ему конкретное предложение: «Если не хочешь, чтобы твои руководители узнали, что ты скрыл, что мы с тобой уже встречались, — давай помогай нам. Иначе тебя вышибут из КГБ с „волчьим билетом“».

Подтверждается элементарно: Мартынов в своих докладах Центру вспоминал про поездку домой в 1967 году.

Нелегальные разведчики тоже ездят в отпуск в родные края. Не каждый год и, разумеется, не по строгому графику, утверждённому в соответствующем отделе кадров. Путь на Родину обычно проходит через какие-то страны, причём в Португалию (мы предупреждали, что с географией у нас проблемы!) может въехать дон Педро Зурита, а оттуда через несколько дней отправится в Шведляндию герр Стиг Карлсон, зато неделю спустя куда-нибудь, например в Великие Луки, приедет... Ну, это уже не важно, кто и куда, ибо к двум предыдущим личностям этот приехавший не имеет ни малейшего отношения. Примерно так.

А теперь то, что рассказывал нам Вадим Михайлович:

«— В конце 1990 года в „Собеседнике“ появилась статья о беглом

разведчике Олеге Гордиевском. Там и фотография его была... На следующий день я купил также „Комсомолку“ — ещё два материала о нём же, где говорилось, что в такое-то время он работал в Копенгагене.

Я взгляделся в фотографию: это он, сотрудник легальной резидентуры, который нас во время отпуска [1967 год] через границу переводил! То есть сажал нас на пароход, идущий из Дании в Россию. Тогда мы отдали ему наши паспорта, а он нам вручил матросские книжки, с которыми мы и прошли на борт судна.

— *Когда вы передали паспорта, в каком виде они были?*

— В конверте запечатанном, разумеется. Но что ему стоило вскрыть? Он же разведчик... Вскрыл, списал данные — и всё»^[122].

Повторяем в очередной раз: это был 1967 год, задолго до пресловутой Пражской весны. Если Гордиевский тогда ещё и не работал на англичан, то явно готовился к измене, создавая себе «задел» для предательства. И уже совершенно точно, что в 1970-м, когда были арестованы Мартыновы, он перешёл ту черту, за которой нет возврата.

Вспомним его громкую фразу: «Я буду всеми доступными мне средствами бороться с этой системой». Доступным оказалось лишь одно средство: предательство, а «система» персонифицировалась в двух маленьких девочках, которые по его милости попали в тюремную камеру.

Ещё один не менее мерзкий факт предательства Гордиевского зафиксирован в книге генерала Дроздова:

«Первыми, кого он предал в самом начале 70-х годов, были нелегалы Г. и Т. Г. вовремя заметил слежку, стал искать её причины, свои ошибки и не мог допустить, что на это способен легальный советский разведчик. Но слежка продолжалась. Высокое нервное напряжение, боязнь за судьбу своих детей, жены, находившейся на последнем месяце беременности, стали причиной психического расстройства. Т., уловив неладное, прекратила всю оперативную работу мужа и свою, уничтожила все улики, прекратила связь с Центром и увезла больного мужа на юг на лечение. В одной из стран она поместила мужа в больницу, родила ребёнка, а затем нашла в себе силы всех четверых (троих детей и больного мужа! — А. Б.) перебросить через чужие границы в Москву, зная, что английская контрразведка идёт за ними по пятам»^[123].

Беременная женщина с двумя детьми и больным мужем — это тоже олицетворение «системы»?!

Рассказав о судьбе этой семьи разведчиков-нелегалов, которых он называет первой жертвой Гордиевского, Юрий Иванович пишет и про

«Веста» и «Весту»:

«Так он продал и нелегалов Мартыновых с двумя малолетними детьми. Предавал хладнокровно, демонстрируя своим новым хозяевам, как он проводит переброску нелегалов. Сообщая даже отрывочные, подсмотренные у друзей данные, консультировал их, как быстрее и легче найти конкретного нелегала или агента»^[124].

Кстати, по сухости тона чувствуется, что Юрию Ивановичу не совсем удобно было это писать. Что это, раскаяние за свою былую категоричность и, в итоге, несправедливость? Сознание роковой ошибки, когда, не поверив одним, в результате подставили под удар многих других?

К сожалению, мы точно не знаем, когда произошла эта беда с нелегалами Г. и Т., — Дроздов пишет, что в начале 70-х, а арестованный в 1970-м Мартынов — «незадолго до нашего ареста», но он-то знал об этом с чужих слов, и вообще услышал неизвестно когда! К сожалению, ни у Юрия Ивановича, ни у Вадима Михайловича мы ничего уже спросить не можем. А ведь в то время два «звоночка» прозвучали достаточно близко... Ну и потом много ещё чего разного было — вплоть до сдачи Гордиевским нелегала «Дубравина», своего институтского товарища и коллеги по службе.

Ладно, кажется, мы рассказали про «Иуду из Ясенева» больше чем достаточно, к тому же история его многим хорошо известна. Хотя этого «крота» искали долго, но обнаружить его, чуть было не ставшего резидентом в Лондоне, удалось только в 1985 году. Вроде бы благодаря помощи «нашего человека» в ЦРУ Олдрича Эймса^[65]. Но, к сожалению, 20 июля того же года Гордиевский сумел сбежать из страны при достаточно странных обстоятельствах, а потому был осуждён к высшей мере наказания только заочно.

И вот ещё один штрих к портрету неуважаемого Олега Антоновича. В своей книге «Следующая остановка...» он с искренним, как кажется, осуждением пишет о Эймсе:

«Разошёлся с первой женой, запьянствовал и сошёлся с колумбийкой на одиннадцать лет моложе его...»^[125]

Такой вот аморальный тип! Ужас! А вот что Гордиевский рассказывает о себе, высокоморальном, сугубо положительном, и о своей второй жене:

«Дочь русской и азербайджанца, высокая, стройная девушка с яркой, явно восточной — тюркской, если точнее, — внешностью... Ей было в ту пору двадцать восемь лет — на одиннадцать лет меньше, чем мне»^[126].

Точно не знаем, насколько «дружит» беглый разведчик с алкоголем,

хотя такая «дружба» стала проблемой для большинства подобных ему предателей, но тут мы ничего утверждать не будем, зато в рассказе про жён найдите, пожалуйста, большую разницу! Гордиевский-то её определённо видит.

А вообще книги изменников — перечислять таких не будем, — которые столь охотно выпускают некоторые российские издательства, лучше не читать.

Вот что говорит по этому поводу Борис Николаевич Григорьев:

«То, что происходит у нас, — неестественно! Неужели кому-то не ясно, что публиковать книги предателей — значит работать против своей страны? Ведь каждый „иуда“ пытается представить себя идейным борцом и патриотом, а человек непосвящённый невольно начинает верить, сочувствовать. Понять — значит простить... Кстати, прочитайте книгу „Явка в Копенгагене“ разведчика-нелегала Мартынова, преданного Гордиевским. Вам очень многое станет ясно.

По-моему, издавать книги изменников, зарабатывая на этом деньги, значит потерять чувство собственного достоинства!»^[127]

Но — издают, и в ряде книжных магазинов Москвы этими «трудами» уставлены целые полки. Ничего личного — только бизнес; сознание определяет рынок, и к чему трепаться про патриотическое воспитание!

В 1983 году Мартыновым разрешили возвратиться в Москву. В конце 1990 года их реабилитировали, возвратили им награды и воинские звания. Для того чтобы восстановиться в рядах КПСС, требовалось ещё некоторое время, но, по известной причине, сделать это они уже не успели. Особого сожаления не было.

Мы спрашивали у Вадима Михайловича — разговор этот происходил через тридцать с лишним лет после описанных событий, — сохраняется ли у него обида на Службу? Он отвечал:

«— Ни в коем случае! Я работал не в институте благородных девиц, а в военной организации. У неё свои суровые законы. Слава Богу, что ещё не посадили! (Смех.)

— Если бы, представим, можно было повернуть время вспять и начать всё сызнова — пошли бы вы опять в разведку?

— Конечно, пошёл бы! И если бы предложили на „нелегалку“ — тоже пошёл бы. Потому что это затягивает, как наркотик...»^[128]

Последние годы Вадим Михайлович жил в Москве, умер он в 2014 году.

...Можно полагать, что эта история камнем легла на душу генерала

Дроздова и давила его сердце всю оставшуюся жизнь, — не могла не давить, потому как предательство не только нанесло вред Службе и нашей стране, но и сломало многие судьбы разведчиков и их близких.

В своей книге Юрий Иванович писал:

«Предательство Гордиевского нанесло определённый ущерб многим подразделениям разведки. Мы его преодолели. Приговор, вынесенный ему, остаётся в силе, и никакие конъюнктурные поблажки не отменят его. Он знает об этом. Именно поэтому он постоянно пребывает в состоянии страха, встречаясь с бывшими соотечественниками, впадает в истерику. Героя из него не получилось»^[129].

На том мы и ставим точку в истории «Иуды из Ясенева». Хотелось даже написать «поставим на нём крест», да чести много. Поставим жирную точку, напоминающую, простите, след от раздавленного клопа.

Глава 9. «У нас не принято обманывать»

Генерал-майор Яковлев объясняет, зачем были нужны нелегальные разведчики:

«В то время у Советского Союза дипломатические отношения существовали, по-моему, меньше чем с восьмьюдесятью государствами, поэтому многие центры располагались в недостижимых с точки зрения легальной работы, с позиции „легальных“ резидентур, странах. А нелегальная разведка могла до них дотянуться, как не раз бывало...

Нелегалы могли заехать в страну, когда был какой-то конкретный вопрос, — распылять силы и средства было ни к чему. Человек мог приехать и разобраться в ситуации — так было с „Революцией гвоздик“ в Португалии. Ведь всё тогда затевалось в Африке, в португальских колониях, — оттуда пришли те мятежные офицеры, которые потом взяли власть».

Не совсем понятно? Сейчас объясним.

Об этом нам рассказывает разведчик-нелегал с оперативным псевдонимом «Джек», 30 лет выезжавший в зарубежные командировки и посетивший более ста стран нашей планеты.

В 1974 году, когда он, считаясь французом, пребывал в Португалии, его запросил Центр: «Сообщите, есть ли у вас возможность выехать в Гвинею-Бисау?» Вопрос был, что называется, очень интересным: в этой объявившей о своей независимости португальской колонии уже более десяти лет продолжались боевые действия, потому как метрополия её независимость не признавала. Иностранцев туда, разумеется, не пускали. Поэтому и Центр не указывал на необходимость выехать, но спрашивал, есть ли такая возможность.

«Для нелегальной разведки ничего невозможного нет, — говорит „Джек“. — Это не просто красивые слова! А если я в этом убеждён, то кто, как не я, должен доказывать эту прописную истину? Только когда я чувствую, что могу всё, тогда я соответствую занимаемой должности и званию нелегала.

Короче говоря, надо было ехать. Чтобы поехать, нужно было выходить здесь на самый „верх“ — получить аудиенцию у главы Министерства заморских территорий... Но как?»

Нелегал, работавший «под крышей» «свободного художника», обратился к своим знакомым: мол, мне нужно открыть архитектурную

мастерскую, но в Лиссабоне это сделать невозможно, потому как кризис, а в кризисное время прежде всего сокращается строительство и, соответственно, проектирование. «Если бы мне в Африку выехать!» — говорил он. Ведь по «легенде», как знали его знакомые, «трудовая деятельность» «Джека» начиналась именно в Африке. Друзья предложили ему отправиться в Анголу, пообещав дать связи и рекомендательные письма, но он отвечал, что это — очень богатая провинция, где всё «схвачено» англичанами и немцами, и конкуренция почти та же, что в Европе. Надо начинать с малого — к примеру, поехать в Гвинею-Бисау. «Я был бы там единственным архитектором. У меня была бы монополия...» — «Правильно! Поезжайте!» — «Хорошо сказано — поезжайте! Кто меня туда пустит?» «Какие проблемы? — отвечала ему знакомая, работавшая, кстати, в архиве НАТО и принадлежавшая к старинному аристократическому роду. — Мама вскоре пойдёт на приём к министру заморских территорий — будешь её сопровождать».

В назначенный день аудиенции он на арендованном «мерседесе» с шофёром в ливрее подвёз старушку к министерству — шиковать так шиковать! Но следовало произвести и должное впечатление солидного человека...

«Джек» рассказывает:

«Работать в фашистских странах — сплошное удовольствие! Это дисциплина и порядок. Начальник сказал — все бегают, исполнение безупречное. Мадам показывает паспорт и приглашение к министру, я её под ручку веду. „А это кто?“ — „Друг нашей семьи! Он меня проводит — мне на второй этаж подниматься трудно“. — „Пожалуйста, пожалуйста!“ Всё! Так что я прохожу в министерство даже без предъявления какого-либо документа, как сопровождающий. Входим в предбанник. Там помощник сидит. „Мадам такая-то в сопровождении...“

Заходим к министру. Они обсуждают свои вопросы. Потом я представляюсь, коротко излагаю заранее продуманный текст, что есть план наконец-то создать в Бисау проектно-строительную индустрию. Португальцы были заинтересованы в любых финансовых вложениях иностранцев, воспринимая это как гарантию стабильности... Министр звонит в отдел, курирующий Гвинею-Бисау: „Принять и обеспечить всем, чего он ни попросит!“».

И действительно было так!

Придя в тот самый отдел, «Джек» увидел висящую на стене карту Гвинеи-Бисау — с грифом секретности, номером и подписью. Поговорил с руководством отдела, высказал свои просьбы, уточнил, что ему нужно

подготовить серьёзный бизнес-проект, после чего можно отправляться в путь, и завершил разговор словами о том, что ему хотелось бы иметь вот эту самую карту. «Не пропадать же документу!» — подумал он про себя. Небольшая заминка, но раз министр велел обеспечить всем, что ни попросит, — секретная карта была ему отдана.

Через некоторое время, когда всё было подготовлено и, соответственно, получено задание Центра, весьма объёмистое, он смог вылететь в столицу мятежной колонии. Так как туда всё было сообщено, то у трапа самолёта гостя встречала «делегация» парламентариев и бизнесменов, стоял огромный чёрный «мерседес». Но министр — министром, однако собственный авторитет каждый создаёт себе сам, своими реальными делами. Так сказать, «по министру встречают...» — а вот как будут провожать?

Вскоре «Джек» познакомился с влиятельным местным политическим деятелем — богатейшим человеком, миллионером. Как раз тогда этот миллионер чуть ли не самолично спроектировал и начал строить гостиницу (лучший из ранее имевшихся в стране отелей напоминал сарай), а потому попросил французского специалиста: «Могли бы вы проконсультировать наш проект?» Просьбы на подобном уровне обычно делаются из расчёта на комплименты и высокую оценку. «Конечно! С удовольствием!» — отвечал почётный гость.

«Джек», однако, разочаровал архитектора-дилетанта. Осмотрев стройку, он заявил: «Хорошо, что вы используете местные отделочные материалы, но отделка — это неинтересно. Давайте проект! Начнём с этого». Разложили на столах синьки, собралась вся команда — и гость увидел, что проект никудышный. Видимо, это отразилось на его лице, потому как владелец будущего отеля спросил: «Что-нибудь не так? Что вы смотрите так грозно?» — «Могу вам сказать, что архитектор, который сделал этот проект, никогда в жизни не проектировал гостиницы! Это молодой архитектор, очень ещё неопытный!» — «Откуда вы знаете?» — «Я его не знаю — я вижу его проект!»

«Джек» разобрал всё «по косточкам»: к лестнице неудобно идти от стойки портье; на кухне такого размера ничего приготовить нельзя — можно лишь разогревать привезённые продукты, так что будет не ресторан, а забегаловка. «Наверное, вы хотите принимать здесь уважаемых гостей?» — спросил он у вконец растерявшегося бизнесмена. — «Да-да-да!» — «Значит, надо сломать это, это, — указал архитектор на плане, — и хотя бы вот это! Остальное даже смотреть не буду!»

После этого прошёл слух, что приехал крутой французский

архитектор, прямо-таки второй Корбюзье!

Это, разумеется, оказалось очень важно и полезно. Хотя у «Джека» изначально должно было найтись в Бисау немало контактов. В Лиссабоне он имел большой круг общения, так что, когда он говорил, что едет в Гвинею, многие стали его просить прихватить с собой письма — сыну, мужу, другу... Объясняли: «Почта туда в лучшем случае доходит через три месяца — если доходит. Ты там будешь уже завтра — встретишься, передашь, про нас немножко расскажешь... Потом и они нам чего-нибудь с тобой передадут». Мобильной связи и электронной почты тогда не было. Разумеется, «Джек» никому не отказывал, а в результате ему не пришлось искать какие-то связи, продумывать «подходы» для знакомства: на аудиенцию к нему выстраивалась целая очередь офицеров. Тогда он ещё не знал, что те самые капитаны, которые к нему приходили, вскоре будут делать в Португалии «Революцию гвоздик».

«Джек» вспоминает:

«Условия для работы были великолепные! Познакомился я с одним человеком, очень сведущим, который фактически держал весь секретный архив Гвинеи-Бисау. „Слушай, — говорю, — здесь пахнет вообще плохо. Что-то тут неправильно...“ Я видел этих капитанов, когда мы собирались за кружкой пива, все были возбуждённые, но молчали, хранили военные секреты. Зато говорили: „Скоро все будем дома!“ Странно — идёт война, а они собираются домой. Что-то неладно! Это был март — революция произойдёт в апреле...

Так что, когда мы обсуждали с информированным „товарищем“ обстановку, я говорю: „Тут ненадёжная ситуация! Если я вложу деньги...“ — и рассказываю ему ту историю, что якобы была у моей семьи в Бельгийском Конго, когда в 1960 году эта колония провозгласила независимость. „Не хочу я такого повторения! Правду скажи, что здесь будет?“ — „Да нет, ну что ты! Ничего подобного...“ Я нажимаю: „Я думал, ты настоящий товарищ и друг! Ведь это для меня жизненно важно! Это мои деньги! Как ты потом мне в глаза посмотришь?“

Разведка — это искусство! Надо человека к себе расположить, завоевать его доверие и показать ему, как он может тебе помочь. И самое главное — быть правдивым.

Он говорит: „Слушай, ты хотя и молодой человек, но проникательный! Как ты увидел? В общем, здесь наше время сочтено! Вот я — личный друг Спинолы^{66}...“ Это был генерал-губернатор провинции, который станет первым президентом Португалии...И он мне сливает компромат на этого Спинолу: что будет революция, и вот эти ребята, которых я знаю, будут...»

Вскоре нелегалу пришло приказание прибыть в Центр. Архитектор возвратился в Лиссабон, попрощался со всеми — мол, нужно срочно лететь в Саудовскую Аравию, там у меня гостиница строится, надо посмотреть, возникли некоторые вопросы... Несколько дней спустя он был в аэропорту Шереметьево.

В Москве «Джек» ошарашил куратора: «Через пару недель в Португалии будет революция, Спинола станет президентом!» — «Ты что, обалдел?! Какая может быть революция в Португалии?» — «Я тебе чётко говорю: будет!» — «Уверен?» — «Конечно, уверен!» — «Ну, тогда пиши отчёт!»

Отчёт был написан, а через неделю, ночью, «Джеку» позвонил куратор: «Ты слушаешь „Голос Америки“?» — «Посмотри на часы! У меня есть дурацкая привычка по ночам спать. Что случилось?» — «В Португалии — революция! Спинола — президент!» — «И по таким глупостям ты мне звонишь ночью? Я это всё тебе давно написал», — ответил он и повесил трубку.

С тех пор прошло уже много лет, однако наш собеседник вспоминает не без сожаления:

«Я потом спросил Дроздова: „Юрий Иванович, как же так получилось, что вы не поверили? Зачем вы тогда посылали меня в Гвинею-Бисау? Как же так?!“ — „Эту информацию нужно было направлять в Политбюро. А информационная служба, все легальные разведчики сообщают, что ситуация спокойная, надёжная. Всё там взято под контроль. Железный режим! У нас — ‘вечный Советский Союз’, а там — ‘вечная Португалия’. И только ты сообщил!“

Оказывается, Андропову о моём докладе даже не доложили. Всё остановилось на уровне руководства Первого главка — а Крючков, его новый начальник, был тот ещё бухгалтер! По его указанию посоветовались с информационной службой, те сказали, что этого не может быть. Ведётся информационное дело по стране, и всю информацию — и открытую, и закрытую, из различных источников, со всех точек — собирают туда. Поэтому „информаторы“ уверенно заявили: „Не может быть!“ На этом всё и кончилось».

Известно, что в одной из книг Юрия Ивановича этому «проколу» посвящён абзац, мы искали его и не нашли, хотя раньше как-то видели и отметили в памяти... Неудивительно: «Вымысел исключён» был много раз переиздан — с дополнениями и уточнениями.

Помните, что главное в разведке — это связь? В данном случае ценнейшая информация не дошла до самого «верха» и осталась

нереализованной.

Это к тому, что путь разведчика отнюдь не устлан розами, не вся информация, даже ценнейшая, оказывается реализована высшим руководством, а в биографии Дроздова есть как блестящие оперативные успехи, так и неминуемые проколы, произошедшие — чаще всего — не по его вине.

Сложно сказать, насколько Юрий Иванович думал об успешном развитии своей служебной карьеры. Наверное, думал — не зря ведь сложена пословица, что плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Так вот, в том самом 1974 году для него «закрылась» должность, которую он занимал, как говорится, «с приставкой и. о.». Должность начальника Управления «С» — его родного управления нелегальной разведки.

Дроздов нам рассказывал:

«В 1973 году тогдашний начальник Управления нелегальной разведки получил новое назначение, я остался исполняющим обязанности начальника. Через некоторое время меня вызвал зампреда КГБ СССР Виктор Михайлович Чебриков^[67]. Он сказал, что из командировки возвращается Кирпиченко: „Мы даем положительную оценку вашей работе, и вместе с тем руководство считает, что на должность начальника управления должен быть назначен Вадим Алексеевич. Как вы к этому относитесь?“

Чебриков был такой напряжённый, а я ему: „Виктор Михайлович, я не понимаю ваш вопрос, назначать и снимать — это компетенция руководства“. Он вздохнул с облегчением: „Как хорошо, что вы так к этому относитесь“. На этом мы расстались.

Мне, естественно, стало интересно, кто такой Вадим Алексеевич, и позвонил я его близкому знакомому — покойному ныне Якову Прокофьевичу Медянику^[68], который сказал: „Это человек, с которым близко сходишься и трудно расстаёшься“. Собственно говоря, это и было положено в основу нашего знания друг друга. Вот и всё. Больше каких-то вопросов я не задавал»^[130].

Что ж, Юрий Иванович вёл себя в строгом соответствии с кодексом офицерской чести, даже если ему и было обидно, что его вот так, без какой-либо его вины, обошли. Но он давно и чётко усвоил: приказы не обсуждаются. Он ведь и сам требовал такого же отношения к делу от подчинённых.

В книге, посвящённой Вадиму Алексеевичу, слова Чебрикова даны

более пространно (как видно, с нами Дроздов поскромничал). Ему было сказано однозначно, что, пожалуй, было ещё более обидно:

«„Ты много сделал для организации работы Управления. Ты — единственный кандидат на должность начальника этого подразделения. Но мы просим тебя согласиться, чтобы на эту должность был назначен Вадим Алексеевич. Мы хотим, чтобы весь коллектив руководящего состава знал, что за достигнутые результаты в работе человек получает соответствующее повышение по службе. Вопросы есть?“ — „Вопросов нет...“»^[131]

Кирпиченко действительно был замечательным человеком. Фронтовик, закончил войну старшим сержантом, участвовал в освобождении Венгрии, Австрии, Чехословакии; после окончания Московского института востоковедения был взят во внешнюю разведку, работал на Ближнем Востоке, возглавлял африканский отдел ПГУ КГБ СССР, в 1970–1974 годах был резидентом в Египте и считался знающим специалистом-арабистом, профессионалом высокого класса. Можем также добавить, что был он обаятельным и очень душевным человеком.

Назначение руководителем Управления «С» было для Вадима Алексеевича совершенно неожиданным и отнюдь не желанным. Нелегальная разведка — нечто совершенно особенное, очень закрытое и даже не всем в Службе понятное...

Ничто этого назначения не предвещало. Сначала резидента вызвали из Каира для доклада председателю, и у Кирпиченко состоялся долгий, подробный разговор с Андроповым, проходивший, правда, не в кабинете на Лубянке, а в палате Кунцевской больницы, где, как написал Вадим Алексеевич (уж он-то знал!), «Юрий Владимирович провёл немалую часть своей жизни».

Подобный вызов не был чем-то из ряда вон выходящим.

«Будучи председателем КГБ, Андропов старался переговорить хотя бы раз с каждым из руководителей зарубежных резидентур внешней разведки. У многих других начальников как административных, так и партийных, подобные беседы зачастую превращались в их монологи-наставления или анализ оперативной обстановки в стране, куда будущий резидент направлялся или даже приехал оттуда в отпуск, зная о ней лучше „лектора“. Этим, в частности, грешил Крючков»^[132].

Следующая встреча была на Лубянке, в кабинете председателя. По словам Кирпиченко: «Андропов объявил, что имеет намерение назначить меня заместителем начальника разведки — начальником Управления „С“ — нелегальной разведки. Это прозвучало для меня как гром среди ясного

неба. Предложение, как мне казалось, никакой логикой не было связано с моей предыдущей работой, поскольку сформировался я как специалист по арабским странам и Африке. Я вежливо, но довольно решительно начал отказываться, особенно настаивая на том, что нелегальную разведку представляю себе слабо и что я специалист совсем в другой области. Андропов заявил, что это предложение я должен рассматривать как приказ, а что касается моей пригодности, то он-де давно присматривается ко мне и считает, что моя работа в кризисных условиях позволяет доверить мне этот непростой департамент»^[133].

Помнится, когда мы разговаривали об этом назначении с Вадимом Алексеевичем, то спросили о реальной причине его отказа: мол, из скромности или действительно не хотел?

«— Я сложился как специалист по арабским странам, по Африке. Был начальником африканского направления, отдела... Всё мне было вроде как знакомо — и Африка, и арабский мир.

О нелегальной же разведке я имел представление теоретическое, никогда там не работал. А эта работа сильно отличается от других линий, и департамент этот не похож ни на какие другие направления работы в разведке. Андропов сказал мне приятный комплимент: „Мы тебя испытывали в условиях войн и кризисных ситуаций, ты не дрогнул. Шёл против течения, когда у нас в Политбюро верили в Садата^[69], а ты один гнал телеграммы, что он продан США... Мы тебя испытывали очень сильно, и ты выдержишь. Тебе хватит на это умения, и перегрузки будешь переносить спокойно“.

— *То есть у вас, как понимаю, были даже неприятности на уровне Политбюро ЦК КПСС?*

— Неприятности были ежедневные — на разном уровне. Так, каждое утро у посла собирались старшие работники: советник-посланник, я как резидент, резидент военной разведки, главный военный советник. Подводили итоги прошедшего дня, и каждый кратко докладывал об информации, которой он располагает на этот час. И, скажем, моя информация шла вразрез... Докладываю, допустим, о какой-то очередной гадости Садата, а главный военный советник говорит: „А у меня прямо противоположная информация“. Военные „соседи“^[70] понимали ситуацию так же, как и мы, но генерал-полковник на них „давил“. Мол, „в армии египетской наши советники вплоть до батальона, мы её вооружаем, мы её учим — она связана с нами навеки!“

Вот и шли мне из Центра телеграммы: надо это уточнить, надо это

проверить, ваша информация идет вразрез с информацией посла, договоритесь с послом, чтобы у вас был единый взгляд, и т. д. и т. п.

В один из критических моментов я даже выступал на Политбюро... Как мне рассказали, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Подгорный после того сказал: „Так, как представитель КГБ говорит о президенте, — у нас вообще не принято говорить так о президентах, в таких выражениях“.

Юрий Владимирович потом мне советовал: „Ты выражения всё-таки выбирай получше, а существо оставляй...“ То есть бей фактами, а не матерными словами — смысл такой...»^[134]

Красиво!

Что интересно, Вадим Алексеевич производил впечатление рафинированного интеллигента, человека мягкого — этакий, что называется, типичный кабинетный учёный. Но он всю жизнь проработал на Востоке и по Востоку, а Восток, как известно, — дело тонкое.

В общем, Дроздов получил нового начальника управления — и продолжал выполнять свои обязанности, о которых, как мы уже говорили, нам рассказать было бы очень и очень трудно.

«— После того как Вадим Алексеевич пришёл, я ввёл его в курс наших дел, мы много, обстоятельно поговорили по разным вопросам, и я увидел рассудительного человека, который больше слушает и старается не спешить с окончательными выводами. По характеру мы немножко разные, но это, наверное, так и надо. Один мог погорячиться, а другой спокойно реагировал, корректировал — это было очень полезное взаимодействие, очень полезная работа. Это был грамотнейший оперативный работник, грамотнейший руководитель, общение с которым порой удерживало от ошибок, давало возможность шире посмотреть на тот или иной вопрос и приносило общую пользу...

— *Горячился — кто?*

— Ну конечно я! Кстати, когда один горячится, а другой успокаивает, это помогает. Несмотря на то, что у нас по возрасту небольшая разница — он был на три года старше меня, — это, с учётом оперативного опыта каждого, давало нам возможность помогать друг другу найти правильное решение. Смелое, порой даже дерзкое решение по отдельным вопросам. Это взаимодействие было очень полезно!

Существуют два направления воспитательной работы: воспитание подчинённых и воспитание руководителя. Руководители воспитывали себя и друг друга в спорах и в обсуждениях. Иногда спокойных, иногда — более резких. Хотя про Вадима Алексеевича нельзя сказать „резких“ — резкого

никогда ничего не было. Мне кажется, если бы это было, мы бы, наверное, друг о друге не имели такого впечатления, каким оно у меня осталось»^[135].

И ещё Юрий Иванович говорил, что у генерала Кирпиченко было чему поучиться не только в оперативном плане, но и, что, может быть, самое главное, в плане понимания и видения им других работников. Это касалось изучения тех людей, с которыми им обоим как руководителям приходилось общаться перед отправкой их на боевую работу. Но тут, как сказал Дроздов, «примеров быть не может, это без комментариев»: речь шла о суперзасекреченных разведчиках-нелегалах.

Кстати, вскоре после вступления Кирпиченко в должность, 23 мая 1974 года, Юрию Ивановичу было присвоено звание генерал-майора. Возможно, в качестве утешения или моральной поддержки: высшее руководство понимало, что с ним поступили не совсем справедливо. Однако у этого руководства есть и свои высшие соображения, которые становятся известны далеко не сразу.

А вот что Вадим Алексеевич писал о работе в Управлении «С»:

«Нелегальная разведка существенно отличается от других звеньев внешней разведки своей спецификой и налагаемой ею особой ответственностью. Во всяком случае, для меня годы работы в Управлении „С“ — это время наивысшего морально-психологического напряжения, когда нервная система, казалось бы, на грани возможного. Ни до того, ни после я не испытывал подобных нервных перегрузок»^[136].

«Встречаясь с опытными нелегалами, учишься у них сам. У каждого свой неповторимый опыт приживаемости за границей. Руководители нелегальной разведки должны почувствовать все нюансы жизни нелегала, увидеть что-то новое в его личном опыте, распространить этот опыт на другие ситуации, но в видоизменённом, конечно, варианте. При постановке задания нелегалу необходимо точно определить, по силам ли ему эта работа, располагает ли он реальными или потенциальными возможностями. Для этого работнику Центра нужны и большой личный опыт, и оперативная интуиция, и знание конкретной обстановки»^[137].

Как можно понять из сказанного, сотрудники и в Центре, и в «поле» успешно делали своё дело.

А внутрисполитическая обстановка в Советском Союзе ухудшалась неотвратимо и необратимо. «Витрина» государства развитого социализма всё ещё ярко светила «рекламными огнями», но страна постепенно погружалась в тот самый болотный застой, из которого ей не суждено было выбраться. И никто этого как бы не замечал: одних оно устраивало, других

не касалось, большинство же жили по инерции, повторяя, как заклинание: «Лишь бы не было войны». В общем, не было бы хуже, чем есть... Наш народ, к сожалению, давно привык жить именно так, без особых надежд на перемены к лучшему.

Но вот такой момент...

30 июля 1975 года в столице Финляндии был первый день встречи руководителей тридцати пяти государств, подписавших Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинкские соглашения). Вот как описывал этот день в романе «Победа» Александр Борисович Чаковский^[71], главный редактор популярнейшей тогда «Литературной газеты», выходявшей более чем полуторамиллионным тиражом и считавшейся «фрондёрским» изданием, ориентированным на интеллигенцию:

«Я весь напрягся в ожидании советской делегации.

И вот она появилась!

Леонид Ильич был в чёрном костюме с галстуком в красно-синюю клетку. За ним следовали Громыко, Черненко и Ковалёв^[72].

Брежнев улыбался. Это была совсем не та улыбка, которую мне приходилось в разное время видеть на лицах некоторых государственных деятелей. Те улыбки были похожи на платки фокусника. Раз — чёрный платок. Лёгкий взмах — и тот же платок становится белым...

Я помню, как улыбались Черчилль, Трумэн, Бирнс, Эттели, Иден, когда на них нацеливались жерла теле-, кино-и фотоаппаратов. Их лица — за несколько секунд до того или равнодушные, или хмурые, или даже злые — тотчас же преображались, как будто кто-то невидимый мгновенно надевал на них маску-улыбку.

Брежнев же улыбался естественно. Я был уверен, что вот такая же добрая, открытая улыбка озаряла его лицо ещё до входа во Дворец, ещё в машине. <...>

И Брежнев, и остальные члены делегации шли, не замедляя шагов, как это делают многие другие, когда знают, что их фотографируют, но и не быстро, как ходят те, кто не желает попасть в объективы съёмочной аппаратуры. Они шли непринуждённой, спокойной походкой и появились — то здесь как раз в тот момент, когда прозвенел первый звонок, возвещающий скорое открытие Совещания»^[138].

Далее — описание того, как на второй день совещания было объявлено выступление Леонида Ильича и последовали «бурные, продолжительные аплодисменты» (так писалось в наших официальных отчётах, но далее уже

— большая литература, ибо цитата взята из книги), которые «не смолкали всё время, пока он шёл к трибуне»; затем — краткое описание самого выступления: он «говорил не больше и не меньше, чем остальные», но явно говорил гораздо лучше и честнее, потому как «под новую бурю аплодисментов сошёл он с трибуны и направился к своему месту тем же спокойным, уверенным шагом», а в холле затем, в перерыве, «только и разговоров было о выступлении Брежнева».

Читать это приятно и даже, по старой памяти, гордость душу наполняет. И вообще красиво написано, образно. Но... это ведь художественная литература, «красивая неправда», так сказать. А вот что в то же самое время — и даже несколько раньше — реально видели современники.

Вадим Алексеевич Кирпиченко, который встречался с Леонидом Ильичом перед своим назначением на должность начальника Управления «С», вспоминал:

«Визит к Брежневу состоялся 25 апреля 1974 года. Генсек был ласковый, томный, неторопливый, незамысловато шутил. Говорил он — явно с подсказки Андропова и его же словами — о том, что работа в нелегальной разведке штучная, что туда должны идти самые стойкие, смелые, сильные, без всяких слабостей и изъянов люди. Партия ценит этот коллектив и мне-де оказано большое доверие»^[139].

Владимир Александрович Крючков встречался с лидером через полгода, и вот какое описание он оставил:

«В самом конце 1974 года решился вопрос о моём назначении на должность начальника Первого главного управления КГБ СССР, то есть начальника разведки. По традиции со мной должен был побеседовать Генеральный секретарь ЦК КПСС.

Брежнев принял меня 30 декабря в своём кабинете в Кремле. Там же был и Андропов. Перед беседой Юрий Владимирович предупредил меня, чтобы я не очень удивлялся, если Генсек покажется мне не в форме, главное, мол, говорить погромче и не переспрашивать, если что трудно будет разобрать в его словах. Так что в Кремль я прибыл уже подготовленным, но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания.

За столом сидел совершенно больной человек, который с большим трудом поднялся, чтобы поздороваться со мной, и долго не мог отдышаться, когда после этого буквально рухнул опять в кресло. Андропов громким голосом представил меня. Брежнев в ответ только и сказал: „Что ж, будем решать“.

Я произнёс несколько слов в порядке заверений, и на этом

официальная часть процедуры была закончена. Прощаясь, Леонид Ильич снова кое-как встал, обнял меня, пожелал всего доброго и даже почему-то прослезился»^[140].

Потом, когда Крючков уже был в кабинете Андропова, раздался звонок по «кремлёвке» — звонил министр обороны Устинов. Владимир Александрович, которого Юрий Владимирович попросил остаться, стал свидетелем весьма опасного для постороннего уха разговора, потому как Дмитрий Фёдорович спрашивал о состоянии здоровья 68-летнего генсека. Андропов отвечал:

«Совсем плохо, вот и на Крючкова его вид произвёл удручающее впечатление. Пора, наверное, найти какой-то мягкий и безболезненный вариант постепенного отхода Брежнева от дел. Продолжать и дальше управлять страной в таком состоянии он уже не может физически.

Устинов ответил, что придерживается такого же мнения. Я часто потом вспоминал этот разговор, думая о том, что „постепенный отход“ затянулся на целых восемь лет!»^[141]

Так что, к огромному нашему сожалению, Леонид Ильич «образца 1975 года» — с «открытой доброй улыбкой» и выступлением, о котором «только и разговоров было», — совсем не походит на того Леонида Ильича, каким он на самом деле предстал перед своими собеседниками в 1974 году, за полгода (!) до Хельсинкского совещания. Однако не один лишь литературный чиновник, удостоенный всех мыслимых наград (не только литературных), создавал его «положительный образ»: этот «имидж» был нужен и выгоден многим, «жадной толпой стоящих у трона». На том они в общем-то великую державу и загубили.

А вот, кстати, в продолжение темы, что рассказывал нам генерал-лейтенант Николай Сергеевич Леонов^[73], главный аналитик советской разведки:

«Году в 80-м, когда Брежнев уже не мог произнести пары слов без бумажки, я, набравшись смелости, спросил: „Американцы считают, что чем дольше Брежнев будет во главе государства, тем лучше для США. Неужели нельзя поставить вопрос о смене руководства?“ Андропов призадумался, потом сказал: „Вы меня с партией не ссорьте!“ И на этом дискуссия прекратилась»^[142].

Можно понять, что *status quo* — существующее положение — теперь вполне устраивало и Юрия Владимировича, который просто дожидался своего часа. Потому, очевидно, его больше не волновало то, что происходящее было прежде всего выгодно американцам, именуемым в КГБ

«главным противником».

Но ведь тогда уже и сам Андропов был немолодым и, мягко скажем, далеко не здоровым человеком! Перспективы у нашей великой державы становились весьма сомнительными: вопреки всему люди «ближнего круга» держались за власть — как кажется, исключительно во имя самой этой власти и не задумываясь о стране. В итоге последующее время остряки назовут «гонками на катафалках вокруг Кремля».

Кстати, роман «Победа», отмеченный в 1983 году Государственной премией СССР, вышел в свет в 1979-м. Мы цитировали его по книге Воениздата 1985 года выпуска — тираж 100 тысяч экземпляров, по нынешним временам фантастический. А сколько ещё было таких, а то и бóльших, тиражей? Таким образом «дорогой Леонид Ильич», как привыкли с иронией называть его в народе, шёл в широкие читательские массы тем «спокойным, уверенным шагом», что описал Чаковский, — и таким многие по городам и весям его и представляли.

Книги с более реальными описаниями появились лишь тогда, когда «Лёня» (так стали именовать Брежнева под конец «царствования», когда он окончательно потерял уважение граждан) ушёл в историю.

Между тем вся государственная идеология (государство не может обойтись без понимания смысла своего существования — впрочем, как и отдельная человеческая личность, — то есть без идеологии) сводилась к постулату «учение Маркса всеильно, потому что оно верно». Точка! Обжалованию не подлежит. «Вы сомневаетесь? Тогда мы идём к вам!» Но это уже из несколько другой оперы...

К сожалению, в «верхах» не желали понимать, что ставшее привычным враньё действует на общество разлагающе, что только правда, пусть даже горькая, могла ещё спасти Советское государство. Признать, что зашли мы не туда, определить ошибки и честно назвать виновных. Народ бы понял, народ бы поддержал. Людям нужна правда, и они идут за теми, кто эту правду скрывать не пытается. Тому подтверждение — в воспоминаниях Дроздова:

«Как-то мы пригласили его [Андропова] поехать вручить орден Красного Знамени нелегалу-иностранцу. Он согласился. Между ним и нелегалом, которому пришлось очень многое испытать, выполняя задание, шёл живой интересный разговор. Андропов как бы ушёл от своей высокой должности, вручил орден, просто по-товарищески поздравил. На обратном пути в машине он внезапно спросил: „Скажи, Юрий Иванович, почему иностранец, бывший идеологический противник, служит делу социализма вернее, чем наш соотечественник?“ „Он служит в нелегальной разведке,

Юрий Владимирович, — ответил я. — У нас не принято говорить нелегалу неправду, обманывать. Он сам имеет право высказать всё, даже самое неприятное. Без этого доверия не будет“. Андропов помолчал, потом промолвил: „Да, многое нам поправлять надо“»^[143].

Не поправили. Поэтому к 1991 году доверие к партии и государственному руководству ушло напрочь.

Но пока что страна жила — вне зависимости от обитателей Старой площади и Кремля? — и почти каждый её гражданин старался добросовестно выполнять свои обязанности. Юрий Иванович успешно трудился бок о бок с Вадимом Алексеевичем, а «их люди» — разведчики-нелегалы «Джек», «Дубравин», «Анри» и многие, многие иные — делали в каких-то странах те великие дела, о которых мы, скорее всего, никогда не узнаем. Жаль!

Но совместная работа Юрия Ивановича и его нового начальника продолжалась не так уж долго:

«Не прошло и полутора лет, как однажды, когда мы были на докладе у Владимира Александровича Крючкова, он сказал, что Юрий Владимирович хочет, чтобы я поехал в командировку в Нью-Йорк. Необходимо заменить там резидента, у которого уже истёк срок командировки. Вадим Алексеевич даже возмутился: „Да, но вы говорили, что мы проработаем вместе минимум два года!“ Крючков ответил, что обстановка такая, что надо, чтобы к середине лета я уже был там. „Да...“ — протянул Вадим Алексеевич, но больше ничего не сказал...»^[144]

О причинах принятия этого решения Дроздов писал в своей книге так:

«Я понимал причину такого неожиданного поворота. В конце 1974 г. при возвращении с другого задания мне довелось провести несколько дней в Нью-Йорке. Б. А. Соломатин^[74] подробно ознакомил меня с обстановкой в США и, опираясь на агентурные, оперативные данные и выводы из личных наблюдений, высказал свои соображения о том, что разрядка, если судить по действиям американцев, начинает приобретать весьма негативный для советской стороны характер.

Он от своего имени предупредил об этом руководство разведки специальной телеграммой. Весьма серьёзное, веско аргументированное сообщение всё же вызвало раздражение в „верхах“. Видимо, было принято решение заменить руководителя резидентуры, чтобы свежим взглядом оценить ещё раз всю обстановку, включая необходимость перехода к более активным формам работы (мы берегли „хрупкую“ разведку и избегали резких действий). Вот в этих сложных условиях выбор пал на меня, и я с

известной долей тревоги выслушал предложение В. А. Крючкова»^[145].

Что ж, как в «Капитанской дочке» у Пушкина: «На службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся». Можно понять, что этим девизом Юрий Иванович руководствовался всегда. Поэтому он и написал дальше: «У меня не было иного выхода, кроме как взяться за подготовку к работе в новой для меня стране, в которой я, правда, уже успел побывать дважды»^[146]. Понятно, что заместитель начальника нелегальной разведки ездил в США отнюдь не в составе официальных делегаций...

Ну и в завершение главы — несколько слов о Вадиме Алексеевиче Кирпиченко, с которым Дроздову затем придётся работать в иных качествах — как своих, так и его.

«В новой должности [начальника Управления „С“] Кирпиченко проработал пять с лишним лет, пролетевших, по его словам, мгновенно. Это были годы дальнейшего приближения нелегальной разведки к насущным задачам советской внешней разведки в целом. Годы упорных поисков новых форм и методов работы, омоложения коллектива, настоящего творчества, скромных побед, а также огорчений и разочарований, без которых никакая разведка не обходится. Но судьба в те годы была благосклонна: когда Кирпиченко возглавлял нелегальную разведку, в ней не было ни измен, ни крупных осечек»^[147].

И последнее, что Вадим Алексеевич говорил нам на эту тему:

«С мая 1974-го по август 1979-го я был на должности начальника нелегальной разведки, после чего меня назначили первым заместителем начальника „большой“ советской разведки»^[148].

Глава 10. Нации всех стран, объединяйтесь!

Итак, Юрию Ивановичу было поручено возглавить нью-йоркскую резидентуру. Он был весьма уважаемым человеком в Ясенева и, несомненно, известен многим — как резидент в Пекине. К тому же известно было про отношение к нему председателя КГБ... Но не стоит думать, что факт нового назначения Дроздова вызвал всеобщий восторг. А значит, ему нужно было делом доказать своё реальное право на новую должность. Дроздов вспоминал:

«Наши американисты приняли известие об этом решении Андропова и Крючкова настороженно, с недоверием и даже сопротивлением. Я казался им человеком с неустойчивой биографией (из нелегальной разведки, германист, работал в Германии и потом в Китае), зачем „нам такой нужен“. Это отношение я скоро почувствовал, мне не оставалось ничего иного, как изучить обстановку в США, освоить оперативный багаж резидентуры, прибыть в Нью-Йорк и наладить рабочий контакт с новым для меня коллективом»^[149].

Обычно резидентуры — заграничные центры разведки (любой страны, разумеется) располагаются в столицах государств, чаще всего — в посольском здании. В каких-либо крупных, стратегически важных городах также могут находиться резидентуры, так сказать, замыкающиеся на главную, а «крышей» им в таком случае чаще всего служат консульства. Но, как нам представляется, нью-йоркская резидентура была «главнее» столичной, вашингтонской. Не только потому, что, как сказано в известном фильме, «Нью-Йорк — город контрастов» и в отличие от чопорного чиновного Вашингтона там и население раз в пятнадцать больше, но и потому, что этот, по определению писателя О. Генри, «волчий город на Гудзоне» является местом дислокации штаб-квартиры ООН. Здесь сконцентрированы представительства практически всех стран мира, так что сотруднику разведки (опять-таки любой) не нужно ехать на край света, чтобы получить информацию по интересующему его государству или завербовать пару-тройку тамошних чиновников.

Зато работать в Нью-Йорке «по Америке» было сложнее, чем в Вашингтоне, потому как большинство правительственных учреждений находилось, разумеется, в столице. Как выразился один из наших

собеседников, «там плюнул — и попал на носителя информации». Зато в Нью-Йорке, повторим, был представлен весь мир. Соответственно и наших граждан трудилось в различных ооновских организациях достаточно много: по словам Дроздова, «советская колония» в Нью-Йорке насчитывала порядка полутора тысяч человек и постоянно увеличивалась. Можно предполагать, что резидент руководил не таким уж и маленьким коллективом. Хотя и не таким огромным, как считали сотрудники ФБР, традиционно полагавшие шпиона в каждом советском гражданине. (А что, наши соотечественники, «простые граждане», в Москве — не говорим уже о провинции! — не подозревали цэрэушника в каждом иностранце?)

Итак, 9 августа 1975 года Юрий Иванович с супругой отправился в полёт через Атлантику. На время командировки Дроздов превратился в дипломата высокого ранга: он работал «под прикрытием» должности заместителя Постоянного представителя СССР при ООН.

Понятие «под прикрытием» является официальным, но не совсем точным, потому как разведчик выполняет свои дипломатические обязанности в том же объёме и с тем же качеством, как любой другой сотрудник диппредставительства, ибо даже его «чистым» коллегам, не говоря об иностранцах, совсем не обязательно (и совершенно нежелательно!) знать о его принадлежности к «конторе». При этом работа «по прикрытию» отнюдь не влияет на количество выполняемых разведчиком оперативных заданий. Так что дел у него получается в два, если и не в три раза больше, нежели у его «чистых» сослуживцев из дипломатического корпуса.

Постоянным представителем СССР при Организации Объединённых Наций в то время, когда приехал Дроздов, был Яков Александрович Малик ^{75}, а через год его сменил Олег Александрович Трояновский ^{76} — выпускник ВИИЯКА 1942 года, переводчик на Нюрнбергском процессе и, кстати, сын первого посла Советского Союза в США. В Нью-Йорке этот постпред проработает почти десять лет...

Нет, лучше тупой карандаш, нежели острая память! Наш собеседник, работавший в Нью-Йорке «во времена Дроздова» «под крышей» корреспондента влиятельной советской газеты, рассказывал:

«Когда Дроздов приехал — меня ему рекомендовали, и он со мной стал беседовать, а я был уставший, облокотился на стол и говорю: „Знаете, Юрий Иванович, я вам честно скажу — здесь работать нельзя! Я имею в виду классическую работу“. Он так... востропел. Потом, через четыре года, когда мы уезжали практически одновременно и вместе устраивали „отходняк“, он мне сказал: „Ты был прав!“

Речь о чём идёт? До этого я работал в одной из стран Азии — именно классически: ты разрабатываешь, ты вербуешь... Ищешь, как золотоискатель. Моешь, моешь — и находишь „самородок“. А здесь, в США, — моешь, моешь — и хрен ты чего смоешь! Если найдёшь „золото“, то потом это оказывается какая-нибудь „подстава“.

И вообще, у предыдущего руководства резидентуры была ориентация на „заявителей“, на „инициативников“. Соломатин ждал „заявителя“ — на этом он сделал себе карьеру. Тогда, при нём, появился Уокер^{77}...

Соломатина очень ценил Юрий Владимирович Андропов».

Неудивительно! Можно было бы сказать, что Борису Александровичу безумно повезло: старший уорент-офицер^{78} ВМС США Джон Энтони Уокер не только сам предложил свои услуги советской разведке, но и постепенно привлёк к работе своего брата Артура, сына Майкла, да ещё и своего друга Джерри Уитворта — все они служили на военно-морском флоте, были связаны с секретной информацией. Генерал-майор Соломатин, в то время главный резидент КГБ в Вашингтоне, руководил операцией по их вербовке.

(Несколько позже, уже в качестве резидента в Риме, он принимал участие в вербовке ещё одного американского военного моряка — Гленна Майкла Соутера^{79}.)

Мы отнюдь не случайно написали, что «можно было бы сказать», ибо к такому безумному везению, когда в посольство вдруг заявляется шифровальщик и предлагает свои услуги, нужно добавить ещё и мастерство оперативника, который сможет должным образом разобраться в подобном предложении и его реально его оценить. Знали бы мы, сколько «инициативников» — потенциальных агентов — каждодневно предлагают свои услуги представителям той или иной разведки! И кого только среди них нет!

Писатель Борис Николаевич Григорьев, в прошлом — опытный агентурист, пишет с глубоким пониманием дела:

«Вообще должен отметить, что мне „везло“ на заявителей. Особую категорию составляют люди больные, которые в условиях западной терпимости к ним как пчёлы на мёд слетаются на иностранные представительства и тоже предлагают там свои услуги. Распознать их новичку в дефиците времени не так просто. Есть такие формы шизофрении, которые требуют по крайней мере длительного общения с пациентом, прежде чем становится ясно, с кем имеешь дело. А если шизофреник ещё и с образованием, и с фантазией, то он может довольно

долго морочить голову своими на первый взгляд „разведвозможностями“.
<...>

Но вообще с каждым из таких посетителей стоит всё-таки хорошенько разобраться. И вполне нормальный человек на Западе может иметь такие причуды, что его легко принять за больного. Жизнь подсовывает иногда такие невероятные варианты, которые не может нарисовать в своей голове самый талантливый и изобретательный фантаст»^[150].

Хотя, пожалуй, больные — наиболее безобидная часть заявителей, так как, во-первых, за ними «никто не стоит» и, значит, не может быть провокации, а во-вторых, у них, как говорится, «справка есть», поэтому они и себе большого вреда не нанесут. Разве что в особом случае — при повышенной активности, например, — могут возвратиться на долечивание в родной дурдом.

Гораздо опаснее разного рода мошенники и аферисты, желающие подзаработать. Они могут не просто «гнать туфту», но и предлагать какую-либо полуправду, устаревшую информацию или весьма правдоподобно составленную дезинформацию, за что, соответственно, просят материальное вознаграждение. А вот сотрудникам, работающим по линии научно-технической разведки, могут предложить тупиковый вариант решения какой-нибудь серьёзной проблемы, представив большое количество истинных научных разработок. То есть учёные работали, затем осознали, что шли не тем путём, а потому работы прекратили. Но потом, чтобы, допустим, окупить затраты или ещё с какой-то целью, материалы предлагаются противнику: «Вот, мол, над чем сейчас ломают головы наши лучшие умы!» И тут не подкопаться. Впоследствии в ответ на все претензии агент преспокойно отвечает: «Да, знаете, ведь и у наших тоже ничего не получилось! Я это только недавно узнал, не успел ещё вам сообщить. Сложный вопрос оказался...» У куратора может даже не возникнуть сомнений в добросовестности агента. Как известно, в науке тернистые пути, и далеко не все из них ведут прямо к заветной цели.

Ну и, разумеется, нет никакой гарантии, что «заявитель» не является «подставой» контрразведки. Это самое опасное: спецслужбы, в идеале для себя, могут завязать с резидентурой оперативную игру, а как минимум — установят кого-то из разведчиков, обосновавшихся «под крышей», и могут что-то разузнать о направлениях и методах работы разведки противника.

Масштабы работы американских спецслужб по внедрению таких «подстав» в «стан противника» — то есть предложения их в качестве агентуры советским разведкам КГБ и ГРУ — в 1980-е годы просто поражают!

«Примерно раз в неделю военная разведка [РУМО] посылала в Мехико-Сити какого-нибудь сержанта военно-воздушных, военно-морских сил или сухопутных войск с приказом предложить себя в качестве шпиона. Эти добровольцы нередко приносили с собой секретные документы в качестве доказательства того, что их предательство „законно“. Документы были подлинные, но не краденые. Особый отдел Пентагона, занимавшийся исключительно отбором секретной информации для программы по внедрению двойных агентов, решил, что от передачи этих документов КГБ и ГРУ никто ничего не потеряет. Как правило, проходило несколько месяцев, прежде чем КГБ и ГРУ могли убедиться в том, что шпион-доброволец является двойным агентом, и к тому времени Соединённые Штаты уже подсылали им нового кандидата в шпионы. Благодаря этому „конвейеру“ у Пентагона всегда был наготове источник дезинформации врага на случай объявления войны»^[151].

Разумеется, наивно думать, что всех этих многочисленных сержантов-«инициативников» встречали в советских резидентурах с распростёртыми объятиями и возились с каждым из них по несколько месяцев...

Зато можно понять, что принять единственно верное решение — определить, опознать по-настоящему нужного человека было очень трудно.

К сожалению, ошибки случались, порой они стоили очень дорого — особенно для самих «заявителей», потому как для разведки это чаще всего была «упущенная выгода», подсчитать её не так уж и легко.

Ничего объяснять не будем, дабы не свалиться в «ужастики», и ограничимся примером из книги (и личного опыта) уважаемого Бориса Николаевича Григорьева. Было, что резидент и посол не поверили «инициативнику», желавшему передать в Советское посольство некий секретный документ, причём бесплатно. Наши чиновники решили, что это провокация...

«Через несколько дней в газетах появилось таинственное сообщение о том, что датской полицией арестован сержант объединённого штаба командования северной группой войск НАТО при попытке передать секретный материал представителям одной из стран Варшавского блока. Сержанта ожидает военно-полевой суд.

Благодаря бездарному поведению начальства мы не только упустили из рук важную для страны информацию, но и подвели хорошего человека „под монастырь“. Вычислить сержанта при тотальной слежке за воротами консульства со стороны ПЭТ^{80} особого труда не составило»^[152].

В данной ситуации немного утешает лишь одно: в Дании, в отличие от ряда более южных стран, изменникам голов не рубили.

Чтобы не смущать читателя описанием наших «проколов», сошлёмся на пример точно такого же просчёта, допущенного «главным противником»:

«ЦРУ совершало множество ошибок. Когда бывший сотрудник американского отдела ВГУ^[81] передал в 1963 году в посольство США в Москве пачку секретных документов, там сделали с них копии, а оригиналы вернули в наш МИД. Американцы подозревали, что Александр Черепанов, добровольный кандидат в шпионы, был агентом-двойником, пытавшимся „всучить им дезу“. Это было не так: Черепанов был арестован, а затем казнён»^[153].

Ну что ж, как сказано в пьесе Мольера: «Ты этого хотел, Жорж Данден!»

Из вышеописанного делается однозначный вывод, что работа с добровольными «заявителями» совсем не проста.

Борис Александрович создал целую систему работы с «инициативниками» и не отвергал «заявителей», пока сам всё как следует не проверит и не «прощупает». А он это делать умел: коллеги говорили, что это у него было от бога. Недаром, повторим, председатель КГБ высоко ценил генерала Соломатина.

Сам же Борис Александрович выражал своё кредо так:

«Практически вся послевоенная агентура и у нас, и у американцев была приобретена не по классическим канонам разведки. Классические каноны предполагали максимально полное изучение субъекта предполагаемой вербовки, определение его оперативных возможностей, изучение подходов к нему. Однако после войны агентами становились, как правило, так называемые „инициативники“, то есть лица, сами изъявлявшие готовность к сотрудничеству. В основном на материальной основе»^[154].

И далее:

«Я, возможно, одним из первых усёк, что маятник качнулся именно в сторону такой публики и что к этому надо быть готовым. А многие продолжали работать по старинке»^[155].

Безусловно, такому «классику разведки», как генерал Соломатин (определение Андропова), возражать невозможно. Американцы, между прочим, считали его «сущим наказанием» для себя, и даже в здании ФБР висит портрет Бориса Александровича — как человека, нанёсшего

наибольший вред США.

Но всё-таки, зная, что у предательства реально есть только две причины — трусость и жадность, стоит учитывать, что первая из них нередко превалирует над второй. Как говорится, и хочется и колется... Иной и желал бы продать секреты противнику, да сознавал, что можно на свою контрразведку налететь, чего очень боялся... И тут как раз опытный взгляд и умелый подход вербовщика могут сыграть роль катализатора или того камушка, что провоцирует лавину в горах. Не напомнили бы «британские товарищи» тому же Гордиевскому про «стокгольмские каникулы», так, думается, никакая «пражская весна» не всколыхнула бы его тёмную душу и, возможно, Олег Антонович сумел бы даже дослужиться до генеральских звёзд...

Так что мы всё-таки полагаем, что даже при ожидании и умелом отборе «инициативников» нельзя было забывать и про классическую вербовку.

К слову, в одной из книг Пита Эрли, американского журналиста, пишущего на тему спецслужб, стоит обратить внимание на такой момент:

«Командировка резидента КГБ Бориса Соломатина закончилась, и его преемник Юрий Иванович Дроздов очень хотел проявить себя. Он потребовал от своих офицеров вербовать больше американцев»^[156].

Не знаем, так это или не так — и не то что спросить не у кого, но вряд ли скажут. Тем более что хотя Эрли автор интересный и компетентный, но далее идёт столь «развесистая клюква», что даже неудобно за написавшего подобную фигню (beg your pardon!^[82]).

Представлена ситуация: разведчик просит «чистого» ооновца (на самом деле — работавшего на американцев, от него-то и стал известен этот сомнительный диалог) пригласить к себе в гости «какого-нибудь» (именно так!) своего американского коллегу. Рассказ идёт от имени не очень чистого ооновца:

«„Мы можем приготовить возле дома шашлыки, а затем склонить его на свою сторону“. Я сказал: „Что мы можем ему предложить за шпионаж?“ Он ответил: „Что ж, у нас нет денег, но, возможно, мы могли бы дать ему отличную русскую меховую шапку“»^[157].

Такую глупость даже и комментировать не будем! Очевидно, «источнику» Пита Эрли — тому самому беглому советскому дипломату — очень хотелось выставить «чекистов» дураками. (Кстати, подобная слабость обычно присуща тем, кто добровольно, «на любительской основе», так сказать, «постукивал» сотрудникам внешней контрразведки на

других обитателей «совколонии».)

Зато, возвращаясь к «классической вербовке», подтвердим, что в Нью-Йорке это действительно было делом очень трудным, потому как спецслужбы «главного противника» учитывали возможность подобных подходов к американским гражданам.

Вот что писал по этому поводу Юрий Иванович:

«В области внутренней контрразведки на 70-е годы они ставили задачу защиты американских стратегических объектов от агентуры советской разведки, направляли усилия на организацию и осуществление уверенного взаимодействия между резидентурой ЦРУ в Москве и штаб-квартирой в Лэнгли по выявлению агентуры КГБ из числа выезжающих в США советских граждан. При этом американские аналитики и разведчики ЦРУ отмечали, что основную угрозу для них представляют советские разведчики-нелегалы, обнаружение которых обычными методами и средствами расследования почти невозможно. Большую угрозу для себя они видели также в легальных и активных советских представителях в США, которых почти поголовно причисляли к категории сотрудников или агентов КГБ, поскольку те поддерживали активные контакты с американскими гражданами по разным вопросам. Таких американцев ни ЦРУ, ни ФБР не могли назвать агентами, они называли их „агентами влияния“. В американских спецслужбах совершенно справедливо считали, что новые советские „дипломаты“, эрудированные, компетентные, утончённые, владеющие в совершенстве иностранными языками, могут добиться успеха куда большего и быстрого, нежели горстка агентов, завербованных в военных объектах, где почти не осталось секретов»^[158].

Можно понять, что условия работы были весьма непростые. А к этому нельзя не прибавить ещё и личные, так сказать, моменты. Известный нам «корреспондент» рассказывал:

«Он, в принципе, был далёк от Америки — это было видно даже по его биографии... Соединённые Штаты он вообще считал фашистским государством — он ведь был фронтовик, а потому все враги для него были фашисты. Но при этом он очень гибко ко всему подходил, сумел быстро адаптироваться, так что никаких вопросов не возникало. И вообще с ним было очень комфортно работать — в том плане, что он всё верно оценивал, никогда не придирался к информации.

Я могу сказать так, что хотя США в его судьбе не столь героический момент, как многие другие страницы его жизни, но он достойно его провёл. Это тоже важно, потому что не все наши резиденты смогли так себя проявить в этой стране».

Нет смысла объяснять, что попадают такие начальники, которые заранее знают, какую информацию принесёт — должен принести! — сотрудник, и если что оказывается не так, как должно, по его мнению, быть, то значит, что и оперработник недобросовестный, и информация его недостоверная. Дроздов, как мы понимаем, к числу подобных руководителей не относился. И вообще он как начальник вызывал не только уважение, но и личные симпатии подчинённых, быстро сходился с людьми.

Вспоминает сотрудник нью-йоркской резидентуры того времени — Золотов, кажется? Фамилия где-то близко. Так вот он рассказывает:

«Никогда я Юрия Ивановича раньше не видел. Первое впечатление — очень хорошее. И эти очень хорошие отношения, которые у меня с ним сразу сложились, продолжались до последнего дня его жизни.

Помню нашу первую встречу. Приезжаю утром в Представительство — я прессой занимался — меня срочно замрезидента зовёт: „Ты почему сегодня не сделал то, что должен?“ Времени было девять утра, только начало рабочего дня, и я удивился, чего именно я должен был успеть сделать. „Ты должен был с утра ‘брифинговать’ нового резидента, он приехал!“ — уточняет зам. — „А мне кто что сказал, что ли?“

Тогда на меня и возложили эту обязанность: каждый день в 9 утра я заходил к Юрию Ивановичу и его „брифинговал“ — то есть в течение 20–30 минут представлял ему то, что происходит в мире, — о чём пишет пресса. Для этого мне нужно было приезжать в Представительство к 8 часам, а до того нужно было ещё дочку отвезти в садик, и жил я далековато от Представительства... Конечно, мне это было тяжело.

Недели три мы вот так по утрам поговорили, потом я ему сказал: „Юрий Иванович, мне кажется, что я вам уже совсем не нужен. Вы во всё теперь сами вникаете, во всём разбираетесь — зачем я вам?“ Он отвечает: „Давай-ка ещё немножко поработаем — неделю, дней десять... А вообще я не могу тебя понять! Все хотят ближе к начальству, а ты хочешь отвалить!“

В общем, отпустил он меня, перестал я этим заниматься. Буквально месяц всё это продлилось, а там он сам вошёл в курс».

Характерный момент, между прочим! Не каждому начальнику хочется возиться с прессой, выбирая, что ему нужно, а что нет, и рискуя пропустить нечто важное (а так — можно свалить просчёт на подчинённых). К тому же это «статус», который столь ценят многие! Не ты ищешь и разбираешься, а тебе докладывают.

Но Юрий Иванович «щёк не надувал», людей понимал и сам никакой работы не чурался.

Что также характерно, Дроздов никоим образом не противопоставлял

себя своему предшественнику. Мол, так было при Соломатине, забудьте, у нас теперь всё будет по-иному! Нет, наоборот.

Нам говорили:

«Юрий Иванович многое унаследовал от Бориса Александровича. Подходы к делу, жёсткость и цепкость — ничего не бросать, а сначала „повалить“ как следует, посмотреть... С ним работать было интересно!»

Были в этой работе трудности и проблемы, но и, разумеется, положительных моментов хватало. В частности, это встречи со знакомыми людьми, соучениками по 101-й школе, бывшими сослуживцами. Разведка — не армия, когда большинство из тех, с кем когда-то учился или служил, вряд ли уже повстречаешь, потому как страна большая и гарнизонов много. Хотя есть такая армейская мудрость: если за полчаса разговора два офицера не найдут ни одного общего знакомого, то, значит, один из них иностранный шпион.

Так вот, известный уже нам по Китаю Иван Юрьевич (видите, и у нас с вами за недолгое время общения на страницах этой книги появились общие знакомые!) рассказывает:

«В Америку я поехал в 1973 году — меня назначили резидентом по ПР, политической разведке. Потом уехал главный резидент Соломатин — и приехал Дроздов. Для меня это был сюрприз! Я же не интересовался подобными вещами — кто там приедет, у нас такие вопросы не приняты. Зато было приятно, что приехал он, знакомый человек, и мы хорошо встретились.

Ну а далее — работа. Участок у меня был большой, получалось по две-три встречи в день. Хотя работать было хорошо. Почему? Да потому, что русских тогда в Нью-Йорке было мало. Когда я выбирался за пределы определённого круга в городе — там вообще никого наших не было, можно было чувствовать себя свободней. Это сейчас — невозможное дело! Везде русских полным-полно и занимаются чёрт-те чем... Впрочем, и тогда порой всякое случалось.

Помню, у меня была операция — мы с женой её проводили. Сначала выходили вдвоём, и на самый последний момент выходила она. Принимала и передавала... И вот всё мы сделали, всё чистенько, „наружки“ нет, и вдруг в магазине слышим русскую речь! Звонкую такую! Моя супруга, у неё школа хорошая была, даже не дрогнула, ничем не показала, что русский язык знает. Абсолютно! А этот громкий звонкий голос без всякого стеснения говорит: „Нет, эти джинсы на мою j... не налезут!“ Тихо-тихо поворачиваемся, видим: известная наша спортсменка, олимпийская чемпионка! Выбирает джинсы...

Нам это стоило дополнительного часа проверки, потому как хотя мы и знали, что за нами ничего нет, а чего за ней может быть? Кто скажет? Заодно проверились. Так что я считаю, что она — моя подруга. Она, правда, этого не знает, преспокойно заседает себе в Думе — и хорошо, что она этого не знает. Когда я вижу её на экране, обязательно вспоминаю: „На мою j... не налезут!“».

Из сказанного стоит сделать вывод, что нигде и никогда не нужно считать себя единственным русскоговорящим. Ну, это так, к слову!

А вообще обстановка в Штатах в то время была сложная — и не только оперативная.

9 августа 1974 года в результате Уотергейтского скандала с позором ушёл в отставку президент США Ричард Никсон. Америка была потрясена.

30 апреля 1975 года полной победой социалистического Северного Вьетнама завершилась «вьетнамская авантюра» — война, в которой Соединённые Штаты участвовали с 1965 по 1973 год, потеряв порядка пятидесяти девяти тысяч жизней. Как стало теперь всем понятно — совершенно напрасно.

Зато в самом конце 1974 года из рядов ЦРУ был уволен Джеймс Энглтон^{83} — руководитель тамошней контрразведывательной службы, внешней контрразведки.

Совсем не в укор им будет сказано, но легендарные наши разведчики Юрий Иванович Дроздов, Исхак Абдулович Ахмеров^{84} и Василий Михайлович Зарубин^{85} (если угодно, сюда можно добавить и «Марка» — Рудольфа Ивановича Абеля), все вместе взятые, не нанесли американской разведке бóльшего ущерба, нежели сделал это Джеймс Джизес Энглтон!

Впрочем, во времена Зарубина и Ахмерова это была разведка союзника по Антигитлеровской коалиции, именовавшаяся УСС — Управление стратегических служб, но кое-что в её деятельности советских резидентов интересовало — точно так же, как работа советских спецслужб не могла не интересовать разведки союзников, что подтверждено документально. А вот Абелю-Фишеру и Дроздову приходилось работать уже по ЦРУ — Центральному разведывательному управлению, основанному, так сказать, на фундаменте УСС.

Но ведь и Энглтон, связавший свою жизнь с американской разведкой в годы Второй мировой войны, тоже работал по ЦРУ — и в этой деятельности достиг, как мы сказали, воистину фантастических результатов!

Печаль его, а в результате и всей американской разведывательной

«конторы», заключалась в том, что он дружил с Кимом Филби^[86], считал его авторитетом, относился к нему как к старшему товарищу и во всём безоговорочно доверял. Когда же стало известно, что Филби, который даже рассматривался как кандидат на должность руководителя МИ-6, — советский разведчик и что он уехал в СССР, это нанесло по психике главного контрразведчика ЦРУ окончательный, сокрушительный и непоправимый удар. Он не последовал примеру своего тезки, первого министра обороны США Джеймса Форрестала^[87], выпрыгнувшего в окно с тревожным криком «Русские идут!», однако превратился в мизантропа. Разочаровавшись в людях, он буквально в каждом подозревал советского шпиона. И в результате устроил в своём родном ЦРУ подлинный погром...

«Пожалуй, мало кто в Управлении мог бы сравниться с Энглтоном — человеком-легендой — в скандальной славе и жестокости. Костлявый и очкастый шеф контрразведки вбил себе в голову, что в Управление проник „крот“ КГБ, и в 60-е — начале 70-х годов возглавлял доводившую всех до исступления охоту на этого призрачного предателя... В 1974 году, после 20-летней службы в качестве лучшего в стране ловца шпионов, Энглтону наконец уволили. К тому времени он, естественно, был убеждён, что чуть ли не каждый русский, завербованный после 1960 года, является двойным агентом»^[159].

Свои убеждения есть у каждого, вот только многие предпочитают хранить их при себе. Но Энглтон собственных взглядов не скрывал. И вот благодаря его дурной убеждённости сбежавший на Запад во время пребывания в командировке в Женеве подполковник Юрий Носенко, сотрудник советской контрразведки и агент ЦРУ, — к слову, сын бывшего министра судостроения СССР, — целых четыре года провёл в американской тюрьме. Подобным образом пострадал не он один!

Судьбы предателей нас волнуют мало. Гораздо интереснее, что сокрушительный удар был нанесён не только по Центральному разведуправлению, но и по «союзным» с ним спецслужбам ряда европейских государств.

Понятно, что одному шизофренику работать трудно — нужны надёжные соратники того же уровня, той же несокрушимой убеждённости. Но на ловца, как говорится, и зверь бежит. В человеческих отношениях, вопреки закону физики, что притягиваются разнозаряженные частицы, чаще сходятся люди с одинаковыми «зарядами» — или убеждениями. Единомышленника Джеймс Энглтон отыскал в рядах советской разведки! Таковым стал беглый сотрудник хельсинкской резидентуры КГБ майор

Анатолий Голицын, перешедший на сторону американцев в декабре 1961 года.

Признаки того, что с головой у майора не всё в порядке, проявились на первых же его беседах с цэрэушниками.

«Перебежчик потребовал немедленной встречи с президентом Кеннеди и 15 миллионов долларов на создание фонда своего имени с целью свержения советского режима. В заключении психиатра ЦРУ было сказано, что Голицын — параноик и страдает манией величия»^[160].

Тут бы, казалось, и поставить точку: должным образом «выпотрошить» Голицына, а затем обеспечить ему сносную жизнь в Штатах или где-то ещё по его выбору. По принципу, так сказать, «его пример — другим наука». Чем же иначе привлекать подобных беглецов, обладающих интересной для ЦРУ информацией? А так как Энглтон не только занимал весьма ответственную должность, но являлся ещё и другом директора Аллена Даллеса^[88], то характеристика психиатра была проигнорирована, зато все заявления новоявленного «эксперта» по советской разведке стали приниматься за чистую монету.

«Голицын утверждал, что советские шпионы и агенты не только занимают множество важных постов на Западе (к таковым, к примеру, им был причислен ни больше ни меньше как британский премьер-министр сэр Гарольд Вильсон^[89]. — А. Б.), но и внедрились в спецслужбы большинства стран. КГБ якобы проник в самое сердце французской секретной службы, СИС^[90] и ЦРУ»^[161].

И тут не только в Лэнгли (там — особенно!), но и среди американских союзников-сателлитов такое началось! Впрочем, сейчас мы конкретно говорим о ЦРУ:

«Под подозрение были взяты десятки оперативных сотрудников, работавших по Советскому Союзу...

Людей отстраняли от работы, переводили на менее секретные участки, брали „под колпак“, то и дело допрашивали, делали очные ставки. Работа аппарата, направленного своим остриём против Советского Союза, стала пробуксовывать, потому что опытные кадры были ошельмованы, уволены или отстранены от работы.

„Охота на ведьм“ продолжала набирать обороты, но кроме сломанных судеб и обиженных людей Энглтону в широко заброшенную сеть ни один агент Москвы не попадался. Это не смущало инициатора охоты, она продолжалась с ещё бóльшим рвением и упорством»^[162].

В том, чтобы охотиться самостоятельно, чувствуя себя каким-нибудь

«одиноким рейнджером», есть свой немалый кайф — но суть дела в том, что одиночкой Энглтон и не был. Сначала его горячо поддерживал Аллен Даллес, потом — Ричард Хелмс^[91], ставший директором ЦРУ после двух не разведчиков.

«Мощная поддержка Хелмса обеспечила Энглтону практически полную свободу действий. Хелмс высоко ценил компетентность и увлечённость Энглтона. К тому же оба они принадлежали к довольно узкому кругу ветеранов Управления стратегических служб — своего рода масонской ложи внутри ЦРУ. Это исключительно важное „спонсорство“ давало Энглтону привилегию прямого выхода на директора»^[163].

Ну и вот — конкретные результаты:

«Деятельность Энглтона разрушила в Управлении многие карьеры и почти полностью парализовала вербовочную работу ЦРУ, поскольку его параноидальный страх двойников делал вербовочные операции — которые и в обычных условиях были рискованным занятием — практически невозможными. Фактически ЦРУ прекратило охоту за потенциальными советскими агентами и отказывалось от услуг многих добровольцев даже тогда, когда у американцев почти не было сомнений в их искренности... Предпринимавшиеся в Управлении попытки противодействия Энглтону жёстко подавлялись»^[164].

Прекратить вербовку и отказаться от «инициативников» — полный финиш! Чем же они там занимались? Только шпионили друг за другом? Как говорится, «маразм крепчал»...

Всё, разумеется, завершилось финальным абсурдом, когда в результате своих титанических трудов главный «spycatcher»^[92] превратился в главного подозреваемого, подобно тому как иногда врач-психиатр может оказаться пациентом в своей «палате номер шесть».

«Выловить агентов КГБ в недрах собственной службы Энглтону так и не удалось. Что ему удалось блестяще — так это почти на десять лет парализовать деятельность советского отдела. Вершины же вся эта паранойя достигла тогда, когда один из его подчинённых — Клар Петти — установил слежку за собственным шефом, решив, что Голицын — подстава КГБ, а сам Энглтон — внутренний агент Москвы, поскольку за всю историю существования ЦРУ никто не причинил ему столько вреда, сколько эта парочка. Известная логика в этом, надо признаться, была»^[165].

Дроздов приехал в Нью-Йорк вскоре после того, как Энглтон был отправлен на пенсию, а ЦРУ постепенно приходило в себя и зализывало раны.

...Нередко приходится слышать о противоборстве, противостоянии или даже дуэли разведок. Но, как нам представляется, подобное может происходить лишь где-то на территории, что называется, «третьей страны» — предположим, какой-нибудь Алвазии, где сотрудники резидентур КГБ и ЦРУ, опережая друг друга, стремятся выяснить, кто на этот раз придёт к власти в результате очередного военного переворота, и, соответственно, заманить будущего президента (или диктатора) в свои сети. Вот там действительно — состязание.

Ну а на территории собственной страны разведка не то чтобы совсем не работает по своим «коллегам» из других стран — проникнуть в спецслужбы противника пытается такое её подразделение, как внешняя контрразведка, а также разведывательным усилиям иностранных государств активно противостоят либо территориальные органы, либо военная контрразведка. В США контрразведывательные функции выполняет Федеральное бюро расследований (ФБР), но к этой теме мы обратимся несколько позже...

А пока — очень мало освещённый вопрос о том, чем именно Юрий Иванович занимался в Соединённых Штатах Америки как резидент внешней разведки.

Рассказывает Иван Юрьевич, старый боевой товарищ Дроздова:

«Агентура там у него была высокого уровня, встречался он с большими чинами. Что называется — официальные связи, высокопоставленные люди. Работал Юрий Иванович в основном с легальных позиций, потому как уж очень у него была серьёзная должность, надо было опасаться и беречься. Это мы там шастали по помойкам — нам что, мы люди маленькие! Руку засунул — не оттяпали руку, ну и слава богу! А его надо было беречь как начальника, резидента... Но всё равно он и там работал — он везде работал, всегда, и это у него был большой плюс. Никогда не вальяжничал и отпуска себе не давал.

Отмечу, кстати, что у него было хорошее качество с точки зрения обычных людей — он не пил. Точнее, не напивался, не перепивал. Выпивал — да, но пьяным никогда и нигде не был. А это очень важно, когда кого-то воспитывать надо „за это дело“, — ведь всякое бывало! И тут никто не мог подумать: мол, ладно, командир, говори-говори — тебе положено, а сам-то ты тоже... Никто!

В Нью-Йорке он уже машину не водил: по его статусу машина у него была с шофёром, большая, длинная, представительского класса — по вызову, стояла в гараже. А у нас, где приткнёшь, там и стоит, ладно...

Жил Юрий Иванович в нашей миссии, у него была большая квартира.

Но Людмила Александровна скучала, потому что просто выйти на улицу было нельзя. Только на машине: спуститься в гаражи, выехать. Это потому, что снаружи, чаще всего, стояли еврейские товарищи и были всякие безобразия. В то время „граждане еврейской национальности“ из СССР массово уезжали в Израиль и США, не всех сразу отпускали, что вызывало протесты как у нас, так и за рубежом.

Район, где жили Дроздовы, был хороший, в центре. Напротив их дома были синагога, 19-й полицейский участок и фешенебельный публичный дом, куда никто с улицы просто так не приходил, только по заказам, по звонкам. Вокруг были магазины».

Что Дроздов «отпуска себе не давал», сказано очень точно. Обращаем внимание и на то, что, по словам коллеги, он «в основном работал с легальных позиций». Однако есть у нас подтверждения и того, что резидент не гнушался «низовой» оперативной работы, сопряжённой с определённым риском.

Один из его заместителей рассказывал:

«У меня была операция, которую мы проводили вместе с моей женой, а Юрий Иванович со своей женой нас обеспечивали. Дело было в том, что предыдущий резидент уже уехал, Дроздов приехал, и ему нужно было, по положению, этим заняться. Сделал один раз — всё прошло нормально. Потом дальше я уже искал других людей, чтобы нас подстраховывали и обеспечивали...

Такая работа у резидента бывает не часто, но бывает».

Мы понимали, что наш собеседник и без того рассказал немало, а потому вопросы не задавали.

И ещё... Конечно, помощь, которую оказывает разведчику его жена, тема не только интереснейшая, но и совершенно неописанная, однако мы, по понятным причинам, фактически обойдём её молчанием. Точнее, ограничимся цитатой из книги Дроздова, хотя событие, в ней описанное, относится к несколько иному времени. Но ясно, что кроме конкретного момента ничего не изменилось:

«Все эти 35 лет, отданных разведке, жена была рядом со мной. Она умеет молчать, напряжённо ждать и ждать, ограничивая себя из-за моей работы во многом. По звуку мотора моего „фольксвагена“ она узнавала, всё ли у меня сошло гладко. В 1966 г., вернувшись домой после тайниковой операции, на которую я сам не мог выйти из-за плотной слежки, она бросила мне на колени контейнер с плёнками и сказала: „Возьми. Теперь я знаю, почему вы кончаете инфарктами“. Почти всем в своей жизни я обязан ей, её умению быть рядом с человеком тревожной судьбы»^[166].

А вот — несколько слов одного из сотрудников о стиле работы Юрия Ивановича как руководителя:

«Приходишь к резиденту — докладываешь ему... Все руководители, понятно, разные люди — и у каждого свой подход, свои привычки. Один резидент требовал короткого доклада, с другим можно было полтора часа беседовать. Дроздов был где-то посередине. Сказать, что у нас были долгие беседы, не могу... Приходишь, рассказываешь, он что-то уточнит, подумает: „Ну давай!“ Он легко ухватывал существо дела и не боялся принимать решения, тем самым принимая на себя ответственность.

Задания он давал всё время — с ним было интересно работать».

Отметим и такой важный момент: Юрий Иванович думал и заботился о людях. Не только о своих непосредственных подчинённых, как это положено начальнику (при том что многие начальники «думают вслух» — и не более), но и просто о тех, с кем каким-то образом сводила его судьба.

Вот, например, Сергей Иванович (кто он такой, мы объясним в следующей главе) рассказывал, что в то время в Массачусетском университете обучались наши стажёры — компьютерщики, специалисты по жидким кристаллам. Что интересно, отметил наш собеседник, они говорили, что учиться у американцев им нечему — скорее те у них учатся. Советские стажёры жили обособленно, контактов с соотечественниками у них практически не было.

«Юрий Иванович несколько раз просил меня съездить, навестить ребят — конечно, я ездил. Причём не просто с ними пообщаться, узнать о настроении. У меня были хорошие контакты с дипкурьерами — обычно это были бывшие спортсмены-динамовцы, и они, зная потребности советских граждан за границей, нередко привозили нам такие „деликатесы“, как чёрный хлеб и селёдку. Дроздов каждый раз просил, чтобы я брал с собой эти продукты, а также не забыл зайти в наш „шинок“, и если там будет...

Ребята были очень благодарны!»

Вот это и есть реальное отношение к людям.

Передали нам и вот такой отзыв одного из сотрудников резидентуры (кто говорил — не знаем, но передал человек надёжный, так что верим):

«Не чувствуешь, что это твой начальник. Он не подчёркивал, не показывал это, а потому с ним было легко общаться. Легко было работу проводить — ту, что нужно».

Между прочим, вскоре после приезда в Нью-Йорк, 19 сентября 1975 года, Юрий Иванович праздновал свой полувековой юбилей. Как это событие происходило, мы ни у кого не спрашивали, оно было его сугубо личным делом, а мы в личные дела предпочитаем не лезть. Зато в этот день

произошло событие, оставшееся в неофициальной истории внешней разведки: на стол резидента была положена телетайпная лента агентства Ассошиэтед Пресс^{93} с информацией из Пекина:

«Как стало известно в миссии связи США в Пекине, делегат народного Китая в Организации Объединённых Наций Хуан Хуа уполномочен вручить недавно прибывшему в Нью-Йорк заместителю Представителя СССР в ООН Юрию И. Дроздову личное письмо Мао Цзэдуна, Цзян Цин и Чжоу Эньлая. В своём письме китайские руководители, поздравляя Юрия И. Дроздова с пятидесятилетием, отмечают его личный неоценимый вклад в развитие отношений между двумя сверхдержавами (особенно в период культурной революции). В письме содержится приглашение Юрию И. Дроздову посетить Китай в любое удобное для него время».

Такое поздравление привело Юрия Ивановича в восторг. В одном из своих последующих интервью (разумеется, много лет спустя) он расценил его как «талантливый розыгрыш», а тогда, в далёком 1975-м, понял, что резидентура его признала и сочла своим человеком.

Глава 11. В разведке мелочей нет

Нам представляется, что главное отличие разведки от всех прочих видов человеческой деятельности заключается в том, что она тщательно скрывает свои достижения и успехи.

Как хорошо было бы конкретно написать, что за время пребывания тов. Ю. И. Дроздова на должности главного резидента в Нью-Йорке (1975–1979) сотрудниками резидентуры проведено... Лично резидентом осуществлено... — и далее дать подробный отчёт о проделанной работе! Но мы останавливаем поток фантазии, потому как попробуй догадайся, что они там делали и сделали.

Зато писать о неудачах и проколах — всегда пожалуйста, о них всё известно. Оно и понятно, потому как подавляющее большинство подобных отрицательных моментов самым тесным образом связано с противником, известно ему вдоль и поперёк. И тут шила в мешке никак не утаишь.

Хотя и здесь загадок — хоть отбавляй! (Порой такие встречаются загадки, что действительно хочется «отбавить».) Вот, например, что нам рассказывал Иван Юрьевич, вспоминая свою работу в нью-йоркской резидентуре:

«В это время у нас был „Федора“ — очень мрачный, но приятный мужик. Сидел в углу, как крот, и делал свои дела. Обедать ходил в закусочную, расположенную в здании районного отдела ФБР. „Там, — говорил, — хорошо кормят!“ Ну-ну! Ничего сделать не могли!»

Под оперативным псевдонимом «Федора» в ФБР значился его агент — Герой Советского Союза полковник Алексей Исидорович Кулак^[94], доктор химических наук, работавший по линии научно-технической разведки «под крышей» аппарата советника по науке и технике Постоянного представительства СССР при ООН.

Взяв 1-й том краткого биографического словаря «Герои Советского Союза», мы можем узнать, что Алексей Исидорович родился в 1922 году в Москве, в рабочей семье. В августе 1941 года был призван в ряды РККА, а в 1942-м окончил ускоренный курс Одесского артиллерийского училища.

«В боях Великой Отечественной войны с мая 1942 года. Командир артиллерийского дивизиона 262-го лёгкого артиллерийского полка (20-я лёгкая артиллерийская бригада, 2-я артиллерийская дивизия, 6-й артиллерийский корпус, 5-я ударная армия, 1-й Белорусский фронт) старший лейтенант Кулак в Берлинской операции 20–21.04.1945 г.

обеспечил огнём форсирование реки Мюленфлис стрелковыми подразделениями и их боевые действия в Берлине. Был ранен, но поле боя не покинул. Звание Героя Советского Союза присвоено 15.05.46. С 1947 г. в запасе. Живёт в Москве. В 1953 г. окончил Химико-технологический институт»^[167].

Боевая биография у Алексея Кулака была впечатляющая: с 1942 года воевал на Волховском и Ленинградском фронтах, получил медаль «За оборону Ленинграда». В обороне, считается, особых подвигов быть не может, потому и награда всего одна. Зато когда перешли в наступление...

20 февраля 1944 года лейтенант Кулак, командовавший батареей, был награждён орденом Красной Звезды. 7 сентября того же года он в первый раз был представлен к званию Героя: при отражении контратаки гитлеровцев — 15 августа, где-то на прибалтийской земле, — от его батареи осталось одно орудие, но он с несколькими уцелевшими бойцами продолжал вести бой, подбив три самоходки «Фердинанд» и уничтожив 75 немцев. Наградой комбату стал орден Красного Знамени. 13 апреля 1945 года Алексей, уже старший лейтенант и командир дивизиона, был награждён орденом Александра Невского — за отличие в январских боях.

А вот что написано в представлении к званию Героя Советского Союза:

«21 апреля на подступах к г. БЕРЛИН в районе ХЕНОВ противник перешел в контратаку при поддержке танков „Тигр“ и потеснил наши передовые подразделения. Тов. КУЛАК, находясь в боевых порядках пехоты, организовал группу своих разведчиков и из трофейного оружия „Фауст“ поджёг два танка „Тигр“, что задержало натиск врага до подхода наших частей.

В этом бою тов. КУЛАК был ранен, но с поля боя не ушёл. Его дивизион, поддерживая танковую десантную группу, первым ворвался в предместье БЕРЛИНА и завязал уличные бои.

Тов. КУЛАК в боях за свободу и независимость нашей Родины шесть раз ранен (два тяжёлых ранения, четыре лёгких. — А. Б.). Лично на своём счету имеет уничтоженных из автомата двадцать два немецких солдата».

К чему мы всё это рассказываем? Исключительно по той причине, что Юрий Иванович не мог не общаться с Алексеем Исидоровичем лично, и даже довольно близко. Понятно, что в той или иной степени — с кем больше, с кем меньше — он имел контакт с каждым из сотрудников резидентуры. Но, во-первых, Герой Советского Союза — это особая статья, а во-вторых, в годы войны оба они были офицерами-артиллеристами. Причём если Дроздов захватил финальные аккорды, то Кулак прошёл почти

всю войну, стал командиром дивизиона, имел четыре ордена (к трём ранее названным добавился положенный Герою орден Ленина), да и в мирное время был удостоен ещё одной Красной Звезды. И в-третьих, оба они брали Берлин, сражаясь в рядах ударных армий. Почти что однополчане!

Если обращаться к военным годам (пусть уже и 30 лет назад это было), Дроздов для Кулака был «салага мамлей» и не мог этого не сознавать. Сейчас он генерал, начальник, но ведь и его сотрудник не лыком шит — учёный, доктор наук. Значит, всё это учитывая, Юрий Иванович определённо должен был поддерживать с ним и некоторые неформальные отношения. Делать вид, что это всего лишь один из твоих подчинённых, было нельзя: не поняли бы в коллективе, даже могли осуждать. Мол, ревнует командир к прошлому...

И вообще к Алексею Исидоровичу отношение было особое — не только в нью-йоркской резидентуре, но и в московском Центре: Герой, чуть ли не единственный тогда из действующих сотрудников разведки.

А вот далее неясно абсолютно всё! Ладно если бы только нам, сторонним наблюдателям, так ведь даже и генерал Соломатин рассуждал так:

«Эта история и по сию пору — одна из самых таинственных и интригующих в летописи спецслужб. Вопросов в ней гораздо больше, чем ответов, и, возможно, всей правды нам не узнать никогда»^[168].

То, что известно об «этой истории», никак не стыкуется со всей предыдущей жизнью Алексея Исидоровича: весной 1962 года он явился в представительство ФБР в восточной части Манхэттена, потребовал встречи с начальством и откровенно объяснил, кто он такой.

«Своё решение он мотивировал тем, что в СССР не ценят его способности и не продвигают по службе в КГБ. В ФБР новый агент получил псевдоним „Федора“, а в ЦРУ — „Скотч“. За годы сотрудничества с ФБР он раскрыл сведения о сотрудниках КГБ в Нью-Йорке, сообщал о ежегодных заданиях резидентурам по сбору информации в области науки и техники, а также перечни вопросов, которые интересовали руководство разведки. Он помог установить объекты интереса КГБ в военной области, прежде всего в сфере производства вооружений. Учитывая ограниченные возможности ФБР для проникновения в советскую колонию в Нью-Йорке, Кулак являлся весьма полезным источником информации»^[169].

Но как же его «не ценили и не продвигали»? Работал в Нью-Йорке совсем не младшим опером, и по своему статусу, разумеется, «по помойкам не шарился». Версия «неудовлетворённости» явно отпадает.

Не представляется состоятельным и вариант, предложенный американским писателем Томом Мэнголдом:

«Оказавшись в состоянии личного кризиса, нередко переживаемого мужчинами в среднем возрасте, он пришёл в местное управление ФБР и предложил свои услуги в качестве перебежчика на месте, то есть выразил готовность сотрудничать с американской контрразведкой, оставаясь на своём посту в КГБ»^[170].

Чтобы русский мужик, да ещё фронтовик, заморачивался каким-то «кризисом среднего возраста»! Это у американцев, у которых психоаналитик является чуть ли не членом семьи, сплошные кризисы — почему автор и делает подобные выводы, не понимая, что у наших граждан всё было несколько проще. Недаром утверждал пролетарский поэт, что «у советских собственная гордость». И психология в общем-то тоже своя.

Вот и генерал Соломатин недоумевал:

«Алексей Кулак — фронтовик, герой, перспективный учёный, блестящий офицер, скромняга в быту и не проявлявший особых амбиций на службе — не вписывался ни в одну из привычных категорий (изменников. — А. Б.). Денег на шпионаже он, похоже, не заработал. В Америке оставаться не захотел. Советскую власть уважал.

Тогда — что? Загадка»^[171].

Пусть не смутит кого-то утверждение о непроявлении «особых амбиций». В последнее время у нас часто можно слышать о разного рода «амбициозных проектах», между тем как «амбициозность» всегда имела в русском языке негативное, отрицательное значение. «Амбиция — обострённое самолюбие, а также спесивость, чванство», — объясняет классический Словарь русского языка Сергея Ивановича Ожегова.

И вот, кстати, свидетельство ещё одного из тогдашних коллег Алексея Исидоровича:

«В отличие от других членов советской колонии Кулак не интересовался приобретением вещей, пользовавшихся в тот период особым спросом: транзисторных радиоприёмников, магнитофонов, другой бытовой техники»^[172].

Вопросы и сомнения возникали и у американских «коллег»:

«Нельзя исключать, что как Кулак, так и здание конторы ФБР могли находиться под наблюдением советской разведки. Юджин Питерсон, который 15 лет проработал в контрразведке ФБР и возглавил советский отдел, согласился с мыслью, что если „Федора“ был искренен, то он испытывал судьбу, избрав такой путь установления первичного контакта.

По мнению Ю. Питерсона, „это было рискованно, причём возникло много вопросов“»^[173].

Откроем тайну: подавляющее большинство профессионалов мыслит одинаково, хотя и будучи противниками друг друга. У каждой профессии свои законы, так что даже «марксистский подход» (в советские времена он у нас был к любому вопросу, а потому и был достаточно формальный) не мог изменить их коренным образом.

Неудивительно, что те же вопросы возникли у Бориса Александровича:

«Сам факт его прихода в штаб-квартиру американской контрразведки тоже из разряда уникальных. Только одним этим Кулак сбил с толку лучших аналитиков ФБР, надолго посеял смятение в их умах. Вы можете себе представить, чтобы оперативник ЦРУ вот так запросто явился на Лубянку и сказал: „Привет, ребята, хочу быть вашим агентом“? Нет, это было не по правилам, разрушало все прежние стереотипы. Понятно, что американцы поначалу сильно задумались: кто он — настоящий предатель или подстава КГБ? Споры по этому поводу продолжались много лет»^[174].

Разумеется, Джеймс Энглтон сразу заподозрил в «Скотче» подставу, но так как с «Федорой» (помните, что каждое ведомство дало агенту собственный псевдоним?) в основном работало ФБР, то возобладала точка зрения его многолетнего шефа Эдгара Гувера^[95], который безоговорочно доверял этому агенту. Хотя есть мнение, что доверие это было обусловлено, в частности, и тем, что до шефа доходила не вся получаемая информация, а только тщательно проверенная и подтверждённая.

А ведь Юджин Питерсон говорил так:

«„Федора“ предоставил недостаточное количество контрразведывательной информации. Он не установил факты проникновения КГБ в объекты своего интереса. Главным образом информация „Федоры“ касалась того, кто есть кто в резидентуре КГБ в Нью-Йорке»^[175].

Контрразведчик Питерсон работал, что называется, «на земле» — поэтому и судил реалистично, по-земному.

Считается — точнее, об этом говорится, но не часто, не везде и далеко не всеми (в воспоминаниях Дроздова эта фамилия вообще не упоминается, а Соломатин ни в чём не был уверен), — что Кулак работал на американцев. Но также есть версия, что он не был предателем, а выполнял роль «подставы» КГБ.

Вот посмотрите:

«Чтобы в резидентуре КГБ Нью-Йорке и в Москве укрепилось мнение о Кулаке как об инициативном, перспективном работнике, ФБР поставляло ему соответствующую информацию. Это были подлинные материалы, либо имеющие низкий гриф секретности и были предварительно обработаны в ЦРУ (плохой перевод. — А. Б.), либо научно-технические разработки в области передовых технологий, на внедрение которых в СССР потребовалось бы более двадцати лет»^[176].

А теперь поменяйте в том же абзаце ЦРУ и ФБР на КГБ — и наоборот.

По мнению контрразведчика Юджина Питерсона, его информация «главным образом касалась того, кто есть кто в резидентуре» — а это, поверьте, не самый большой секрет! Как правило, «легальные» разведчики «засвечиваются», то есть становятся известными противнику, достаточно быстро, после чего именуется «установленными разведчиками». Разумеется, никто из страны их не выгоняет, однако внимание к ним местных спецслужб повышается.

Не была ли и информация, передаваемая в ФБР, подготовлена на Лубянке? Вполне возможно, что посредством «двойного агента» спецслужбы вели друг с другом игру, ни подробностей, ни результатов, ни итогов которой мы не знаем. И ведь какая-то игра была!

Недаром же Алексей Кулак, возвратившийся в Москву в начале 1968 года, уже в 1971-м вновь был направлен в «Волчий город на Гудзоне». И это несмотря на явные «странности» в его поведении: обедал, как нам сказали, в «райотделе» ФБР, после обеда заходил в бар, мог «глотнуть пивка» в рабочее время прямо на рабочем месте... Перечислять можно дольше, но и этого достаточно. В Центре, что, этого не знали? А внешняя контрразведка зачем в конце-то концов?!

Думается, любого другого сотрудника с таким «поведением» изгнали бы из «конторы» или из уважения к былым заслугам оставили бы «невыездным» — кстати, в том числе и в целях личной его безопасности. Но Алексей Исидорович возвращается в Штаты, где всё идёт тем же «накатанным путём». С контактами, с выпивкой...

Генерал Соломатин несколько неуверенно объясняет, что в резидентуре все «были явно заморожены геройским званием Кулака».

Но сам-то Алексей Исидорович?! Он ведь прекрасно понимал, что Золотая Звезда — не панацея от всех бед, не гарантирует пожизненной «индульгенции»! После XX съезда КПСС уже не было тайной, что в октябре 1941-го были расстреляны дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Яков Смушкевич^[96] и ещё несколько Героев —

как «враги народа». Сложнее было получить информацию о Героях, лишённых Золотых Звёзд за различные преступления в послевоенное время — но сотрудники КГБ знали многое...

И тут возникает мысль, что Кулак таким образом играл роль «классического шпиона»: не то «агента 007», для которого «двойной виски» был неотъемлемой составляющей образа, не то спивающегося «аморального типа», «ставшего на путь предательства». Эта роль должна была вызывать доверие «той стороны».

Когда у Алексея Исидоровича заканчивалась вторая командировка, что было уже при Дроздове, американцы предложили ему остаться в Штатах. Это был бы сокрушительный моральный удар по СССР: на сторону противника перешёл не просто полковник разведки, но Герой Советского Союза, проливавший кровь на полях Великой Отечественной войны, а теперь разочаровавшийся в социалистической системе!

Но ведь нет! «Федора», он же «Скотч», преспокойно возвратился в Москву.

Здесь мы ставим точку во всей этой истории о человеке, с которым общался Дроздов. Что и как было на самом деле, мы не знаем, а играть в догадки каждый может самостоятельно. Но если правда до сих пор не открыта, значит, это кому-нибудь нужно. Разведка открывает свои тайны только тогда, когда в том есть реальная необходимость. Поэтому мы ни у кого ничего выяснять не собираемся, пусть наши заокеанские партнёры и дальше ломают себе голову над вопросом, кем был на самом деле Герой Советского Союза полковник Алексей Кулак и какой из спецслужб он действительно приносил пользу, а какой — вред.

Закрывая тему, приведём рассуждения Виктора Ивановича Черкашина: «Использование агентов-двойников часто предоставляет исключительную возможность заглянуть на „кухню“ противника, чтобы узнать рецепты его методов по сбору разведывательной информации и механизм принятия решений...

Советская разведка достаточно широко использовала в своей работе агентов-двойников, то же самое делали и американцы. Вообще-то такая практика нередко приводила ко всякого рода осложнениям, поскольку в результате „чистая“ структура разведорганов „засорялась“ агентами-двойниками и даже тройниками. Но это было в определённом смысле неизбежно, ибо вербовка и работа с агентурой является сутью и основной целью разведчика-профессионала. Заставить противника верить, что агент, с которым он работает, — „bonafide“ (настоящий), а дезинформация, которую он от этого агента получает, соответствует действительности,

приносит настоящее удовлетворение»^[177].

Кстати, о спецслужбах противника. Юрий Иванович писал:

«Мне пришлось в напряжённой оперативно-агентурной обстановке Нью-Йорка провести четыре года. Коллектив разведчиков в основной своей массе работал с риском, смело, изобретательно и результативно. Нужно прямо признать, что противостоявшие нам подразделения ЦРУ и ФБР были серьёзным и заслуживающим уважения противником. Чтобы понять их действия, мы провели ряд мероприятий, которые вынудили их раскрыть свои методы и сделали нас зрячими.

У войны разведок свои законы. Один, и наиболее важный из них, — искусство обнаружить скрытое агентурное наблюдение контрразведки за твоими действиями, переключить её внимание на ложное направление, обеспечить наиболее безопасные условия для собственной разведывательной работы»^[178].

Уточним для общей информации, что американская контрразведка — это входящий в состав Федерального бюро расследований National Security Branch^[97], до 1994 года именовавшийся Управлением контрразведки. Его задачей является противодействие иностранным спецслужбам и обеспечение внутренней безопасности самого ФБР (FBI).

В состав этого отдела (по-английски — «Branch») входят четыре основных отдела (отдел этого уровня именуется «Division»). «Три из них организуют и координируют в масштабах США мероприятия по „разработке“ зарубежных учреждений и их персонала с целью выявления разведчиков и лиц из числа американцев и граждан других стран, подозреваемых в связях с зарубежными спецслужбами.

Четвёртый отдел поддерживает контакты по вопросам контрразведки с полицией, ЦРУ и другими американскими правительственными ведомствами, а также с полицией и спецслужбами других стран»^[179].

Кажется, всё ясно? Есть разведчики, которые что-то выясняют; есть контрразведчики, которые пытаются этих разведчиков обнаружить и взять с поличным. Или просто «под колпак» и вести за ними наблюдение.

Вот только жизнь гораздо сложнее схем. Мы же помним о спортсменке, что не могла влезть в джинсы, зато могла привлечь внимание к сотруднику советского постпредства, оказавшегося вдали от «караванных троп», по которым следует ходить дипломатам. А ведь и сами наши, так сказать, дипломаты в штатском могли привлечь к себе внимание и, соответственно, вызвать подозрение местных жителей неумением себя вести в местном обществе или незнанием туземных обычаев.

Вот что рассказывал Иван Юрьевич, вспоминая годы своей работы в Нью-Йорке:

«Я передавал одну интереснейшую связь своему сменщику. Мы ехали в метро. Проверились — всё чистенько, аккуратно. (Это относительно наружного наблюдения. — А. Б.) И вдруг он вскакивает, он сидел, вскакивает, потому что на станции в вагон вошла беременная женщина — американка, и он хотел уступить ей место. Она ничего не поняла. Я говорю: „Давай, выходим немедленно!“ — „Так мы же ещё не доехали!“ — „Выходим! Немедленно!“

Вышли. Я его матом буквально: „Ты что делаешь?! Ты видел, чтобы кто-нибудь из окружающих американцев уступил место? Это невозможно! Потому что он его занял, это его место! Будь ты хоть трижды беременная — никто тебе места не уступит! И она будет стоять со своим пузом!“

Это у нас уступят, а там — нет!

Я жену учил — она не могла спуститься на лифте в доме, а дом был хороший, держали его братья Джиффуни, мафиози. Там было чисто, надёжно, всё в порядке. Но она не могла войти в лифт: открывается дверь, на пороге стоит американец, который живёт наверху. Рот до ушей, улыбается: „Hi!“, она говорит: „Hi!“ — и он поехал дальше. Я говорю: „Мать, ты что делаешь? Почему стоишь?“ — „Он же не отходит, чтобы мне войти в лифт!“ — „А потому, что он занял своё место“. — „И что делать?“ — „Ты его коснись пальчиком, чуть-чуть, за плечо — вот так, и он подвинется. Только так, сильно не надо — это будет нападение. А так, легко...“

Она стала делать — и её зауважали: значит, она имеет право.

Такие мелочи были на каждом шагу. Это всё надо было знать...»

Разного рода «мелочей», заставлявших воспринимать жизнь нестандартным образом, действительно было много.

Вот, та же контрразведка, и самая «близкая» к разведчикам её часть — служба наружного наблюдения, «наружка». Если верить разного рода «боевикам» и сериалам, которые в общем-то и создают в массах превратное представление о работе спецслужб, то это для разведчика главные и непримиримые враги. Действительно, какой «зверь» любит «гончую», неутомимо, без сна и отдыха, идущую по его следу? И ведь этих самых «топтунов» представляют именно такими, что без сна и отдыха, а из всех человеческих чувств им якобы свойствен один лишь азарт погони.

Но вот знакомый нам сотрудник резидентуры Золотов рассказывал, как в Нью-Йорке он, уже ожидавший замены, возвращался со встречи Нового, 1977 года, и у него в снегу застряла машина. Что делать? Неподальёку

стояла машина — «наружка» за ним, «установленным разведчиком», работала постоянно, и он напрямик направился к американцам.

«Я к ним подхожу: „Мужики (ну, наверное, ‘джентльмены’ или ‘сэры’ — А. Б.), с Новым годом!“ Туда-сюда, переговорили немножко... „Вытолкнете?“ — спрашиваю. Они говорят: „Конечно, Геннадий!“ Вытолкнули, всё нормально. Я говорю: „Знаете, что? У меня есть предложение. Заходите ко мне — я вас приглашаю по рюмке выпить в связи с Новым годом! Вы знаете, где я живу?“ — „Двадцать четвёртый этаж! Сейчас спросим...“ — „Ну, спрашивайте — и заходите“. Я жил не там, где все, а в американском доме».

Фэбээровцы связались по рации с кем надо и получили «добро».

Через полчаса четверо «наружников» и разведчик сидели за накрытым столом и пили русскую водку за наступивший Новый год. Сидели не молча, аккуратно вели профессиональные разговоры, легко «прощупывая» друг друга. «А где у вас девушка?» — спрашивал Золотов, прекрасно знавший (по крайней мере внешне), кто за ним «ходит». «Она сегодня выходная!» — отвечал старший.

(«Я, кстати, её никогда не обижал — когда она была, я не отваливал!» — с улыбкой уточнил уже в разговоре с нами наш собеседник.)

Но и тогда, в новогоднюю ночь, улыбок за столом было предостаточно. «Я не знал, что у вас евреи работают!» — вдруг заявил Золотов, присмотревшись к одному из парней. «А кто?» — удивился старший. «Да вот он». — «Я не еврей!» — завопил фэбээровец. И всем было смешно...

Так они посидели, по-приятельски поговорили, а когда пришло время прощаться, бригадир предложил: «Повстречаемся?» — «Повстречаемся!» Обменялись координатами.

Удивляться не стоит. Понятно, что в Великую Отечественную войну ребята из войсковой разведки или зафронтовые разведчики Смерша ни при каком раскладе не оказались бы за дружеским столом с сотрудниками абвера. А тут не война, даже наоборот — период «разрядки напряжённости», «детанта»^[98], говоря по-иностранному. Помнится, было такое модное словечко в политическом лексиконе, почему-то французское, хотя речь шла об отношениях между СССР и Штатами. Служба есть служба, человеческих взаимоотношений она не затрагивает.

Это если кто-то намеренно пытался досадить другому, выказывая над ним своё мнимое превосходство, тогда можно было нарваться на неприятности: шины могли проколоть, ещё что. А если человеку нужно было провести встречу или тайниковую операцию, и он профессионально «уходил» от «наружки» — что ж делать, переиграл, всем понятно,

обижаться не на что. И ведь неизвестно, кто кого переиграет в следующий раз. К тому же сотрудники спецслужб понимают, что их коллеги в том или ином качестве работают в различных странах, так что порой в ответ на намеренно разбитое окошко израпетской «дипломатической» машины в столице Алвазии кирпич может влететь в лобовое стекло «мерседеса» алвазийского резидента в столице Израпета. Мир тесен!

На следующий день Золотов подробно доложил Юрию Ивановичу о контакте и договорённости встретиться. Получил не только согласие, но и содействие руководства: на встречу на Мэдисон-авеню оперработник приехал на машине посла. «Топтуны» думали, что он на своём автомобиле будет, и его упустили. Но это был «дружеский подкол».

Золотов рассказывает:

«Бригадир стоит, меня ждёт — а я сзади подхожу. Сели, поговорили... Я говорю, что собираюсь уезжать — хватит. Устал. Он говорит: „Ты приедешь — мы первые будем знать! И это очень хорошо, что мы встретились — нас за такие встречи поощряют“.

Я вернулся, всё описал. Дроздов отнёсся к этому с интересом. Информацию отправили в Москву. Юрий Иванович сказал: „Там сначала они покрутят носом, но потом поймут, что мы всё правильно сделали. После этого мы работать по-другому уже будем“. Потом эту бумагу доложили Андропову, и он написал — я сам это видел: „В создавшейся ситуации оперработник вёл себя правильно. Вопрос в том, зачем стоило рисковать?“».

Рисковать стоило. И работавшим «в поле», и резиденту это было ясно.

А вот как вспоминает то время Иван Юрьевич:

«С Юрием Ивановичем было хорошо работать, хорошо и интересно! Он был настойчивый, энергичный, инициативный, всегда искал что-то новое, какой-то новый подход. Всегда! Это увлекало. Толковый человек он был, деловой, не любил трёпа — любил работу. Я от него много чего взял — постарался взять, конечно.

Хотя, естественно, не всем он был угоден. Это ясно».

А вот что рассказывал о противостоянии с ФБР («наружка» — это, так сказать, «первичное» и очевидное) сам генерал Дроздов:

«Мы хотели окончательно убедиться в том, что агентура ФБР хорошо „прочёсывает“ подземный гараж ООН. Паркуя там свои машины, наши сотрудники отмечали некоторые особенности (оплошности) в поведении гаражной охраны... Как-то мы специально „забыли“ в одной из машин печатные ТАССовские материалы. Вечером, когда группа сотрудников садилась в эту машину, заметили, что материалы исчезли. Через несколько

дней опять „забыли“ в той же машине, из которой вылезли несколько человек, письмо с предложением услуг, затерявшееся в ООНовских документах...»^[180]

В американской контрразведке возомнили, что у них появилась возможность приобрести ценного информатора, и они, следуя письму, выставили сигнал в указанном им месте — он означал, что ФБР принимает предложенные условия. Сигнал, разумеется, был такой, что его можно было «снять», то есть увидеть, проезжая в потоке машин по оживлённой трассе. Затем, общаясь исключительно через тайники (мол, «инициативник» боялся «всемогущего офицера безопасности»), сотрудники резидентуры стали поставлять американцам интересующую тех информацию, почерпнутую из печатных изданий, но должным образом отредактированную. За это американцы платили вполне реальные суммы в валюте! С валютой, правда, потом возникли проблемы: «честно заработанные» тысячи долларов отправили в Москву, откуда через весьма продолжительное время пришла просьба такого больше не делать, ибо нет статьи, чтобы их оприходовать. Зато подчинённым Дроздова, работавшим по линии «К» (внешняя контрразведка), удалось немало узнать о методах деятельности агентов ФБР (в наших спецслужбах «агентами» именуются добровольные помощники, у американцев — штатные сотрудники), «установить» целый ряд лиц, представлявших оперативный интерес, и, как выразился Юрий Иванович, «предостеречь наших сотрудников от целого ряда неожиданных сюрпризов».

«Поиграв» подобным образом с фэбээровцами, «мнимый агент», так ими, разумеется, и не установленный, сообщил о своём скором возвращении «к родным осинам» и выходу из игры. Удивления со стороны ФБР это не вызвало, так как далеко не все из советских граждан, по той или иной причине связавшиеся с зарубежными спецслужбами, соглашались контактировать со своими «кураторами» в СССР, опасаясь — и недаром! — «всевидящего ока КГБ».

Так успешно закончилась эта операция.

Соответственно нечто подобное по отношению к советской разведке пытались предпринять и местные спецслужбы.

Известный нам корреспондент центральной газеты (повторим, что разведчики добросовестно выполняли обязанности по своему «прикрытию») вспоминал:

«В 70-е были сплошные „подходы“ — то ЦРУ, то ФБР! И вот в один прекрасный день — точнее, вечер, я с одним моим знакомым, о котором я знал, что он из спецслужб, в очередной раз встретился в баре. И он, по ходу

встречи, фактически сделал мне вербовочное предложение — как сотруднику советской разведки! Мол, ты такой умный, ты бы мог... А у него жена была полячка, она тогда как раз поехала в Варшаву, и я ему сказал: „Послушай, я в десять раз профессиональнее тебя, и я могу ответить в Варшаве...“

Потом я сразу вышел оттуда, сел в свою машину и уехал.

Но всё не так просто! Утром я подробно доложил обо всём Дроздову... Есть разные начальники, разные люди, — Юрий Иванович воспринял эту беседу нормально. Конечно, при докладе в Москву некоторые углы мы срезали, потому что всегда надо срезать...»

«Вербовочный подход» к разведчику — ЧП! Значит, сотрудник «установлен» противником, вполне возможно, на него имеются компрометирующие материалы. Не обязательно же вербовщик сразу бросит «все карты» на стол. И часто, после того как разведчик докладывает резиденту о таком происшествии, ему предлагают собирать чемоданы. Так происходит в любой, пожалуй, разведке мира. Сотруднику говорят: «Если на тебя вышел противник, ты где-то прокололся!» Ну и, что называется, «гуляй вальсом», здесь тебе находиться опасно.

То, что Юрий Иванович разобрался в ситуации и понял, что этот «подход» не представлял реальной опасности, а потому не стал принимать радикальных решений, свидетельствует в его пользу как думающего руководителя. Сотрудник, как мы помним, успешно завершил командировку и уезжал из Штатов одновременно с Дроздовым.

Сам же наш собеседник так подытожил происшедшее:

«Часто резиденту на себя надо брать ответственность! Потому что напиши он в Центр какую-нибудь хрень — они, бедняги, не будут знать, что с этим делать. В этом смысле Юрий Иванович проявил оперативную мудрость как руководитель».

Можно понять, что Дроздов прекрасно ориентировался в тамошней сложнейшей обстановке. В книге своей он писал так:

«Американцы тогда активно начали использовать в работе против нас свою подставную агентуру под видом доброжелателей. Мы несколько раз уходили из приготовленных для нас ловушек»^[181].

Как мы говорили, нам меньше всего хочется писать «житие Юрия Дроздова» или рассказывать о работе советской разведки по принципу «мы — умы, а они — увы!». Это походило бы на старые советские фильмы о Великой Отечественной войне, в которых немцев показывали дураками, тем самым неизбежно принижая подвиг советского солдата: зритель понимал, что победить подобных идиотов особого труда не стоило. Между

тем нам противостояли достойные противники — и в годы той войны, и во времена последующей «холодной». К тому же, насколько мы знаем, о неудачах разведки рассказывать гораздо проще, нежели о её тщательно засекреченных успехах, хотя порой неудачи эти выполняют роль «дымовой завесы», прикрывающей те самые успехи.

Эпизод, о котором пойдёт речь ниже, к сожалению, наиболее известное событие из всего времени пребывания Юрия Ивановича в США, так что не рассказать о нём нельзя, но и слишком расписывать — неинтересно. Впрочем, известность произошедшего обусловлена прежде всего высоким рангом дипломата-перебежчика, а к нью-йоркской резидентуре и её руководителю это имеет несколько опосредованное отношение — но при весьма негативных последствиях.

Чрезвычайного и Полномочного Посла Аркадия Николаевича Шевченко^[99], заместителя Генерального секретаря ООН, нередко именуют «вторым лицом» в Организации Объединённых Наций, однако это не совсем так. Заместителей по различным направлениям у Курта Вальдхайма^[100] было много (не станем затруднять себя подсчётом), так что Шевченко был не «вторым», но в числе «вторых лиц».

«Первоначально, в 1975 году, когда Шевченко вступил в контакт с ЦРУ, он хотел дезертировать, но ЦРУ направило для встречи с дипломатом одного из своих лучших вербовщиков и тот уговорил Шевченко отложить свой побег и поработать в качестве агента»^[182].

Вопрос, почему высокопоставленный дипломат решился на измену, звучит почти риторически. Ну конечно же по идеологическим соображениям, разочаровавшись в социалистической системе, потому как был честным и совестливым человеком. Так утверждает сын предателя, Геннадий Аркадьевич. Кандидат юридических наук и сам в прошлом дипломат (не станет же сын посла работать дворником!), он писал:

«Отец был весьма честолюбивым человеком и переживал, что своим назначением в ООН был обязан жене, подарившей, как он говорил, за этот пост супруге Громыко брошь с 56 бриллиантами. (Не знаем, сколько времени ему пришлось экономить и недоедать, чтобы приобрести подобную „безделушку“. — А. Б.) Не раз он повторял мне: „Но ведь посланником я стал сам!“ В те времена недостаточно было быть талантливым человеком (отец закончил МГИМО с красным дипломом) для достижения высшего дипломатического ранга и поездки в хорошую страну, нужно было иметь высоких покровителей или делать подарки»^[183].

Ну прямо-таки настоящий литературный герой! Истинный

«застенчивый ворюга» Александр Яковлевич — завхоз из романа «12 стульев» Ильфа и Петрова, который «крал, и ему было стыдно». Хотя всё «существо его протестовало против краж, но не красть он не мог»! Вот и в нашем случае: брошка с 56 бриллиантами — это начало или продолжение, но уж никак не разовое и тем более не окончательное действие! Свидетельством тому — отзыв генерала Соломатина:

«Этот человек, на мой взгляд, полностью соответствовал формальному стереотипу иуды, предателя. Во-первых, на его лице всё время была приклеена бесконечная лживая улыбка... Подчёркнутое подбострастие в отношениях с вышестоящими: чего изволите? Плюс законченный пьяница. Что ещё нужно для того, чтобы изменить родине? Влез в задницу Громыке^{101}. Осыпал подарками его жену»^[184].

«Влезть» сумел он давно и прочно: в 1970 году Шевченко был назначен личным советником министра иностранных дел, но так как, учась в МГИМО, дружил с сыном Громыко Анатолием^{102}, то был вхож в дом его родителей со студенческих времён.

А вот что рассказал нам генерал-лейтенант Иван Юрьевич:

«Жена Шевченко обихаживала жену Громыко покупками. Работа в ООН называлась „подарочный фонд министра“. Туда попадали по благу...»

По свидетельству и других людей, работавших в то время в Нью-Йорке, для «мадам Громыко» покупались шубы и много ещё чего. Хотя при этом у Шевченко, как у того «голубого воришки», всё «существо протестовало», но...

Американская сторона приводит такую информацию относительно жены дипломата Леонгины Иосифовны (надеюсь, это злобная клевета!):

«Она дружила с Лидией Дмитриевной Громыко, супругой министра иностранных дел Советского Союза Андрея Андреевича Громыко, и обе женщины уже давно занимались спекуляцией. Лина Шевченко покупала в Нью-Йорке шубы и антиквариат и пересылала их Лидии Громыко для последующей перепродажи в Москве по сильно завышенным ценам. Это было незаконно, о чём Шевченко не раз предупреждал жену, но она лишь твердила, что он трус и что все начальники только и делают, что наживаются на своих заграничных командировках»^[185].

Ну и наконец свидетельство самого Юрия Ивановича:

«В 1975–1976 годах мы уже чувствовали, что в составе советской колонии в Нью-Йорке есть предатель. Естественно, что мы искали его. Американской стороне, видимо, было недостаточно ценной и достоверной политической информации, и она стала активно использовать в местной

печати его информацию об известных ему сотрудниках и возможных агентах КГБ в аппарате ООН. У нас в колонии возникло беспокойство, однако при анализе стало ясно, среди кого искать предателя. Мы смогли успокоить „пропечатанных“, объяснили, что наши политические противники ведут борьбу за вытеснение советских сотрудников с ответственных постов ООН, так как наше представительство поставило вопрос об увеличении их численности. Круг осведомлённых об этом сузился до нескольких человек, и среди них был и Шевченко»^[186].

Что дальше? Друг Юрия Ивановича, генерал-майор, но не из разведки, а руководитель территориального органа, так что имя его читателю совершенно не интересно, рассказывал нам:

«Дроздов и говорил, и писал, как он хотел, чтобы своевременно отозвали из Америки Шевченко — предателя. Он бомбардировал Центр письмами — а ведь не отозвали!»

Другой генерал, из разведчиков, заявил ещё более откровенно:

«Почему Шевченко возник? Дроздов гнал информацию по этому вопросу очень сильно — у него были серьёзные источники, и он говорил Трояновскому, что Шевченко завербован, что Шевченко на пределе — но дело в том, что Шевченко был связан с министром иностранных дел. Там шубы шли кому нужно — и была дана команда молчать. И когда это случилось, тут была бомба, конечно, — но ничего не поделаешь!»

Можно понять, что услугами «фирмы Шевченко» пользовалась не только жена Громыко, а значит, и покровителей у предателя было несколько больше...

А вот о чём сам Дроздов вспоминал в разговоре с корреспондентом «Российской газеты»:

«Получив информацию об опасных связях Шевченко, я послал депешу в Москву с предложением о немедленном отзыве. В ответ получил указание: наблюдение за Шевченко прекратить. Попутно мне кое-кто напомнил о 37-м годе. Шевченко был близок к главе МИДа Громыко. Так что мои начальники, видимо, не захотели ссориться со Смоленской площадью»^[187].

Спросить бы в своё время у Юрия Ивановича, кто именно эти начальники, да нужды спрашивать не было. Зато в книге Крючкова есть достаточно интересный расклад сил в брежневском Политбюро и вот такие строки:

«А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов и Ю. В. Андропов работали в тесном сотрудничестве и всегда находили между собой общий язык. Их

объединяла исключительная лояльность к Брежневу»^[188].

Очевидно, и на сей раз Андрей Андреевич «нашёл общий язык» с Юрием Владимировичем.

Поэтому, хотя Шевченко и написал в каких-то мемуарах (этот фрагмент его сын поместил в публикацию в «Совершенно секретно»): «В будущем меня ожидали борьба с прочими членами элиты за большой кусок пирога, постоянная слезка КГБ и беспрестанная партийная возня»^[189], он откровенно лукавил. По крайней мере, про «постоянную слезку КГБ» — чья бы корова мычала! Он, человек, принадлежащий к так называемой «элите», оказался неприкосновенен.

Известно, что хотя рыба тухнет с головы, её чистят с хвоста.

Шевченко, несмотря на свои лицемерные вздохи о «всесилии КГБ», прекрасно понимал, что относится к касте «неприкосновенных», а потому много чего себе мог позволить. Один из наших друзей чётко объяснил, с чего возникли подозрения чекистов в адрес высокопоставленного дипломата:

«Ненормальности поведения — раз. Он выпивал, вёл разгульный образ жизни, с таким даже оттенком фривольности, для того периода не очень характерным. У него, как потом выяснилось, была любовница. (Не будем морализировать, но в тех условиях это был весьма уязвимый момент, которым успешно могло воспользоваться ФБР. — А. Б.) Какое-то общение в городе неконтролируемое... А ведь он был информированный человек, получал директивы по линии МИД и даже Политбюро. И должность у него была очень высокая — не только по нашему дипломатическому рангу, но и в структуре ООН — всё-таки в Совете Безопасности работал, там своя секретная „кухня“».

Что ж, «голова» — высшее чиновничество — гнила, приближая крах первого в мире социалистического государства. И вот потрясающий пример, приведённый нам одним из тогдашних сотрудников резидентуры:

«Дроздов терпеть не мог, когда приезжал Громыко. Тогда в миссии сразу выключали один лифт — он был теперь исключительно для Громыко, а все остальные вынуждены были пользоваться оставшимся лифтом, и не всегда его можно было дождаться, и не каждый туда мог впихнуться. А ведь в здании этом располагались и квартиры сотрудников! Однажды как-то Юрий Иванович прогнал кого-то из „команды Громыко“ пешком по лестнице, сказав: „А теперь представь себе, что женщина идёт и тащит коляску с ребёнком, благодаря вам!“ Это справедливо было! Не надо думать, что Дроздов просто „сорвал зло“ на каком-то клерке — он

прекрасно понимал, что это будет доложено министру».

А насчёт напоминаний о 37-м годе... Дроздов же не требовал немедленного ареста подозрительного дипломата и последующего его расстрела в подвале Представительства! Как объяснял Юрий Иванович, нужно-то было немного: «Мы просили только одно, мы просили отозвать его. На что у Министерства иностранных дел, наверное, не хватило решимости»^[190].

Конечно, брошь с бриллиантами была платой не только «за должность», но и за время пребывания на этом посту.

Далее и продолжать не будем.

А вот Дроздов — продолжал. Вопреки указаниям и откровенному запрету он всё-таки продолжал свою «работу по Шевченко»:

«Я не выполнил требования Центра прекратить наблюдение. Каждый раз, когда поступали данные о Шевченко, в том числе и из американских кругов, мы хладнокровно и методично направляли их в Центр. В управлении внешней контрразведки, в подразделении О. Д. Калугина, их принимали не весьма охотно: надо реагировать... Центр и МИД, увы, медлили, не верили»^[191].

И медлили они преступно долго.

Вспоминает Сергей Иванович — называть его можно, так как он работал в прямом подчинении Шевченко и был «засвечен» своим шефом перед американцами, что называется, «от и до»:

«Вот насколько Юрий Иванович был аккуратный и тонкий человек! 11 октября 1977 года у Шевченко был день рождения — а мы уже знали о его предательстве, и Дроздов сказал мне как его подчинённому: „Поздравь, подарок ему подари от нас, обними его!“ — „Нет, Юрий Иванович, я не могу — после всего этого!“ — „Что значит — нет? Это приказ! Ты что!“ Нужно было его успокоить...»

Процесс «успокоения» — точнее, согласование вывода изменника в Союз — тянулся долгих полгода, на протяжении которых Шевченко продолжал добросовестно работать на своих «хозяев» из Лэнгли.

Сергей Иванович продолжает свой рассказ (кстати, информация уникальная — этих подробностей нигде ещё не было):

«На Шевченко уже материалы были... В конце концов Андропов на Политбюро сказал, что он предатель и у нас есть достоверная информация, на что Громыко заявил: „Знаю я вас, чекистов! Если вы кого-то невзлюбите, то вы не успокоитесь, пока его не сживёте со света!“ Тем не менее договорились. Но там-то не арестуешь, надо было под какой-то „легендой“

его вытащить в Москву — и наконец вызвали, якобы для подготовки очередной сессии ООН.

Он уже был готов ехать. А у нас при входе в миссию, в Представительство, было нечто типа прихожей — там висел большой герб Советского Союза и там „техника“, естественно, стояла — телевизионная камера. В этой „прихожей“ с Шевченко столкнулся человек, который приехал из Москвы, „чистый“ дипломат, с которым они вместе работали. „О, ты из Москвы? А я в Москву собираюсь!“ — „Да-да, давай, собирайся!“ Приехавший товарищ, разумеется, не знал, почему Шевченко вызывают, но краем уха слышал, что его ругать будут... „Ты знаешь, зачем поедешь?“ — „Да, подготовка к сессии“. — „Ага, тебе ту подготовку в задницу будут вставлять за твои дела!“ Всегда же приятно выказать осведомлённость! В общем, в МИДе какой-то слух прошёл, хотя конкретно ничего не знали... Но Шевченко понял — и тут же ушёл. И если бы не вот эта встреча — его бы вывели».

Сейчас нередко приходится слышать про «всевластие КГБ» и всё прочее. Если бы таковое действительно было, то Шевченко без всяких проблем возвратился бы в Москву и занял полагающееся ему место в Лефортове. А так...

«31 марта 1978 г., в пятницу, посол сбежал вниз по лестнице на три пролёта, отделявших его апартаменты от этого помещения (конспиративной квартиры ЦРУ. — А. Б.), и ворвался в убежище. Он сказал, что получил телеграмму с приказом вернуться в Москву, но ехать туда не хочет. В течение 27 месяцев он шпионил на ЦРУ и теперь заявил, что готов стать перебежчиком»^[192].

Дроздов, однако, называл другой временной промежуток: «Бесспорно, предательство Шевченко, который за 32 месяца добровольного, инициативного и сознательного сотрудничества с ними нанёс нашей стране большой ущерб, было большой удачей американских спецслужб»^[193].

Разведки обычно стараются «преуменьшать» время работы на них агента, чтобы противник предполагал меньшие масштабы ущерба, им понесённого.

«Когда Шевченко совершил предательство, мне ночью позвонил О. А. Трояновский: „Юрий Иванович, случилось самое страшное — Шевченко ушёл...“ Нам ничего не оставалось, как общими усилиями приступить к локализации последствий этого предательства»^[194].

И вот интересный момент, рассказанный Иваном Юрьевичем:

«Лина, жена Шевченко, прибежала к моей жене — она работала

техническим секретарём в парткоме, в комнате маленькой сидела. „Мне, — говорит, — больше некуда ткнуться, можно я у вас посижу?“ — „Господи, сидите!“ Сидела, молчала, а потом начала говорить. Говорила много, много, много... Вы же знаете, как она кончила? Она отравилась».

Даже несмотря на отрицательную информацию, почерпнутую нами из книги Пита Эрли, Леонгина Иосифовна была гораздо порядочнее своего мужа: через месяц после его побега она покончила с собой. Похоронена в Москве.

Зато Громыко преспокойно заявил: «У меня помощников было много, я всех не упомяну. Этого я никогда не встречал!» Слова эти подтверждены несколькими нашими собеседниками.

Хотя непосредственно перед Дроздовым Андрей Андреевич особенно (скажем так!) лицемерить не стал. Юрий Иванович писал:

«Осенью 1978 года, в сентябре, в Нью-Йорке министр иностранных дел СССР А. А. Громыко спросил, почему я, зная его многие годы, не сообщил ему о Шевченко лично. Я ответил, что ценил его занятость и доверял его заместителям и О. А. Трояновскому, которые обо всём были своевременно информированы. Он промолчал, внимательно ознакомился с информацией резидентуры и признал, что в этом вопросе допустил „большой промах“»^[195].

Вряд ли заместители и тот же Олег Александрович ему не докладывали!

Как мы говорили, вся эта история описана подробно, а её последствия — пожалуй, ещё подробнее. Всё же, кажется, мы сумели осветить некоторые моменты, остававшиеся в тени. Точку в рассказе ставим словами Андропова в передаче Дроздова:

«Летом 1978 года я был в Москве. Принимая меня с докладом о работе резидентуры, Ю. В. Андропов сказал: „В деле с Шевченко ты был прав, я прочитал все материалы. Это наша вина. Наказывать тебя за него никто не будет, но (он помедлил) и Громыко тоже снимать не будем“»^[196].

Честно сказать, за Андрея Андреевича обидно! Крестьянский сын и талантливый дипломат, посол в США, постоянный представитель СССР при ООН, министр иностранных дел на протяжении 28 лет — сейчас в основном он вспоминается как покровитель Шевченко и тот член Политбюро ЦК КПСС, который предложил избрать Горбачёва на должность генерального секретаря.

В политике, как и в спорте, нужно вовремя уйти, понимая, что достиг максимума. Уйти непобеждённым, в блеске славы, чтобы остаться таким в

памяти поколений. Не каждому это дано. Нужно быть по-настоящему сильным человеком.

Дело прошлое, потому расскажем, что некоторые «горячие головы» из резидентуры предлагали «убрать» Шевченко и были готовы сделать это самостоятельно. Юрий Иванович категорически запретил даже думать кому-либо о таком «решении вопроса».

«Это не наш метод!» — отвечал он...

А теперь — несколько слов непосредственно о работе резидентуры. Юрий Иванович уточнил, говоря о последствиях предательства Шевченко:

«Нам пришлось многое поменять в своей работе. Если говорить о частностях, мы увеличили скорость движения при выемке контейнеров из тайников, поменяли сомнительные адреса бросков. А вообще-то противник выставил против нас более 100 сотрудников своей службы наблюдения. Слежка велась даже со спортивных самолётов, чего мы, скажу честно, вначале не восприняли всерьёз»^[197].

Звучит не совсем понятно, поэтому разъясним, ссылаясь опять-таки на рассказ Юрия Ивановича:

«„Благодаря“ Шевченко, американским спецслужбам стали известны имена нескольких сотрудников резидентуры, за которыми местное отделение ФБР установило постоянное наблюдение. Поскольку срок их заграникомандировки заканчивался, мы сочли возможным их участие в обеспечении одного острого оперативного мероприятия. Но потерпели неудачу»^[198].

Далее, по словам тогдашнего шефа разведки Владимира Александровича Крючкова, произошло следующее:

«Сомнения в источнике, на контакт с которым выходили, были, принимались максимально возможные меры предосторожности, обеспечивалась подстраховка. Но американцы работали у себя дома, где в отличие от нас им и стены помогали.

По пути к месту операции разведчики заметили пролетавшие на небольшой высоте самолёт и вертолёт, возникли сомнения из-за необычности их появления, да к тому же прямо на маршруте. Посчитали совпадением, а после случившегося ещё раз вспомнили, что в разведке мелочей нет»^[199].

Да, предательство. Да, несчастливое стечение обстоятельств. Но и ошибки — не только самих сотрудников, а и, к сожалению, самого резидента. Свидетель, а может быть, даже и участник тех событий, сказал нам так, выразив своё сугубо личное мнение, на которое он имеет полное

право:

«Было у Юрия Ивановича такое качество — азартность. И он торопился, это было у него — торопился! А тут иногда трезвый расчёт должен быть: всё ли готово? Или не всё? Или есть сомнения? А если есть сомнения, то, может быть, лучше по-другому сделать?»

Возьмите этот провал в Америке, где взяли троих. Я понимаю — „наружка“ даже с самолёта была. „Подстава“ была. Но ведь троих-то „сожгли“! Троих — это много! Почему выпустили столько людей на одного? Одного надо было! Рискнуть — и одного выпустить. Но выпустили троих, а потом — выцарапывали...»

О финале этой истории написал полковник Черкашин:

«ФБР арестовало двух офицеров линии „КР“ (или „К“) резидентуры — Владика Энгера и Рудольфа Черняева, являвшихся сотрудниками секретариата ООН. Им было предъявлено обвинение в получении от офицера ВМС США секретных материалов в области противолодочной обороны. Американец оказался подставой, работая под контролем ФБР и военно-морской службы расследований (Naval Investigative Service). Владимиру Зинякину и ещё одному сотруднику нью-йоркской резидентуры, участвовавшему в работе с подставой, избежать ареста помог его дипломатический иммунитет. Энгер и Черняев были приговорены американским судом к пятидесяти годам тюремного заключения за шпионаж против США. После суда я имел возможность встретиться с ними и был приятно удивлён, что оба наших сотрудника были спокойны и уверены, что советское правительство сделает всё для их освобождения. Так оно и случилось: через некоторое время они были освобождены в обмен на пять диссидентов, отбывавших тюремное заключение в СССР»^[200].

Кстати, во время обмена один из сотрудников резидентуры услышал слова, сказанные фэбээровцем: «Кого отдаём! Таких ребят меняем на подонков». Представляется, что тогдашний «густопсовый антисоветизм» (так же как и современная «оголтелая русофобия») присущ, в основном, «политическим игрокам», тогда как нормальные люди по обе стороны океана относятся друг к другу вполне адекватно и даже с простой человеческой симпатией.

О том же самом свидетельствует и Иван Юрьевич: «Я видел, как „Архипелаг ГУЛАГ“ продавался в Америке на вес — потому что никто не брал, никому это было не надо!»

Вот и всё отношение американцев к «махровой антисоветчине» (термин из того времени, когда всё это было актуально), весьма

косноязычной и, мягко говоря, не так чтобы действительно честной. Однако сейчас из неё пытаются сделать «классику русской литературы», даже в школе изучают. Неужели для того, чтобы напрочь отвратить детей от отечественной словесности?

Впрочем, это мы уже далеко ушли... Возвращаемся! Так вот, ещё несколько слов о пребывании Дроздова в Нью-Йорке, сказанных им самим:

«Мне оставалось работать в Нью-Йорке еще целый год. Несмотря на удар, нанесённый нам ФБР, мы не законсервировали свою деятельность. Осмотрелись, отряхнулись, внесли коррективы в тактику мероприятий и пошли дальше.

Быть резидентом в Нью-Йорке в те годы было нелегко. Свободного времени почти не было. Только несколько раз нам с женой удалось выбраться в театр, на концерты, спортивные мероприятия, проскочить на машине к Ниагарскому водопаду в Буффало да один раз в круиз на сутки на теплоходе „Лермонтов“»^[201].

Пожалуй, больше нам на эту тему рассказать нечего.

Глава 12. Война генерала Дроздова

Как говорится, «хочешь насмешить Господа — расскажи ему о своих планах». Казалось, всё шло точно по намеченному: Юрий Иванович отработал завершающий год в Нью-Йорке, ранней осенью 1979 года получил телеграмму из Центра, что пора возвращаться, если, как в ней было сказано (то ли «подкол», то ли бюрократическая формальность), у него «нет иного мнения», — на прежнюю должность. То есть первым заместителем начальника Управления «С».

Разумеется, «иного мнения» быть не могло.

Во второй половине октября генерал Дроздов возвратился в Москву. Через несколько дней он был на Лубянке, докладывал председателю.

И тут — первая неожиданность, от которой, очевидно, приятно ёкнуло сердце. Не могло не ёкнуть, потому как Юрий Владимирович предложил ему стать начальником нелегальной разведки, ибо Кирпиченко шёл на повышение. Естественно, и в этом случае у Юрия Ивановича «иного мнения не было». Хотя он мог возглавить Управление «С» и пять лет тому назад, но всё делается к лучшему, ибо сейчас он был умудрён уникальным опытом работы в должности руководителя нью-йоркской резидентуры.

Вот о чём был тот разговор Дроздова с председателем:

«Андропов ещё раз подчеркнул, что затянувшиеся на много лет поиски роли и места нелегальной разведки в системе разведывательной деятельности давно закончились. Он был удовлетворён теми практическими действиями нелегалов, которые были предприняты за последние десять лет. Нелегалы оправдали определённые для них направления боевой работы: вести активную разведку по предотвращению внезапного ракетно-ядерного нападения на нашу Родину. Ряд операций, начатых в начале 70-х годов, положительно развивается. С того направления не сходить, какие бы изменения ни касались других подразделений. Андропов посоветовал внимательно отнестись к прошлому опыту деятельности нелегалов, отбросив всё, что стало известно противнику от предателей и из-за провалов, и всё время искать новое, но смелое и дерзкое, не забывая о конспирации и отвлекающих маневрах. Тут же он вспомнил ряд дел, которые были начаты нами ещё до моего отъезда в США.

В заключение Ю. В. Андропов сказал, что нелегальная разведка должна жить и работать по своим законам и правилам, быть максимально

автономной в общей системе внешней разведки, и предоставил нам право самостоятельно информировать его и Инстанции в случаях, когда это диктуется интересами безопасности нелегалов и их агентуры. (Как я был все эти годы благодарен ему за это решение, хотя оно иногда и осложняло наши отношения с информационной службой ПГУ, так как мы стали „знакомить“ её с нашей информацией, которая постепенно приобретала всё более весомый и значимый характер.)

Дальше мне предстояло действовать самому, опираясь на руководящий и оперативный состав Управления „С“ — нелегальной разведки, которая за моё отсутствие окрепла благодаря усилиям В. А. Кирпиченко. 14 ноября 1979 года я был утверждён в новой должности и на добрые двенадцать лет связал свою жизнь с напряжённой и постоянно беспокойной жизнью нелегальной разведки»^[202].

Смысл сказанного мы, насколько это возможно, проясним в последующих главах нашего повествования. Если же говорить о самом Дроздове, то далее в его жизни происходит самое как бы непонятное — одна из общеизвестных загадок его биографии... Ведь, по идее, Юрий Иванович, на четыре года оторванный от нелегальной разведки — понятно, какая-то связь была, но он был вне этой структуры и почти не касался её секретов, — должен был теперь входить в курс дел и во всё вникать. Но его, логике вопреки, направляют руководить самой громкой, в прямом и переносном смысле, операцией советской разведки. Разведчиков пафосно именуют «людьми молчаливого подвига», и это в первую очередь относится к нелегальной разведке, а тут — совершенно наоборот!

Подобное решение руководства не может не вызывать недоумения тех, кто интересуется историей разведки, — однако оно остаётся без комментариев. Не потому, что данный вопрос совершенно «закрит» и засекречен, но... Скорее, как в какой-то рекламе: «Вы интересуетесь, но стесняетесь спросить» — вот и не спрашивают, чтобы не показаться наивными или не получить ответ, запомнившийся многим по фильму «Бриллиантовая рука»: «Так надо!»

Но президент Ассоциации «Группа „Вымпел“» Валерий Владимирович Попов, ученик Юрия Ивановича, ставший его другом, не постеснялся показаться наивным и этот вопрос ему задал.

«Это был неожиданный момент, никому не понятный, — потому я и спросил, почему его вдруг так быстро отправили в Афганистан — именно его!» — рассказывал Валерий Владимирович. В ответ Дроздов ему объяснил, что Афганистаном он занимался не только в Соединённых Штатах, будучи резидентом, но даже и ещё раньше.

Про то, что было «раньше», сам Юрий Иванович так рассказывал в интервью телеканалу RT:

«За несколько лет до афганских событий, в начале семидесятых годов, я вместе с генералом Зыряновым^{103}, командующим пограничными войсками, участвовал в поездке вдоль нашей границы. Тогда нам приходилось встречаться с людьми, которые рассказывали о том, как из Афганистана на нашу территорию забрасываются бандгруппы. Забрасывались они на Кавказ, в Среднюю Азию... Это не является голословным — должны сохраниться архивные материалы, а кое-что закреплено даже в мемуарах некоторых американских разведчиков.

Кстати, с учётом той ситуации, которая складывалась тогда в Афганистане, и той междоусобной борьбы между афганскими лидерами, то, если бы не ввод наших войск, все эти „оранжевые революции“ на арабском Востоке начались бы на добрых двадцать-тридцать лет раньше»^[203].

Юрий Иванович рассказывал Попову, что освещением афганских событий он занимался с позиций Соединённых Штатов (профессиональное выражение, означающее, что информацию он получал в США. — А. Б.), откуда присылал материалы по развитию тамошней обстановки, которую постоянно и тщательно отслеживал. Дроздов встречался с находившимися в Америке лидерами оппозиции, получал информацию о них от своих источников. Конечно, он был хорошо информирован и о том, что происходило в республике после Саурской революции 1978 года.

Можно понять, что командировка была совсем не такой случайной, как кажется, и для Юрия Ивановича она не была такой уж сногсшибательной неожиданностью (нет, в Афганистан он поехал действительно неожиданно, но по крайней мере знал, куда ехал), и, что тоже важно, никто его не посылал именно на войну.

В своей книге Дроздов и сам чуть-чуть говорит о собственной информированности:

«Впервые с афганской проблемой мне пришлось столкнуться в Нью-Йорке. Внимательный анализ ситуации еще в 1978–79 гг. подтверждал обоснованность тревоги руководства СССР за состояние самых южных границ страны. Изменения в политической жизни Афганистана в 1978 г. серьёзно обеспокоили противников Советского Союза, ибо затрудняли осуществление их планов. В ЦРУ, например, было решено активно, с помощью специально подготовленной агентуры, противодействовать укреплению режима Тараки^{104}.

Американские разведчики, готовившие агентуру из числа афганцев, утверждали, что так просто русским Афганистан не отдадут, что создадут международную вооружённую коалицию сопротивления новому демократическому режиму и всеми силами будут добиваться ослабления советского влияния в стране, вплоть до развёртывания басмаческого движения в советской Средней Азии»^[204].

О том, какие конкретно задачи ставились ему перед поездкой в Афганистан, Юрий Иванович не написал. Однако в интервью для телеканала «Россия» он был более откровенным:

«Когда я отправлялся в Афганистан, у меня была встреча с Юрием Владимировичем в присутствии Крючкова [17 декабря]... Юрий Владимирович сказал, что, мол, обстановку по Афганистану ты, наверное, знаешь. Я говорю — да, я помню. Я говорю, ещё когда я находился в Нью-Йорке, те афганцы, с которыми мы поддерживали там отношения, предупреждали нас об особых настроениях американцев.

Мы сообщали о них в Центр о том, что американцы готовят там афганцев, утверждают, что Афганистан они так, добровольно, Советскому Союзу не отдадут — с учётом тех изменений, которые происходили в Афганистане тогда. Стало ясно, что американцы какую-то группу афганцев содержат и готовят, что какое-то противодействие мы будем получать с американской стороны... „Послушай, — сказал мне Андропов. — Там твои ребята работают, съездил бы ты посмотреть, как они там освоились, что они делают, а то там назревают разного рода события — с учётом политической обстановки. Нам бы хотелось знать твой взгляд“.

Об этой операции, которую вскоре пришлось проводить, у меня ещё и мыслей никаких не было»^[205].

Андропов определил и примерный срок поездки: десять дней, то есть возвращаться, если всё будет нормально, придётся под самый Новый год.

Рассказывает Валерий Владимирович:

«По результатам разговора с Дроздовым Юрий Владимирович принял абсолютно верное решение — направить его в Афганистан. „Бросай всё, поезжай туда и разберись во всём там, на месте! — ему было сказано. — Непонятно, что нам делать, какие решения принимать“.

Юрий Иванович ни в какие командировки не собирался. Но в это время прошло заседание Политбюро, когда пять человек решали, что там делать, — Гречко, Сулов, Громыко... Громыко был против введения войск, у Андропова ещё не было выверенного решения, министр обороны настаивал на решении проблемы военным путём — в общем, разные были

точки зрения...»

Сделаем паузу, уточнив, что о том «закрытом» совещании в Политбюро — вернее, о позициях его участников, — есть различная информация. К примеру, генерал Вячеслав Сергеевич Широнин^[105] пишет так:

«Один из участников того заседания Политбюро рассказывал мне, что тогдашний председатель КГБ Ю. В. Андропов выступил категорически против военного вмешательства и произнёс слова, которые оказались пророческими: „Войти можно легко, но сложнее будет уходить — увязнем мы там“»^[206].

Юрий Иванович в одной из книг предлагает следующий вариант развития событий:

«На заседании Политбюро ЦК в феврале — марте 1979 года, по одной версии, Д. Устинов и Ю. Андропов настояли, вопреки мнению А. Громько, на вводе советских войск в Афганистан. По другой, Андропов вначале выступал за ввод войск, но затем заявил о пересмотре своей позиции, сказав, что революционная ситуация ещё не созрела для смены строя»^[207].

Впрочем, не будем забывать о том, что на вводе в ДРА советских войск настаивал сам Амин^[106] — афганский руководитель. В общем, мало чего тогда было понятно...

Но возвращаемся к рассказу Попова, который говорил об Андропове:

«...И вот тогда-то он послал туда Дроздова: „Разберись на месте и будешь мне звонить, докладывать постоянно“.

Это было персональное поручение председателя КГБ Андропова Юрию Ивановичу. И, наверное, Крючков уже тогда как-то среагировал на эту ситуацию».

...Мы говорили, что Владимир Александрович, ставший ещё в 1974 году начальником разведки, относился к Дроздову с симпатией. Сам он никогда не был оперработником, но к профессионалам относился с уважением. А тут... Чужая душа, разумеется, потёмки, и что почувствовал Крючков по отношению к своему заместителю (начальник Управления «С» являлся также заместителем начальника ПГУ), мы не знаем. Аппаратные игры — дело серьёзное. Победа в них — новая должность, более высокое звание, выгодная командировка и многое иное — достигается прежде всего за счёт, что называется, «близости к телу» начальника, возможности «пошептать» ему «на ушко». Правда, одни в эти игры играют, другие относятся к «игрокам» с презрением, — но кто знает, что происходит за закрытой дверью кабинета? А ведь каждый других по себе судит.

По этой причине отношения нового руководителя Управления «С» и шефа разведки напряглись изначально. Как мы помним, нечто подобное происходило и тогда, когда Юрий Иванович был ещё заместителем начальника управления, до прихода Кирпиченко, и Андропов таким же образом усложнил его взаимоотношения с тогдашним его руководителем...

Возможно, что царапнула Крючкова и фраза, сказанная Юрием Владимировичем в заключение беседы (здесь и далее — из воспоминаний Дроздова):

«„Обстановка там сложная, назревают серьёзные события, а ты у нас один из тех, кто по-настоящему воевал“.

Я спросил, когда вылетать? Юрий Владимирович посмотрел на В. А. Крючкова, который включился в беседу, и сказал: „Завтра утром в 6.30, аэропорт Чкаловский“. Исходя из содержания беседы, я попросил информировать наше представительство в Кабуле о моём вылете и характере задания. Ю. В. Андропов сказал, что это будет сделано В. А. Крючковым, и тепло попрощался со мной.

Вернувшись в Управление „С“, я вызвал к себе капитана II ранга Козлова Э. Г. [\[107\]](#), которому сказал, что завтра рано утром вылетаем на несколько дней в Кабул. Козлов по-флотски ответил „есть“, не задав ни одного вопроса» [\[208\]](#).

Крючков, как и сам Андропов, не воевал. Как он относился к напоминаниям об этом, даже косвенным, мы не знаем. Могло и покалывать! К тому же, безусловно, он вполне сознавал, что Дроздов — и опытный оперативник, и — имел перед ним, хотя и исполняющим обязанности начальника разведки, определённые преимущества. А тут ещё прямой выход на председателя...

Официально считается, что война в Афганистане началась 24 декабря: «В директиве № 312/12/001, подписанной министром обороны СССР Д. Ф. Устиновым и начальником Генерального штаба Н. В. Огарковым и направленной в войска 24 декабря 1979 г., им определялись конкретные задачи на ввод и размещение на афганской территории. В ней, в частности, приводилось такое объяснение предпринимаемого шага: „С учётом военно-политической обстановки на Среднем Востоке последнее обращение правительства Афганистана рассмотрено положительно. Принято решение о вводе некоторых контингентов советских войск, дислоцированных в южных районах страны, на территорию Демократической Республики Афганистан в целях оказания интернациональной помощи дружественному афганскому народу, а также создания благоприятных условий для

воспрещения возможных антиафганских акций со стороны сопредельных государств...“»^[209].

Завершилась война 15 февраля 1989 года красивой фразой (оспаривать её здесь не будем) генерала Громова, последнего командующего воюющей 40-й армией: «За моей спиной не осталось ни одного советского солдата».

И всё-таки самым описанным в литературе и мемуарах днём той войны является 27 декабря 1979 года. Его квинтэссенция — штурм президентского дворца Тадж-Бек. О нём написано очень много, так что мы позволим себе не создавать целостной, «от и до», картины произошедшего и попытаемся ограничиться рассказом об участии в этих событиях Юрия Ивановича.

Как было приказано, ранним утром 18 декабря Дроздов вылетел в Баграм. Кроме Эвальда Григорьевича в числе его попутчиков были офицеры военной разведки полковник Колесник^[108] и подполковник Швец. Для них Юрий Иванович был «разжалован» до полковника — впрочем, главное «понижение в звании» было ещё впереди. Долетели не без приключений: в Термезе пришлось менять неисправный самолёт, но всё это давно и подробно описано.

К месту назначения прибыли только поздно ночью, по-южному тёмной, но по-зимнему холодной. Дроздова и его сопровождающего встретили и сразу же увезли коллеги, военным разведчикам пришлось ночевать до утра в каком-то капонире, что весьма характерно: в органах безопасности к своим людям относятся с бóльшими уважением и заботой, нежели в армии — к своим.

Участник тех событий подполковник Валерий Николаевич Курилов вспоминает:

«А потом прилетел и наш самый главный командир — новый начальник Управления „С“ Первого Главного Управления Дроздов Юрий Иванович. Все говорили, что он очень толковый мужик, настоящий профессионал. Имеет опыт боевых действий ещё с прошлой войны. Дроздов оказался высоким худощавым человеком с удлинённым лицом. Он обошёл все наши позиции. На вид приветлив, доброжелателен, со всеми здоровается, не гнушается побеседовать с младшими офицерами. Не то что генералы со второго этажа! (На втором этаже было армейское начальство, а в армии, как мы сказали, взаимоотношения несколько иные. — А. Б.)

— Хороший мужик! — сделал вывод Серёга Чернота. — Уж он-то спланирует всё как надо! Чтобы всё быстро и без потерь!»^[210]

В то, кто и как составлял основные планы, мы вдаваться не будем, но

вот интересная информация, касавшаяся тех, кто прилетел вместе с Юрием Ивановичем, а также — «мусульманского» батальона.

Это было подразделение спецназа, сформированное в мае 1979 года по приказу начальника ГРУ — официально оно именовалось «154-м отрядом специального назначения». Для его укомплектования в разведывательных, мотострелковых и танковых подразделениях Туркестанского и Среднеазиатского военных округов отбирали бойцов, отслуживших полгода-год (чтобы не ушли раньше времени «на дембель»), знавших восточные языки и имевших хорошую физическую подготовку. Понятно, что в подавляющем своём большинстве это были представители восточных народов (существовал в армии такой термин: «боец нерусской национальности»): узбеки, таджики, туркмены. Тех же национальностей были офицеры и прапорщики батальона, которым командовал узбек майор Хабиб Таджибаевич Халбаев. Лишь экипажи четырёх приданных батальону зенитных самоходных установок «Шилка» (ЗСУ-23-4) состояли из славян — ребят из Средней Азии, служивших по такой специальности, найти не удалось. «Мусбат» состоял из пяти рот и двух специальных групп — немногим более пятисот человек, был оснащён новой техникой и вооружением. Личный состав обмундировали в афганскую военную форму, основательно истрепавшуюся — реальный вид! — за время боевых тренировок в Союзе. Кстати, изначально организацией батальона занимался полковник Колесник, до своего перевода в Москву проходивший службу в войсках Туркестанского военного округа.

В середине декабря батальон был введён на территорию Афганистана, а 20-го числа оказался на окраине Кабула.

Итак, возвращаемся к нашему герою.

«Сразу же приступили к выполнению боевой задачи. Быстро установили контакт с командиром бригады охраны майором Джандадом (он же порученец Амина), согласовали с ним расположение оборонительных позиций подразделений батальона и все вопросы взаимодействия. Для связи лично с ним Джандад предоставил им небольшую японскую радиостанцию. Сам командир бригады владел русским языком (хотя и скрывал это), так как учился в Советском Союзе, сначала в Рязани в воздушно-десантном училище, а затем окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. По легенде, полковник В. Колесник действовал в роли „майора Колесова“ — заместителя командира батальона по боевой подготовке, а подполковник О. Шве́ц — „майора Швецова“ — офицера особого отдела. Один из их попутчиков (полковник Ю. Дроздов) стал „капитаном Лебедевым“ — заместителем Х. Халбаева по технической

части. Вечером же 22 декабря пригласили командование бригады на товарищеский ужин»^[211].

Если честно, то эти «игры» вызывают удивление.

Неужели майор Сабри Джандад (весьма уважаемый и не маленький по своему положению человек!) полагал, что его гости не изучили его биографию вдоль и поперёк? Хотя бы из вежливости, чтобы знать, как с ним общаться? (Повторим, что «восток — дело тонкое», в лужу сесть несложно!) Да и вряд ли такую биографию нужно было скрывать. (Если бы учился в «Вышке» — Высшей школе КГБ, тогда иное дело.) Так что изображать незнание русского языка порученцу Амина было совсем неразумно.

Но ещё, пожалуй, неразумнее было «делать» из генерал-майора «вечного капитана»! Джандад, выпускник советской военной академии, прекрасно знал, что капитан в «Красной армии» служит до 45 лет — и в запас. Юрию Ивановичу было 54 года, и мы бы не рискнули сказать, что он выглядел моложе своего возраста. Да и сомнительно, что за какие-то два месяца с него полностью сошёл белой лоск, соответствующий статусу заместителя Постпреда СССР при ООН.

Сказали бы: «полковник — проверяющий из Москвы», и всё понятно, этих «проверяющих» в войсках всегда было больше чем достаточно — надо оно или не надо, тогда как элегантный капитан пенсионного возраста явно вызвал немалые сомнения. Но ведь не сам Дроздов эту чушь придумывал — ему пришлось «играть» по не им установленным правилам...

А вот далее устанавливать правила пришлось уже ему самому.

«24 декабря 1979 года с одним из генералов советнического аппарата я побывал на объекте, в овладении которым должен был принять непосредственное участие. Это был один из наиболее сложных объектов предстоящей операции, что требовало личной и детальной рекогносцировки.

В тот же день я впервые оказался в комнате на первом этаже посольства, где работала группа генерала С. К. Магометова^[109]. Мы вошли туда вместе с В. А. На нас не обратили внимания. В. А. здесь знали. В комнате стоял шум, галдёж. Все говорили о сложности овладения объектом, о невозможности сделать всё незаметно, внезапно. Через плечо одного из генералов я посмотрел на поднятую карту с обстановкой. Рельеф местности представлял из себя форму бутылки, горловину которой закрывала высота с дворцом Тадж-Бек.

„Почему невозможно? — сказал я. — Надо войти в бутылку и всё начать оттуда“.

На меня внимательно посмотрели.

„Генерал Лебедев“, — представил меня В. А.

К исходу дня мне объявили, что в Центре принято решение перебросить меня на объект Тадж-Бек.

Видимо, после моего ухода из этого кабинета ещё раз всё обсудили, доложили в Москву, а так как любая инициатива наказуема, то исполнение поручили мне. Так я стал одним из исполнителей операции „Шторм-333“»^[212].

«В. А.» — это генерал-майор (пока ещё, потому как вторую звезду он получит в следующем году) Кирпиченко.

В Афганистан он прибыл в начале декабря — разобраться в том, что там происходит. Непосредственно о встрече с Кирпиченко Юрий Иванович рассказывал так:

«20-го, в День ЧК, были в Кабуле. Первым, кого я здесь увидел, был Вадим Алексеевич, с которым мы хорошо и дружески встретились... Он был там представителем КГБ, одним из тех руководителей, что были посланы туда Андроповым.

Объекты у нас были разные, так что соприкасаться нам приходилось только два раза — каждый был на своём участке, каждому было, что делать»^[213].

Мы знаем, что Вадим Алексеевич любил вспоминать, что в столице Афганистана он словно бы повстречался со своей фронтовой молодостью:

«Я должен был обеспечить высадку на Кабульский аэродром частей 103-й десантной дивизии. Можно сказать, высадились они благополучно — стрельбы не было, хотя один самолёт разбился... На другой день я вводил в боевые порядки дивизии наши разведывательно-диверсионные группы, чтобы они показали, куда идти. Генерал в десантной форме представился: „Командир 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии генерал-майор Рябченко!“ — „Что ж вы не сказали, — спрашиваю, — что дивизия Краснознамённая, ордена Кутузова II степени?“ — „Откуда вы знаете?!“ Да вот, говорю, это моя родная дивизия, я в ней воевал...»^[214]

Это была Витебская (по месту дислокации, как в обиходе именовали десантные соединения) дивизия ВДВ, переброска частей которой в Кабул началась 25 декабря.

Как мы уже говорили, на территории Афганистана в то время находились не только части и подразделения Советской армии, но и отряды

специального назначения КГБ СССР, спешно названные «Гром» и «Зенит». Были также и другие представители внешней разведки.

Вот маленький фрагмент (вопрос и короткий ответ) нашего разговора с генерал-лейтенантом Леонидом Владимировичем Шебаршиным^[110], последним начальником ПГУ КГБ СССР, а в 1979 году — резидентом в Тегеране:

«— Вопрос, на который вы можете — если вообще можете — дать только односложный ответ... Были ли в Афганистане перед вводом наших войск советские разведчики-нелегалы?»

(Долгая пауза.)

— Да»^[215].

Впрочем, о том, что делали — но, к сожалению, не смогли сделать по совершенно независимым от них причинам эти навек безымянные люди, — теперь уже известно. Хотя известно совсем немного, но если бы получилось, то все события стали бы разворачиваться по несколько иному сценарию и, не исключено, получили бы другое продолжение. Сейчас не секрет, что Хафизулла Амина намеревались устранить «средневековым» способом — посредством яда. Что ж, как говорится, «деды не глупее нас были», — пожалуй, это было бы гуманнее, нежели затевать стрельбу. Но...

Вот что рассказывал нам один компетентный товарищ:

«Никто не предполагал, что внутри дворца ещё были наши люди. Там находились не только наши врачи, но и наши нелегалы — расчёт был на них. Была определённая группа лиц, которая должна была способствовать выполнению этой операции. Бескровным путём, без штурмов. Теперь это история...

Об этом знал только Дроздов. Только Дроздов! Это была его задумка.

Операция была настолько закрыта, что эта закрытость не позволила просчитать все ходы, всех предупредить. Амин обратился за помощью не только в свой военный госпиталь, но и к врачам в наше посольство — и два наших врача его спасли. Таким образом, попытка устранения Амина совершенно иным путём, при содействии нелегальной разведки, к сожалению, не удалась».

А вот несколько слов о «легальных» сотрудниках КГБ, хотя и переодетых в солдатскую форму. В советскую. Но за день до «событий» их вообще переодели в афганское обмундирование; для того чтобы узнавать друг друга, спецназовцы надели нарукавные повязки из бинтов. Теперь — рассказ Юрия Ивановича:

«При посещении одной из групп „Зенита“ я обратил внимание на

вопрошающие взгляды офицеров-диверсантов, томившихся от безделья и ожидания. Мол, ещё один генерал приехал, а толку... Чтобы приободрить их, бросил: „Ну что, похулиганим, засиделись!“ Лица оживились. Наконец-то! Это выражение „каскадёры“ припоминают мне иногда, признаваясь, что оно избавило их от уныния и неопределённости. Примерно такую же картину можно было наблюдать и в других местах. Теперь офицеры были ориентированы на дополнительную непрерывную разведку своих объектов и общей ситуации в Кабуле»^[216].

Сказанное подтверждает профессионал высокого класса полковник Валерий Владимирович Попов:

«Юрий Иванович был психологом. Он очень вовремя сказал простые, но совершенно удивительные слова: „Ну что, мужики, немножко похулиганим?“ И в этой напряжённой обстановке все заулыбались, начали друг друга подбадривать. Это был завершающий этап некоего инструктажа — назовём его так, и все совсем с другим настроением вышли с этого инструктажа, понимая, что жизнь есть жизнь, на неё надо смотреть с открытым забралом, идти вперёд и ничего не бояться. Это был общий настрой!

Эвальд Григорьевич напомнил эти гениальные слова, когда у нас в „Лесу“ праздновали 90-летие Юрия Ивановича. Тут ещё особенно важно то, что он не только разрядил обстановку и „благословил“ ребят, но потом был с ними рядом».

В состав отряда «Гром» входили сотрудники впоследствии ставшей легендарной группы «А» (журналисты окрестили её «Альфой») 7-го Управления КГБ СССР. «Офицеры группы отличались своей спортивной подготовкой, среди них были призёры чемпионатов Европы, СССР и общества „Динамо“ по боксу и борьбе, а главное, они притёрлись в составе боевых подразделений при решении практических задач»^[217], — уточняет участник тех событий.

Спецотряд «Зенит» в основном состоял из сотрудников внешней разведки и выпускников КУОС — Курсов усовершенствования офицерского состава КГБ СССР, где «подготовку проходили офицеры территориальных органов КГБ, назначенные в специальный резерв на особый период. В их задачи входила организация партизанского сопротивления и непосредственное командование диверсионными группами в случае войны. Они прибывали со всего Советского Союза и после окончания КУОСа возвращались на прежнее место службы»^[218].

Если кто не уразумел, то «особый период» — это война. Во время

Великой Отечественной буквально во всех оккупированных гитлеровцами городах СССР возникли подпольные очаги сопротивления, возглавляемые, как писалось потом в газетах, «простыми советскими патриотами», которые, так же как командиры и бойцы многих партизанских отрядов, на самом деле являлись кадровыми сотрудниками НКВД. Так что пока сохранялась реальная военная опасность, КГБ готовил своих сотрудников к действиям в «особых условиях».

На территории Афганистана оказались не только выпускники КУОС, но и их недавние наставники, имевшие, кстати, иную задачу.

«Сразу же после принятия в конце июня 1979 г. решения Политбюро ЦК КПСС об активизации мероприятий по оказанию советнической помощи спецслужбам Афганистана руководство КГБ решило направить в эту страну целое подразделение из числа преподавателей КУОС и представителей оперативных подразделений. Уже к 2 июля 1979 г. отряд из 38 чекистов, получивший условное наименование „Зенит“, был готов к вылету»^[219].

Позже к «Зениту» прибыл и сам начальник КУОС полковник Григорий Иванович Бояринов^{111}, уважаемый и любимый подчинёнными офицер, воевавший в Великую Отечественную с первых её дней. Сначала — в пехоте, командиром миномётного взвода, затем в войсках НКВД; воевал он и на фронте, и в немецком тылу, а в 1944 году как пограничник остановился на самом пороге Европы.

Сотрудники этого подразделения изначально выполняли советнические функции. Потом, правда, всё изменилось, и название «Зенит» перешло к теперь уже боевой группе — буквально перед самым штурмом.

Участник событий вспоминает:

«Титыч нам сказал, что теперь все мы называемся отрядом специального назначения „Зенит“. Старшим группы, которая будет дислоцироваться у Дворца, назначен Яша Семёнов^{112}. Наша подгруппа под командованием Титыча остаётся в составе группы Яши. Задача нам будет поставлена отдельно»^[220].

«Титыч» — генерал-лейтенант Александр Титович Голубев^{113}, в ту пору — подполковник из внешней разведки, человек душевный и обаятельный. Все всегда называли его «Титыч» — большинство, правда, за глаза... Его подразделение должно было захватить во дворце Амина секретные документы, доказывавшие связь правящего режима с американцами.

25 декабря Юрий Иванович провёл совещание с командирами разведывательно-диверсионных групп — по результатам разведки объекта, весьма тщательной.

«Поздно вечером 26 декабря В. В. Колесник и я вместе с Э. Г. Козловым и О. Л. Швецом ещё раз отработали план операции по объекту Тадж-Бек. Основным замыслом этого плана было решение главной задачи силами двух смешанных штурмовых групп „Гром“ и „Зенит“, действия которых обеспечивались созданием внешнего и внутреннего колец окружения силами подразделений „мусульманского“ батальона и средств огневой поддержки. Особое внимание уделялось вопросам связи и взаимодействия»^[221].

И был вечер, и было утро — день 27 декабря 1979 года.

С самого утра генерал Дроздов и полковник Колесник встретились с армейским руководством, доложили составленный накануне план боя. Хотя по всем канонам вышестоящий начальник должен план утвердить и расписаться (тем самым приняв на себя ответственность), документ был «утверждён» устно: «Действуйте!» — не то приказ, не то одобрение. (Если к слову «Выполняйте!» можно добавить — «немедленно», то к «Действуйте...» вполне подходит уточнение «...на своё усмотрение».)

Но даже «трёхзвёздный» армейский генерал для сотрудника КГБ — начальство «боковое», поэтому несколько позже Юрий Иванович доложил обо всём по «своей линии». А сначала, сразу после совещания, они с Колесником отправились в посольскую гостиницу, в баню, помылись и, как положено по-русски, надели перед боем чистое бельё. Молча выпили бутылку коньяку — когда тебе нужно идти под огонь, это в общем-то полезно. Если в разумных пределах.

«После бани 27 декабря 1979 года я и В. В. Колесник в полдень ещё раз зашли каждый к своему руководству. Б. С. Иванов^[114] связался с Центром, доложил, что всё готово. Потом он протянул трубку радиотелефона мне. Говорил Ю. В. Андропов.

— Ты сам пойдёшь? — спросил он. Я ответил утвердительно. — Зря не рискуй, думай о своей безопасности и береги людей.

В район расположения „мусульманского“ батальона ехали молча, каждый думал о своём»^[222].

Вспоминает участник этой встречи полковник Рустамходжи Турдихужаевич (фамилия сложная, не запомнилась, жаль!), который тогда был лейтенантом, командиром группы специального назначения — штурмовой группы на БТРах того самого «мусульманского» батальона:

«С 18 декабря наш отряд дислоцировался возле дворца Тадж-Бек. Мы находились вторым кольцом охраны дворца, в который была переведена резиденция Хафизуллы Амина, руководителя ЦК НДПА — первого лица Афганистана на тот период. Задача была поставлена нашему отряду — обеспечивать охрану дворца, совместно с дворцовой охраной...

У меня было четыре БТРа 60-ПБ — новенькие, по тем временам; в группе со мной вместе — сорок четыре человека. У этих БТРов, единственно, была одна страшная штука: выход сверху, из люков. Чтобы переделать эти машины, понадобился Афган — и кучу людей загубить...

27 декабря, где-то после обеда, несколько командиров групп из нашего отряда, в том числе и я, были приглашены на второй этаж. Мы жили в недостроенной казарме, и там на втором этаже находились ребята из Комитета. Весь наш отряд был расположен в недостроенных зданиях.

После небольшого введения нам ставил задачу Дроздов — естественно, тогда мы его не знали... Лицо очень запоминающееся! Он начал про общеполитическую ситуацию говорить, о том, что режим Амина очень кровавый, что Амин уничтожает и подвергает громадным репрессиям тысячи членов НДПА, и ещё вскользь было сказано, что его необходимо убрать от власти. О том, чтобы его вообще „убрать“ — разговоров не было...

Это была моя первая встреча с Юрием Ивановичем».

После разговора с офицерами «мусбата» Юрий Иванович встретился с «Мишей-Яшей» — Романовым^{115} и Семёновым, командирами «Зенита» и «Грома», имена которых превратились тогда в пароль и отзыв для чекистов, участников штурма.

Вот что вспоминал сам Яков Семёнов:

«День 27 декабря 1979 года начался буднично, но в 15:00 Ю. И. Дроздов вызвал меня и Михаила Романова и устно поставил задачу на штурм дворца. Слова генерала были простые, не было киношных „слушай команду“ и тому подобное. Приказ выглядел как просьба: „Ребята, не подведите!“ Он знал, что посылает нас на верную смерть, кто-то уже не вернётся с задания. Никаких карт, планов, бумаг — только слова, слова. Мы доложили план действий, который Дроздов одобрил. Он сказал, что в штурме будут участвовать Асадулла Сарвари (будущий заместитель премьер-министра страны) в группе „Гром“ и Саид Мохаммад Гулябзой (будущий министр МВД) в моей группе. Кроме того, в экипаж четвёртого БТРа „Зенита“ был включен Г. И. Бояринов. Много лет спустя на встрече ветеранов Учебного центра СВР Голубев Александр Титыч... который как раз и должен был находиться в этой боевой машине, рассказал, что уступил

свое место Г. И. Бояринову после его настойчивых уговоров. Кто тогда мог знать, что он напросился на свою смерть?

(Повторим, что подполковник Голубев выполнял задачу по захвату документов и ему не было смысла находиться в самых первых рядах. — А. Б.)

Я сразу же спросил у Юрия Ивановича: „Что, Григорий Иванович — мой начальник? Как поступать, если он начнет вмешиваться в наш план действий?“

На что получил ответ: „Действуй по своему плану и не реагируй ни на чьи указания“.

Чтобы окончательно избежать лобового столкновения при руководстве операцией, я предложил направить Г. И. Бояринова на узел связи во дворце. Это предложение было одобрено. Эвальд Козлов напросился в машину Миши Романова»^[223].

Ну да, в Москве Бояринов был для Семёнова начальником, однако на земле Афганистана «расклад» получался несколько иной, и Бояринов прекрасно это понимал.

Вот что рассказывал нам генерал-лейтенант Голубев, Титыч:

«Накануне прилетел полковник Бояринов, с которым я был знаком с 1967 года, — он был руководителем КУОС; с его сыном я работал в одной командировке и потом часто бывал у них в семье. Я ему сказал: „Григорий Иванович, мы приехали — понятно, а ты чего приехал? Ты ведь уже повоевал...“ Он говорит: „Война не закончена! Обстановка тяжёлая — поверь, тут будет большая бойня!“ Он уже знал, что с той стороны всё подготовлено и готовилось»^[224].

И ещё он говорил, что в бой пойдут его сыновья...

«Принимал участие в той операции и начальник КУОС Г. И. Бояринов. По своему служебному положению Григорий Иванович не обязан был участвовать в боевой операции, но он объяснил начальнику Управления нелегальной разведки ПГУ КГБ СССР генералу Юрию Ивановичу Дроздову, что не может поступить иначе. Он должен был лично повести своих учеников в первый настоящий бой и идти рядом с ними, чтобы на собственном примере опытного командира, участника Великой Отечественной войны, показать молодым бойцам спецназа, по сути дела, своим детям, как надо действовать в реальной боевой обстановке, в экстремальных условиях, как преодолеть страх смерти и познать радость победы во имя исполнения приказа, который отдала Родина»^[225].

Но боевые события того дня начались отнюдь не у дворца Тадж-Бек,

вокруг которого были сосредоточены все основные силы обеих сторон:

«В 19.10 группа разведчиков-диверсантов Алексея П. на автомашине приблизилась к люку Центрального распределительного узла подземных коммуникаций связи, проехала над ним и „заглохла“. Пока часовой-афганец приближался к ним, из кузова крытой машины вывалились две фигуры, подняли крышку люка, что-то опустили, заботливо прикрыли её. Мотор взревел, завёлся-таки, водитель махнул рукой афганцу-часовому, и машина скрылась за поворотом. На всё, как и предполагали, ушло 35–40 секунд. Через 5 минут прогремел взрыв, оставивший Кабул без телефонной связи»^[226].

«Ровно в 19.15 27 декабря 1979 года в центре Кабула группой Бориса Плешкунова был подорван коллектор правительственной связи, что послужило сигналом для начала действий остальных подразделений.

Чуть раньше этого взрыва группа „Зенит“ на трёх БТРах под прикрытием „Шилок“ устремилась к дворцу. Я. Ф. Семёнов был в первой машине. Все три машины попали под плотный огонь крупнокалиберного пулемёта, который находился у торца здания»^[227].

Не нужно удивляться: с течением времени какие-то имена открываются или... могут звучать по-разному. Так как мы пишем не хронику, то и не стремимся досконально выяснить, как звали того или иного человека, появившегося на страницах нашего повествования.

Зато вот чёткое свидетельство от Титыча о том, кто именно осуществлял общее руководство:

«Штурмом дворца руководил генерал Юрий Иванович Дроздов. На командном пункте был генерал Кирпиченко»^[228].

Видимо, лучшие кандидатуры для общего руководства боем подобрать было невозможно. Вот, кстати, как охарактеризовал Юрия Ивановича ветеран спецназа:

«Он был человек целеустремлённый. Можно сказать — жёсткий, когда добивался своего, нужного. Нужного по делу — на посторонние дела он не отвлекался. Он добивался, чтобы дело было реализовано. И в этом плане он был жестковат, требовал жёстко».

О том, что происходило, каждый рассказывает по-своему: кто что видел, кто что запомнил, кто что подумал, кому что говорил по горячим следам... Потому дать точную и объективную картину боя не представляется возможным — да мы и не пытаемся это сделать, не дергая «объять необъятное». К тому же весь этот день много раз описан и переписан, да и интересует нас прежде всего генерал-майор Дроздов как

герой нашей книги.

Хотя, конечно, какую-то «картинку» произошедшего представить надо, и вот что рассказывал нам Рустамходжи Турдихужаевич:

«Я знал, что сначала должны были пойти БМП, которые должны были на себя отвести прожектора и огонь. Но они почему-то не двигались. Когда же раздался наш сильнодействующий мат, я дал команду „вперёд!“. Ехал я сверху, на броне, потому что БТР так устроен, что может только по триплексу ехать, по-боевому, закрытым — а сзади мои БТРы должны ориентироваться на красные огоньки мои, которые сзади. А мой должен был исключительно ехать по триплексам.

Огонь был страшный. И в этот момент мне механик-водитель говорит, что не видит дороги. „Триплексы разбиты, еле-еле вижу дорогу!“ А тут мне пуля из крупнокалиберного пулемёта сбила каску и задела шлемофон — сверху били — и пули деформировали крышку люка. Пробить её не смогли, но люк уже не закрывался. У меня, конечно, было желание спрятаться, потому что я открытый получаюсь, каску сбило — блин! — но водитель не видит дороги. Я прижался за углом, огонь был страшный (я потом смотрел: БТР был весь ободран), скорость начала замедляться, мы потом увидели, что колёса продырявлены, передние фары разбиты... И я управлял движением водителя.

Мы еле ехали... В этот момент я увидел: у меня загорелся второй БТР. Я дал команду, сбросил его с дороги, потому что он мешал. У нас была такая установка.

Везде почему-то пишут, что он завалился в канаву, но на самом деле он был подбит и загорелся. Он горел, реально горел! Я дал команду, чтобы они спешили, а третий БТР его сбросил».

А вот что о том же самом вспоминал «Яша», с именем которого на устах бойцы шли в атаку (звучит-то как! Но ведь было), — Яков Фёдорович Семёнов:

«Первые же минуты штурма сломали весь наш тщательно подготовленный план. Дроздов направил „зенитовцев“ на штурм первыми, хотя группа „Гром“ по плану должна была идти впереди, поскольку броня у БМП по сравнению с БТР была мощнее, и по времени обе группы смогли бы атаковать дворец почти одновременно. Я с первой подгруппой на БТРе попал на открытом пространстве под шквал огня из крупнокалиберного пулемёта. Этот огонь нёс смерть, но нам удалось проскочить в мёртвую зону у нижнего яруса дворца с перебитыми колёсами. Вторая машина была подбита и сгорела (а ведь в ней должен был находиться я). Погиб Боря Суворов, командир подгруппы, остальные получили ранения разной

степени тяжести...

Позже я спросил Юрия Ивановича Дроздова:

— Кто изменил план действий?

— Я, — ответил он»^[229].

На этих словах Семёнов почему-то поставил точку, хотя понятно, что тогдашний их разговор этим ответом не закончился и что Юрий Иванович объяснил причину своего решения, однако догадок строить не будем.

Генерал Голубев нам говорил:

«Всё было объединено — и наши, и романовские товарищи, и „мусульманский“ батальон, и генерал Дроздов — все шли в бой вместе, это было одно боевое подразделение, в котором все выполняли одну задачу и защищали друг друга... Один бронетранспортёр был подбит, но мы и к этому были готовы, взяли штурмовые лестницы. БТР столкнули, другие машины пошли. А ведь всё-таки, когда бронёй прикрылся, веселее себя чувствуешь. Но люди шли быстро и эффективно. Главной задачей было войти во дворец — по нему в это время били и наши, и не наши... Спешились молниеносно — и бегом в дверь, стреляя и пригибаясь. Если бы мы не смогли этого быстро сделать, то были бы большие потери...»^[230]

И опять — воспоминания полковника Рустамходжи Турдихужаевича:

«Вместо четырёх БТРов доехало два. И уже пошло десантирование и моих ребят. Естественно, они сразу стали получать ранения. Обе радиостанции, которые у меня были, были подбиты. Связи никакой нет! Управлять было очень сложно, потому что над головами, над нами, по дворцу, стреляли „Шилки“, — а огонь этот страшный... Прижавшись к земле, мои ребята попытались открыть огонь. Они были молодцы! Но раненых было много — стонали, кричали... Это только в кино раненые песни поют и передают кому-то приветы!

Первая атака „зенитовцев“ захлебнулась. Тоже стали прижиматься...

Потом вторая атака — какая-то горстка людей, я видел, она всё-таки убежала наверх. Мы помогали „гасить“ огневые точки, которые обнаруживались. Где „вспыхнет“ — туда и стреляли. Первое мгновение суматохи немножко прошло, уже действовали более осмысленно.

И вот в один какой-то момент я услышал ну просто дикий крик: „Мужики, чего лежите, помогите!“ — что-то такое. Это произошло, когда „Шилки“ перестали стрелять — иначе бы не услышать. Я узнал этот голос — он принадлежал человеку, который вместе с Колесником меня инструктировал. (Это был полковник Бояринов — он знал, как управлять боем и людьми. — А. Б.)

Врать не буду, но в этот момент у меня в голове всё промелькнуло. Впервые, перед самым моим отъездом у меня брат-испытатель погиб; здесь много раненых, кто-то не двигается — видимо, убитые... Пойти нельзя — нам это было категорически запрещено, и не пойти нельзя, потому что там что-то происходит и надо помочь.

Я собрал пятерых ребят, которые были не задеты, прижал их к себе и сказал: „Ребята, бежим туда, вперёд, вовнутрь. Кто из вас сумеет добежать, — я сам был не уверен, что добегу, — представьтесь, и перейдёте к ним в подчинение. Не забудьте про пароль и повязки!“».

Пароль был тот самый: «Яша-Миша!»

Это подтверждает и Валерий Николаевич Курилов:

«В полутьме мимо пробежали наши.

— Миша! Яша! — кричали со всех сторон.

„Чтоб своих не перебить!“ — сообразил я и тоже закричал:

— Миша! Яша!»^[231]

И снова — рассказ Рустамходжи Турдихужаевича:

«Как пробились наверх, честно говоря, — не знаю. Болело всё тело: когда стреляли „Шилки“, летела гранитная крошка, острая, как лезвие, прорезавшая даже одежду... Я понимал, что надо вовнутрь — но дверь под арочкой, в торце, была закрыта. Большая, массивная дверь. А у нас были гранатомёты — „Муха“. Первый выстрел — туда! Граната прошла через дверь и разорвалась внутри. Я приказал сделать проход между дверью и стенкой — и через этот проход уже зашли внутрь. Ну а дальше — как учили. Три человека с одной стороны, два — с другой, прикрывают друг друга, практически все двери мы прошли... Бьёшь по замковому устройству, пинаешь дверь, кидаешь туда гранату... После взрыва — очередь, убеждаемся... И сзади один нас прикрывал...

Один из моих бойцов прилично был ранен, другой — чуть-чуть».

А вот что потом объяснил нам генерал-майор Владислав Николаевич:

«Если бы не Рустамходжи, лейтенант из „мусульманского батальона“, то у нас провалился бы штурм дворца Амина. Он сработал в самый критический момент. Дроздов говорил, что если бы не этот лейтенант и его бойцы, которые забежали с другой стороны, где была дверь закрытая, и они сбили эту дверь, то всех наших ребят внутри изрешетили бы».

Полковник Сергей Александрович Голов, впоследствии — начальник КУОС, а в то время — командир одной из подгрупп спецотряда «Гром», рассказывал:

«Мы поднимались на лестницу второго этажа — Семёнов, Козлов и я. Перед нами оказалась дверь — точнее, загородка, которая состояла из

решёток со стёклами. У меня за пояс были заткнуты гранаты — я бросаю гранату, но она попадает в переплёт и катится назад. Хорошо, я вторую гранату кинуть успел — и накрыл их, ребят. У меня был тяжёлый бронежилет, на Козлове вообще никакого бронежилета не было, а на Семёнове Яше был лёгкий бронежилет. Накрыл, сдетонировали гранаты — всё нормально — дверь открылась. Может, от этих гранат, может, ещё раньше я получал осколки, но не заметил, что кровь идёт...»

Что-то, примерно, про этот бой мы рассказали... А что делал в это время генерал Дроздов, где он находился? Времена, когда генералы, как это было в 1812 году, лично водили батальоны в атаку, прошли безвозвратно. Оно и не удивительно: если бы на Бородинском поле князь Пётр Иванович Багратион^{116} не возглавил атаку гренадер и не был ранен, то французы вряд ли смогли бы сбить наш левый фланг...

Вот и Дроздову было приказано самому в бой не лезть.

О том, что происходило, со слов Юрия Ивановича рассказывает нам Валерий Владимирович Попов:

«Главная задача была, фактически, ликвидация Амина — потому как договариваться с ним было уже невозможно. Он перешёл на сторону тогдашнего нашего главного противника, безусловно, находился под его влиянием, чему были получены доказательства, и было принято такое решение...

И здесь, неожиданно, — подчёркиваю! — так говорил мне сам Юрий Иванович, его отправили на наблюдательный пункт для поддержания связи.

Но ему был нужен контроль за исполнением той главной задачи — и вместо него для контроля проведения операции внутри здания пошёл Эвальд Козлов. Он сказал: „Юрий Иванович, давайте я!“ Дроздов этого не ожидал. „Поручите мне, я выполню — и я доложу обо всём!“ — сказал Козлов. Он совсем не был к этому готов, у него не было ни бронежилета, ни автомата — только пистолет, и всё. Колесник, свидетель этого разговора, ему вдогонку сказал: „Эвальд, хотя бы каску возьми!“

Решение было принято за несколько минут. Козлов оказался в одном из БТРов, а когда десантировался из него, то получил осколочное ранение в ногу, его передвижение было осложнено...

Юрий Иванович мне потом сказал, что он оценил Эвальда Козлова именно за решительность в то самое мгновение, когда нужно было принимать на себя ответственность — кто пойдёт внутрь здания и проконтролирует... Речь не шла о том, что он должен руководить операцией, — руководил Семёнов, но исполнить, доложить и назвать вещи своими именами было поручено Козлову, который сам на это вызвался».

«Бой во дворце продолжался недолго. Вскоре всё там было кончено. Командир роты старший лейтенант Шарипов доложил, что дворец захвачен. Полковник Колесник дал команду на прекращение огня и перенес свой командный пункт непосредственно в Тадж-Бек»^[232].

«С командного пункта, вырытого на гребне горы рядом с одной из „Шилок“, Колесник и я руководили боем. По кратким радиосообщениям чувствовался его ритм, нарастание и затухание. В какой-то момент резкое усиление огня — и наступила тишина. Даже отдельных выстрелов не было.

— Всё, — сказал Колесник и добавил: — Это мой первый и настоящий в жизни бой. А у вас?

— Очередной, — ответил я после недолгого молчания.

Бой продолжался 43 минуты.

Колесник дал команду прекратить огонь, и мы перенесли командный пункт непосредственно во дворец. На площадке перед дворцом и внутри него к нам обоим подходили командиры групп и подразделений с докладом и за распоряжениями. Уже шла эвакуация на бронетранспортёрах и БМП раненых и погибших.

Вошли во дворец. Внизу, в холле, продолжали перевязывать раненых. Разгорячённые только что закончившимся боем, проверяя, нет ли затаившихся аминовцев, ходили спецназовцы и штурмовики»^[233].

Вот, пожалуй, и всё... Не получилась целостной картины? Но, знаете, когда стреляют, таковая почему-то не складывается. Видимо, посторонний шум мешает.

Возможно, это оказался единственный бой, в котором почти что на равных сражались участники двух войн: давно прошедшей Великой Отечественной и только начинавшейся Афганской. Потом уже фронтовики, дошедшие до генеральских чинов, будут руководить, а не сражаться в боевых порядках... Хотя и руководить — тоже непросто. Вспоминая 27 декабря, Вадим Алексеевич Кирпиченко писал:

«Наверное, это была самая тяжёлая ночь в моей жизни. Во время Великой Отечественной войны на фронте были и дни, и ночи пострашнее этой, но тогда я был старшим сержантом, отвечавшим за решение какой-то частной задачи, а здесь на мою голову свалилась большая доля ответственности за успех многоплановой военно-политической операции»^[234].

И ещё несколько слов от Сергея Александровича Голова:

«Там, непосредственно во дворце Амина, я первый раз встретился с Юрием Ивановичем, мы коротко переговорили. Я увидел, что это деловой,

очень компетентный человек...»

И опять воспоминания полковника Семёнова:

«Примерно через час после моего доклада Б. С. Иванову во дворец прибыл Ю. И. Дроздов, и уже с этого момента все дальнейшие действия во дворце проходили под его непосредственным руководством. Ночь прошла в боевой обстановке. Тут и там раздавались выстрелы, продолжалась зачистка помещений дворца. Группа офицеров пыталась безуспешно найти документы, которые указывали бы на тайную связь Амина с американскими спецслужбами»^[235].

...Ну а теперь, как в плохом романе, мы «сводим» в финале главных действующих лиц. Кажется, в нашем повествовании таковыми оказались генерал Дроздов и лейтенант Рустамходжи. Они встречаются на руинах горящего дворца, что выглядит весьма эффектно. Об этой встрече подробно рассказал тот самый полковник со сложной восточной фамилией:

«Тем временем ребята из „Грома“ или „Зенита“ — определить нельзя было, все грязные, все в балахонах, они там документы забирали... А я увидел в кабинете Амина снайперскую винтовку с прицелом — в ней оказалось три патрона. Видимо, из неё стреляли, но три патрона остались. Я её себе на плечо...

Ещё ночью мы охрану дворца организовывали. Было сказано, что танки могут напасть, и мы думали: а от танков-то чем защищаться? Ничего же нет!

По всему дворцу был сквозняк, пожар там догорал, никто его не тушил, он сам накрылся...

Затем эти перипетии закончились, утром к дворцу начали подниматься наши руководители. У Дроздова — тогда я ещё не знал, что это Дроздов, был то ли „Шмайсер“, то ли что-то похожее. И вот когда был этот сбор, со стороны Генерального штаба пошла пулемётная очередь. Наш замполит, Сафаров, и ещё пара бойцов были ранены. Все врассыпную! Только Дроздов отступил за колонну, прижался к стене. Тогда он меня, видимо, и заметил, потому что я в полный рост стоял, каски нет, башка белой тряпкой повязана. Я три выстрела — туда, в штаб!

Представить: пулемёт бьёт, а я стою в полный рост, стреляю из винтовки. Как меня не задело?! Но отец меня учил, и я потом людей учил: „Никогда не бойся того, что свистит. Свою — не услышишь!“ Три выстрела сделал — может, там, в Генштабе, кто-то разобрался, что не туда стреляют, но огонь прекратился. Юрий Иванович принародно пожал мне руку, сказал: „Молодец!“

На следующий день у меня эту винтовку забрали. Есть версия, что

потом её подарили Андропову.

На этом этапе моя встреча с Юрием Ивановичем практически закончилась».

Они обязательно встретятся! Но ещё нескоро...

Глава 13. «Самое главное в жизни — работа»

Необходимое уточнение, чётко сформулированное в книге генерала Ляховского^[117]:

«В ту ночь произошёл не просто очередной государственный переворот в Кабуле, при котором власть из рук „халькистов“ перешла к „парчамистам“^[118], поддержанным советской стороной, а было положено начало резкой активизации гражданской войны в Афганистане, была открыта трагическая страница как в афганской истории, так и в истории Советского Союза. Солдаты и офицеры — участники декабрьских событий — искренне верили в справедливость своей миссии, в то, что они помогают избавиться афганскому народу от тирании Х. Амина и, выполнив свой интернациональный долг, вернуться к себе домой. Они не были политологами и историками, учёными и социологами, которые должны были бы предсказать дальнейший ход событий и дать ему оценку. Они были солдатами, выполнившими приказ»^[236].

Чем и когда завершится эта война, к чему она приведёт в итоге, предположить тогда не мог никто — даже всеведущие аналитики внешней разведки...

Описывать последующие события, происходившие тогда в Кабуле, не очень-то интересно. Да и описаны они неоднократно, в том числе и то, как «мерседес», на котором ехали Дроздов, Колесник и другие, у самого афганского Генштаба был обстрелян из ручного пулемёта неким перепуганным солдатом-десантником. Как известно, Юрий Иванович поблагодарил тогда лейтенанта, командира взвода этого несчастного бойца, за то, что тот не научил его стрелять.

Далее — обычная рутина: докладывали начальству и пили водку в расположении «мусульманского» батальона. После боя это помогает расслабиться (водка, разумеется, а не доклады). По воспоминаниям Василия Васильевича Колесника, на пятерых ушло шесть «поллитр», но, как говорится, ни в одном глазу. Бывает! Зато напряжение хоть как-то сняли.

А вот воспоминания Юрия Ивановича:

«Я доложил Б. С. Иванову о выполнении задания. Он сказал, что уже информировал в общих чертах Центр и там ждут подробное сообщение. В

рабочей комнате резидентуры я принял доклады от командиров групп, занимавшихся нейтрализацией других городских объектов, и сел писать подробную шифровку в Москву. Она заняла несколько страниц. В ней были перечислены наиболее отличившиеся при штурме дворца Тадж-Бек сотрудники групп „Гром“ и „Зенит“, а также 10 офицеров и солдат „мусульманского“ батальона. Это было моё предложение. Наградные же стали писать в Москве во второй половине января 1980 года»^[237].

Только не сочтите, что мы как-то противопоставляем внешнюю и военную разведки: полковник Колесник точно так же писал шифровки, а генерал Дроздов с ним вместе пил водку — просто такие фрагменты воспоминаний нам попались!

Дольше оставаться в Кабуле для Дроздова и Кирпиченко не имело смысла — очевидно, это было сказано им и из Центра. В Москве ожидали личных докладов.

«По возвращении из Кабула в Москву 31 декабря 1979 г. нас принял Ю. В. Андропов.

— Трудно было? — спросил он.

— Да, через 35 лет вспоминать молодость трудно...

— Понимаю. Пробовали разрубить узел иначе, а пришлось вот так...»^[238]

Впоследствии Юрий Иванович более подробно рассказывал об этом разговоре корреспонденту телеканала «Россия»:

«В кабинете Андропова присутствовали я, Владимир Алексеевич Кирпиченко и Владимир Александрович Крючков. Когда закончилась беседа, Юрий Владимирович спросил, есть ли у нас какие-либо вопросы. Я ответил, что есть один вопрос: судя по развитию обстановки, складывается положение дел таким образом, что нам в нашей стране пора вернуться к созданию подразделений специального назначения. В конце 60-х и в начале 70-х годов специальные подразделения были ликвидированы, и мы фактически просто занимались подготовкой кадров на случай какой-либо войны... Юрий Владимирович внимательно посмотрел на меня: „Ты так думаешь?“ Я говорю: „Да, я так думаю, потому что части специального назначения есть во всех государствах, в том числе и в тех, с которыми у нас натянутые отношения. Нам необходимо вернуться к созданию частей специального назначения на современном этапе развития“»^[239].

Это подтверждает и Валерий Владимирович Попов — со слов Юрия Ивановича, который подробно рассказал ему о своём визите к председателю:

«Когда они с Кирпиченко 31 декабря 1979 года доложили Андропову о результатах операции, то вместе доложили, ещё без всяких документов, что выполнили задачу спецрезервисты — группа „Зенит“ и группа „Гром“. Они сказали, что таких событий будет ещё очень много, и нам нужно, настало время, в конце концов создать специальное подразделение — подразделение специального назначения в рамках госбезопасности. Не в ГРУ, не в военной разведке, а у нас, со своими задачами.

Они ему так сказали. „Ладно, — отвечал Юрий Владимирович. — Вернёмся к этому разговору позднее“. Понятно, 31 декабря, перед Новым годом — и произошедшие события, эйфория, победа была... Они потом трижды ещё возвращались к этому вопросу в январе 1980 года».

Андропов, что называется, принял предложение к сведению, обещав подумать. О результате этих размышлений мы расскажем несколько позже.

Ну а теперь опять маленький абзац из книги генерала Ляховского. Его первое предложение относится к 27 декабря, второе — явно к 31-му:

«Сотрудники КГБ тоже доложили своему начальству в Кабуле, а затем по телефону — Ю. В. Андропову. Ему же они потом подарили взятую в качестве трофея винтовку Х. Амина „Ремингтон“ с комплектом снайперских прицелов»^[240].

История этой винтовки нам известна: из неё стрелял в сторону «работающего» пулемёта лейтенант из «мусбата».

Но был ещё один подарок, и о нём практически никто не слышал. Нет сомнения, что Андропов имел разговор и с генералом Кирпиченко, и с генералом Дроздовым. При том что мы знаем, что Андропов был не чужд политике «разделяй и властвуй» и «напрягал» отношения между некоторыми своими подчинёнными, начальниками и их заместителями, были действительно вопросы, которые следовало обсуждать вообще без всяких свидетелей. Такова специфика службы.

Вряд ли всё-таки в предновогодний день могло найтись время для обстоятельного разговора, так что, очевидно, в самом начале «Олимпийского» — таковым он вошёл в советскую историю — 1980 года, в его первые дни, Юрий Иванович вновь побывал в кабинете Андропова и в завершение разговора попытался сделать ему подарок. Подобные подарки принародно не делаются.

«Юрий Владимирович, вот это — пистолет Хафизуллы Амина!» — сказал он, выкладывая на стол оружие. Андропов скользнул взглядом и даже не протянул к подарку руки: это был самый обыкновенный ПМ, пистолет Макарова, состоявший на вооружении во всех Советских Вооружённых силах с 1951 года. Думается, если бы это была изящная

итальянская «беретта» или хотя бы добрый старый немецкий «люгер», Андропов бы взял. А тут чего — ПМ? Только и славы, что от Амина, но не станешь же это каждому объяснять! Да и кто спросит? Про «беретту» люди из «ближнего круга» непременно спросили бы (даже затем, чтобы показать, что заметили и оценили), но чего про ПМ спрашивать — прапорщик принёс со склада, откуда ещё! Глупый вопрос. Впрочем, и кто для него был Амин? В общем-то теперь — герой неприятного эпизода...

Что сказал Юрий Владимирович по поводу этого, как оказалось, неудачного подарка, мы не знаем. Юрий Иванович забрал аминовский пистолет с собой — может, ему так велел Андропов — и никуда потом сдавать не стал. Разумеется, у генерала Дроздова было и своё табельное оружие, и что-то наградное, но этот ПМ он оставил у себя — для него это была память.

О том нам рассказал один из близких молодых, скажем так, друзей Юрия Ивановича, кому он передал аминовский пистолет незадолго до своей кончины, попросив отдать его в один из «закрытых» музеев. Полковник добросовестно выполнил эту просьбу, тем самым немало смутив своих коллег в музее. «Зачем ты брал? Как мы это регистрируем?!» — был задан ему нелепый вопрос.

Ничего, сумели разобраться, оформить, и теперь пистолет с уникальной историей, принадлежавший сначала Амину, а затем Дроздову, на законных основаниях выставлен на «закрытой» экспозиции.

Возвратимся к воспоминаниям Юрия Ивановича о 31 декабря 1979 года. Дроздов писал:

«В середине того же дня я с одним из офицеров ГРУ, также принимавшим участие в операции, был на приёме у начальника Генштаба маршала Н. В. Огаркова. Николай Васильевич внимательно выслушал наш доклад и принял от нас единственный документ, характеризующий все особенности этого боя: лист карты с нанесённой обстановкой, задачами подразделений спецназа и таблицей взаимодействия. Маршал бросил быстрый взгляд на карту и спросил: „Почему не утверждена?“ Мы промолчали. Обычно сдержанный, он выругался в адрес неутвердивших боевой документ, встал и положил лист карты в свой приоткрытый сейф.

Я не осуждаю двух генералов, которым не хватило мужества поставить свои подписи, утвердить документ, воспользоваться правом, предоставленным им руководством страны. Мы уходили выполнять задание правительства, сознавая, что можем не вернуться, оставляя, как принято в таких случаях, всё на сохранение другим. Их же поступок оставил щемящее чувство досады: мы рисковали жизнью, они —

возможной оглаской личной причастности к этому событию»^[241].

И ещё из его воспоминаний:

«В тот же день, в канун Нового, 1980 года, я попросил жену поехать со мной на Манежную площадь к Вечному Огню. Падал редкий снежок. Кругом гудела предновогодняя Москва, узнавшая об афганских событиях из скупого сообщения по радио. Её, как и всей страны, будни ещё не были омрачены похоронками, порой опережавшими „чёрные тюльпаны“. Мы положили к Вечному Огню несколько ярких гвоздик, помолчали и также молча пошли домой»^[242].

Конечно, можно было бы пересказать этот эпизод и своими словами, описав нежные снежинки, что долго не таяли на рукаве, языки пламени, отрываемые порывами ветра и гаснущие на лету, добавить, что, глядя на Вечный огонь, Юрий Иванович поимённо вспоминал погибших... Но к чему это? Всё основное сказано.

Ещё Дроздов написал, что, когда он внезапно и срочно улетел в командировку, это не могло не встревожить Людмилу Александровну: ничего подобного раньше с ним не случилось, а о том, что происходило в мире, она всё-таки была в курсе. Когда же 28 декабря в советских средствах массовой информации появились скупые сообщения о событиях в Афганистане, ей стало всё ясно...

...В те времена у нас в стране была популярна весёлая итальянская песенка с припевом «Как хорошо быть генералом!». Действительно, хорошо — но только тогда, когда твоя служба проходит «на паркете» и тебе не приходится рисковать своей жизнью и брать на себя ответственность за жизни других.

Впрочем, если обратиться к истории, то можно узнать, что при наступлении «особого периода» увешанных орденами «паркетных генералов», любимых и ценимых высшим руководством, быстро сменяют иные люди, последствия тянущие на себе всю тяжесть войны. Вот только после победы эти военачальники обычно вновь отходят в сторону.

«Закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР большая группа сотрудников КГБ СССР (около 400 чел.) была награждена орденами и медалями»^[243]. Наверное, так.

Юрий Иванович был награждён орденом Октябрьской Революции. Награда высокая, по своему статусу занимающая второе место после ордена Ленина, высшей награды. Орден этот, по сравнению с другими, кажется достаточно редким: 106 462 награждения, тогда как орденов Ленина вручили в четыре раза больше, а Красного Знамени — в пять. Но

дело тут не в особой ценности этой награды, а в том, что учреждена она была в 1967 году, тогда как орден Ленина — в 1930-м, а первый советский орден Красного Знамени — вообще в 1918-м. Так что признаем, что это высокая награда, ну и всё. К сожалению, в СССР — в отличие от Российской империи — реальная наградная система отсутствовала, и то, каким орденом следует награждать отличившегося, определял не закон, а начальник.

В этой связи и возникает тот самый вопрос, что задаётся многими и постоянно: почему генералу Дроздову, руководившему штурмом дворца Тадж-Бек, не было присвоено звание Героя Советского Союза?

На это нам отвечает Валерий Владимирович Попов:

«Окончательное представление на звание Героя Советского Союза включало десять человек — в нём был и Юрий Иванович. Эвальда Григорьевича Козлова вписал именно он — это было его решение. Яков Фёдорович Семёнов там тоже был. Были из „мусульманского“ батальона — включая Рустамходжи Турдихужаевича, который прикрывал нашу штурмующую группу. Но рукою одного человека шестеро оттуда были убраны».

Честно говорим, что мы не знаем, кто был этот человек, а гадать (тем более — принародно) не любим, не хочется. Но о том, кто красным карандашом (именно так, решительно!) вычеркнул из списка на представление к званию Героя генерала Дроздова, нам известно доподлинно.

Этим человеком был сам генерал Дроздов.

И тут в общем-то «спасибо» Ю. В. Андропову! Никому не в обиду, и не посетуют на нас те ветераны спецслужб, которые до сих пор с большим уважением вспоминают Юрия Владимировича — и ведь есть за что! — но «лбами» Дроздова и его начальника, Владимира Александровича Крючкова, он столкнул крепко. После того как Дроздов возвратился из Соединённых Штатов, Андропов постоянно вызывал его к себе для разного рода консультаций и бесед. Делал он это напрямую, минуя начальника Первого главного управления — то есть Владимира Александровича. А мы уже говорили о том, как это могло восприниматься последним — то есть реально партийным чиновником, «аппаратчиком». (Хотя мы и дружили с Владимиром Александровичем, но говорим так — «истина дороже».)

Крючков начал сильно ревновать Дроздова к Андропову. (Или наоборот?)

В личном разговоре, незадолго до своего ухода, когда можно было открывать многое (и всё равно далеко не всё — даже своим!), Юрий

Иванович откровенно говорил с Поповым, а Валерий Владимирович кое-что из сказанного передал и разъяснил нам. Дроздов ему говорил:

«„Валера, пойми правильно! Если бы я стал Героем Советского Союза... У меня впереди была интересная работа. Я был только в процессе назначения на должность начальника нелегальной разведки...“

Он с этим предложением (стать начальником Управления „С“) согласился — и когда он согласился, его тут же направили в Афганистан. Ещё не было процедуры передачи от Кирпиченко всего „хозяйства“. Юрий Иванович мне говорил: „Если бы я получил Звезду, то я бы стал ветераном — очерки бы писал, рассказывал про Китай, про Штаты. И никакой нелегальной работы! Поверь, я это почувствовал!“

Ещё Юрий Иванович, уже в другой раз, сказал мне так: „Если бы я стал Героем, то про нелегальную разведку мне, как её начальнику, можно было напрочь забыть. А для меня самое главное в жизни — работа. И к наградам я отношусь серьёзно — я там, в Афганистане, жизнью не рисковал“.

Ну как так не рисковал?!»

Действительно, риск был. Не в такой степени, как у тех, кто с автоматами в руках непосредственно врывается во дворец Тадж-Бек — но ведь Дроздов всё равно был рядом с ними, с атакующими, и пули, как защитников дворца, так и перепуганных солдат-десантников (их можно понять: восемнадцатилетних мальчишек, самых простых по своему происхождению, вдруг привезли непонятно куда, в «заграницу», о которой они ни сном ни духом, и сразу же бросили в бой!), залетали куда угодно. К тому же именно он принял на себя ту ответственность, что отказались взять генералы с большим количеством звёзд на погонах, не подписавшие боевой приказ. Именно он в том бою принимал окончательные решения — и для подразделений спецназа КГБ, и для военнослужащих ГРУ. Ответственность полностью легла на его плечи — не по приказу свыше, а потому, что и полковник Колесник, и другие сотрудники военной разведки всего за неделю знакомства прониклись к нему высочайшим уважением и доверием.

Хотя, если откровенно, то для того, чтобы увидеть и понять человека, недели, проведённой с ним в зоне боевых действий, больше чем достаточно.

Вот потому-то именно за небоязнь — скажем так! — взять на себя ответственность Дроздов представил к званию Героя Советского Союза капитана 2-го ранга Эвальда Григорьевича Козлова (некоторые говорят: «Он отдал ему свою Звезду»).

Опять-таки объясняет Валерий Владимирович:

«В представлении на присвоение звания Героя Юрий Иванович подчеркнул фамилию Козлова и вычеркнул свою... В Эвальде Григорьевиче он, по его словам, углядел, увидел будущего командира — оценил его перспективу. Он счёл этого офицера достойным звания Героя за его решительность, его мужество: вот так вызваться пойти на штурм, это и есть мужество — когда ты не думаешь о себе, а думаешь о выполнении задачи...»

Но, как мы уже сказали, из десяти представленных к званию Героя Советского Союза Золотые Звёзды получили лишь четверо: полковник Колесник, капитан 2-го ранга Козлов и капитан Карпухин; полковник Бояринов — посмертно.

...Иногда может показаться, что награды «людям в погонах» высшие начальники выдают либо из своего собственного кармана, либо вообще себе в ущерб, снимая их со своих мундиров — настолько экономны они при этом оказываются...

К сожалению, не зная содержания того самого «закрытого» указа, мы не можем ничего утверждать точно — лишь в общих масштабах. Вроде бы наибольшее количество орденов Ленина — повторяем, высшего ордена в СССР! — получили военнослужащие «мусульманского» батальона — семь или восемь человек. (Можем ошибаться!) В числе награждённых был и лейтенант Рустамходжи Турдихужаевич. Лейтенант с орденом Ленина — более чем круто!

Запомните это имя — мы с ним обязательно встретимся.

Орденом Ленина был награждён и Сергей Александрович Голов, также представленный к званию Героя.

«Мне наши ребята порой говорят, — рассказал нам Сергей Александрович, — что мне не повезло — мол, Героя не получил. Я отвечаю: „Не повезло тем, кто здесь похоронены! К сожалению, мы чаще всего встречаемся на кладбище, вспоминая наших ребят, — там-то такие разговоры и возникают... А я говорю: Слава Богу, жив и здоров!“».

И ведь действительно, сколько нам ни приходилось общаться с людьми, бравшими «дворец Амина», никто из них не сетовал на то, что его самого недооценили — мол, дали орден рангом ниже, нежели он заслужил, или, тем паче, не присвоили звание Героя.

А вот о том, что Героем Советского Союза не стал Юрий Иванович Дроздов — об этом сожалеют практически все, называя это несправедливостью.

Это было начало той самой войны, что тянулась гораздо дольше Великой Отечественной, хотя и при несравнимо меньших потерях, зато

имела для нашей страны роковые последствия.

Отныне для руководителя Управления «С» генерала Дроздова Афганистан навсегда остался самой «горячей точкой».

«Начиная с 1979 г. весь последующий период до ухода в отставку мне пришлось курировать работу подразделений нелегальной разведки в Афганистане. Уже в январе 1980 г. в беседе с маршалом С. Ф. Ахромеевым мы поставили вопрос о постепенном выводе советских войск из Афганистана, понимая особенности страны и обстановки, однако это мало зависело от нас.

Среди афганских разведчиков и офицеров „Коммандос“ у меня осталось много друзей. Четыре долгих и напряжённых, полных тревог и опасностей года провёл в доме на окраине Кабула мой сын с семьёй. И внук Женька в 10 лет понял, что такое настоящий автомат, подствольный гранатомёт, какую позицию надо занимать в случае возможного нападения душманов. Мы не прятали своих сыновей от суровой действительности»^[244].

Кем тогда был сын Юрия Ивановича — и вообще о ком из них двоих идёт речь? Не знаем, не спрашивали. Полагаем, что он был советником. Или дипломатом. Да какая разница, как официально называли человека, который четыре года провёл рядом с войной?

...Кстати, насчёт сыновей, которых не прятали. Когда выпускник КУОС Игорь Гиоргадзе, капитан или майор, в самом начале 1980-х летел в Афганистан, где он воевал в составе спецотряда «Каскад», то ему по пути пришлось остановиться в офицерском общежитии при каком-то пограничном аэродроме. Зайдя вечером в душ, «каскадёры» услышали, как какой-то вертолётчик, ёжась под струями чуть тёплой воды, рассуждал вслух, срывая раздражение: «Сюда бы генеральских сынков!»

«Слушай, — окликнул ворчуна один из, что называется, местных товарищей. — А ты начальника штаба нашего пограничного округа знаешь?» — «Генерала Гиоргадзе^{119}? Конечно! — тут же сменил тон вертолётчик. — Мировой мужик!» — «Тогда познакомься — вот его сын!» Как говорится, немая сцена.

Тут также можно вспомнить, что сын известного нам генерал-майора Колесника погиб в Чечне в 1995-м... Всё это к тому, что настоящие генералы, истинные патриоты, своих сынов от войны не прятали.

А с Игорем Пантелеймоновичем Гиоргадзе мы обязательно встретимся.

Пока же возвращаемся к Юрию Ивановичу и «афганской теме», что

вошла в его жизнь до самого конца его службы.

Хотя, если говорить о сотрудниках внешней разведки, то она накрепко вошла в жизнь не только его одного.

«В руководстве ПГУ четыре человека с утра до вечера занимались афганскими делами: сам начальник В. А. Крючков, заместитель начальника по этому району Я. П. Медяник, заместитель начальника разведки — начальник Управления „С“ Ю. И. Дроздов и В. А. Кирпиченко, которому поручили, в частности, курировать работу представительства КГБ в Афганистане»^[245].

Пожалуй, главным для всех них был вопрос, как долго ещё советские войска будут находиться на афганской территории. Впрочем, вопрос этот по различным причинам волновал уже всю нашу страну.

И вот что говорил по этому поводу Юрий Иванович корреспонденту «РТ»:

«Советские воинские части и подразделения оставались тогда в целом ряде населённых пунктов — для стабилизации обстановки и для создания условий для того, чтобы окрепли и начали работать новые органы власти. В январе восьмидесятого года я получил указание принять — вместе с нашим Генеральным штабом, с маршалом Ахромеевым, — участие в разработке плана вывода советских подразделений из Афганистана. Это был январь восьмидесятого года! И этот разработанный документ пролежал у меня до какого времени? Удивитесь! Почти до девяностого года. А в девяностом или в восемьдесят девятом году я пришёл к Владимиру Александровичу и сказал, что ничего не получается — эта акция не получается, что делать с этим документом? „Уничтожь!“ — ответил Крючков»^[246].

Что представляли собой эти планы, нам, разумеется, никто не объяснял. Зато, насколько известно, англичане из МИ-6 в частных беседах с нашими разведчиками (при общении на территории «третьих» стран, где все работали «под прикрытием», но друг друга знали) говорили откровенно: «Ребята (или джентльмены)! Куда вы полезли? Мы, с нашим колониальным опытом, не смогли покорить Афганистан, потому как это невозможно. Что же вы делаете?!»

А вот как писал в своей книге Вадим Алексеевич Кирпиченко:

«Затем пошли отклики из США. Там радостно потирали руки: „Советы попались — не учли нашего плачевного опыта. Афганистан станет для СССР тем же, чем стал Вьетнам для США“.

Потом зашевелились и востоковеды — специалисты по Афганистану и этому региону. Они стали высказывать критические замечания о

бесперспективности пребывания наших войск за Гиндукушем. От них пошла впоследствии утвердившаяся в средствах массовой информации оценка: „Влезли в Афганистан, не зная его географии“»^[247].

Однако, как известно, в нашей стране отношение к историческому опыту — как своему, так и чужому — достаточно пренебрежительное.

Между тем раньше, в 1920-е годы, наши войска трижды входили на афганскую территорию, решали свои краткосрочные боевые задачи, но после того дольше недели там не задерживались, учитывая условия и специфику Афганистана. На сей же раз решили задержаться. Почему? Это генерал Дроздов в своё время объяснял корреспонденту телеканала «РТ»:

«Я в Афганистане провёл тогда всего-навсего десять дней. И через десять дней оттуда вернулся. Но то, что обстановка была очень серьёзная и проникновение противника, который стремился к тому, чтобы сделать Афганистан опорным пунктом Запада против Советского Союза, не вызывало никакого сомнения. Об этом, по-моему, очень хорошо написано в книге Ляховского „Трагедия и доблесть Афгана“. И в других материалах тоже написано — в том числе и в конкретных секретных американских документах, о которых в Соединённых Штатах лучше меня знают. Много было довольно интересных вещей»^[248].

А вот что Юрий Иванович сказал корреспонденту телеканала «Россия»:

«В середине января 1980 года я получил указание Юрия Владимировича и Владимира Александровича принять участие в разработке плана вывода советских войск из Афганистана. Этот план был подготовлен, разработан и согласован с Министерством обороны. Но... Почему он не был реализован? „Наверху“ считали, что вывод советских войск из Афганистана означал бы удовлетворение тех планов и намерений, которые в то время уже разработали и осуществляли американцы вместе с другими государствами — в том числе и с Китаем. Те государства, которые выступали против и народа Афганской республики, и против Советского Союза»^[249].

Сегодня ни для кого уже не секрет, что «страны Запада», их постоянные и временные союзники старательно «затаскивали» СССР в Афганистан, а затем всячески помогали ему там «увязнуть».

Но мы пока закрываем эту тему...

«Афганцы всё помнят. И каждый год 27 декабря в 15.00 они встречаются на условленном ещё после первого боя месте. Постоят, посмотрят друг на друга, поговорят и помолчат. Стыдно за всё должно быть

другим.

Ввод войск в Афганистан, вне всякого сомнения, был ошибкой. Очаг опасности для нашей страны там был, данных на этот счёт имелось достаточно. Разрешать же кризисную ситуацию следовало путём переговоров. Критикуя тогдашнюю власть за эту недалёковидность, у нас заодно подвергли поруганию труд солдата, выполнявшего приказ военно-политического руководства с верой в его справедливость. Это ослабило боеспособность армии. Оскорбив и унизив солдата, лидеры государства и общество лишили себя права на защиту с его стороны...» [\[250\]](#)

Глава 14. Разведка своих не бросает

А теперь мы вновь обращаемся к нелегальной разведке — Управлению «С», которое после своей краткосрочной командировки возглавил Юрий Иванович.

«В ПГУ работала обладавшая, пожалуй, наиболее давними традициями нелегальная разведка. Это особо засекреченное, я бы сказал, элитное подразделение отличалось высоким профессионализмом, собственными формами и методами работы, спецификой подготовки кадров»^[251], — написал в своих воспоминаниях генерал армии Владимир Александрович Крючков, занимавший должности и начальника Первого главного управления, и председателя КГБ СССР. Точная и чёткая характеристика!

Однако вернёмся, так сказать, «к началу пути» — к назначению Дроздова на должность. Мы уже приводили воспоминания Юрия Ивановича о встрече с председателем КГБ СССР, «благословившим» его на должность начальника управления — там, в частности, отмечен вот такой момент:

«Андропов ещё раз подчеркнул, что затянувшиеся на много лет поиски роли и места нелегальной разведки в системе разведывательной деятельности давно закончились...»

Слова про «затянувшиеся на много лет поиски» не могли не заинтриговать. Кажется, чего тут неясного? Посмотрел сериал про Штирлица — и понятно, чем занимались разведчики. Но не будем забывать, что «Штирлиц» — это война и вообще — придуманное кино. А что было в реальной жизни? Говорить сложно, ведь, как мы предупреждали, нелегальная разведка — самая закрытая тема.

Хотя отметим, что Дроздов, как рассказал генерал Семён Семёнович: «...пришёл в Управление, когда его структура уже сложилась, при нём больших изменений не было. Он центральный аппарат не ворошил, как говорится. Он использовал то, что было, — оно было разумно, как-то выверено. Последние структурные изменения перед его приходом здесь были где-то в 77-м году... Для меня это тоже показатель: не стоит начинать с приходом на такую должность оргштатные реформы... Может быть, иногда это нужно — но не сразу!»

О том, что за изменения произошли тогда в нелегальной разведке, нам вряд ли кто расскажет. Что ж, попробуем заглянуть не в самый

достоверный, но всё-таки источник — книгу Гордиевского, о которой мы уже составили кое-какое представление. Всё-таки, писал Юрий Иванович, «Иуда из Ясенева» много чего реально выдал, есть, значит, там некоторая истина. И вспоминается фраза из известного фильма: «Не может же он всё время врать?» Однако будем оценивать полученную информацию осторожно и критически.

Вот что писал не слишком уважаемый Олег Антонович:

«После войны задача нелегала состояла в том, чтобы просто жить в стране и ждать начала третьей мировой войны. В его распоряжении имелся радиопередатчик, которым следовало воспользоваться только в случае начала боевых действий и при условии, что остальные средства связи нарушены. Правда, какую информацию в этом случае можно было бы передать в Центр, оставалось для меня загадкой, — очевидно, о количестве ядерных грибов, которые он заметит на горизонте.

В семидесятых годах ситуация стала меняться — пошли разговоры о необходимости активизации нелегалов, чтобы они не просто сидели и ждали у моря погоды, а выполняли хоть какую-нибудь работу»^[252].

Гнусный всё-таки этот тип, господин Гордиевский! Понимал ведь, что кто-то из бывших его соотечественников, наиболее наивных и доверчивых (что называется, оболваненных буржуазной пропагандой), именно по его «творению» составит себе представление о нашей внешней разведке. И решит, что на самом деле все эти «штирлицы» и прочие герои «мёртвых сезонов» только тем и занимались, что чего-то ждали!

Да, были и такие, кто ждал. В пору международного обострения, когда мир действительно балансировал на грани новой войны, а наши противники один за другим разрабатывали и принимали планы ядерного нападения на СССР — «Totality», «Dropshot», «Unthinkable» (в разъяснения и подробности вдаваться не будем) и прочие, — существовала необходимость выводить наших нелегалов на территорию «главного противника» и его союзников на длительное оседание. Они действительно ожидали там пресловутый «день X»: жили жизнью иностранцев, получали образование, работали, детей рожали... И делали это отнюдь не для того, чтобы сосчитать количество «ядерных грибов»! Советской разведке был памятен горький опыт начала Великой Отечественной войны, когда буквально в первые её дни, совершенно неожиданно, оказалась потеряна связь с разветвлённой сетью антифашистской организации «Красная капелла» в Германии и нашими нелегальными резидентурами в Европе... Помнилось и то, как в первые годы войны в оккупированных гитлеровцами Киеве, Одессе и Николаеве погибли нелегальные резидентуры,

возглавляемые опытными сотрудниками внешней разведки Иваном Кудрей^{120}, Владимиром Молодцовым^{121} и Виктором Лягиным^{122}. В числе причин провала каждой из этих групп являлось и то, что их руководители, как и большинство оперработников, оказались в городе незадолго до начала его оккупации, а гестапо не так-то сложно было это вычислить.

С тем, чтобы не дать повториться подобным неудачам, разведке следовало заранее готовить свой стратегический резерв на период вполне реального обострения международного положения...

Но, зная и это, Гордиевский пишет о нелегалах так, словно и не было среди них Рудольфа Абеля и Конона Молодого, сделавших очень большие дела...

Остановимся ненадолго. Если о Фишере — Абеле (он же резидент «Марк») читатель осведомлён достаточно хорошо, то о нелегальном резиденте «Бене», Кононе Трофимовиче Молодом, не мешает сказать несколько слов. Нам, кстати, когда-то говорил о нём его куратор, генерал-майор Василий Алексеевич Дождальёв^{123}:

«Молодой был „прикрыт“ как бизнесмен, но не просто „легендирован“ под бизнесмена — он жил этой жизнью. Создал фирму по эксплуатации игровых автоматов. Потом ещё одну: по производству каких-то хитрых замков. Этот его замок даже получил золотую медаль на Брюссельской выставке. Если в начале своей работы он был, так сказать, на содержании государства, то потом уже он себя сам обеспечивал полностью, стал надёжно зашифрован. Расчётный счёт в банке, всё можно проверить... „Бен“ был изумителен тем, что, находясь на нелегальном положении, чувствовал себя как дома. Никаких сомнений — что это опасно, — не было. Но позже он мне говорил: „Знаешь, я всё-таки думал, что провал может быть. Теоретически. Эта мысль нужна была, чтобы всегда помнить, что я должен сделать в случае провала: А, Б, В... Чтобы мобилизованности своей не терял“. А я считал, что он об этом и не думает совершенно! <...>

Конон Трофимович умел располагать к себе людей, так что с агентами, которых он принял на связь, у него установились хорошие отношения. От них стало поступать больше интересной информации. Помнится, что для наших военных моряков огромный интерес представляли приборы обнаружения подводных лодок. Информация нелегальной резидентуры „Бена“ ставила ВМФ Советского Союза в преимущественное положение по сравнению с британским флотом. Впоследствии о результатах его работы англичане отзывались так: „сколько-нибудь важных секретов в британском

Адмиралтействе не осталось“»^[253].

И у кого-то хватает наглости утверждать, что Лонсдейл (фамилия прикрытия) «сидел у моря» в Портленде, то есть на главной военно-морской базе Великобритании, и «ждал погоды»?

Кстати, Гордиевский забыл им же преданную чету нелегалов Мартыновых? Они, в том числе, работали по гитлеровской эмиграции в Латинской Америке. И явно, создавая свой «шедевр», он уже был извещён о Герое Советского Союза Геворке Вартаняне и его очаровательной супруге Гоар, семейной паре разведчиков-нелегалов, начавших работу на советскую разведку ещё в период Великой Отечественной войны и очень много впоследствии сделавших...

Хотя, разумеется, в 1950–1960-х годах нелегалы работали несколько по-иному, чем стали работать впоследствии. Это, в частности, пояснял нам Герой России полковник Юрий Анатольевич Шевченко:

«Как работали „Бен“, Абель? — они же оба не завербовали ни одного человека за всю свою жизнь! После войны вербовок не было. Считалось, что это очень опасная работа, нелегалам вербовку поручать нельзя. Вербовать должны, допустим, сотрудники легальных резидентур — а затем уже ценная агентура может передаваться для работы нелегалам, поскольку это безопасные условия связи. Подумайте сами: встречаются два иностранца, в стране живущих и работающих, они не привлекают к себе внимания. Это же не дипломат, который к тому же может быть „установленный разведчик“! Только такая должна была быть у нелегала работа. И также — подготовка к так называемому „дню X“. То есть не проспять начала атомной войны... Таков был этап послевоенный».

Понятно, Центр заботился о нелегалах и не хотел ими рисковать. Одно дело, когда вам предлагает сотрудничать иностранный дипломат (работа у него такая, всем известно!), и совсем иное, когда с таким предложением обращается к вам сосед по коттеджному посёлку. Разумеется, и «дипломат», и сосед вас предварительно изучит и будет почти уверен, что вы примите его предложение, но подобную пропозицию от соседа, вдруг оказавшегося иностранным шпионом (невольно воскликнешь: «What horror!» (или «Wie entsetzlich!»)^[124] Кому теперь верить?!), принять будет гораздо труднее... Зато одна такая неудача — и нелегалу нужно срочно сматывать удочки, навсегда покидая границу, где он отныне «засвечен» и может находиться в международном розыске, так что вся многолетняя подготовительная работа, как говорится, коту под хвост! Между тем провал нелегала мог надолго испортить отношения между несколькими странами.

Причём не всегда за этим должно было стоять что-то серьёзное — просто само обнаружение такого лица... Потому-то нелегалы и работали с надёжными, проверенными людьми, завербованными и переданными им на связь опытными сотрудниками «легальных» резидентур.

В общем, осмыслив эту информацию, только и остаётся сказать о пресловутом Гордиевском словами из другого замечательного фильма: «А всё-таки — может!» Врать может. Всё время. И достаточно подло.

Теперь — вновь о Юрии Ивановиче. Сам он вспоминал этот период так:

«По возвращении из Афганистана внутренние заботы управления так захватили меня, что я не заметил, как пролетели эти годы.

Обострение международной обстановки усложняло задачи оперативного состава и нелегалов, требовало от них больше самостоятельности и отдачи. Мы все понимали, что добиться этого можно укреплением дисциплины исполнения. Моим лучшим помощником среди руководящего состава Управления был секретарь партийного комитета, сам бывший боевой нелегал.

Мы не проводили нудных нравоучительных лекций, не читали морали. В основе нашей работы были оперативно-практические занятия с анализом конкретных результатов работы и комплексные оперативно-тактические учения всех подразделений Управления по тематике выявленной встречной деятельности спецслужб противника. В ходе таких учений мы стремились не только решать оперативные вопросы, но и знакомили оперативный состав с полученными данными о разных направлениях деятельности спецслужб стран, регион которых охватывали учения...»^[254]

Интересный вопрос затронул генерал Дроздов!

Если читатель думает, что мы имеем в виду учения, мы согласимся, но скажем, что к этому вопросу возвратимся несколько позже — и не раз. А вот то, что некогда называлось «опорой руководителя на парторганизацию»... Ведь было! Хотя, как мы знаем, в те времена высшее партийное руководство, явно засидевшееся на своих «тёплых» местах, успешно «перерождалось», но КПСС ещё оставалась «руководящей и направляющей силой» советского общества, как было даже записано в конституции. В тех коллективах, где обязанности секретаря — освобождённого (то есть только этой работой занимающегося) или нет — исполнял сильный и авторитетный человек, там и дела шли гораздо лучше. В сложной, конфликтной ситуации любой работник мог обратиться в партком и чаще всего найти там понимание и поддержку, а зарвавшийся руководитель мог даже услышать предупреждение о том, что ему придётся

положить на стол партийный билет. И ведь действовало! Сдерживало, дисциплинировало — не только «низших», но и «высших».

Но это было там, где действовали реальные партийные секретари, честно выполнявшие свои обязанности, а не думавшие о том, как угодить начальству.

Недаром Юрий Иванович отметил, что секретарём парткома Управления «С» был боевой нелегал, а не партийный чиновник, направленный в КГБ «на укрепление», что случалось нередко, — и этот офицер прекрасно понимал, чем занимается коллектив, какие задачи следует решать партийной организации.

Об этом нам рассказал генерал-майор Владислав Николаевич:

«Немножко ревниво Дроздов относился к парткому Управления... Обычно в парткоме сидели те, кто не был в „поле“, или если был, то неудачно — так же, как и в кадрах. И он, я помню, довольно жёстко поставил на место заместителя секретаря парткома, который любил выступать, — Юрий Иванович сказал ему, что „надо ‘в поле’ работать, а не словеса говорить“.

Последний секретарь парткома действительно был нелегалом. И он был настоящим секретарём парткома, все его очень любили — с ним всё было нормально. А были ребята молодые, но приткие, они считали, что всё делается в парткомах. Как мне сказал один такой, с кем мы однажды встретились „за бугром“: „Ты думаешь, здесь всё решается? Партком как решит, так и будет!“ Вот к подобным Дроздов относился очень резко. При мне он сказал одному: „Ты походи там, поработай — а потом будешь тут выступать с красивыми фразами!“».

Вообще Юрий Иванович прекрасно понимал, что основная работа делается «в поле», а не в Центре, и старался, чтобы это поняли и другие. Один из нелегалов нам рассказывал:

«Я помню, он всегда говорил — когда мы уже вернулись — говорил на всех собраниях и заседаниях: „Товарищи, я вас очень прошу! Помните, что не они для нас, а мы для них всё должны делать!“

Этим он подчёркивал, что здесь сидишь — ты дома! Тебе не страшно, ты не переживаешь каждый день — что тебе сказать, как сказать... А мы — там. Поэтому он всегда: „Товарищи офицеры, помните!..“».

Слова эти относились и к руководителям подразделений, и к кураторам, и, разумеется, к партийному комитету.

Вступивший в ряды КПСС вскоре после войны, Юрий Иванович прекрасно понимал роль парторганизации в чекистском коллективе — недаром же КГБ пафосно именовали «боевым отрядом партии». Не стоит

забывать и о том, что возглавлял разведслужбу бывший высокопоставленный сотрудник ЦК КПСС Крючков. Вот, к слову, оценка Владимира Александровича, данная, что называется, «со стороны противника»:

«Крючков являлся начальником основного соперника ЦРУ — Первого главного управления, другими словами, внешней разведки КГБ. К 1985 году он провёл у кормила власти уже 11 лет и за время своего пребывания в должности прославился тем, что политизировал управление»^[255].

Понятно, что при «политизированном» руководителе партийный комитет играл в жизни коллектива серьёзную и заметную роль.

К тому же во главе всего КГБ СССР был поставлен член Политбюро ЦК КПСС Андропов. Парторганизация Управления «С» привлекала его особое внимание — здесь он состоял на учёте и посещал партийные собрания.

А вот — уникальное свидетельство Дроздова:

«Юрий Владимирович был рядовым членом нашей парторганизации, и сам приходил к секретарю платить ежемесячные партийные взносы»^[256].

Почему уникальное? Когда-то не раз приходилось видеть, как какой-нибудь партийный секретарь самолично и скромно является в кабинет к начальнику (далеко не такого уровня, как Андропов!), чтобы принять у того партийные взносы. Начальник ведь всегда занят — а тут ещё и очередь небольшая на уплату взносов может быть...

Первое главное управление давно уже переехало с Лубянки в Ясенево, и это положительным образом влияло на проведение партийных мероприятий. Собрания начинали в 16 часов и проводились с таким расчётом, чтобы всё завершить к отправлению автобусов. («Ахиллесова пята» любой разведки, имеющей штаб-квартиру где-либо в пригороде: многие сотрудники приезжают и уезжают на специальных автобусах.) Так что собрания проходили достаточно динамично, за час-полтора. Юрий Иванович появлялся обязательно. Ему надо было присутствовать — иначе это был бы «отрыв от коллектива», он и присутствовал, не выступал, но слушал. Хотя порой сотрудникам и казалось, что его мысли витают где-то далеко... Но, как известно, направление мыслей слушателей обычно зависит от актуальности обсуждаемого вопроса.

В общем, с одной стороны, в партийной организации Управления «С» всё было в строгом соответствии с уставом партии, но с другой — «без фанатизма», без увлечения долгими словопрениями и демагогией, к чему всё более и более склонялось партийное руководство в «застойные» и более

поздние времена...

...Если вспомнить, то от партийных собраний нередко была польза, хотя и разного рода казусов хватало. Полковник Сергей Юрьевич, по фамилии близкой к «Пак» или «Кац», но совершенно точно, что ни та ни другая, поведал нам о двух памятных ему эпизодах с партийных мероприятий:

«Мы ещё сидели в доме 2, на Лубянке, и на нашем этаже был партком, а перед ним, на площадке, „курилка“. Я в ту пору курил... Вдруг из парткома выскакивает мужик. По его облику и одежке видно, что либо в отпуск приехал, либо из командировки только вернулся. Но он был такого красного цвета! — чувствуется, он там получил сполна. Выскочил, стал нервно курить... Его фраза, обращённая вдруг к нам, запомнилась мне на всю жизнь: „Что я вам, молодёжь, скажу? Поедете за рубеж — держитесь (*непечатно*) подальше от этих иностранцев!“ Шикарная рекомендация для разведчиков!

И второй случай — уже в Ясенево. Разбирали персональное дело какого-то руководителя, типа начальника отдела. За что — не говорят, конспирация, но, что называется, по полной программе... Схема везде одинаковая: общественность его чего-то осуждает, он чего-то переживает... Клоунада откровенная! Но люди умные — понимают, что всем надо отыграть свой „цирковой номер“.

И вот наступает момент, когда этому, которого чихвостили, предоставляют, грубо говоря, последнее слово... Поднимается он на трибунку и говорит: „Коллеги, товарищи по партии! Благодарю вас за ту конструктивную критику, которую вы высказали в мой адрес. Я всё понял. Правы вы, мои боевые товарищи! И обещаю впредь работать менее худше!“ Мы там чуть ли не в голос засмеялись!»

Что ж, это — жизнь, а потому как в опере «Пиковая дама»: «Что наша жизнь? Игра!» Но правила этой «игры» были обозначены достаточно чётко, потому выполнять их было не слишком сложно. Так и делали — тем более что были они в достаточной степени разумные и вполне предсказуемые...

Хотя были и такие моменты, когда лицемерить, произносить какие-то правильные, но пустые слова было нельзя — и Дроздов это прекрасно понимал. Вот почему, провожая на боевую работу нелегалов, Юрий Иванович говорил им примерно следующее: «Конечно, вы едете от Советского Союза, вы знаете, что представляет собой наша идеология, — это всё понятно... Но я бы хотел, чтобы самое главное чувство, которое у вас было, когда вы едете туда работать, — это чувство любви к Родине. Вы едете защищать Родину!»

Пожалуй, партийным чиновникам это могло не понравиться. По его мнению, получалось, что Родина — это базис, основа, а все идеологии и теории — только лишь надстройка. Хотя, конечно, полноценное, самостоятельное государство без собственной идеологии существовать не может.

Как вспоминал тот же Сергей Юрьевич, генерал Дроздов особое значение придавал работе с молодёжью:

«У него было правило беседовать со всеми вновь прибывшими из Краснознамённого института сотрудниками. Вот он пригласил — а нас было шесть или семь человек — пригласил всех нас к себе в кабинет, рассказал, что это за подразделение, которое он возглавляет... Это, честно говоря, сразу прибавило мне в моих глазах собственной значимости, да и авторитета этому подразделению. Ведь на тот период я даже не очень представлял, чем занимается эта структура. Ну, слышали, какое-то „С“, — а что это, чего? А тут он рассказал, объяснил, значимости придал. Дальше мы пошли по отделам, нам рассказывали: этот отдел тем-то занимается, тот — этим...

Про Юрия Ивановича я могу сказать так: за всё время я не слышал о нём ни одного — клянусь! — негативного отзыва. Наоборот, о Дроздове все всегда с огромным уважением говорили. Кстати, хотя у нас и военная организация, но никогда не было никакой солдафонщины. Не было, как это любят иные начальники, таких заявок, что, мол, это всё не так, то всё не эдак, — знаете, как бывает, когда хочется к чему-то придраться? И ни разу не было случая, чтобы он кого-то поставил по стойке „смирно“ или выгнал из кабинета».

А вот, что называется, женский взгляд на Юрия Ивановича — рассказывает Людмила Ивановна Нуйкина:

«Он запомнился мне человеком с улыбкой, но улыбка была с хитринкой. Всегда он был в настроении, и с ним было приятно общаться. Он всегда мог выслушать — причём внимательно, и сразу дать какой-то совет или ответ... У него была тетрадь, он её прикрывал рукой — вот такая раньше была секретность, смешно даже! — и смотрел. К нему был лёгкий и простой доступ. А если, допустим, пошли в столовую и его встретили в коридоре, то он обязательно поздоровается первым. С ним было интересно — он мог и пошутить, и сам понимал юмор.

Был такой случай, когда мы собрались по какому-то поводу — или звание кому-то присвоили, или в должности повысили — „на чаёк“... И вот тогда я запела — вообще-то я многие русские песни забыла и один раз было неприятно, когда какая-то женщина ко мне привязалась: мол, а ты

откуда, что наше кино и песни не знаешь? А тут я запела, даже не подумала, что его кабинет рядом. И он мне потом сказал: „Людмила, слышал, как ты пела! Не извиняйся — ты хорошо пела! А вот если бы начала фальшиво петь, я бы тебя наказал!“

Он был доброжелательным человеком. И очень любил нашу когорту — разведчиков-нелегалов. Или, быть может, точнее — уважал. Я даже сейчас словно слышу его голос и вижу его улыбку — то, как он улыбался всегда».

Да, мы не уточнили, что наша собеседница — полковник по воинскому званию, разведчик-нелегал.

А вот что писал об улыбке Дроздова генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин:

«Начальник нелегалов всегда улыбается, часто смеётся отрывистым смехом. К теме разговора улыбки и смех ни малейшего отношения не имеют. Это просто хорошая профессиональная привычка — улыбчивое лицо растормаживает собеседника, снимает у него внутреннюю напряжённость. Мне кажется, что очень немногое способно действительно развеселить Юрия Ивановича»^[257].

И вот ещё точка зрения одного из сотрудников:

«Он был очень обаятельный человек. Внешне, конечно, красавцем его не назовёшь, но он располагал к себе. Улыбка, жестикуляция — они как-то скрадывали какие-то его черты».

Ну и наконец, ещё одно свидетельство — от уже знакомого нам Игоря Пантелеймоновича Гиоргадзе^[125], бывшего министра, а ныне — политического эмигранта. Он вспоминает те времена, когда был оперативным сотрудником КГБ Грузинской ССР и работал по тому направлению, которым руководил Дроздов:

«У меня о Юрии Ивановиче остались самые светлые, самые чистые и самые профессиональные воспоминания! Общаться с таким человеком — это было великое счастье! Люди говорят: „Я счастлив, что жил в одно время с таким-то“ — так вот и я счастлив тем, что моим пусть не непосредственным, а большим-большим, сидящим в Москве, а я — в городе Тбилиси, начальником по этой линии был такой выдающийся и великий человек!

Мне кажется, что когда меня, выпускника Высшей школы, без опыта работы, посадили на такую линию, — это была кадровая ошибка! Вникать было сложно, но моё руководство посмотрело — вроде парень не тупой, и было принято решение командировать меня в Москву, поучиться. Так я попал непосредственно в ведомство, которым руководил Дроздов, — хотя

тогда он ещё не был руководителем самого Управления, но именно это направление он курировал.

Я приезжаю — „первоклашка“, а здесь, вижу, сидят „зубры“. Два-три вопроса — и я „плаваю“, а они улыбаются. Но говорят так успокаивающе, по-отечески: „Не волнуйся, это нормальная ситуация!“ На душе уже чуть-чуть полегче...

Зато возвратился я оттуда вообще академиком! Так мне казалось. Потому что когда я уезжал — я абсолютно ничего не понимал, и тут вдруг... Даже походка у меня изменилась — я такой грамотный! Я всё это к чему? К тому, что, как я знаю, такую атмосферу создаёт начальник, что этот вопрос курировал. И это почерк работы той структуры, которой руководил Юрий Иванович Дроздов! Это очень важно! Всё же зависит от начальника — как ты построишь работу, кто у тебя подчинённые и как ты подбираешь кадры...

Можно ведь создать и такую ситуацию, когда ты приезжаешь, а на тебя смотрят как на барана, общаются с тобой как с бараном — и в результате ты действительно уезжаешь оттуда бараном!»

Про своё общение с Юрием Ивановичем нам рассказывал и другой молодой, в то время разумеется, сотрудник — Аарон Бенедиктович:

«Когда-то меня решили направить в некую страну со сложным, скажем так, контрразведывательным режимом. Я тогда работал в КГБ одной из южных республик, и вдруг к нам туда приходит телеграмма, что меня вызывают в Москву, и такого-то числа, в такой-то час я должен быть на приёме у начальника Управления „С“ генерал-майора Дроздова.

Естественно, прибыл. Вошёл, доложил: „Капитан такой-то!“ Меня поразило, что генерал встал из-за стола, прошёл почти через весь кабинет — а кабинет у него был большой, старинный, ещё в „доме 2“ — и поздоровался со мной за руку. Меня это действительно поразило! Я никогда не видел, чтобы генералы вот так вставали и приветствовали младших по званию.

С ходу начался очень спокойный, на удивление спокойный — ведь я-то пребывал в некотором волнении, потому как моим собеседником был генерал, заместитель начальника разведки — разговор. Юрий Иванович спросил: „Чем вы сейчас занимаетесь? Чем раньше занимались? Как ваши успехи? А кто ваши родители?“ — и прочее, прочее. Но, кстати, как я понял, о моей работе, то есть чем я занимался, он кое-что знал...

И настолько у нас был хороший разговор, что — удивительное дело! — моё волнение сохранялось лишь в первые минуты, а потом я как-то легко и просто себя почувствовал, словно встретился с близким мне

человеком, буквально — со своим отцом! Это было удивительно! Генерал — ну... мы ведь тогда привыкли, что генерал — это большой руководитель, небожитель какой-то, — а тут совершенно спокойный, душевный человек. Очень уважительно разговаривал!

Так как он, что называется, „был в теме“, прекрасно знал особенности самых жёстких контрразведывательных режимов, то ясно и просто дал мне разъяснения, как нужно вести себя в таких-то случаях, в таких-то, детально поинтересовался моим заданием и скорректировал его. Кстати говоря, именно он присвоил мне оперативный псевдоним для работы в резидентуре: „Мигель“, допустим. Взял первую букву от моей фамилии и пришпандорил ещё несколько.

Эта встреча произвела на меня глубокое впечатление: я увидел не только профессионала высочайшего класса, но и прекрасного, незаурядного человека».

И вот, кстати, как характеризовал генерала Дроздова, говоря о нём как о руководителе Управления, Владимир Александрович Крючков. Да, их отношения были сложными, но данная характеристика представляется вполне объективной:

«Длительное время возглавлял эту службу опытный, влюблённый в свою профессию генерал-майор Дроздов. В прошлом сам был на нелегальной работе, однажды сыграл роль фашистского офицера. Знал каждого сотрудника лично, гордился ими, их успехами, переживал неудачи, когда попадали в беду, делал всё, чтобы выручить. У него почти никогда не сдавали нервы»^[258].

О том, каким замечательным человеком был Юрий Иванович, мы скажем ещё не раз (как может быть иначе в книге, написанной для серии «ЖЗЛ»?), но тут напрашивается вопрос: он что, всегда был таким хорошим, добрым, внимательным и заботливым? В любом случае, для всех и каждого — «отец родной»?

Давно нам знакомый генерал-майор Семён Семёнович уточняет:

«Были у него — не сказать, недоброжелатели, но где-то он, может быть, по отношению к кому-то строго поступил, где-то, возможно, и несправедлив был, всяко в жизни случается... Явных любимчиков у него не было, но он отдавал предпочтение тем людям, от которых ожидал либо результатов конкретных, либо вообще серьёзной работы. По отношению к работе людей оценивал».

Действительно, всякое случалось, так что Юрий Иванович мог быть и жёстким, и категоричным, а порой, к сожалению, не совсем справедливым — впрочем, об этом, о его позиции по отношению к провалившимся

(точнее — преданным) нелегалам «Вестам» мы уже говорили.

А вот ещё рассказали нам о таком случае:

«Дроздов не любил нечестности. Не предательства, разумеется, об этом и речи нет, просто нечестности. Случилось, что когда мы „выводили“ нелегала, то один из сотрудников с ним „пошептался“. Попросил: мол, ты потом вызови меня, связь-то двусторонняя была: „Дашь телеграммку, так и так, есть вопросы, — а я бы с удовольствием в той стране побывал, где ты будешь... Не сейчас, разумеется, через два-три годика“. Об этом узнал Дроздов — и на том всё закончилось. Сотрудника он сразу же перевёл в другое подразделение».

Есть, очевидно, необходимость кое-что объяснить. Прежде всего, со стороны нелегала это не был «заклад» или «стук» — он был обязан доложить руководителю о любом сомнительном моменте. Слишком серьёзные правила у этой «игры», слишком дорого пришлось бы платить за ошибку. Понятно, что сотрудник Центра не имел возможности съездить туристом в интересующую его страну, да и понимал, что вряд ли начальник Управления разрешил бы ему просто так прокатиться за счёт «конторы». Но была ли у нелегала стопроцентная уверенность, что этот самый сотрудник не имеет каких-то далеко идущих тайных планов? Известно ведь, что предают только свои — кто может утверждать, что его предал враг? Это было бы даже не смешно.

Мы уже знаем, что, к сожалению, измены были, в том числе и в нелегальной разведке. Не среди самих нелегалов, недаром относившихся к «золотому фонду» советской разведки, но, пусть и крайне редко, среди тех, кто обеспечивал ту самую «линию Н», работу нелегалов.

Наверное, первый в этом плане удар по Дроздову как начальнику Управления «С» был нанесён в 1982 году.

Вот что вспоминал Леонид Владимирович Шебаршин, бывший в ту пору резидентом в столице Ирана:

«В Тегеране случилось худшее из того, что может произойти в разведке — измена. <...>

В Тегеране 2 июня исчез и не объявился до сих пор мой подчинённый Кузичкин.

Сейчас история этого человека достаточно хорошо известна. Связался с английской разведкой, продавал наши секреты, выдавал людей. Работал долго, за деньги...»^[259]

Прервём рассказ резидента и повторим, что в основе предательства могут лежать лишь два человеческих порока: жадность и трусость. Леонид Владимирович, как видим, писал о том, что бывший его сотрудник

торговал секретами, — это жадность. О вариантах приходится говорить потому, что бывший майор Кузичкин, как и вся подобная публика, упорно рассказывал что-то про свои идеологические мотивы...

В самом начале 1979 года в Иране произошла так называемая «исламская революция», в результате чего бывшая Персия погрузилась в хаос.

«4 ноября так называемые студенты-мусульмане захватили посольство США. На очереди, очевидно, были мы»^[260], — рассказывал генерал Шебаршин.

Нет смысла объяснять, что целью захвата диппредставительства является отнюдь не стремление переломать мебель и нагадить внутри помещения. По этой причине, учитывая возможные перспективы, отнюдь не радужные, советский посол и оба резидента, внешней и военной разведок, дали распоряжения, как поступить с секретными документами.

«По распоряжению резидента КГБ Л. В. Шебаршина все документы резидентуры в дальнейшем были всегда готовы на всякий случай к уничтожению. Кузичкин, отвечавший за связь с нелегалами, по согласованию с Шебаршиным спрятал свою документацию о нелегалах и способах связи с ними в тайнике, известном только ему и резиденту. <...>

Весной 1982 года советско-иранские отношения начали постепенно улучшаться. Из Москвы пришло сообщение о предстоящем приезде в Тегеран комиссии ПГУ, в задачу которой, помимо всего прочего, входила проверка состояния секретного делопроизводства. В этой обстановке Кузичкин решил изъять из тайника секретные документы, но, к своему ужасу, на месте их не обнаружил.

Перед ним встал естественный вопрос: что делать? По советским законам за утрату совершенно секретных документов его ожидал трибунал и тюремное заключение сроком до семи лет. Кузичкин не нашёл в себе сил доложить о пропаже документов резиденту Шебаршину и принял решение бежать на Запад»^[261].

Но резидент утверждал, что Кузичкин давно уже стал на путь измены:

«В 1982 году у него возникли подозрения, что мы ищем предателя. Ранее отмечавшаяся у него склонность к спиртному стала принимать недопустимый характер. Предателю трудно жить, он везде видит опасность, пытается заглушить страх алкоголем, теряет чувство реального и принимает паническое решение бежать»^[262].

Однако «сам Кузичкин опровергает это утверждение и связывает своё бегство с пропажей документов. Этой же точки зрения придерживается и

О. Калугин»^[263].

Но генерал Калугин к тому времени уже три года как оставил Управление «К», так что вся его осведомлённость была с чужих слов...

После исчезновения Кузичкина Дроздов послал в Иран своего заместителя: разобраться, что случилось. Тот выяснил, что ничего предосудительного за пропавшим не наблюдалось, какого-то компромата собрано не было. (С чего Шебаршин написал о его пьянстве — вопрос.) Было решено, что это «криминальная тема», потому как обстановка в Иране была, мягко говоря, неспокойной. Очевидно, убили, ограбили, уволокли в катакомбы где-то под Тегераном, да там и спрятали. Подобных случаев было предостаточно — так проверяющий и доложил по приезду в Москву.

О том же, что произошло на самом деле, стало известно гораздо позже...

Всё равно, загадок в этом деле остаётся много. Ведь «панически бежавший» Кузичкин сумел исчезнуть так, что сотрудники резидентуры и посольства целый месяц разыскивали его по всему Тегерану и окрестностям, считая без вести пропавшей жертвой преступления. Между тем англичане давно вывезли своего агента в Турцию, откуда он был переправлен на Британские острова. Хотя вполне возможно, что столь успешный побег — результат профессиональной работы МИ-6, а насмерть перепуганный Кузичкин тут был ни при чём, в отличие от того же Гордиевского, сумевшего самостоятельно добраться от Москвы до границы с Финляндией. Но это ещё впереди.

О том, чем обернулось предательство Кузичкина для генерала Дроздова, говорить не будем — во-первых, не так это всё интересно, а во-вторых, честно признаемся, что не знаем. Конечно, «мало не показалось», но тайная война — всё равно война, потери на ней неизбежны, какими бы нелепыми они порой ни казались. Гораздо важнее для нас рассказ самого Юрия Ивановича о контрмерах, принятых в Управлении «С» во избежание, так сказать, «чрезвычайных ситуаций»:

«Нас всё время беспокоила возможность утечки информации о деятельности нелегальной разведки. Я очень признателен руководству разведки за то, что оно оберегало нас: у нас были результаты, а нас продолжали ругать на совещаниях (мы сами просили об этом); наша информация была упреждающей и достоверной, а нас упрекали в медлительности действий и легковесности сведений. Это помогало нам защищать себя внутри, в ПГУ и КГБ, и водило за нос таких, как Гордиевский и Кузичкин. Но это было нелегко, бывали и промахи, в том

числе и внутри коллектива.

В нелегальной разведке многое обнажено, почти всё воспринимается обострённо, болезненно, если ты сам не подчинил себя суровым законам той службы. Самый главный закон здесь — полная откровенность и отчётность обо всех твоих шагах и действиях как за рубежом, так и внутри страны. Почему внутри? Потому что разведки противника действуют и внутри твоей Родины, и ты сам, если забыл об этом, можешь стать виновником „неприятных моментов“. А как же личная свобода? Живи, пользуйся, люби, но помни о долге, о взятых на себя обязательствах. Тебя в разведку на суровую службу насильно не тянули. Ты пришёл в неё добровольно, осознанно, тебе с самого начала сказали, что тебе будут помогать работать, учить, оберегать тебя, проверять... У меня лично и у других разведчиков-нелегалов эти требования никогда не вызывали чувства горечи и обиды за якобы недоверие»^[264].

Кстати, помните о сотруднике, попросившем нелегала «пригласить его в гости»? Вот как раз на ту же тему... И ещё из сказанного можно понять, что постулаты типа «в нелегальной разведке предательства быть не может» или «генерал-разведчик изменником не бывает» остались для Юрия Ивановича в далёком прошлом. Жаль, конечно, что не удалось разобраться в этом раньше, когда были арестованы Мартыновы! А ведь сейчас, с 1980 года, в южноафриканской тюрьме пребывал нелегал «Дубравин» — Алексей Михайлович Козлов, также «сгоревший» из-за предательства того же Гордиевского.

Насколько нам известно, генерал Дроздов прорабатывал тогда все возможные меры для его освобождения...

Мы заговорили о неприятностях — ну и продолжим эту тему. Случалось всякое, удивляться не стоит. В подтверждение этих слов приводим цитату из книги серии «ЖЗЛ», не имеющую к нашему рассказу совершенно никакого отношения:

«В британской Секретной службе, разумеется, имели место и интриги, и склоки, и зависть по отношению к более успешным коллегам, и прочее, прочее. В этом смысле она мало чем отличалась от любого другого коллектива или учреждения в любой другой стране мира»^[265].

Ну а теперь обратимся к рассказу Валерия Михайловича, который работал в Китае, но уже после Дроздова, а по фамилии... Потом вспомним!

«Я с Юрием Ивановичем познакомился лично и близко в 1983 году, при крайне необычных обстоятельствах. Я возвратился из командировки, а там у меня случилась такая вещь: я получил один документ для служебного

пользования, за который расписался...»

Разговор у нас был долгий, не все подробности читателю могут быть интересны, а потому, оставляя фрагментами, как говорится, живой рассказ собеседника, мы кое-что пересказываем и своими словами.

В общем, почему-то так случилось, что документ, возвращённый сотрудником обратно и затем уничтоженный, оказался с него не списан. Выяснилось это лишь месяца три спустя, когда Валерий Михайлович завершал свою командировку и ходил с «бегунком», получал визы — нигде никому ничего не должен... И тут ему вдруг заявляют, что пропал документ, за который он расписывался. Сотрудник, успешно отработавший командировку, бывший «в фаворе» у начальства и тем самым, к сожалению, вызвавший чью-то зависть, расценил это как «удар ниже пояса». В том, что документ сдан, у него не было сомнений.

Наш собеседник вспоминает:

«Я почувствовал себя не в своей тарелке, мне было крайне неудобно, стыдно, но я сразу же обо всём, как оно реально было, доложил руководителю нашей „точки“, а он, к сожалению, уезжал в отпуск, не успел разобраться... И всё-таки я увидел суету вокруг меня. Обставлен, не приведи Господь! Нужны были крепкие нервы — нервы, нервы, нервы, чтобы не сорваться! А я устал к тому времени! Я уже пять лет там пробыл — сразу после „культурной революции“...»

В Москву он возвращался поездом, и дорога была нелёгкой: он понимал, что находится «под присмотром», так что о его тогдашнем состоянии лучше не вспоминать. Тем более ему было понятно, что совершена подлость — в резидентуре, кем-то из своих. Впрочем, как опытный сотрудник разведки он даже не сомневался — кем.

В столице встретили тепло, отвезли домой, а уже на следующий день Валерий Михайлович докладывал Юрию Ивановичу о своей командировке:

«Встретил он меня, как положено. Встал из-за стола, улыбнулся, протянул руку. Мы раньше познакомились, когда я был в отпуске. Предложил: „Садись!“

Всё очень доброжелательно. Кстати, я вам скажу, что во всех наших делах должна быть доброжелательность. Ведь, как мне кажется, примерно половина тех, что ушли на Запад, ушли из-за небрежного отношения и грубости руководителей. Из-за тех начальников, которые кричали с пристрастием: „Вернёшься в Союз — там с тобой разберутся!“ Это была одна из причин, толкавших людей на необдуманные поступки, — в особенности после выпивки. Или когда люди были в напряжённом состоянии, после чего они срывались, порой — уходили в запой и в

результате становились виновниками происшедшего...

Так вот, я ему сразу же докладываю: „Юрий Иванович! Вот рапорт в письменном виде — как всё было. Из первоисточника. Какие вопросы — я готов ответить. Прошу передать затем этот рапорт в военную прокуратуру, чтобы провели расследование по полной программе, с привлечением к ответственности всех людей, которые имели отношение к этому документу, включая меня“. Он говорит: „Ты что? Это уже сейчас не нужно“. — „Нет, Юрий Иванович, нужно!“ — „Нет, порви!“ Я сказал: „Рвать не буду! А если вы порвёте, то я напишу второй рапорт — и передам его председателю КГБ. Лично! И укажу вашу фамилию...“

Я так сказал, потому что терять мне было абсолютно нечего, и я знал, что это была самая настоящая „подлянка“.

Юрий Иванович, конечно, передёрнулся и говорит: „Оставляй!“ Но я ещё и зарегистрировал рапорт, как положено, чтобы везде были письменные резолюции».

На том мы и завершаем этот рассказ. Что было дальше с рапортом, какое расследование проводилось, кто именно понёс наказание — для нас не имеет никакого значения. Гораздо важнее и интереснее тот разговор, что произошёл в кабинете генерала Дроздова.

Известно, что большинство начальников не особенно жалуют «правдолюбам», и «выносить сор из избы» нравится далеко не всем. Гораздо проще (порой даже эффективнее) разобраться, так сказать, в своём кругу, и, кстати, наказание для провинившегося здесь может быть даже жёстче, нежели официальное. В то же время «кулуарное» решение проблемы мало чему учит окружающих и вряд ли становится для кого-то предостережением. А «правдолюбам», особенно из таких, кто во имя справедливости готов напрочь испортить отношения со всеми, обычно в коллективах не уживаются, их преследуют различные неприятности. Тот же Валерий Михайлович 14 лет проходил в подполковниках, тогда как срок до следующего звания — пять...

Казалось, разговор в кабинете Дроздова вполне мог поставить крест на карьере строптивного подполковника. Но нет — Юрий Иванович был тем редким начальником, что не принял происшедшее за обиду или неуважение, посягательство на его авторитет, не попытался избавиться от неугодного сотрудника. Напротив, уже позже, после того как Дроздов съездил с инспекционной поездкой в ту страну, где Валерий Михайлович был в очередной командировке, и оценил стиль и результаты его работы, между ними возникли какие-то личные отношения. Не то чтобы стали друзьями, но общались, что называется, и неформально.

Валерий Михайлович рассказал:

«Я приехал в отпуск, Юрий Иванович меня к себе пригласил — и в завершение нашей беседы зашёл разговор о путёвках. Мы уже никуда не успевали, а он не любил ездить в санатории, потому что там остаётся „след“ — фамилия, имя, отчество, звание — и всегда много друзей...

Он мне сказал: „Я — любитель природы“ — и предложил съездить семьями в Тверскую область, на Голубые озёра, это там, где Удомлинская АЭС.

Поехали на двух машинах, остановились на берегу озера. У них с Людмилой Александровной палатка была, мы в машине спали. Мы с ним утром готовили завтрак, обед готовили женщины, и совместный ужин у костра был. Так мы провели неделю...

Юрий Иванович мне там сказал: „Вот здесь я бываю часто — приезжаю отдыхать. Здесь тишина и никого нет, кто может нам помешать, можем поговорить...“ Он вывозил туда людей, показывал им прекрасные места, и там у них были разговоры... Вот и мы обменивались некоторыми мыслями, но никто нас не слышал. Дроздов очень беспокоился за судьбу людей, которые были выведены (то есть разведчиков-нелегалов, работавших „в поле“. — А. Б.), беспокоился за Службу за нашу — что будет с ней дальше, за судьбу страны.

Это был 1990-й, Советскому Союзу оставался год. Здесь были всякие „движения“, „лиги“, „фронты“, разные калугины появились... Мы обменивались с ним некоторыми мыслями относительно того, что происходит. Он — участник Великой Отечественной войны, я застал эту войну, знал, что такое война и что такое погибшие люди. Поэтому мы быстро нашли общий язык, не надоедали друг другу и не настаивали ни на чём...»

...Что отмечали многие наши собеседники: Юрий Иванович не был злопамятным, а людей оценивал прежде всего по их отношению к делу.

Теперь мы вновь возвращаемся к нелегалу «Дубравину» — Алексею Михайловичу Козлову, в ту пору пребывавшему в южноафриканской тюрьме, понятно, что в тюрьме для белых, потому как африканцы (или как их ныне именовать?) сидели отдельно.

«В ту тюрьму, где я был, чёрных привозили казнить. Я там сидел в камере смертников... По пятницам туда привозили чёрных из тюрьмы для чёрных — и вешали вместе с белыми. Хотя разница даже тут! Последний завтрак: для белого целый жареный цыплёнок, для чёрного только половинка. Это такое средневековье — через 20 минут оба будут висеть на одной верёвке! И что, при этом белый будет свысока смотреть на чёрного?!

Мол, я целую курицу съел?!

Когда через шесть месяцев меня впервые вывели на прогулку во двор тюрьмы, со всех сторон вдруг раздалось: „Парень, держись! Мы слышали, мы читали, что тебя скоро обменяют!“ Да ничего они не слышали и не читали, нигде об этом не было написано, но для меня это такая моральная поддержка была! Колоссальнейшая! Там были убийцы, насильники, воры всякое, бандиты... Откуда у них это сочувствие — не знаю! Кстати, через надзирателей они мне даже передали подарок — машинку для свертывания сигарет.

В тюрьме я провёл ровно два года... В конце мая 1982-го ко мне вдруг приходит начальник тюрьмы и заявляет: „Ну-ка, примерь костюм, подойдёт тебе или нет, — и подаёт совершенно не мой костюм. — Поедешь на аэродром, тебя обменяют“. Костюм не подошёл — купили и принесли новый. Старые вещи мои мне не подходили: когда меня арестовали, я весил 85 килограммов, а когда меня выпускали — 57...

Мне сказали, чтобы ничего я с собой не брал — только какой-то целлофановый пакетик мог унести... Я взял машинку, что мне заключённые подарили, потом почему-то кусок зелёного мыла, страшно вонявшего карболкой, и брезентовый пояс от тюремных штанов — зачем, тоже не знаю! Свернул и положил туда. Вот и всё, что у меня было...

Меня передали разведке ЮАР. Там было двое: Мартин Баннерт, страшный мерзавец, второй был Сенекал — высокий офицер, но мерзавец тоже великий. Они повезли меня сначала к памятнику бурам — первопроходцам ЮАР, а потом подвели к большому обрыву. Внизу была Претория, где находилась моя тюрьма. Мне сказали: „Если мы тебя кокнем, ты как раз упадёшь туда, на город“. Я промолчал.

Потом меня привезли в аэропорт. Полетели мы на самолёте „Боинг-747“, на триста мест, но в нём всего девять человек летели. Во Франкфурте-на-Майне пересели на вертолёт западногерманской пограничной службы и летели ещё 300 километров до КПП Херлисхаузе...

Там меня обменяли на десять западногерманских шпионов и одного офицера ЮАР, попавшего в плен в Анголе... Кстати, привезли их на двух автобусах. В одном ехали эти 11 человек, а другой был набит чемоданами и рюкзаками с их вещами. А у меня в руке — маленький целлофановый пакетик.

Ничего похожего на фильм „Мертвый сезон“ не было. Приехала легковая машина, за рулём сидел пограничник ГДР — потом я узнал, что это был подполковник восточногерманской контрразведки. Я сел рядом с ним... Когда меня перевезли — смотрю: две фигуры знакомые стоят. Мы

обнялись, расцеловались, сели в машину, поехали... Первые 30 минут пути гробовое молчание было — и я молчу, и они молчат. Приезжаем в Готу. И тут говорю: „Мужики! Я ведь вернулся домой!“ Один из встретивших говорит: „Да, а чего?“ — „Обмыть-то это дело надо!“ Тот шлёпнул себя по лысине: „А я-то думаю, чего мы все молчим! — и водителю: — Давай к первой харчевне!“ Заехали — по 100 грамм, по кружке пива, и после того уже до самого Берлина, а там 500 километров, мы не молчали. Ехали, трепались — будь здоров! Вот так был обмен произведён... Я возвратился на Родину»^[266].

Разведка своих не бросает.

Глава 15. «Только на равных. только с уважением»

В одной из своих книг Борис Николаевич Григорьев спрашивает:

«Заметил ли ты, читатель, что обстановка заговора, конспирации или секретности всегда сопровождается какой-нибудь причудливой комической деталью? Так и в разведке, особенно в нелегальной. Там „нахохочешься“ вдоволь»^[267].

Если не знать, что Борис Николаевич — опытный сотрудник, работавший по «линии Н», знаток Скандинавии и некогда резидент на Шпицбергене, — вряд ли поверишь. Что может быть забавного в таинственной до жути нелегальной разведке? Образец нелегала, как мы уже говорили, Штирлиц: сдержанный, молчаливый, сосредоточенный, коварный. Представить, чтобы он, находясь «в поле», ругался матом, — да ни в жизнь! Такое могло случиться лишь в анекдоте, но примеров приводить не будем, чтобы не увлечься, ибо Максим Максимович Исаев теперь — один из наиболее популярных героев устного народного творчества.

Хотя в жизни может произойти всё что угодно — похлеще любого анекдота, чему примеров немало.

Генерал-майор, известный нам как Владислав Николаевич, вспоминал, как однажды он семь раз, через каждый час, выходил на место встречи с нелегалом, выставившим сигнал опасности.

Он, сотрудник резидентуры в одной из крупных европейских столиц, работавший под дипломатическим прикрытием, — получил указание Центра встретить человека, работавшего в соседней стране, и перебросить его в столицу другого соседнего государства, социалистического. Всё предельно просто! Удобное место, где должна была произойти встреча, было подобрано ещё лет десять тому назад: улица Канцлерштрассе, 122, у витрины магазина детских товаров. Поскольку выставлен сигнал опасности, было указание Дроздова: ждать до посинения! Выходить на место в «ноль-ноль», прогуливаться пять минут, если нужный человек не появился, то через час выходить снова, и так до тех пор, пока тот не придёт...

Этого нелегала Владислав Николаевич лично не знал и не видел — ему был известен только оперативный псевдоним, а опознать его он должен

был по журналу «Шпигель» в левой руке. Следовало подойти и спросить: «Мы не встречались с вами в Брюсселе?» — на что ответят, что это было в Париже.

К определённому месту он подъехал на машине с водителем в начале десятого утра, так что имел возможность осмотреться и спокойно позавтракать в кафе, а ровно в десять был на Канцлерштрассе, 122, у витрины детского магазина. Там, однако, никого не было...

Канцлерштрассе, как мы её назвали, длинная торговая улица, километра на два. Разведчик прошёл по ней в одну сторону, в другую — «читателя» «Шпигеля» не было видно. Он перешёл через улицу, зашёл в кафе, выпил чашечку прекрасного тамошнего кофе. Ровно в одиннадцать, не переходя на другую сторону, он стоял напротив детского магазина — никого! Пришлось опять идти пить кофе... Когда нелегал не вышел на явку в двенадцать, он отправился обедать — до часу дня... К машине подходить было нельзя: понятно, когда водитель ждёт шефа или муж за рулём — путешествующую по магазинам жену, а вот двое сидящих в машине мужчин могут привлечь чьё-то внимание. Водитель также не оставался на месте, тоже пил кофе и обедал, но с таким расчётом, чтобы в любой момент оказаться за рулём.

Шесть раз выходил сотрудник на явку — нет и нет! На душе было беспокойно: не зря же нелегал выставил сигнал, вдруг он не успел своевременно покинуть страну пребывания и сейчас находится в руках контрразведки? Да и самому «советскому дипломату» весь день крутиться на одном и том же месте в центре города не слишком-то комфортно.

И вот — выход в седьмой раз, и опять никого! Уже близится вечер, начинает темнеть, измучившийся, перенервничавший Владислав Николаевич идёт вверх по этой самой Канцлерштрассе и замечает дом номер 180 — не 122! — магазин детских колясок. А у витрины этого магазина стоит тот бедолага! Опытным взглядом всегда можно определить нужного человека — даже если это разведчик-нелегал, только нужно знать, что он находится именно там... Но после первого мгновенного озарения приходит черёд сомнений: на месте следует находиться пять минут. Между тем на часах уже четверть восьмого — для чего он торчит у витрины целых пятнадцать минут, рассматривая эти самые проклятые коляски?! К тому же если с левой рукой всё правильно — он держит «Шпигель», то почему у него в правой руке «Штерн»?! Что делать?

Владислав Николаевич рассказывает:

«И всё-таки я понимаю, что это он. Подхожу: „Извините, мы с вами не виделись в Брюсселе?“ Он отвечает: „Нет, это было, наверное, в Марселе“.

Вам смешно! А мне надо с ним в контакт вступать. Или не вступать, а срочно уйти?

Не знаю почему, но я сказал по-русски: „Жаль!“ Он тоже по-русски: „Почему жаль?“ — „Потому что я в Марселе не был!“ — „А где?“ — спросил он. „Ещё что-то не так!“ — ответил я. Он переложил „Штерн“ в левую руку: „Так?“ — „Нет, так!“ Тогда он заявил: „Да ну вас всех!“ Оказывается, он всё перепутал! Потом он меня попросил: „Слав, только ты не говори Дроздову, что ты семь раз выходил! Не то он меня задушит своими большими руками!“ Действительно, руки у Дроздова были большие, с длинными пальцами...

Ну всё, потом уже было без всяких приключений — мы его перебросили».

Чтобы читателю было совсем интересно, можем уточнить, что героем этого эксклюзивного рассказа был разведчик-нелегал Алексей Михайлович Козлов, впоследствии — Герой Российской Федерации.

И ещё немного о нём, только теперь уже не так весело, но, как и всё остальное в нашей книге, совершенно правдиво...

Года через полтора Владиславу Николаевичу опять пришлось встретиться с «Дубравиным», но на сей раз (наверное, в том числе, потому как оперативные вопросы мы с нашим собеседником не обсуждали) по весьма приятному поводу. «Ему только сейчас присвоили звание полковника — скажи ему об этом!» — попросил представителя резидентуры товарищ из Центра. И ещё: из Москвы переслали для нелегала письма от двух его детей...

Они встретились в парке на лавочке где-то в центре Европы. Был апрель, но стояла теплынь, как у нас в середине мая. Правда, у Владислава Николаевича настроение оказалось нерадостное: разыгрался гастрит, память о срочной службе в армии (в те времена почти все поступавшие в Высшую школу КГБ сначала проходили «срочку»). Впрочем, предоставим слово ему самому:

«Говорю: „Лёша, тебе письма от детей!“ Открывает, смотрит, а там ещё к Новому году — зайчики и ёлочки нарисованы... Сидит мужик и плачет, вытирает глаза. Просит: „Дай мне!“ — „Нет, Лёша, я заберу и отправлю назад. Кстати, Стас просил передать, что тебе присвоено звание полковника!“ — „Мне — полковника?!“ Это сейчас всё несколько поиному... А тогда — полковник, это был полковник! Он говорит: „Зайдём, по рюмочке!“ А никого нет, ситуация хорошая... „Лёша, не могу, вот тут болит!“ — „Слушай, я в гостинице живу — сейчас приду, бутылку вискаря махну один за это дело. Ну, что ты хочешь?“ Что ж, пришлось зайти...»

Вот такая жизненная ситуация — пожалуй, покруче, чем знаменитый, но совершенно искусственный эпизод в «Семнадцати мгновениях весны», когда Штирлицу издалека показывают в кафе «Элефант» его собственную жену, а потом он всю войну счастлив этим «мимолётным видением».

Хотя, пожалуй, тут кое-что требуется объяснить (не про Штирлица, конечно).

Связь в разведке — не только главная составляющая, но и наиболее уязвимое место. При личной встрече никогда не исключено, что кто-то может привести за собой «хвост»; при тайниковой операции — место закладки контейнера может оказаться под наблюдением; радиопередатчик могут запеленговать. Это, так сказать, самые простые варианты, азбука.

Но иногда могут быть и совершенно невероятные случайности. Например, у того самого места, где находился тайник, нелегал «Анри» вдруг увидел стоящую полицейскую машину и полицейских. Тайник обнаружен?! Вряд ли, подумал разведчик, в этом случае скорее было бы скрытое наблюдение или засада. «Анри» подъехал к ближайшему бару, спокойно присел за столик и в разговоре с официантом узнал, что полчаса тому назад здесь произошла мафиозная разборка и кого-то убили.

Контакты с нелегалами, а уж тем более личные встречи проводились нечасто. Потому и новогоднее поздравление пришло к «Дубравину» лишь перед 1 Мая, но, учитывая горький опыт Абея (тот самый злополучный контейнер!), оставлять у нелегалов письма было категорически запрещено.

Что ж, недаром Вадим Алексеевич Кирпиченко писал:

«Труд разведчика-нелегала попросту несравним с работой разведчика обычной резидентуры. Каким бы напряжённым ни был день сотрудника разведки, работающего, скажем, „под крышей“ посольства, вечером он всё-таки возвращается в свою семью и забывает тревоги дня, наступает расслабление. У нелегала нет родной „крыши“, нет места, где можно расслабиться и забыться, и часто нет рядом семьи. Он, как теперь стало модно выражаться, социально не защищён, да и вообще не защищён. Всё его спасение — в его собственной голове и в чёткой работе Центра»^[268].

А в Центре тогда главным начальником для нелегалов был Дроздов.

Вспоминает Людмила Ивановна Нуйкина:

«Когда мы отмечали его 90-летие, один большой начальник спросил у него: „Юрий Иванович, скажите, пожалуйста, как работать с нелегалами?“ — „Только на равных. Только с уважением“. Он это понимал, потому что сам несколько раз был в этой шкуре. Как нелегал. Пусть это были короткие у него командировки, но он таковым был! Он знает, что такое держать иностранный паспорт, что ты не тот, который там написан, — и знает, какие

трудности бывают и как себя вести. Он относился к этому со знанием дела. Когда он разговаривал с нами, он знал, он представлял. Это самое главное, чтобы твой босс, шеф — как это по-русски? — твой начальник знал, какие трудности встречаются и что это за работа. Всё-таки из Москвы ты видишь всё это по-другому, и может показаться, что оно просто и легко. Поехали как туристы. Да, похоже, — но мы же не со своим паспортом! Да, за нами стоит наша страна, большая, если что — она будет помогать, но пока дойдёт до того — всякое бывает. Вспомните, тот же Алексей Михайлович Козлов... Или Мартыновы...»

Между прочим, супруги Нуйкины, оба полковники разведки, вполне могли разделить судьбу «Дубравина» и «Вестов». Виталий Алексеевич^{126} учился с пресловутым Гордиевским не только в МГИМО, но и в 101-й школе. Они общались и по службе: Олег Антонович готовил для Нуйкина документ, а перед выводом четы нелегалов за границу даже приезжал к ним домой, обучал своего бывшего однокашника отдельным фразам на датском языке — непечатным, которые также необходимо знать. Иначе можно попасть впросак: тебя будут ругать, а ты — мило улыбаться в ответ.

Когда Гордиевский уезжал в Англию — вроде бы уже исполняющим обязанности резидента, он спросил между делом у Юрия Ивановича о том, где теперь его институтский товарищ. Вообще-то такие вопросы относительно нелегалов не задают, но тут — как бы старые друзья, сам Олег Антонович выходец из «С», готовится принять одну из основных разведывательных «точек». Можно было бы и удовлетворить любопытство, оно вполне оправданно...

Улыбнувшись, Юрий Иванович ответил: «Не волнуйся, они от тебя недалеко!» Раз недалеко — значит, где-то в Европе. Вот и искали контрразведчики по всему Старому Свету семейную пару из... не знаем, какой страны! Но они-то знали, им Гордиевский всё сообщил! Вот только сам он вряд ли мог полагать, что бывший его однокашник в то время добросовестно трудился в одной из стран Юго-Восточной Азии. Вряд ли Юрий Иванович мог подозревать Гордиевского в предательстве, однако есть правила игры, которые в любом случае нарушать нельзя.

Кстати, о правилах. Они ведь самые разные и порой не очень совпадают с общечеловеческими. К примеру, в адекватном обществе (подавляющее большинство из нас старается возвращаться именно в таком) «по одежке встречают — по уму провожают», то есть предпочитают люди не дураки, а с кругозором и эрудицией. Приятно иногда блеснуть познаниями в той области, в которой другие недостаточно осведомлены (речь, разумеется, идёт не о секретной информации, но о чём-то более

приземлённом). А вот нелегалу категорически нельзя быть умнее своей «легенды».

Помнится, рассказывали нам о таком случае.

Когда-то, предположим во Франции, обучался на бизнес-курсах симпатичный молодой человек восточной внешности, приехавший откуда-то из Азии. Учащаяся молодёжь сдружилась всей группой, встречались не только на занятиях, но и вместе хаживали в рестораны и кафе... Потом, летом, у кого-то из компании родители уехали в свой загородный шале, оставив свободной большую квартиру в центре города. Собираться там было куда удобнее, да и выгоднее, чем в ресторане...

Как-то встретились, пили вино, восточный молодой человек учил кого-то играть в нарды, остальные разгадывали кроссворд. Прозвучал очередной вопрос: «На какой реке в России Наполеон потерпел поражение?» Пауза. Все задумались. А этот, бросая кости, не задумываясь произнёс: «Березина!» Подошло! Записали. Продолжают. Следующий вопрос: «Какой иностранец на русской службе во времена Наполеона стал военным министром Российской империи?» Тоже молчание. Он опять-таки уверенно говорит: «Барклай-де-Толли!» Подошло!

Когда все потом отправились в кафе, кто-то из соучеников вдруг спросил этого молодого человека: «Фи люпитэ борстч?» — на ломаном русском языке: любит ли он борщ. Тот что-то ответил...

Потом, докладывая куратору о происшедшем, он и сказал эту фразу: «Нельзя нелегалу быть умнее своей „легенды“!» Ничего не произошло, но, учитывая, как развито там стукачество, мог и под наблюдение попасть. Конечно, всё зависит от благородства твоего товарища, и никогда не знаешь, как могут отреагировать окружающие на твой невольный «прокол», да и вообще обратят ли внимание. Скорее всего, со стороны соученика была «подколка» по принципу «ты слишком много знаешь».

О несколько схожей ситуации рассказывала нам и Людмила Ивановна — случилось всё тогда, когда, как кажется, благодаря «наводке» Гордиевского, спецслужба той страны, где они находились, всё-таки взяла их под подозрение и потихоньку начинала «разрабатывать». Не исключалось, что за ними наблюдали и соседи, которые, как полагали нелегалы, имели отношение к местной «конторе».

«Однажды наши соседи пригласили нас на ужин — отблагодарить, потому как мы ухаживали за их котом, когда они уезжали в Англию на Christmas^{127} — у них это обязательно, на Christmas все должны быть дома. Не то что у нас куда-то все убегают... Мы были в гостинной, рассматривали какие-то картины, хозяева вышли — вдруг я поворачиваюсь

и вижу, что на журнальном столике лежит книга „Анна Каренина“ на русском языке. Муж её не видел, я подошла и по-французски ему о том сказала. Он отвечает: „Смотрим картины!“ Возможно, хозяева где-то неподалёку стояли и подглядывали, как мы будем себя вести... Но мы эту книгу как бы не заметили. Через какое-то время они появились — ничего не спросили, ничего не сказали. Представляете, как нам жарко было?»

А вот что рассказывал Геворк Андреевич Вартамян:

«Мы возвратились в свою страну после очередного отдыха на Родине. Гоар пошла в парикмахерскую. Лето было, у них там перед салоном палисадник такой, Гоар в кресло села, а я пошёл гулять. Вернулся через час — смотрю, она под каской, под колпаком этим, сидит. Я её спрашиваю: „Когда ты закончишь?“ Она в ответ на чистом русском языке: „Жора, я скоро заканчиваю!“ Меня, конечно, с места сдуло! Но никто не обратил внимания»^[269].

Хотя, подумал уже потом Вартамян, при том количестве языков, которые они с Гоар Леоновной знали, можно было оправдать ответ хоть по-китайски...

Всякое случается! Нелегалы, они хотя и особые, но ведь тоже люди, а потому ничто человеческое, так сказать... И всё-таки это по-настоящему особые люди — и отношение со стороны руководства к ним было особенное.

Генерал Владислав Николаевич свидетельствует:

«Дроздов любил нелегалов — и нелегалы любили его. До него были начальники Управления нелегальной разведки, после него были, но второго такого, как Дроздов, — не было. Я видел, как светились лица нелегалов, когда они встречались с Юрием Ивановичем. Я слышал оценки, которые он давал, а он такой, жестковатый, был. Но когда начинали говорить о нелегалах — он менялся. Он считал, что это в нашем деле самое главное — „товар штучный“, „товар особый“, „золотой фонд разведки“ — такого же нигде нету, кроме как у нас...»

В чём же именно проявлялась любовь Юрия Ивановича к нелегальным разведчикам? Что это значит?

Генерал Сергей Сергеевич Яковлев трактует это так:

«Память у него была феноменальная — это поражало. Даже у меня такое глубокое убеждение сложилось, что каждый нелегал, с которым он встречался, думал, что он у него находится в центре внимания, что он постоянно и только о нём думает! И это подтверждалось на встречах. Потому что вдруг Юрий Иванович вспоминал: „А что с твоей такой-то связью?“ Связь эта возникала годы назад — но он псевдоним называл, и

это нелегала приводило в шок и трепет, даже умиляло. В этом плане он был руководителем высокого уровня...»

Согласен с таким утверждением и Николай Павлович, который был заместителем начальника Управления «С» уже в более поздние времена:

«Юрий Иванович тяготел к нелегалам. Где-то даже покровительствовал им. Мог закрыть глаза на что-то непринципиальное. И, как правило, всегда был прав...

Дроздов, кроме всего, и неформальный лидер, он жил всем этим. У него было именно увлечение оперативной работой. Мне десятки раз приходилось докладывать ему по поводу того или другого нелегала — мы хотим сделать вот так или вот так... Он старше нас был, но занимался этой работой с увлечением, которое свойственно разве только юношам. Порой он предлагал что-то такое, относительно чего мы сразу понимали, что это нам не разрешат — или не получится, и он потом, трезво всё оценив, поправлялся».

Подобное отношение Дроздова к нелегальным разведчикам объяснялось не только тем, что он с ними общался, хорошо знал их лично, был в курсе всех их дел — что называется, проникся. Это, разумеется, очень важно для начальника, но, пожалуй, ещё важнее то, что и сам Дроздов превращался в иностранца, да и не раз. Вспомним хотя бы легендарного барона фон Хоэнштайна! То есть он был нелегалом сам.

Впрочем, некоторые по-настоящему крутые нелегалы, работавшие с Юрием Ивановичем, относятся к этому утверждению с определённой долей скепсиса. Вот, к примеру, что объяснил нам один уважаемый человек, некогда друживший с Дроздовым и относящийся к его памяти с огромным уважением:

«Юрий Иванович говорил, что он тоже был нелегалом... Да нет, конечно! Он был спецрезервист — и мог некоторое время изображать из себя немца...

А нелегалу нужно не только в совершенстве знать иностранный язык — всё гораздо сложнее и обширнее! Ты ведь когда-то был мальчишкой, ходил в детский сад, играл со сверстниками во дворе... А какие считалки ты знаешь? Какие песенки помнишь, даже если петь не умеешь? Если ты немец, значит, ты должен знать все стихи по школьной программе... Только тогда, когда ты знаешь все эти страноведческие вещи, тогда язык для тебя становится „родным“. Это всё было освоено при подготовке к нелегальной работе — и ещё многое, многое иное. Вот тогда ты уже настоящий нелегал!»

Но, как бы там ни было, Юрий Иванович не только побывал в «шкуре»

нелегала, но и встречался с нелегальными разведчиками если не непосредственно на их «рабочем месте», там, где они «легендировались», — это, пожалуй, было бы слишком опасно, хотя и как знать, — то, во всяком случае, в «третьих» странах, куда его сотрудники могли приехать без особого риска «засветиться». Это нам подтвердил и Сергей Сергеевич:

«Юрий Иванович регулярно выезжал за рубеж — встретиться с кем-то. Под каким именем выезжал, это мне трудно сказать — я и сам иногда не на своих документах выезжал... Вообще у него была точка зрения, что у сотрудника нелегальной разведки в сейфе должен лежать зарубежный паспорт (имеется в виду паспорт иностранного государства, а не отечественный загранпаспорт. — А. Б.), на котором он при необходимости может в любое время выехать для выполнения задания за рубежом».

Это важно, когда начальник реально знает то дело, которым занимаются его подчинённые, сам поработал «в поле», в «горячих точках». Ведь так приятно бывает опытному сотруднику, выслушав какое-нибудь очень правильное в теоретическом плане поучение, как нужно или как нельзя себя вести, наивно посмотреть в мудрые глаза начальника, в жизни не выходявшего из своего кабинета, и спросить: «А ты там был? Там по-другому нельзя!» На том разговор и заканчивается...

Сотрудники Управления «С» говорили нам, что во время инструктажа нелегала Юрий Иванович мог обратиться к своему опыту работы в Штатах или в Китае, но только если это имело непосредственное отношение к делу (есть же руководители, которые к месту и не к месту вспоминают свои былые «подвиги» или «случаи из прошлого»). Зато Юрий Иванович выступал не только как руководитель, но и как учитель, наставник, обладающий практическим опытом. Это было полезно и для нелегала, и для любого сотрудника, особенно если тема возникала для него впервые. Дроздов обсуждал вопрос, к примеру, по тем же США не только как начальник Управления, постоянно получающий информацию, но и как резидент, знающий особенности работы в тамошних условиях. Он мог детально обсудить с оперработником то, как пойти на операцию, как реализовывать, оформлять и отправлять полученные материалы... Это способствовало и работе, и авторитету руководителя.

Дроздов доверял своим сотрудникам и не пытался на них давить, связывать чью-либо инициативу; он чётко различал компетенции, кто и за что отвечает. То время, что он руководил Управлением «С», нелегалы (теперь уже — ветераны) считают самым счастливым периодом своей жизни — и по работе, и по результатам, и по востребованности...

Великое счастье, что и председатель КГБ СССР относился к

нелегальным разведчикам с интересом, вниманием и заботой! Вот что писал по этому поводу сам Юрий Иванович:

«Он жил проблемами нелегальной разведки, думал вместе с нами над путями её развития. Много, о чём он говорил, мы постарались претворить в жизнь. По своему прошлому в военные годы он знал, сколь сложно и опасно ремесло разведки. Он жил жизнью нелегалов, встречался с ними. В беседах с нелегалами вовлекал в разговор всех участников встречи, журил отмалчивающихся, позволял спорить и не соглашаться с ним.

Андропова глубоко интересовали вопросы выдержки, преданности и стойкости разведчиков в острых ситуациях, в случаях захвата противником. Ведь каждый из них переживает то состояние, которое испытывали партизаны при уходе в тыл врага: можно действовать, рисковать своей жизнью, а можно и отсидеться...

Андропов внимательно следил за ходом нелегальных операций, которые знал в деталях. Иногда ему не терпелось узнать что-то новое, но он останавливал себя, подчиняя свои желания условиям связи и строжайшей конспирации»^[270].

Вернёмся непосредственно к нелегалам и к тому, что говорилось ранее относительно компетенций. Нам рассказывали, что в самом начале 1980 года Алексей Михайлович Козлов готовился к выезду в долгосрочнуюграничную командировку в одну весьма неблизкую страну. Всё было продумано, обговорено, вылетать послезавтра, и вдруг Юрий Иванович вновь приглашает его на личную встречу. Вполне возможно, тут было прямое указание Андропова.

Дроздов с порога ошарашил нелегала тем, что его задание корректируется: не долетев до пункта назначения, остановиться в одной стране и, в частности, сделать так, чтобы до тамошнего руководства была доведена некая информация. Далее произошёл такой диалог: «Юрий Иванович, а как вы это себе представляете?» — «Лёха, кто из нас нелегал? Ты? Ты! А кто из нас начальник? Я? Я! Так я тебе, как начальник, ставлю задачу, а как ты её выполнишь — это уже твои проблемы, не мои!»

Обратим внимание на время: январь 1980 года — если совсем точно, разговор был 13-го числа, самое начало «советского вторжения в Афганистан», как это было воспринято во всём мире. Международная обстановка усложнилась самым кардинальным образом! Но поставленную задачу нелегал успешно выполнил, проявив инициативу и сообразительность.

Между прочим, когда-то сам Алексей Михайлович рассказывал нам про этот эпизод — правда, опустив вышеприведённый диалог. А вот — его

воспоминания:

«Сначала я вылетел в Европу, потом — в Сингапур, оттуда — в Бомбей, из Бомбея — в Карачи, из Карачи — в Исламабад. Интересно там было: жил я почти один в новой, хорошей гостинице „Holiday Inn“, и вдруг туда стали приезжать американцы, какие-то штатские, вернее — полуштатские люди, в тяжёлых ботинках, иногда у них были полувоенные рубашки, „military style“.

Кое с кем я познакомился, они мне указали на беженцев из Афганистана: мол, посмотри на эту шваль — спекулируют здесь, вместо того чтобы зарабатывать деньги на другом поприще. „Но, — сказал мой собеседник, — я тут собрал большую группу диверсантов и послал их в Афганистан“. Он даже сказал — куда именно.

То есть сразу после ввода советских войск американцы начали готовить душманов, „непримиримую оппозицию“, стали штамповать тех самых талибов, против которых они сейчас сами и борются! Я посмотрел на это дело, передал информацию в Центр, а потом, как мне и было положено, выехал в Гонконг, на Тайвань, вернулся в Европу — и вылетел в ЮАР»^[271].

(Не совсем по теме, но вот на что хочется обратить внимание. Генерал Шебаршин нам рассказывал:

«В годы талибского правления в Афганистане резко сократилось производство наркотиков. Но как только талибов уничтожили, оно за год возросло в десятки раз: в 2001 году производство опиума-сырца составило 3400 тонн...»^[272]

Информация к размышлению!)

Кстати, рассказ Козлова прекрасно «стыкуется» с воспоминаниями Дроздова и даже кое-что в них поясняет. Юрий Иванович говорил в телеинтервью:

«У меня была возможность контролировать участие целого ряда западных стран, с использованием стран мусульманских, по созданию банд моджахедов на территории Афганистана, по переброске туда и средств, и всего и вся... И всё это говорило о том, что, значит, мы сталкиваемся с очень серьёзной попыткой нанесения ущерба Советскому Союзу — в том числе и путём ликвидации этой самой Народно-Демократической Республики Афганистан»^[273].

Но Алексея Михайловича, как мы помним, в Южной Африке ожидала встреча с местной контрразведкой, «организованная» его бывшим товарищем по комитету комсомола МГИМО Гордиевским...

И всё-таки у разведки было гораздо больше побед, нежели поражений — но только, повторим, почти все эти успехи и достижения тщательно скрывались и скрываются, тогда как провалы и предательства «замолчать» нельзя. Если противник мог и не догадываться, что лично адресованный президенту Соединённых Штатов Америки документ, ещё до того как он поступит к адресату, уже прочитал член Политбюро ЦК КПСС, председатель КГБ СССР Андропов (такое случалось не единожды!), то про переход на его сторону какого-нибудь клерка из какой-то резидентуры советской разведки он не мог не знать. К тому же зачастую сам факт предательства был для противника дороже полученной при этом от изменника информации (чаще всего перебежчики не так много и знали).

Вот как пояснял это Леонид Владимирович:

«Обычный дезинформационный приём: берётся реальный факт — измена сотрудника КГБ и к этому факту привязываются были и небылицы, рассчитанные на нанесение ущерба противнику»^[274].

Ладно, уходим от провалов и предателей и с удовольствием рассказываем, как выполнял очередное боевое задание нелегал «Джек». Подобные рассказы можно услышать не так уж часто. Хотя это и происходило несколько раньше, но Юрий Иванович тогда был заместителем начальника Управления и, по нашей информации, имел к этому делу определённое отношение:

«Это было в Испании, в начале 1970-х годов, а я был французский художник. Я получил задание узнать, будет ли продлена аренда одной натовской базы, потому как по всей тамошней прессе проходила информация, что генералиссимус Франко требует вывести её с территории страны...

Просто так пройти на этот особо охраняемый военный объект мне было невозможно — но нерешаемых задач для разведчика-нелегала нет. Решаю искать каких-то военнослужащих с этой базы... Беру мольберт, надеваю знаменитый берет — француз! — выхожу и смотрю. Главная улица идёт как раз в направлении базы. Народ оттуда приезжает и двигается в центр, где хорошие забегаловки, кафе и можно посидеть.

Ставлю мольберт и начинаю писать какой-то этюд. Смотрю — два офицера и с ними три дамы. Подходят: „Слушай, сколько?“ — „Я не продаю. А что, нравится?“ — „Да! Хороший сувенир!“ — „Действительно нравится?“ — „Конечно!“ — „Если так — то дарю!“ — „Мы идём пить вино. Пошли с нами!“ Я знал, что неподалёку есть ресторанчик. „Хорошо, отнесу этюдник и подойду!“

Около семи вечера я был в ресторанчике, вино там подавалось в

глиняных кувшинчиках — обстановка вроде крестьянского дома. Сели мы — ля-ля-ля... На всякий случай спрашиваю: „Вы, наверное, где-то здесь служите?“ — „Да, на базе!“ Девчонки оказались местными, работали там же, вольнонаёмными.

Потом ребята предложили пойти в дансинг, затем мы познакомились с миллионером-кубинцем и поехали на его американском лимузине, длиной в целый квартал, в соседний город, за 250 километров — там у какого-то его приятеля был завод по производству анисовой водки...

Вернулся я в гостиницу в 12 часов следующего дня — не спавший, напившийся, наевшийся — и бросился на кровать... Но встретиться и познакомиться — ерунда, гораздо сложнее было установить с ними связь и договориться о следующей встрече. Мне это удалось. Я рассказывал им об архитектуре, о проникновении мавританского стиля: „Вы были в Бильбао? Там такой собор есть! А вот в этом-то городе были? Там базилика XIII века! Вы там не были?!“ Я говорил как архитектор, со знанием дела — и американцы предложили: „Поехали в следующую субботу — ты нам расскажешь!“ Конечно, поехали и я им рассказал. Я ведь готовился быть профессором по кафедре истории архитектуры!

После этого отвязаться от них я не мог. Каждые субботу — воскресенье мы выезжали по заранее подготовленному мною маршруту — тот объект, этот... После того я приглашал их в ресторанчик, обедали за стаканчиком „вискаря“, говорили о том о сём — но не о базе!

Наконец произошло то, чего я так ждал. „А не поехать ли тебе с нами на базу? Приглашаем!“ — „Вы что? Франция входит в НАТО, но мы же вышли из его военной организации...“ — „Да перестань! Ты нам всё тут показываешь, а нам тебе показать нечего. Только то, как мы сами живём. Чем богаты — тем и рады! Нам хочется отплатить тебе добром“. — „Может, вы мне просто расскажете, что у вас там? Какой смысл мне ехать?“ — „Слушай, сколько ты заплатил за бутылку виски?“ — „\$ 8“. — „Вот! А у нас она стоит 80 центов!“ — „Чего же вы раньше молчали?! Надо было ехать вчера!“ — „Поехали!“ — „С собой там можно купить?“ — „Конечно!“ Им было понятно: еду за дешёвым виски.

Приезжаем на базу, они мне всё показали. Сели в ресторанчике... „Да, — говорю, — хорошая у вас здесь жизнь! Позавидовать можно! И всё это кончается...“ — „Откуда ты взял?“ — „Так все газеты пишут!“ — „Что ты им веришь! Это для того, чтобы успокоить местное население. Пять дней назад к нам приезжал Александр Хейг, главнокомандующий войсками НАТО в Европе, и проводил совещание о будущем нашей базы“. И всё мне подробно рассказали... Так мною была получена из первых рук

совершенно секретная информация о будущем этой базы: какая аренда, какие её условия, на сколько лет, какова стоимость... Всё!»

А вот как описал нам работу с другим нелегалом Николай Павлович:

«Он хорошо осел, наш товарищ, где-то в центре Европы, влез на одну известнейшую техническую фирму, получал там ценнейшую техническую документацию. Без всякого преувеличения: чемоданами документы привозил! Он не захотел фотоаппарат брать, сказав, что это — прямая дорога в тюрьму. Зато у него в кабинете стоял ксерокс, и он эти документы переснимал, и каждый день уносил оттуда копии в кейсе. Хранил дома, собирал в чемодан. Набьёт три-четыре чемодана — сообщает в Центр, что готов к передаче. А я в то время работал в столице этого государства...

Ночью приезжаю к условленному месту — лесной массив. С одной стороны его — автобан и с другой стороны — тоже, и там они как-то почти сходятся, причём на обоих автобанах — парковка. Между этими парковками проходят лесные дорожки, и надо просчитать, сколько сосен до места встречи...

Он на том автобане останавливается, я на этом, оставляю жену в машине, дохожу до нужной сосны... Подхожу и вдруг слышу: треск кустов и мат. Родной русский мат! Я понял, что это он идёт. А он выходит из кустов, выносит два чемодана, ставит их и опять исчезает в кустах. Потом возвращается — и ещё два чемодана несёт! „Теперь ты тащи!“ — „А я как их нести буду?“ — „Тра-та-та! А я как нёс?!“ Он, оказывается, пройдёт десять метров, поставит одни чемоданы и — возвращается за другими... Говорю: „Стой тогда!“ Взял два чемодана, отнёс к жене, положил в багажник и вернулся за двумя оставшимися...»

Да, Штирлицу такое и не снилось! Пожалуй, и по результативности тоже.

Вот только не вся информация доходила до адресата, в данном случае — в переносном смысле слова. Разведка ведь не для себя работает, а в первую очередь для высшего государственного руководства. «В верхах» же, насколько известно, обычно оказываются не самые умные, но самые хитрые, и вся беда в том, что, прочно обосновавшись там, они начинают считать себя самыми умными и уверены, что знают всё наперёд. И порой случается так, что если прогноз — разведки, учёных, специалистов — не совпадает с их «предвидением» или «провидением», то ему даётся однозначная оценка: «материал недостоверный». Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда! Вспомните, что по ходу нашего повествования мы уже несколько раз встречались с подобной железобетонной резолюцией.

Но вот ещё пример тому. Дроздов относился к Китаю с особым вниманием, на что имелось несколько различных причин, не менее трёх. Причина глобальная: Китай — великая и самобытная держава, в ту пору постепенно выходившая на лидирующие роли на мировой арене; причина профессиональная: возможности по сбору информации у легальной резидентуры были весьма ограничены, а значит, основная нагрузка ложилась на Управление «С»; причина личная: проведя в Китае четыре года, он полюбил эту страну и её народ. Видимо, объяснений достаточно. Впрочем, на то, чтобы Юрию Ивановичу обратить на Китай особое внимание, была ещё личная просьба Андропова.

В 1976 году скончался незаменимый, как казалось, Председатель Мао, и вскоре в измученной стране начались радикальные изменения, в том числе — отход от догматизма, пересмотр и коррекция «всепобеждающей теории», то есть то, чего не могло и не желало делать руководство Страны Советов. Разумеется, не всё получалось так гладко, как бы хотелось новому китайскому руководству.

Одним из наболевших вопросов традиционно являлось сельское хозяйство.

«Газета „Жэньминь жибао“ писала, что в 1979 году собрано зерновых по 300 кг на душу населения, чего, с учётом государственных потребностей, недостаточно. Поэтому, подчёркивала она, „нет причин для необоснованного оптимизма в вопросе разрешения продовольственной проблемы“»^[275].

По этому поводу Дэн Сяопин^{128} — член Политбюро ЦК КПК, недавно реабилитированная жертва «культурной революции» — заявил по-настоящему революционно: «Надо немного расширять пути развития сельского хозяйства, раскрепощая сознание. Если вопрос не решается по-старому, его надо решать по-новому... Если нынешняя система собственности не работает, чего бояться! И в промышленности, и в сельском хозяйстве — везде надо делать именно так»^[276].

Однако далеко не все — речь идёт о чиновниках, особенно столичных — были согласны менять систему. Были очень горячие споры.

Известно, что Вань Ли^{129}, также жертва «культурной революции», некогда бывший секретарём Пекинского городского комитета КПК и вице-мэром Пекина, а в то время уже возглавлявший провинцию Аньхой и вновь поднимающийся по карьерной лестнице, заявил заместителю министра сельского хозяйства: «Ты свинья! Сам жрёшь от пуза, а крестьяне — тощие, потому что им нечего есть. Как смеешь ты запрещать людям искать

способы пропитания?»^[277]

Понятно, что у нас никто бы в лицо замминистра такое обвинение не бросил — не потому, что чиновники такие культурные, а потому, что тощие крестьяне со своими проблемами никого не волнуют. Хотя это уже «китайская специфика».

А что за «способы пропитания» имелись в виду? Да просто: крестьяне начали самовольно возвращать себе свои ранее обобществлённые земельные участки. Руководство страны не стало использовать против «самовольщиков» вооружённые силы и объявило эту «деколлективизацию» «развитием марксизма».

Информация о том, что происходит в обновляющемся Китае, своевременно передавалась в «инстанцию» — в Центральный комитет КПСС. И ведь были видны положительные сдвиги, и можно было бы даже, как некогда советовал Александр Сергеевич Грибоедов, «хоть у китайцев бы нам несколько занять» творческого отношения к марксистско-ленинской теории! Нет, в ЦК просто не поверили полученной информации.

Ветеран Управления «С» рассказал:

«Когда прошла информация, что они уходят от сельскохозяйственной коммуны, переходят на индивидуальный подряд — нас Международный отдел ЦК на смех поднял. Что это за информация и откуда это такое? Быть не может! Но, в результате, это в корне изменило всю их систему сельского хозяйства! От проблемы 600 граммов риса они перешли не так чтобы к продовольственному изобию, но, по крайней мере, близко к этому. Смогли накормить население».

Ну а мы, насколько помнится, постепенно и неуклонно скатывались к дефициту продовольствия...

Так что генералу Дроздову было нелегко (а кому у нас легко?). Порой это не то что приводило к срыву, но, скажем так, Юрия Ивановича могло и «заклинить».

Вот что вспоминал один из наших собеседников — кто именно, не важно:

«Начальник отдела Виктор Николаевич был отправлен в командировку в далёкую азиатскую страну, откуда по ряду причин ему пришлось „выдёргивать“ нелегала. Когда он туда приехал, местная контрразведка его обложила со всех сторон, буквально за горло его взяли, следили за каждым шагом, однако он, всему вопреки, задание выполнил. Уплывал он оттуда на теплоходе... Всё уже было позади, сотрудники „наружки“ стояли на пирсе и не таясь смотрели на него, ну и он, наконец-то свободно выдохнув, взял да и помахал им на прощанье рукой, согнутой в локте, — известный

„интернациональный“ жест! А эти не только сфотографировали „трогательное прощание“, но и передали снимки в прессу...

Вскоре по возвращении подходит у Виктора Николаевича 50-летие. Марина, секретарь, обзванивает всех замов и начальников отделов: собраться у Дроздова в такое-то время. „А что такое?“ — „Он не сказал, но у Виктора Николаевича же 50 лет“. — „Ну, понятно...“ Хотя официально ничего не сказано.

Пришли, сели — жарко было. Марина заносит поднос с бокалами — шампанское. Тогда так практиковали: по бокалу — и на этом заканчивали.

Все собрались. А Юрий Иванович то на звонок отвечает, то ещё чего-то — в общем, как всегда, всё напряжённо. Потом говорит: „У нас сегодня праздничный день! У Виктора Николаевича — юбилей!“ Начал рассказывать о том, какой он хороший, а потом, вдруг: „Правда, иногда бывает... Вот, дал я ему указание — а он... Во всех тамошних газетах появился!“ И пошёл дальше — на ту же тему: „А тогда-то не выполнили в срок того, не сделали этого!“

Да как разошёлся! Весь побагровел, вытирает лысину (это была его привычка в минуты волнения) — и говорит, говорит... Юбиляр сидит и растерянно думает: „То ли выговор... то ли строгий выговор?“

Чувствуем, что он совсем забыл, зачем нас собрал!

Я сидел рядом с секретарём парторганизации. Шепчу ему: „Володя, по-моему, Юрий Иванович забыл! Выручай!“

А тот стоит, говорит, весь накалился... Партсекретарь ему: „Юрий Иванович, может, мы в другой день об этом? А сегодня давайте мы его просто поздравим!“ Дроздов остановился: „О, ё...! Я ж забыл!“

Случались такие моменты — но мужик он был хороший, мы его любили!»

Под словом «мы» — кто подразумевается? Понятно, что сотрудники Управления. К сожалению, не можем назвать этих людей поимённо, да и по должностным категориям расписывать их не представляется возможным, но зато есть несколько интересных моментов, о которых рассказать стоит.

В частности, Николай Павлович говорил:

«Вокруг Дроздова тогда были фронтовики — и в отделах, и в руководстве. Все его заместители были фронтовиками, начальники отделов — либо фронтовики, либо труженики тыла. Практически все... И среди нелегалов даже таковые были. Когда я пришёл, у нас половина управления прошла войну. Было им тогда в районе 50–55 лет. И в каждом отделе так было. Некоторые, находясь в армии, даже и повыше его должности занимали — он всё-таки в конце войны оказался на фронте, молодым

офицером. А были офицеры постарше...»

Примерно такая же картина сложилась в то время и в армии, в частности в военно-учебных заведениях, где преобладал преподавательский состав старшего возраста, да и «на гражданке», в серьёзных учреждениях... Но в разведке и других органах госбезопасности всё было несколько сложнее, потому как понятие «фронтовик» подходило здесь далеко не всем участникам войны.

Вот генералы Кирпиченко, Дождальёв, полковник Виталий Викторович Коротков, да и сам Юрий Иванович — это были именно фронтовики, они, в соответствии с официальной формулировкой, «сражались на фронтах Великой Отечественной войны». Фронтовиком, в частности, был разведчик-нелегал «Бен» — Конон Трофимович Молодой, воевавший с 1941 года в войсковой разведке.

Между прочим, бытует легенда, не имеющая под собой абсолютно никакого основания, что однажды разведчик Молодой оказался в руках гитлеровцев, но как-то так вдруг получилось, что немецкий офицер пинком выкинул его из блиндажа, и он бежал. Лишь много лет спустя Конон Трофимович якобы узнал, что его спасителем был Вильям Генрихович Фишер, он же Рудольф Абель.

Нет, с ними такого не было, хотя с кем-то другими — вполне возможно, и повторяем эту байку лишь для того, чтобы сказать о тех чекистах, которые воевали, но на фронте не были.

В разведывательно-диверсионных отрядах специального назначения сражались в глубоком немецком тылу разведчики-нелегалы Вильям Генрихович Фишер (там он и познакомился с настоящим Абелем), Михаил Иванович Филоненко^[130], Африка де лас Эрас^[131], Алексей Николаевич Ботян и многие другие, имена которых навсегда останутся засекречены.

Понятно, что никто былыми заслугами не кичился, вряд ли о них и вспоминали, но эти моменты биографии всё-таки определяли круг личного общения сотрудников и то, кто кого поддерживал, — не без этого. Разумеется, в друзьях у Дроздова были люди старшего возраста, но и молодёжь он не зажимал.

А ведь именно тогда происходила неизбежная смена поколений. «Старики» — то есть воевавшие, те, кто был в ОМСБОН, защищал Москву, действовал в тылу врага в составе оперативных отрядов, — зачастую не имели высшего образования. Не по нежеланию, нет. Тот же Ботян: в 1941-м начал учиться в Высшей школе НКГБ СССР, потом у него был «академический отпуск» на весь период войны, а когда потом он обратился

к генералу Судоплатову^{132} с просьбой разрешить ему продолжать учёбу, Павел Анатольевич объяснил, что работать некому, и Ботян был отправлен на «нелегалку» в Европу.

Так что старшее поколение постепенно уходило, ему на смену шли «молодые, хватившие хрущёвской оттепели шестидесятники», как выразился один сотрудник из именно того, приходящего, поколения. К тому же в органах активно шла борьба за «восстановление социалистической законности»...

А вот что говорил нам генерал Гиоргадзе, принадлежащий к ещё более молодому поколению, поэтому беспристрастный в данном вопросе:

«Провал был большой между теми, кто приходил в органы в конце 60-х — начале 70-х, и теми, кто был основным звеном старших оперов. Как правило, это были люди без высшего образования, люди, пришедшие в органы в период войны, сразу в послевоенный период — омсбоновцы, смершевцы, у которых не было возможности учиться... Они курсы заканчивали, и всё! Это была плеяда наших отцов.

Но это была старая школа — настоящая школа! К сожалению, сейчас люди не понимают того, что было в прошлом: их напичкали лжеинформацией о „кровавом периоде“ Советской страны, о „сталинщине“ и так далее... Но тогда были порядок и организованность, была реальная идея, на которой основывалось наше государство. Дроздов был одним из последних представителей той школы: отработанная линия поведения „начальник — сотрудник“, системное мышление, точное и ёмкое изложение своих мыслей и так далее — в общем, той старой закалки, где всё понятно, чётко и достойно. Ты чувствуешь и стержень, и мысль начальника — ты с ней можешь соглашаться или не соглашаться, но ты это чувствуешь. В отличие от появившихся потом поверхностных руководителей.

Так вот, атмосферу Управления, которым руководил Юрий Иванович Дроздов, сотрудники вспоминают до сих пор. С одной стороны, всё было без суеты, без дёрганья. С другой — решались сложнейшие задачи. Тогда именно в работе „С“ появилось и оперативно-боевое направление, КУОС и „Вымпел“, и оно себя проявляло. Всё это было его детище...

Старшие товарищи рассказывали нам и про то, что было в 40–50-е годы, и про атмосферу „оттепели“, а мы вместе с ними работали в брежневскую эпоху. В общем, нам было, что и с чем сравнивать».

Помнится, эту главу мы начали с рассуждения о «комических деталях», которых особенно много в нелегальной разведке?

Так вот, реальный жизненный анекдот, рассказанный нам Героем

Советского Союза Геворком Андреевичем Вартаняном.

Дело было в одной из, что называется, цивилизованных стран, где на тот период резко усложнилась оперативная обстановка. В результате буквально на каждом перекрёстке стояли патрули, проверявшие автомобили. А Геворк Андреевич куда-то ехал по своим делам.

Первая остановка. Вежливый полицейский: «Господин, позвольте узнать, что у вас в багажнике?» Статус у Вартаняна был такой, что он небрежно, со снисходительной улыбкой протянул полицейскому ключи. Тот проверил багажник, возвратил ключи, извинился и взял под козырёк...

Второй перекрёсток... Четвёртый...

И вдруг очередной полицейский, проверявший багажник, подскочил к дверям и наставил на Вартаняна автомат. Улыбки и вежливости как не бывало, металл в голосе: «Выйти из машины! Подойти к багажнику! Что это?»

Геворк Андреевич заглянул в багажник, и глаза у него реально полезли на лоб: там лежал автомат.

Это в кино разведчик не расстаётся с оружием, в повседневной жизни оно ему ни к чему. «Если разведчик начинает стрелять, — как-то пояснил нам Вартанян, — то он заканчивается как разведчик». Хотя эту мудрость мы потом слышали не от него одного...

На лице нелегала ледяное спокойствие, в голове — лихорадочные мысли: «Откуда? Провокация? Чья и с чего? Не с чего, точно, не с чего!» Значит, нужно просто подождать — всё само собой образуется.

Действительно, не прошло и двух минут, как вдруг издали послышались звуки сирены, треск мотора, и вскоре к стоявшей машине подлетел взмыленный полицейский на мотоцикле: «Ребята!!! Я автомат в багажнике забыл!!!»

...Прав Борис Николаевич Григорьев: в нелегальной разведке «нахохочешься» вдоволь. Но не всегда смех приходит сразу, иногда сначала нужно самому в себя прийти...

Был такой советский лозунг: «Хорошо поработал — хорошо отдохнул». Скрытый его смысл в том, что два «слагаемых» можно успешно менять местами, ибо человек, должным образом отдохнувший, покажет и соответствующие результаты в работе. Нелегалы также не могли обходиться без отдыха. Отпуск был как бы двух видов: либо, в соответствии с «легендой», в Ницце или где-то ещё, либо, той же «легендой» прикрывшись, можно было официально совершать зарубежный вояж, а на самом деле приехать в родные края...

Вартанян нам рассказывал, что, когда они с Гоар Леоновной иногда

приезжали домой, их просили потренировать службу наружного наблюдения:

«Мы специально встречались на улице со случайными людьми — подходили к ним спросить адрес, уточнить что-то, а „наружники“ думали, что это наши контакты, и потом компаниями ходили за этими бедными людьми. Однажды было, что руководство напугало местных товарищей, что мы — знаменитые английские разведчики, и они снимали в городе, в столице союзной республики, все почтовые ящики — те, куда можно было незаметно бросить письмо. Оставили только те, которые можно было за километр видеть. А мы всё равно два письма в Центр послали, чего они и не заметили. Сделали это очень просто: тогда у нас в гостиницах на каждом этаже сидели дежурные. Когда я выходил из номера, то шёл на второй этаж, на третий, на четвёртый и только потом выходил. Они думали: „Это он проверяется!“ — и там за мной не ходили, встречая меня снаружи — у главного выхода, у служебного... А я оставлял письма, написанные в Центр, на столе у дежурной по какому-нибудь этажу, как нередко делали постояльцы, и она спокойно относила их на почту или к ближайшему ящику...»^[278]

Для встречи и приёма нелегалов на родной земле проводилась огромная работа. Игорю Пантелеймоновичу Гиоргадзе, когда он работал в КГБ Грузии, пребывая в младших офицерских чинах, приходилось заниматься этим делом непосредственно.

«Как правило, телеграммы сопровождения из ПГУ о таких приездах подписывали заместитель председателя, курирующий разведку, и начальник Главка.

И вот как-то вызывает меня мой начальник: „Прочти, опять твои едут!“

Оказывается, после долгих лет работы на отдых едут муж с женой. С ними будут сын и дочь, живущие в Союзе на постоянной основе. Дается псевдоним, какой-то набор согласных с одной гласной в конце. Типа Брдрхман... Едут они из Азербайджана, я должен повезти их из Тбилиси в Гагры, разместить в достойном доме отдыха на берегу моря, а оттуда проводить в Москву.

Встречаю: „Брдрхман?“ — „Сынок, называй меня папой!“ Явно человек, который через всё прошёл. Говорю: „Хорошо, папа!“ — и так его называл.

Их — четверо, я — пятый. За рулём — водитель. Они без претензий, мы как-то сидим сзади: мама, дочка, сын и я, и вдруг Брдрхман говорит: „Мы хотим в Азербайджан, на озеро Гюйгюль! Нам сказали, что из

Тбилиси это ближе, чем из Баку“. В принципе, так и есть.

Прихожу к начальнику: „Нам понадобятся две машины. По городу я не беспокою, но это — поездка дальняя“. Он очень недоволен: „Где я спишу бензин — из Грузии опять в Азербайджан их везти?!“ И всё такое...

На документе всегда исполнитель указан. Звоню: „Вот такая проблема — доложи!“ Как потом выяснилось, он доложил непосредственно Дроздову.

Уже часа через три вызывает начальник: „Зайды! Слюшай, кто настучал в Москву?“ — „Что имеется в виду?“ — „Читай!“ — даёт телеграмму. Смотрю подпись — „Андропов“: „Такие-то семь лет находились без отпуска. Награждены высшими наградами Родины. Обеспечить выполнение любого желания!“

„Давай беры вес гараж! — закричал начальник. — Поезжай куда хочешь! Отправляйся в Баку — и нэ возвращайся!“

Вот так! Подпись „Андропов“ — и бумага горела! Таков был почерк Юрия Ивановича».

...Как видим, ради своих сотрудников Дроздов мог сразу и напрямую обратиться к председателю КГБ СССР, и Андропов незамедлительно выполнял его просьбу...

Глава 16. «Птенцы гнезда Дроздова»

Вновь обращаемся к заметкам Юрия Ивановича:

«„Вымпел“, как и „Альфа“, по праву считается детищем Андропова.

О необходимости создания такого спецподразделения я начал думать давно; история борьбы с оуновским подпольем на Украине, высадка американской агентуры с воздуха на Украине и в Прибалтике — говорили о том, что решение о ликвидации по политическим соображениям в 50–60-е годы подразделений, осуществлявших специальные мероприятия на территории противника и способных к оперативной переброске по всей территории страны, требует пересмотра. Утвердился я в своей мысли, когда увидел, как выглядят „наши“ вооружённые силы, прибывшие в Афганистан, и в какой физической форме находятся там некоторые бывшие мои сотрудники.

Руководствуясь этими соображениями, я и доложил о своей идее Андропову.

— Зачем это надо? — удивился он.

Отвечаю:

— К примеру, сложилась острая обстановка, вы нас выбрасываете на место, мы решаем основные задачи, а к вечеру подтягиваются главные силы...

— Сколько человек вам надо?

— Тысячи полторы.

Год после того, как мы подготовили все документы, этот вопрос рассматривался в Центральном Комитете и Совете министров. И только 19 августа 1981 года было принято соответствующее решение. Ещё живы ребята, которые разрабатывали этот материал, писали бумаги... Я, помню, „резал“ их, поправлял, высказывал свои мысли... Интересный получился документ; за год, пока его рассматривали, я в Кремль протоптал небольшую дорожку. Отчитывался и перед юристами, и перед такими, и перед сякими... Чего только не было! Вспоминали даже схожие мероприятия, которые были в довоенный период.

После того как решение о формировании „Вымпела“ было принято окончательно, передавая мне бумаги, Юрий Владимирович Андропов сказал: „Ну вот, на! Работай, создавай! И чтоб равных им не было!“^[279]

Про некогда совершенно секретный «Вымпел» теперь рассказано много и даже очень много, так что особо расписывать нужды нет. Хотя,

думается, и мы сможем рассказать нечто интересное, о чём не каждый знает. Вот, в частности, о чём был у нас разговор с Валерием Владимировичем Поповым, ветераном «Вымпела»:

«Об истинном названии этого подразделения, как говорил мне сам Юрий Иванович, знало в стране семь человек. Всего лишь! Естественно, Вадим Алексеевич Кирпиченко, с которым они всё это обсуждали, прежде чем идти к Андропову, сам Андропов, знал Крючков, два исполнителя — Савинцев Евгений Александрович, мы называли его „прорабом“ — он не был командиром, он был уже в возрасте, 58 или 59 лет, но Юрий Иванович его попросил — и, естественно, один оперативный сотрудник Управления „С“, готовивший все документы. Ну, и ещё кто-то... Больше никто не был допущен к подлинным документам совершенно секретного тогда подразделения! Была так называемая „особая папка“ для этого... Открытое, „залегендированное“ название было такое: „Отдельный учебный центр КГБ СССР“. Мы ещё по этому поводу много шутили — мы, это наше „поколение“, те первые, кто были призваны тогда, в январе 1982 года...»

Многие считают, что главной причиной создания такого подразделения явились события в Афганистане и, конкретно, штурм, как его называют, „дворца Амина“. Это не так. Вопрос стоял задолго до Афганистана. Просто события 27 декабря 1979 года подтолкнули — были поводом, катализатором, но не причиной. Операция „Шторм-333“ — это не только штурм дворца „Тадж-Бек“, там, в Кабуле, было девять объектов, которые одновременно штурмовали и брали...»

И вот ещё что... Один из, скажем так, очень серьёзных и уважаемых ветеранов рассуждает следующим образом:

«Юрия Ивановича Дроздова нередко называют создателем „Вымпела“, и создаётся впечатление, что чуть ли не озарение такое к нему пришло... Но этот вопрос возник задолго до того, как он возглавил Управление „С“. Идея не просто, что называется, витала в воздухе, но и конкретно прорабатывалась. Не буду рассказывать историю подразделений, где я служил — 13-го отдела ПГУ, Управления „В“ — об этом немало написано, и там мы всё это продумывали. Впрочем, идея возникла гораздо раньше...»

Заместителем начальника нашего отдела был Александр Иванович Лазаренко^[133], он пришёл в КГБ из Воздушно-десантных войск. Лазаренко курировал спецрезерв — несколько тысяч человек по всему Союзу. Кстати, первый „Каскад“, воевавший в Афганистане, был из этого спецрезерва. Он был, что называется, военная косточка — спал и видел на своих плечах генеральские погоны. Что ж, плох тот солдат... Вот и Лазаренко очень желал возглавить бригаду специального назначения, созданную за счёт

спецрезерва — прекрасный командир был бы, не было бы ошибки! Он даже к этому готовился, всерьёз продумывал её структуру, расставлял „клеточки“, создавая организационную систему, — и у него всё действительно было расставлено. „Вымпел“ потом во многом создавался за счёт кадров ОБОН, да и подготовленная документация использовалась. В общем, скажу так, что всё шло исторически...

Заслуга Дроздова, что в это самое время он был начальником — соответствующий человек оказался на соответствующем месте и действительно сделал для пользы дела очень много. Афганистан показал, что должны быть не „кадрированные“ люди, а если человек занимается своим делом, то должен заниматься им ежедневно. Или тренироваться — рукопашник ты, снайпер или оперативник, опять-таки... У Лазаренко эти идеи были отработаны. Одна группа давала возможность создать на её базе и партизанский отряд, и резидентуру — люди готовились именно в этом плане. Не только тело, но и разум подключался. А, как говорил генерал Скобелев^{134}, „нравственное к физическому относится как три к одному“. Так что эти идеи были и раньше...

Говорю откровенно: я преклоняюсь перед Юрием Ивановичем, он много хорошего сделал — в том числе и для меня лично, я многим ему обязан. Но Дроздов никогда не отрицал, что именно он — создатель „Вымпела“, что чуть ли не ему пришла идея его формирования... К сожалению, в конце концов у него появилось некоторое любование собой. Это человек действительно много сделавший, но не однозначный».

Можем заметить, что генерал-лейтенанта Дениса Васильевича Давыдова^{135}, официально считающегося родоначальником партизанского движения в Отечественной войне 1812 года, создателем первого «летучего» отряда, современники нередко обвиняли в нескромности...

А сейчас пришло время вспомнить полковника Евгения Александровича Савинцева, коллегу Юрия Ивановича по службе в Германии.

Евгений Александрович тогда вернулся из Берлина, где работал в Представительстве КГБ, и пришёл в «дом 2» получить очередное назначение. Тут он и встретил Дроздова, который возвращался к себе в кабинет после разговора с Андроповым. «Что тебе предложили?» — спросил Юрий Иванович. «Да, в одну международную организацию...» — «Ты согласился?» — «Попросил пару дней подумать!» — «Зачем тебе это нужно? — Дроздов взял его под локоть. — Пойдём со мной, у меня к тебе есть дело». В другой руке он держал документы, полученные от

Андропова.

Когда закрылась дверь кабинета, Юрий Иванович сказал:

«Женя, у меня для тебя есть одно задание или просьба! — он спешил, потому как должен был ехать на доклад к Кирпиченко. — Я тебе сейчас всего не могу сказать, но вот документы — завтра я жду тебя у себя в кабинете. С утра ты у меня. Договорились? У меня есть для тебя изумительная задача, от неё ты вряд ли откажешься».

Встреча была случайной, но, насколько известно, ничего абсолютно случайного в жизни не бывает! Савинцев был именно тем человеком, который был нужен Дроздову: боевой оперативный сотрудник, имевший опыт работы по бандеровцам на Западной Украине...

В результате Евгений Александрович стал исполняющим обязанности командира Группы специального назначения, официально — ОУЦ КГБ СССР. С августа 1981 года под его руководством началась подготовка документов, штатного расписания, решались вопросы места дислокации, контингента, целей и задач, организации подготовки... По должности Савинцев был заместителем командира по оперативно-боевой подготовке — первым заместителем, ибо стать командиром ему не позволял возраст. А командиром «Вымпела» был назначен 42-летний Герой Советского Союза капитан 1-го ранга Эвальд Григорьевич Козлов. Из-за принадлежности его к Военно-морскому флоту — точнее, к морским частям погранвойск — отряд и получил своё название.

Хотя Юрий Иванович писал, что «„Вымпел“ является детищем Андропова», но в общественном мнении именно Дроздов является создателем такового, и рядом с ним никого нет. Однако вот что нам говорил сам Юрий Иванович:

«Андропов согласился — готовьте бумаги. Мы их приготовили, они проходили через меня и обязательно через Вадима Алексеевича, бывшего десантника. Ему это интересно было, он уделял процессу создания подразделения самое большое внимание. Бумаги полтора года ходили, все спрашивали, кому это надо, зачем это надо, но ведь надо было! Не может быть государство без сил, которые могут его защищать и в самых экстремальных условиях... Наконец, 19 августа 1981 года был создан „Вымпел“. Вадим Алексеевич стоял у его истоков»^[280].

Так что, говоря про «роль личности» и никоим образом её не отрицая, не будем забывать и про «коллективный разум».

В результате работы этого коллективного разума и усилий многих людей было создано по-настоящему уникальное боевое спецподразделение. Дроздов, не раз повторяя слова Андропова «И чтоб равных им не было!» —

предложил и свою формулировку: «Этим людям должно быть незнакомо слово „невозможно“».

Такая задача была выполнена, что признавал сам Юрий Иванович:

«Равных им действительно не было. И по степени готовности пойти на риск, и по степени оперативной выдумки, разведывательной находчивости. Они доказали своё право на существование и доказали право гордиться своей профессией и своими навыками. Главная особенность „Вымпела“ состояла в том, что это была сила думающая, умеющая самостоятельно осмыслить любую задачу, принять правильное решение и воплотить его в жизнь.

Они по сей день с большим уважением относятся к своим потенциальным противникам, ибо не понаслышке знают об их опыте, их методиках, тактике, способностях, умениях: некоторые сотрудники „Вымпела“ прошли (естественно, нелегально) „стажировку“ в подразделениях специального назначения НАТО.

На территории ряда стран были оборудованы тайники с хранящимся там специальным снаряжением для разведывательно-диверсионной деятельности в „особый период“. Есть ли они сейчас? Скажу так: пусть от этого вопроса поболит голова ещё кое у кого.

Мы прекрасно знали, что наша боевая подготовка в некоторых случаях превосходит американскую по своей напряжённости, остроте и, можно даже сказать, по результативности. Хотя возможностей для этого у американцев было гораздо больше»^[281].

Их ещё называли «думающий спецназ». Вообще насчёт спецназа у нас сформировался стереотип: здоровенные парни, ломающие ладонями кирпичи. Помнится, когда-то в разведроте бригады морской пехоты одного из флотов нам показали бойца, что разбивал себе о лоб бутылку (завёрнутую в берет, разумеется). Больше он ничего не умел, зато с этим «фокусом» его возили на все показательные выступления. Вряд ли кто из «вымпеловцев» мог расправиться с бутылкой таким образом, зато они могли делать абсолютно всё остальное.

Повторяем: всё!

Откуда же брались эти, говоря современным языком, супергерои, прекрасно подготовленные к любым неожиданностям? Официально они именовались разведчиками специального назначения — термин, придуманный Дроздовым. В своей самой первой книге «Нужная работа» Юрий Иванович писал:

«В „Вымпел“ приглашались служить только добровольцы из числа разведчиков, контрразведчиков КГБ и офицеров Советской армии.

Требования ко всем были едины: железное здоровье, пригодность к службе в воздушно-десантных войсках, готовность без колебаний принять участие в выполнении заданий Комитета госбезопасности за рубежом по защите интересов СССР. Обязательным было знание иностранных языков и общая чекистская подготовка. И никакого принуждения»^[282].

В книге «Вымысел исключён» глава «Спецназ» была существенно расширена, однако данный абзац туда не вошёл.

Зато знакомый ветеран Управления «С» так пояснил нам один из моментов:

«При подборе на нелегальную работу — подбирали по всему Союзу — из ста кандидатов примерно два-три оставались. И таких хороших кандидатов было много... Но кто-то по той или иной причине сорвался на этапе подготовки: то жёны беременели, то кто-то окончательно язык до своего „родного“ взять не мог — либо он, либо жена, или документы не могли подобрать, или ещё какие-то причины возникали... И отпадало какое-то количество хороших парней, что на нелегальную работу не прошли. Тех, кто покрепче — а среди них были хорошие спортсмены, с двумя языками, — Дроздов и приглашал в „Вымпел“. Не все соглашались, но...»

Из того, что писал Юрий Иванович про «нелегальную стажировку» в спецподразделениях НАТО, можно сделать вывод, что часть бойцов «Вымпела» успела всё-таки побывать на нелегальной работе. Вспомним «Веста», Владимира Мартынова, он в своё время отслужил в Аргентинской армии, причём благоразумно отказался от предложения неких высокопоставленных знакомых стать писарем в тамошнем Генштабе. Но это уже отдельная история.

Основным «поставщиком кадров» для «Вымпела» являлись КУОС.

Эта аббревиатура уже появлялась в нашем тексте, но, думается, будет не лишним уточнить, что это такое, тем более что в дальнейшем судьба Юрия Ивановича окажется тесно связана и с этим подразделением.

Пятимесячные курсы для подготовки сотрудников, назначенных в специальный резерв на «особый период», были образованы в 1966 году, а 19 марта 1969 года были преобразованы в КУОС со сроком обучения семь месяцев.

«Идея создания специального учебного подразделения в составе КГБ СССР зрела давно. Реализуя уроки, полученные в ходе Карибского кризиса 1961 года, и продолжая совершенствование структур для действий в тылу противника во время войны, руководство страны и КГБ пришло к выводу, что слабым местом в этом деле, несмотря на наличие кадровой

бригады особого назначения (ОБОН) в составе КГБ, является подготовка руководителей и заместителей руководителей групп специального назначения органов безопасности, предназначенных для действий в глубоком тылу противника. Прорабатывалось несколько вариантов: организовать специальные курсы на базе одного из полков ОБОН (например, Ленинградского или Алма-Атинского); создать их при одном из учебных заведений КГБ; сделать их автономными, с подчинением органам внешней разведки.

Приняли вариант, предложенный первым заместителем Председателя КГБ СССР генералом армии Цвигуном Семёном Кузьмичом, куратором внешней разведки, — создать их при Высшей школе, головном учебном заведении КГБ, имеющем исходную учебную базу, преподавательский состав и условия для размещения»^[283].

Но пока что всё это не имело к Дроздову никакого отношения.

Последующие события в мире, в стране и непосредственно у её границ принесли кардинальные перемены в организацию и деятельность КУОС.

«„Подтолкнули“ к созданию КУОСа события в Чехословакии в 1968 году. События конца 1979 года и „работа“ „Каскадов“ в Афганистане в большой степени способствовали решению о создании Группы специального назначения „Вымпел“»^[284].

Об этих кардинальных переменах рассказывает полковник Сергей Александрович Голов — с ним мы встречались в Кабуле, — руководивший КУОС с 1983 по 1993 год. Но сначала хочется дать «словесный портрет» этого человека, сделанный его сослуживцами:

«Офицер богатырского роста, с приветливым лицом и карими глазами — Сергей Голов, сын фронтовика... Александра Васильевича Голова, кандидата наук, доцента Военного института МГБ. К моменту прихода на службу в органы безопасности в 1969 году Сергей Александрович Голов уже сумел получить медицинское и физкультурное образование и звание мастера спорта по самбо. Позже окончил Высшую школу КГБ, став профессионалом-чекистом.

Сын был под стать отцу: та же собранность, настойчивость, умение доводить начатое дело до конца, готовность всегда прийти на помощь товарищу. И ещё одно качество унаследовал Сергей от своего отца — умение мыслить, быстро принимать обоснованные решения. Последнее весьма пригодилось ему в последующем: и в роли рядового исполнителя, и в должности руководителя оперативного подразделения»^[285].

Ну а вот что рассказывал нам сам Сергей Александрович:

«Спецкурсы перешли от Высшей школы в Краснознамённый институт, и в той обстановке мне поступило предложение подумать, чтобы стать их руководителем. Тогда я впервые вступил в кабинет начальника Управления „С“ Юрия Ивановича Дроздова. Это было уже официальное знакомство. Первая его просьба ко мне была навести порядок, чтобы был настоящий учебный процесс, а также помочь непосредственно в становлении начинающегося подразделения — это был „Вымпел“.

Началась творческая работа с целью, чтобы людям поскорее пройти начальный период становления, всегда трудный. Кафедра военной и физической подготовки — ею я руководил ранее, имела большой опыт, чтобы люди могли войти в курс дела и дальше развиваться уже по своей программе.

Мне чаще пришлось встречаться с начальником соответствующего отдела Управления „С“, нашим куратором, но меня вызывал и Юрий Иванович, спрашивал, как развивается процесс. Он и сам приезжал, смотрел.

Мы начали процесс модернизации. Впервые — ещё не было в других подразделениях — начали компьютеризацию, учили людей пользоваться электронно-вычислительными машинами. Вообще работали творчески, что давало возможность развивать мысли. Ведь люди у нас не только исполнители, они мыслящие. Начали развиваться на кафедре различные задумки: в частности, учения, контакты с другими подразделениями. Процесс успешно продолжался...»

Описывать учебный процесс — дело не самое интересное. Поэтому обратимся к рассказу Валерия Владимировича:

«2 февраля 1982 года был приказ о назначении нас сотрудниками этой группы. Нам было сказано: „Вы готовитесь не просто — вы фактически готовитесь в военную обстановку, в Афганистан“. Мы об этом уже знали. Не сразу, но...

Я был назначен командиром 1-й группы и об этом знал раньше. Мне говорили, что готовимся к войне, придут, в том числе, ребята, которые там уже были, — начнут расслабляться, никакого спуска им не давать! Хотя я ещё был старший лейтенант, но у меня хватало разума находить правильные отношения с этой „старой гвардией“. Они подходили — некоторые и КУОС уже прошли — говорили: „Владимирыч, я же это всё проходил!“ Были моменты, когда они увиливали от чего-то, но ни разу меня не подвели. По-человечески, по-офицерски — никогда! Это были не загулы — решали какие-то свои вопросы: семьи были неустроенные и многое иное. Так я познакомился с костяком, основой, на которой создавали

„Вымпел“. Это был спецрезерв — ребята, что штурмовали дворец Амина и другие объекты. Но для тех, кто этого не проходил, — никакого спуска! Готовимся к войне...

Моё первое знакомство с Юрием Ивановичем было официальным — он нас инспектировал. Я представился, всех построил. Моё первое впечатление: приехал какой-то лысый человек, худенький — но говорил чётко, конкретно, внятно, понятно — это меня сразу поразило. Я ещё по-военному к этому относился и эту чёткость запомнил. Запомнил и слова „чтобы равных не было“ — но смысла их тогда ещё не понимал. И не мог понимать.

Я закончил эту свою командирскую обязанность в апреле 1982 года, когда мы были на Чкаловском аэродроме — отряд „Каскад-4“, им командовал Евгений Александрович Савинцев, отправлялся в Афганистан. Нас провожал и ставил нам задачу Юрий Иванович. Помню его слова — я был рядом и слышал. Он сказал: „Женя! — они были на ‘ты’. — Я тебе вручаю эту ‘обойму’. Ты должен и задачу выполнить, и людей сохранить. Расстрелять ‘обойму’ легко, а вот сохранить её — невероятно трудно!“».

Понятно, что Дроздов волновался, беспокоился за людей. Эта командировка была одной из первых задач, которую выполнял «Вымпел».

Это сейчас говорится: «КУОС и „Вымпел“ нельзя отрывать друг от друга и рассматривать по отдельности. Спецотдел (подразделение, некогда сменившее легендарное Четвёртое управление НКВД. — А. Б.), КУОС и „Вымпел“ — члены одной семьи, где есть и старшие, и младшие. Последние в силу преемственности перенимают опыт старших»^[286]. Тогда же никто ничего не знал.

Повторим ещё раз: генерал Дроздов беспокоился за своих людей. И как за людей, у которых есть своя жизнь, есть семьи, и как за профессионалов, которыми нельзя разбрасываться.

Полковник Сергей Юрьевич (помните такого?) рассказывал:

«Работая на территории, я в какой-то период был зачислен в спецрезерв ПГУ — это то, что потом преобразовалось в „Каскады“, „Вымпел“ и т. д. Даже прошёл недельные курсы в Комсомольске-на-Амуре: там была, в частности, „подводная подготовка“, она мне в жизни не пригодилась. Но тем не менее...

В сентябре или октябре 1979 года, когда готовилась „афганская эпопея“, резервистов вызвали для сборов в Москву... Поехал и я, долетел до Москвы, но здесь мне сказали: „Возвращайтесь обратно!“ И я вернулся. А трое ребят из нашего управления принимали участие в тех декабрьских событиях... Честно говоря, до сих пор испытываю от этого определённое

жизненное разочарование. Думаю, почему так произошло, — и нахожу как минимум два объяснения.

Первое: у нас было два человека с корейским языком, и, вполне возможно, кто-то доказал, что нельзя „обезглавить“ управление, лишив его всех специалистов. Второе: руководители в Москве задумались: чего же мы выкашиваем всех? Хотя бы „на рассаду“ „молодняк“ стоит оставить. Пусть пока „в бой идут одни старики“, а потом, может, „вторая волна“ потребуется.

В тот период подобное решение мог принимать именно Юрий Иванович.

Или, может, просто молодого пожалели? Мне было тогда 24 года, чего я тогда умел со своей недельной спецподготовкой?»

А вот высшее руководство не очень-то считалось с отдельными личностями, там мыслили глобально, большими цифрами, и нет смысла объяснять, что это совершенно другое мировосприятие. Если смерть одного человека становится трагедией, то смерть тысячи превращается в статистические данные.

Потому, ничтоже сумняшеся, в мае 1980 года в верхах Комитета, как говорилось — «на уровне Председателя», прорабатывался вопрос о направлении в Афганистан Отдельной бригады особого назначения. В полном её составе.

Но что такое — ОБОН? Если коротко, то было такое самостоятельное войсковое соединение кадрированного характера, его оперативные полки дислоцировались в различных регионах, и в нём проходили подготовку спецрезервисты внешней разведки. Насколько известно, через некоторое время после образования КУОС бригада была расформирована.

Однако когда в Афганистане начались реальные боевые действия, соединение это ещё существовало, и было принято решение отправить туда всех его военнослужащих — чохом, что называется. «Проверка боем»!

Военному человеку полезно услышать, как свистят пули, — такой навык пригодится, да и приобретается бóльшая уверенность в себе, однако из любого правила есть исключения. Насколько нам известно, Дроздов решительно выступил за то, чтобы таковые исключения оставались. Хотя, как оно нередко бывает, когда всё засекречено, есть два разных варианта развития событий: то ли заместитель начальника Спецотдела просил генерала поставить перед высшим руководством вопрос о целесообразности отправки всей бригады, то ли полковник Лазаренко, командир самого первого «Каскада», выступил на совещании с резким возражением... Как бы то ни было, Юрий Иванович эту точку зрения

поддержал. А то ведь получалось просто нелепо!

«Как, например, можно использовать в условиях Афганистана роту чукчей, входившую в Хабаровский полк и готовящуюся проводить спецоперации в арктических условиях при температуре до минус 40 градусов? Вместо минус 40 градусов до плюс 40; вместо пологого снежного покрова — сплошные горные массивы.

А язык, экипировка, снаряжение, способы действия и условия выживания и так далее, то есть масса совершенно противоположных друг другу вопросов — ведь правильно говорят в народе, что предназначения шила и мыла разные»^[287].

В итоге был определён ряд исключений — по различным причинам. В том числе, например, в Афганистан не были отправлены «боевые пловцы». Чего им там было делать?! Но если одним это было совершенно понятно, то другим, мыслящим глобальными категориями, всё следовало объяснять...

Думаете, так легко было «против рожна прать»? Рустамходжи Турдихужаевич, теперь уже старший лейтенант, перешедший из военной разведки в КГБ Узбекистана, твёрдо заявил, что та группа спецрезервистов, что он готовил, «с Афганом несовместима», ибо в неё входили китайцы и уйгуры. Восточный человек, он понимал, как относятся к представителям этих национальностей пуштуны или таджики, но объяснить своему руководству не смог — точнее, его не хотели слушать, выполняя указание Центра, а он потому оказался в опале...

Но завершим рассказ «каскадёра» Валерия Владимировича Попова:

«Когда мы вернулись из Афганистана, потерь у нас было два человека — из полутора тысяч. Нам были переданы бойцы из погранвойск — они, в основном, занимались охраной наших объектов в провинции. Техника, в том числе БТРы, тоже были из погранвойск, также входивших в состав КГБ СССР, в ПГУ ничего такого не было.

Мы потеряли двух пограничников, срочников. Ефрейтор Юрий Тарасов героически погиб во время операции: из аэропорта ехали в посёлок ООН и попали в засаду под Кандагаром. Закончились боеприпасы, он бросился к подбитому БТРу, где были ящики с патронами, и когда он оттуда десантировался, получил смертельное ранение... Единственная наша потеря в боевой операции!

Евгений Александрович сильно переживал — так же, как и Юрий Иванович.

Вторая потеря полубоевая: БТР перевернулся, и придавило одного нашего пограничника, рядового...

За год постоянной оперативно-боевой работы мы потеряли только двух человек. И это — благодаря „думающему спецназу“! То, что просил Дроздов, Савинцев исполнил».

Книга Юрия Ивановича называется «Вымысел исключён», но повторим, это не значит, что исключаются какие-то недоговорённости. И вот момент: Дроздов писал, что побывал в Афганистане единожды, в декабре 1979 года. Но вот что мы вычитали в его воспоминаниях, переизданных в 2005 году:

«Когда зарождался „Вымпел“, а происходило это в огне афганских событий, я был вместе с ними. Я регулярно встречался с ними, ставил перед ними задачи. В каждом я видел раньше и вижу теперь просто товарища. Своего боевого товарища. С которым пришлось делить всё. Меня так же могли убить, как и их. Я был рядом с ними. А это рождает отношения особого рода»^[288].

Комментариев к сказанному делать не будем — разве что отметим, что слова «я был рядом с ними» в издании 1999 года отсутствовали. Никто из «каскадёров» также не говорил, что встречался с Дроздовым в Афганистане, однако в то время «жарко» бывало не только там... И тут мы делаем предположение, которое может представиться парадоксальным: в общем-то в Афганистане Дроздову было уже неинтересно, да и нечего там ему было делать. Там он своё отвоевал — зато, возможно, повоевал и где-то ещё.

Это можно понять из объяснения Валерия Владимировича:

«В Афганистане у нас была некая „обкатка“ — нам приходилось, в том числе, заниматься оперативно-агентурной работой, Савинцев нас этому учил. Когда мы вернулись, у нас был опыт Афганистана — мы получили, в том числе, морально-психологическую и боевую подготовку. Она нам была нужна, и мы её получили. Вернулись — началась другая работа, другая подготовка, для выполнения специальных задач».

Кстати, военный народ — чего бы сейчас ни утверждали в осуждение той войны — тогда в Афган рвался. Вот что рассказывал нам полковник Василий Иванович К. (так он назван в одной недавно изданной юбилейной книге, хотя и не предназначенной для продажи, но не «ДСП» — «Для служебного пользования»):

«Я уехал в командировку на Кубу ещё до того, как Юрий Иванович принял Управление „С“, — работал легально, потому что к тому времени уже был засвечен тремя предателями и меня в странах НАТО внесли в какие-то „чёрные списки диверсантов“. Это была блестящая командировка: хорошая работа, прекрасные кубинские товарищи, я старался довести их

„до уровня“. Но я по другой линии работал, а потому в 80-м году написал письмо начальнику отдела, что занимаюсь не теми вопросами, какими мог бы заняться с большей пользой для дела. Наверное, в Центре, как всегда, не до того было — а где-то в конце следующего года на Кубу приехала делегация во главе с генералом Дроздовым.

Я увидел большого руководителя, он решал стратегические вопросы. Я возил его на своей машине, вёл рабочую сессию, потому что кубинские переводчицы нас не удовлетворяли, а у меня язык был достаточно хороший. Перед отъездом Юрий Иванович спросил: „Ты что, хочешь Гавану на Кабул поменять?“ Я объяснил ситуацию. „Хорошо, раз ты так. Сколько тебе времени нужно, чтобы дела сдать?“ — „Пара месяцев!“ — „Четыре месяца. Мы должны подготовить замену“.

Произвёл он на меня впечатление большого начальника — он соответствовал этому уровню. Знал наши проблемы, кое-что подсказал мне по организации работы. Это была незабываемая встреча! Я видел, что приехали люди, которые разбираются...

Когда я прибыл в Союз, Юрий Иванович говорит: „Ты будешь направлен в ‘Вымпел’, начальником оперативного отдела, но главное сейчас — готовь очередной отряд в Афганистан“. Я должен был завершить так называемую „каскадную кампанию“. Потому и решили не называть последний отряд „Каскадом“, он стал „Омегой“ — последняя буква греческого алфавита...»

Кстати, в штат КУОС был зачислен и Рустамходжи Турдихужаевич. Произошло это после достаточно комичного происшествия, но тогда оно таковым никому не показалось.

Вновь вспомним о нелепом засекречивании всего, чего можно и нельзя! Одной из самых нелепых ошибок высшего советского руководства в этом плане было тотальное засекречивание афганских событий. Шла война (по счастью, не такая кровопролитная, как Великая Отечественная), были подвиги, были герои, были погибшие — но страна должна была делать вид, что никто этого не знает. Что якобы звание Героя могут присвоить за отличие на обыкновенных учениях, а на похоронах одноклассника никто не догадывается, откуда пришёл солдатский «цинк»... Получалось, что воины были вынуждены скрывать свои подвиги, словно это было нечто постыдное.

И вот в какой ситуации оказался Рустамходжи Турдихужаевич:

«В то время мы в Комитете госбезопасности Узбекистана готовили спецрезерв для Афганистана. Одну группу подготовили, а вторую группу — это, конечно, для нас было потрясение! — принимал сам начальник

Управления „С“.

И вот идут заключительные учения... Вечер, сидим, ужинаем, Юрий Иванович смотрит на меня и говорит, называя меня по фамилии: „Ну что, узнаёте меня?“ А я так понимаю, что это провокация! Его лысую голову да не узнать?! Он же на века в память впечатался! „Нет, — говорю, — я вас вообще никогда не видел!“ Он немножко удивился: „Ну хорошо! У вас есть орден Ленина?“ — „Так точно, есть, Юрий Иванович!“ — „За что получили?“ — „За учения!“ Смотрю, начинает раздражаться: „Вы меня помните в Афганистане?“ — „Я не был в Афганистане, Юрий Иванович! Сколько прошусь — меня не отправляют. Говорят, у тебя есть награды, с тебя достаточно!“ Сам понимаю, что несу ахинею, а боюсь, что он меня проверяет. Всё-таки — начальник управления! Он начинает закипать, трёт лысину: „Ещё раз спрашиваю: вы Афганистан помните?! Дворец помните?! Тадж-бек помните?!“ Я говорю: „Вы издеваетесь? Да не был я там никогда! Вообще не знаю — ни дворца, ничего!“ Он уже вскочил: „Что за цирк?! Вы что, и мне не можете признаться? Я же ваш начальник!“ Я понял, что деваться некуда — надо сдаваться. Говорю: „Конечно, я вас знаю, я помню, как вы мне руку пожали... Но что делать, если нас под страхом смерти держат?! Я вам сейчас сказал — а теперь меня из органов уволят!“ — „За что?!“ — „За разглашение государственной тайны! У меня подписка!“ — „Хорошо, решим!“

Точно так же я до конца стоял и с той группой, где у нас были уйгуры и китайцы, за что оказался тут в опале. Он сказал: „Держитесь!“ — и спросил, не хочу ли я перейти в Москву.

А через десять дней — он был человек слова, великий человек! — меня вызывают, и так я, с лёгкой руки Дроздова, попал в Первый главк, оказался в подчинении Эвальда Григорьевича, старлеем — на подполковничьей должности».

Да, Юрий Иванович понимал и ценил людей, умел о них позаботиться.

Однако до какого идиотизма и одновременно неуважения к людям постепенно доходила система! В конце концов, если ты относишься к человеку с определённым уважением — или хотя бы не считаешь его дураком, — то и врать ему будешь (при необходимости) с максимальной правдоподобностью, чтобы сомнений в твоих словах не возникло. Если же перед тобой дурак, к чему напрягать извилины? Он любую ложь за истину примет!

Советские правители, со временем постепенно впадавшие в маразм, не особенно заморачивались тем, какую «сказку» рассказать доверчивому, по их мнению, советскому народу. А лучше, считалось, ничего не

рассказывать, никого не тревожить дурными вестями. По принципу: «Спите, жители Багдада, в Багдаде всё спокойно!» Но все понимали, что совсем не так и спокойно, что-то давно уже было неладно — или не совсем так благополучно, как считали «кремлёвские старцы» и их преданное ближайшее окружение.

А вообще, как это часто происходило на различных этапах существования нашей страны, её высшее руководство жило одной жизнью, а, скажем так, народонаселение — совершенно иной. В верхах славословили лидера партии и государства, награждали друг друга звёздами и орденами, в низах — работали, делали своё дело, ни на кого особо не оглядываясь.

Дроздов писал:

«Личный состав „Вымпела“ готовился к действиям в любых климатических условиях, в любых регионах мира выполнялись совершенно разнообразные по профилю и содержанию задачи. В процессе боевой подготовки спецназовцы одновременно обучались и специальности (профессионалами в подлинном смысле слова были все, но некоторые специализировались по отдельным направлениям более углублённо), и способности сколачивать группы. Количество и подбор специалистов в группах, а также виды вооружений, техники, экипировки варьировались в зависимости от конкретной обстановки в районе действий и боевой задачи. <...>

В коллективе знали мою непреклонную позицию, подчинялись закону, который может показаться в какой-то мере жестоким: то, что поручено, ты обязательно должен выполнить, должен подумать и сделать, для того у тебя и голова на плечах, для того тебе даётся право на размышления, на сомнения. Наверное, это и способствовало выполнению целого ряда сложных задач»^[289].

Руководствовались принципом великого Суворова: «Тяжело в учении — легко в бою». Хотя при характере и уровне тех задач, что выполняли «спецназёры», легко им ни в каком случае быть не могло. Зато для этих «птенцов гнезда Дроздова» не было ничего невозможного. В этом они убеждались в процессе учёбы, проходившей не только в учебных классах.

Вот что рассказывал нам по этому поводу тот самый полковник К.:

«Дроздов уделял „Вымпелу“ большое внимание. Застрали в памяти его слова, они мне, как начальнику оперативного отдела, очень были нужны — буквально как светоч, как маяк, ориентир: „Вы должны заболеть учениями“.

И мы действительно „заболели“. Вначале, может быть, они не совсем

получались, но затем, вот лично я, привнёс какой-то элемент подготовки, который давался нелегалам: „легендирование“, документирование, легализация — при выполнении задания даже в Союзе. Проведение оперативных установок без документов оперативного прикрытия — и т. д. Всё это было с подачи Юрия Ивановича».

А вот что вспоминает Николай Павлович:

«Дроздов этим увлёкся. Начали учения проводить. Был, например, бензопровод из Союза в Германию, в Группу войск, — разумеется, особо охранялся. Послали „учебных“ нелегалов — они в нескольких местах положили вместо взрывчатки кирпичи, и стало ясно, как это всё охраняется... Польза была не только для наших товарищей, но и для тех, кому пришлось делать соответствующие выводы».

Сейчас уже можно сказать, что одной из задач, решавшихся бойцами «Вымпела» — почему его и курировал начальник Управления «С», — была связь с нелегальными разведчиками, работающими за рубежом. Разумеется, и сами «вымпеловцы» могли, как говорится, без особых усилий (на деле, разумеется, это совсем не так, ибо это весьма сложная задача!) переходить на нелегальное положение. Но всё это — в случае «особого периода» или резкого обострения международной обстановки.

Если же говорить о учениях, то вот что рассказал нам Сергей Александрович Голов:

«Была у нас задумка: работа по подземным сооружениям. Существуют таковые, а кто, при необходимости, туда может проникнуть, их уничтожить? Разведчик!

Договорился я с Министерством обороны, чтобы можно было „поработать“ на таком объекте, как Пункт управления атомными подводными лодками, оформили соответствующие письма. Это было одобрено Юрием Ивановичем — он видел, что развивались курсы достаточно хорошо и творчески.

Проникновение, как договорились, было в два дня, хотя и одним можно было бы ограничиться. Наш слушатель переоделся в военноморскую форму, ему выдали настоящее удостоверение, но не с его фотографией. Он тактически грамотно выбрал, чтобы идти не в первых рядах, а в последних, когда часовые уже устали от мелькания удостоверений, — показал своё, его пропустили, он идёт. А куда идти, как? Его никто не ориентировал! Идёт вместе со всеми. Ну, все потихоньку расходятся, он прошёл вниз — видит красную дорожку. Куда красные дорожки обычно ведут? К начальству! Идёт по этой красной дорожке, дошёл до дверей, разложил имитационные мины — они „камуфляж“

называются. Всё!

А как выйти в неурочное время? Погибать-то даже условно не хочется.

Дошёл до КПП, удостоверение вперёд выставил, прикрыл глаза, гримасу скорчил, схватился за живот: „Ребята, не могу, сейчас обо...!“ — „Давай быстрее, проходи!“ Всё! С объекта он вышел. Сообразительность!

Можно сказать, объект уже был выведен из строя, но на второй день отрабатывалось физическое проникновение разведчиков... Группа сумела найти дыры в ограждении — когда объект долго не шевелит, они появляются. Где-то проволока отошла, где-то датчик не работает. Замёрзшая канализация — решётки не поставлены... Всё это было изучено — и через эти лазейки проникли на объект.

Они бросили целую роту на этих разведчиков! Часть наших „сняли“, но получился, что называется, „слоёный пирог“: лежал разведчик в камуфлированной форме, на нём — охрана, потом другой разведчик... И всё равно они сумели на трубы вентиляции поставить дымовые шашки. Была бы шашка с другой „начинкой“ — тогда объект погиб.

Но мне, как одному из руководителей учений, пришлось сказать представителю Минобороны: „Ну, пятьдесят на пятьдесят — и ваши хорошо поработали, и наши...“

А парня того, из первого дня, поощрили: хотел он поехать на службу в Питер — и поехал».

Тоже, кстати, показатель отношения Юрия Ивановича к людям: поощрение становится по-настоящему ценным, когда оно желанно, а не формально.

И сам Дроздов воистину «болел» учениями. Вот с каким восторгом он о них вспоминал:

«Были учения, но зато какие! В середине 80-х по просьбе руководства мы проверяли боеготовность спецслужб и правоохранительных органов страны. Выбросили на территорию СССР, от Одессы до Ленинграда, 182 человека „диверсантов“ со снаряжением; вышли, например, из подводной лодки в районе Севастополя, прошли весь Крым, дошли почти до Киева, и на нас не поступило ни одного сигнала, хотя на ребят всерьёз натравили все местные органы: Московское управление КГБ, КГБ Украины, Белорусский КГБ просили усилить наблюдение за стратегически важными объектами, потому что, мол, ожидают диверсанты. Никого не поймали. В результате мы спокойно вышли на те объекты, которые были намечены нами для „диверсий“. Мы проверяли, скажем, Воронежскую и Белоярскую атомные станции, незаметно изучили их строение, добрались до реакторов и условно заминировали их, а на Ереванскую АЭС вообще с воздуха

сбросили десант. Тогда же большой участок нефтепровода „Дружба“ до самой границы „заминировали“ аж в 16-ти местах, да ещё повесили на одну из дежурных будок табличку „мины“. Или проникли в райотдел КГБ в Дубне...»[\[290\]](#)

К этому можно добавить, что в ходе каких-то учений была даже условно выведена из строя система ПВО, несущая боевое дежурство...

Впрочем, не стоит считать, что всё получалось так легко и просто, не случалось никаких осечек или происшествий. Нет, понятно, что без шероховатостей и неприятностей ни одно серьёзное дело не обходится. Хотя, как кажется, всё продумывается до мелочей!

Так, в ходе больших учений, проводимых как-то в конце сентября, слушатели одной из групп КУОС должны были преодолеть водную преграду. Через речку было два моста, была ещё полуразрушенная плотина, и у всех этих переправ была поставлена охрана. А так как группа не должна была себя обнаруживать, то, значит, речку следовало пройти вплавь, хотя уже и было по-осеннему прохладно. Дальше слушатели преодолевают определённый участок местности, приходят в город, встреча с агентами... Задумки примерно такие.

Всё шло по плану, однако произошло неожиданное: у солдата, охранявшего плотину, случился приступ аппендицита. Сержант, старший наряда, сообщает об этом — присылают машину, он увозит бойца в больницу. А вместо них отправляют молодого прапорщика — первого, кто попался под руку. Плотина эта находилась напротив деревни, часовые, как были проинструктированы, замаскировались там на другом берегу, всё было нормально, никто их не видел. Зато прапорщик, нарушая все принципы конспирации, занял пост прямо на глазах у деревни и сидел, отдыхал. К нему тут же пришли местные пацаны: «Дяденька, а что вы здесь делаете?». Ну а он, не то шутки ради, не то чтобы какую-то «секретность» соблюсти, заявил: «Да вот, я из части сбежал, тут прячусь...»

Ребята, разумеется, рассказали взрослым, что у плотины «солдат» прячется, ну и кто-то поспешил сообщить в милицию. Там принимается решение: дезертир, с оружием — надо брать! Кто-то из «местных товарищей» пожелал отличиться, потому как следовало сообщить в военную комендатуру, пусть военные сами в своих делах разбираются...

Ночи были осенние, длинные, тёмные, и в этой ночной темноте прапорщик увидел, как вдали замелькали чьи-то тени. Понятно, слушатели решили воспользоваться плотинной. «Они обнаружены!» — решил «часовой» и открыл автоматную стрельбу холостыми патронами.

Милиционеры попадали лицами в землю, а потом открыли ответный огонь по «дезертиру» — боевыми патронами. Хорошо, что из семнадцати выпущенных ими пуль в прапорщика попала только одна, и та — в бедро. Он тут же закричал: «Стойте! Не стреляйте! Сдаюсь!»

Схватили, обыскали — нашли удостоверение КГБ...

Был рапорт на имя министра внутренних дел Щёлокова^{136}, был рапорт на имя председателя КГБ Андропова. А так как был период обострения отношений между двумя этими руководителями, то «разборки» начались большие...

Проверка показала, что всё по организации учений было сделано должным образом: все планы составлены, всё расписано, согласовано с Московским областным управлением КГБ. Но оказалось, что местный контрразведчик, который должен был сообщить в районную милицию о проведении учений, до отделения не дозвонился и не сообщил. Всё! Реально виноватыми были этот сотрудник и «шутник»-прапорщик, и без того уже пострадавший.

Однако скандал получился грандиознейший! Юрию Ивановичу пришлось во всём разбираться и принять на себя достаточно много «шишек».

Кого и как наказали, мы не знаем, не расспрашивали. Сам же руководитель КУОС «огрѐб» выговор по служебной линии и строгий выговор — по партийной. Иначе при таком «повышенном» (или «высочайшем») внимании было нельзя. Но козла отпущения из него делать не стали, нет сомнения, что Дроздов защитил его от каких-либо более серьёзных, но несправедливых решений типа снятия с должности. А выговор — это что, его снять не проблема, нужно только, чтобы время прошло и всё успокоилось. Впрочем, как говорится в армии, «выговор не ... (название „дурной болезни“), весь век носить можно». И ладно!

Дроздов ценил своих сотрудников. Ценил, разумеется, по заслугам и деловым качествам, а не по каким-то личным симпатиям или добрым ностальгическим воспоминаниям. Хотя, если совпадало и то и другое, было совсем замечательно! Пример? Полковник Савинцев. Или — полковник Ботян, с которым судьба свела Юрия Ивановича ещё в Германии, когда Дроздову хотели поручить выполнение террористического акта...

Вот что он сам говорил нам про Алексея Николаевича Ботяна:

«Вскоре после моего возвращения из Кабула я понял, что Ботян работает в одном из моих подразделений. Он занимался инструкторской работой с кадрами, которые брались на подготовку с задачей пополнения нашего спецрезерва. Группа находилась за городом...

Когда мне приходилось приезжать туда, посматривать, что там делается, — он встречал меня с такими же прибаутками, которыми он был переполнен всю свою жизнь... Помню и то, как когда я уже был в НАМАКОНе (аналитическое агентство, созданное Юрием Ивановичем после ухода в отставку, но об этом — в своё время. — А. Б.), он ко мне приезжал и просвещал меня, засевавшего за книгами человека, о нормальных условиях развития обстановки... А один раз приезжает: „Слушай, Юрий Иванович, я привёз тебе самое лучшее, что есть, лекарство“, — и достаёт бутылку самогона.

Я не знаю как, но он до сих пор не изменился, благодаря той закалке, которую получил в самых что ни на есть суровых условиях. Такой же весельчак, так же может ошарашить тебя острой шуткой, и дай ему Бог прожить ещё добрый десяток лет, чтобы перевалило за сто и чтобы он был такой, как Старинов^[137]!»

...Алексей Николаевич Ботян был не просто «специалистом экстра-класса» (достаточно сказать, что его подрыв гебитскомиссариата в оккупированном гитлеровцами Овруче в сентябре 1943 года вошёл в секретные учебники по соответствующей дисциплине), но и душевным, обаятельным человеком. Для Дроздова он в общем-то был старшим товарищем — старше его на восемь лет, да ещё и воевавший с первого дня Второй мировой войны — в рядах польской армии; потом почти всю Великую Отечественную — в разведывательно-диверсионном отряде за линией фронта. Потом Ботян был несколько лет на нелегальной работе. К тому же его трижды представляли к званию Героя Советского Союза — но тут, как говорится, не судьба...

А ведь не каждого начальника такой подчинённый устроил бы! Человек весьма независимый, он, несмотря на все свои положительные качества, мог вызывать у начальства дискомфорт и за счёт своего героического прошлого. Чего далеко ходить за примерами? Вспомним ту ревность, которую испытывал к Дроздову генерал армии Крючков! Но Юрию Ивановичу «ворожил» Андропов, а кто бы помог Алексею Николаевичу в случае конфликта с начальством? Но конфликта не было. Напротив, именно благодаря Дроздову Ботян получил Золотую Звезду Героя. Но о том — несколько позже...

Прекрасно относился Юрий Иванович и к молодым сотрудникам, особенно к тем, кто проявлял инициативу, умел нестандартно мыслить, не боялся ответственности. Таких примеров в нашей книге немало, но вот ещё один.

Его позывной — «Кулибин» (в спецназе нет псевдонимов, кличек или

чего-то подобного, у них — позывные), и такое «почётное наименование» присвоил ему сам Дроздов.

«Кулибин» — высокий, крепкий, улыбчивый — рассказывает:

«Я парень сельский, привык постоянно что-то делать своими руками. В деревне всегда нужно было что-то делать. И вот, когда я уже прошёл армию, — Кремлёвский полк на срочной службе, Академию — и уже был в группе, я постоянно что-то изобретал. Походы были разные — в лесах, в горах, и я постоянно что-то усовершенствовал, я не мог просто так идти.

Если я несу абалаковский рюкзак^{138}, круглый, то он качается на спине, и мне это неудобно. Я начинаю что-то придумывать — и сделал рюкзак специального назначения, где всё расшито по кармашкам, а сам он раскрывался как книга. На нём можно было спать, сидеть, он плавал... А сколько там карманов! Карман для штурмового рюкзачка, если группа уходит в разведку, то выдёргиваешь тот маленький рюкзачок — такой, как ходят сейчас дети. В нём — боеприпасы и покушать — всё, ушли! Лёгкий, манёвренный. Мой рюкзак из двух частей был: молния была и защёлки, и он делился на две части. Ты берёшь одну часть — я другую. У тебя увеличивается, а я пустой ушёл. Если ты в город ушёл — там место для автомата, у тебя в руках оружия нету, ты как гражданский идёшь. Иголку можно было достать за считанные секунды — всё было рассчитано».

В этом рюкзаке были даже кармашки, где лежали презервативы... Нет, не для «этого» — кармашки были длинные-длинные, при переправе через водную преграду «презики» надуваешь, и рюкзак не тонет. Толкаешь его и плывёшь.

Можно сказать, что «Кулибин» пользовался особым расположением генерала Дроздова. Юрий Иванович разрешил ему делать любые эксперименты по собственному своему разумению и дал команду, чтобы во время похода никто против того не возражал, не мешал «изобретателю». Оно и неудивительно: то, что «Кулибин» проверял на себе, потом шло «в серию» для всего отряда. «Застой» в стране тогда уже постепенно переходил в стадию загнивания, и людям, чтобы жить и работать нормально, нередко приходилось «изворачиваться»: для одних это выражалось в каких-то рационализаторских «придумках», для других — в мошеннических схемах.

«Кулибин» продолжает рассказ:

«Носили мы синюю лётную одежду, меховую. Меховые спальники, тяжёлые куртки. На лыжах идём как медведи, манёвренности никакой. Я начал придумывать лёгкую одежду... Все навьючились и пошли — а у меня свой разгрузочный жилет, пуховая курточка, пуховые брюки, а от

мехового спальника я брал только чехол и коврик. Вместо больших котелков — солдатский котелочек и примус „Турист“, маленький. Всё у меня по бокам, всё разложено.

Когда команда „привал“, кушать готовить — я быстренько, за двадцать минут, для двух человек всё делал. У них — пока костёр разведут, пока закипит, пока приготовится — больше часа уйдёт. А у меня давно всё готово. К тому же я всё-таки хохол — сала как нажарю, так такой запах идёт! Все с ума сходят...

Допустим, ночёвка. Все палатки таскают, спальники — а спать-то приходится по несколько часов, потому что работа идёт, кто-то ушёл на задание, меняемся там... Я две палки срезал, вставляю концы чехла — и делаю гамак. А коврик — внутрь чехла. Если дождь — беру полиэтилен сверху, и я сухой.

Ещё умудрялся в костёр бросить камень, нагреть — и к себе его туда... А если к телу что-то тёплое прикасается, то и всему тебе тепло. Вот так я и обходился и постоянно что-то делал. Потому и дал мне Юрий Иванович такой позывной — „Кулибин“, за мои изобретения...»

Можно привести рассказы «Кулибина» и о том, как он усовершенствовал бронезилет и другие средства защиты, что он с оружием делал, — но это слишком долго будет... Главное, что Дроздов всячески старался поддерживать инициативу своих сотрудников.

Рустамходжи Турдихужаевич также рассказывал нам по этому поводу: «Во время службы я не раз встречался с Юрием Ивановичем, и он, молодец, давал возможность высказывать свою точку зрения. Например, я имел наглость доказывать ему, что мы на подножном корму не выдержим. Но для нас то — нельзя, там — обойди... Потому что, как он говорил, в Германии нигде костра не разожжёшь и ни одно дерево не спишишь. Там лесничие малейшее спиленное дерево сразу увидят, как бы ты аккуратно этого ни делал! А в Китае вообще чужой не появится. Малейший чужой — тут же будет известие.

А как же питаться? Значит, нужно быть готовым и к этому...

Были проведены учения — я старшим был — группы шли с сухим пайком, а также — на подножном корму и на том, что ты, мягко говоря, стибришь».

Что ж, это старинный завет — «учить войска тому, что необходимо на войне», а у войны, к сожалению, свои правила, зачастую весьма далёкие от «общечеловеческих», и солдата (офицера, кого угодно!) нужно учить соблюдать именно их. А то ведь нам рассказывали, что входившие в город Грозный в январе 1995 года боевые машины подчас останавливались на

«красном» светофоре...

Другой вопрос, что после учений командование обязательно должно компенсировать «мирным обывателям» всё то, что у них «стибрили», чтобы не было никаких претензий к своим же защитникам. Очевидно, именно так и делали — задавать уточняющий вопрос было бы нетактично.

...Впрочем, вот пример, о многом говорящий. Как-то во время учений слушатель КУОС замаскировался в придорожных кустах и вёл наблюдение. И вдруг неподалёку остановился грузовик, вышел водитель, подошёл к тем самым кустам и принялся их «поливать». Очевидно, путь он проделал дальний и стоял у кустов так долго, что слушатель не вытерпел и, не показываясь наружу, спросил: «Ну, сколько ещё можно?!» Бедолага водитель рванул оттуда в разные стороны!

По окончании занятий слушатель доложил о происшедшем (докладывать следовало обо всём), и ему жёстко было указано, что следовало всё вытерпеть, не впутывая в наши «игры» посторонних. Пугать человека он не имел никакого права!

Вполне вероятно, что «Вымпел» также оказался одним из «камней преткновения» в отношениях между Дроздовым и Крючковым.

Группа специального назначения не входила в состав Управления «С» — она подчинялась только председателю КГБ, но в оперативном подчинении была у Дроздова. Отдать приказ «Вымпелу» мог лишь председатель и только в письменном виде — устных распоряжений, от чьего бы имени они ни исходили, никто бы не исполнял. И вот что для нас в данном случае особенно важно — и о чём писал сам Юрий Иванович:

«Каждый раз, когда дело касалось „Вымпела“, я даже не спрашивал Владимира Александровича Крючкова, есть ли по этому поводу решение Совета обороны. Ибо каждый раз, когда это было необходимо, вопрос выносился на самый высокий уровень. И каждый раз Совет министров СССР, Центральный Комитет партии, Политбюро, руководство Комитета Государственной Безопасности тщательно взвешивали все последствия, которые могли возникнуть, если придётся задействовать подразделение.

Однако случаев рассмотрения вопроса о задействовании „Вымпела“ где-то за рубежом на моей памяти не было. Потому что проводился скрупулёзнейший анализ ситуации, детально оценивалась обстановка, возможности разрешения проблемы обычными средствами»^[291].

Если кто-то думает, что Крючкову нравилось такое положение дел, подобная исключительность (сейчас бы сказали — эксклюзивность) его заместителя, то явно ошибается.

Но, если говорить честно — а по-другому мы в этой книге и не можем,

— не всем и в Управлении «С» нравилось повышенное внимание Дроздова к разведчикам специального назначения.

Один из некогда высокопоставленных сотрудников, кстати, очень расположенный к Юрию Ивановичу, сказал нам так:

«В последнее время он слишком увлёкся нашим „Вымпелом“. А остальные вопросы не то что оставил, но не успевал. А надо было делать и их...»

Не знаем, сколько истины содержится в этом утверждении, особенно во второй его половине, ибо каждый смотрит со своей колокольни, да и ревность никому не чужда, но нечто подобное говорили нам и другие ветераны. Вот, кстати, интересная точка зрения (но как-то не запомнилось, кто её высказал):

«Учёба в артиллерийском училище и в ВИИЯ, война и последующая служба в войсках заложили в нём „военную косточку“, и мы это ощущали. Он не требовал, чтобы мы щёлкали каблуками и так далее, но любил надевать форму, хотя это и чрезвычайно редко было, но было.

Особенно сильно мы это почувствовали, когда он увлёкся, создал „Вымпел“. Кстати, в то время все западные страны создавали спецподразделения. Немцы после Олимпиады в Мюнхене создали что-то типа „Г-8“, потом американцы, а мы были чуть ли не последними. Появились группа „А“ и прочие...»

В спецслужбах всё достаточно непросто и таинственно, а судить, кто в чём и насколько прав, невозможно по той причине, что всё закрыто и засекречено. Мы закончим эту главу словами Валерия Владимировича Попова, понимающего в данном вопросе гораздо больше, нежели мы:

«Я однажды рассказал Юрию Ивановичу, что когда я начинал служить в Войсках правительственной связи, мой „учитель“ говорил: „Нет безвыходных положений, а есть безвыходные люди — и мы на них похожи быть не должны!“ Дроздов засмеялся: „Ты точно попал. Я всегда говорил, что ‘вымпеловцам’ слово ‘невозможно’ неизвестно. Нет такой задачи, которую вы не можете выполнить“. И он действительно делал всё для того, чтобы для разведки специального назначения непосильных задач не было. Не предполагалось, что можно не выполнить какую-то там задачу. Это был настрой, такой дух — военный, профессиональный, что у нас воспитывался и нам об этом постоянно напоминали.

А нашим „духовным отцом“, конечно, являлся Юрий Иванович».

Глава 17. «Он был абсолютный романтик»

Нечасто затрагиваемая тема — стиль работы Дроздова как начальника нелегальной разведки. Рассказывает Сергей Сергеевич Яковлев, вспоминая, как когда-то, в качестве куратора, он готовил разведчика-нелегала к выводу за рубеж:

«Мне что понравилось? Он и мне вопросы задавал, не только нелегалу: „А что думает куратор?“ Было видно, что не формально интересуется этим. Его больше всего интересовала информационная часть задания, какие вопросы надо будет осветить в ходе командировки, и работа с источниками — с людьми, в широком смысле слова. И он так на эти темы всегда с интересом смотрел...

Юрий Иванович был очень приятен в общении. Держался с сотрудниками не дистанцируясь — не показывая, что он старше по многим показателям...

Моё мнение о нём не изменилось на всём протяжении нашей совместной службы — с осени 79-го до июня 91-го».

А вот что вспоминал другой генерал — тот, кого мы называем Владиславом Николаевичем, и тоже про то время, когда генералом он ещё не был:

«По поводу стиля его работы — он во всё вникал. У него память была очень сильной. У меня были нелегалы, скажем так, в интересном месте... Когда я бывал в субботу дежурный по Главку — мы тогда ещё сидели в „доме 2“, на Лубянке, — Юрий Иванович предлагал: „Приходи в пол-одиннадцатого, в одиннадцать, я прочитаю телеграммы, а потом мы по твоему делу покидаем шары“. (В выходной день на службе народу немного, проще общаться. — А. Б.)

Вот это было интересно! Мы наливали чай или кофе и начинали с ним „играть“, обсуждали: „А если так? А если нелегала вот туда, вот таким образом? А если для прикрытия сделать то-то?“

Я был тогда гораздо моложе — и мне в какой-то степени это льстило, что он со мной вот так обсуждал, что он соглашался с моими доводами. И вообще, „кидать шары“ было очень интересно, и мы проговаривали всё необходимое... Тогда я был заместителем начальника отдела и надо мной, соответственно, были начальник отдела, заместитель начальника управления, а потом только он, Дроздов. После всестороннего обсуждения Юрий Иванович говорил: „Вот так и пишем. Нелегалу — вот такую

телеграмму даём, в резидентуру — такую-то“. Я говорю: „Но я же не могу от себя...“ — „А ты пиши от руки, пусть они поправят — а потом мы к нашему тексту вернёмся“.

Я не был его любимчиком, у него не было любимчиков, но раз пять мы вот так „шары катали“. Ему был интересен взгляд этого уровня».

Понятно, что генералы, «выращенные» (армейское выражение) Дроздовым, сохранили о нём самые добрые воспоминания. Но вот о стиле работы Юрия Ивановича говорит человек сугубо штатский, к Службе отношения не имеющий, — Елена Васильевна Кизимова, старший эксперт «НАМАКОНа» (о ней и о «НАМАКОНе» мы расскажем в следующей главе):

«Юрий Иванович был совершенно уникальный человек — во всём! Уникальные способности к работе с документами — возможность внимательного, осознанного чтения огромных массивов текста. Он даже как-то сказал мне: „Ой, Лена, что ты — я когда-то 900 страниц текста прочитывал за рабочий день“. Для меня, как нормального человека, сорок страниц — это я работаю, как бы фиксирую, а сто, если мне нужно вычитать какой-то текст, уже очень тяжело. Дикое напряжение! Дроздов, безусловно, владел техникой скорочтения. Он прочитывал все работы, что выпускал „НАМАКОН“, — обязательно, они все проходили через него, причём он там ещё мог опечатки какие-то заметить... Это уникальный совершенно человек!

Он читал огромное количество книг — читал всегда, до последнего момента своей жизни. Под конец у него были проблемы со зрением, он очень из-за этого страдал. Но он прочитывал всё, что ему дарили, — и нужное, и ненужное. Все книги, что стояли у него на полках, были с закладками и с пометками. Он обязательно замечал в газете интересные для него анонсы, если выходили какие-то новые книги по разведке, по политическим вопросам...

Могу сказать, что Юрий Иванович до последнего своего дня относился к жизни с огромным интересом и с огромной ответственностью. А ещё, на мой взгляд, он был абсолютный романтик. Хотя, наверное, это отличительная черта всех разведчиков. К такому выводу я пришла, общаясь с представителями данной профессии. Без романтики они работать не смогут! Романтизм — черта, присущая всем этим людям».

...И тут, пожалуй, самое время рассказать воистину романтическую историю про одного из сотрудников, работавших под руководством генерала Дроздова, — о человеке, которого можно именовать «Рыцарем Разведки». Точнее, речь не только о нём, проведшем более сорока лет на

нелегальном положении за рубежом, — у нас есть уникальная возможность выстроить «цепочку» по всей этой истории. О чём и о ком мы говорим, читатель скоро поймёт.

Сначала — фрагмент из воспоминаний Юрия Ивановича:

«Заканчивался 1983 год. Как всегда в конце года, я работал над годовым отчётом. В сухих официальных строчках оперативного отчёта, за цифрами, псевдонимами и фразами упрятывал живую активность разведчиков-нелегалов за рубежом. В который раз приходилось ловить себя на мысли о том, что мы чрезмерно скупы на похвалу или положительную оценку результатов их труда.

Мы обсудили в руководстве нелегальной разведки этот вопрос и пришли к выводу, что руководство страны должно знать, каким трудом обеспечивается решение внешнеполитических проблем. Среди нелегалов и сотрудников управления были представители более 30 национальностей СССР и других стран мира, были награждённые орденами и после 1945 г. — [но] ни одного Героя Советского Союза. Нам это показалось несправедливым.

Мы внимательно оценили операции последних почти 40 лет, их конкретных участников и единодушно пришли к выводу, что можем представить к высшей государственной награде нескольких лучших разведчиков-нелегалов. В руководстве разведки и Комитета госбезопасности нас поддержали.

Когда в ЦК КПСС и Совете министров предварительно ознакомились с материалами представлений к награждению, то были поражены тем, чего может достигнуть и что может сотворить сконцентрированная и целеустремленная воля разведчика-нелегала»^[292].

А вот что, в продолжение вышеизложенного, рассказывал нам Герой России Юрий Анатольевич Шевченко:

«Дроздов постоянно давал очень конкретные указания — и очень-очень серьёзные. Но все его любили — он очень чутко относился к сотрудникам. Помню его стиль работы. И вот, приглашает он меня к себе в кабинет: „Юра, у нас большое радостное событие. Нашему нелегалу, первому после войны, присваивается звание Героя Советского Союза!“

Я не знал, что это Геворк Андреевич — мы с ним в одном отделе работали, но лично я его тогда не знал. Хотя он уже для меня сделал столько хорошего! Помню, надо было провести так называемую „установку“ (найти какого-то конкретного человека или получить о нём необходимую информацию. — А. Б.). И никто этого сделать не мог — „ни Бог, ни царь“ — и только будущий Герой, Геворк Андреевич. И как он

элегантно это сделал! Сообщию именно то, что надо. В детали вдаваться не буду, но я думал: „Какой мальчишка! Какой умница!“ Я не знал, что этот „мальчишка“ на пятнадцать лет меня старше.

И вот ему присваивается звание Героя Советского Союза. Дроздов мне сказал, что нужно подготовить документы на представление в ЦК.

Говорю: „Юрий Иванович, вы даёте задание, как будто я в наградной отдел ЦК через день направляю документы... Откуда я знаю, как это делается? Что там нужно?“ — „Сам не знаю! Но знаю, где взять“. Руководитель не обязательно должен знать, как сделать, но он знает, где взять. Он мне говорит: „Мы связались с нашим центральным отделом кадров на Лубянке и запросили, есть ли у нас кто-нибудь из Комитета, кому присвоено звание Героя Советского Союза?“ Они сказали — генерал армии Матросов^{139}. „Мы попросили, чтобы тебе дали его ‘личное дело’. Посмотри, как выглядят эти документы, и перепиши. Ты сумеешь красиво сделать. Где подчеркнуть, какие поля — там же форма важна!“

Приезжаю в отдел кадров, мне дают два тома! Я и не знал, что у нас такие „личные дела“ — вся жизнь описана!

Открываю первый том, первую страницу — присвоения званий, служебные назначения... Вдруг — выговор! О, нормальный мужик, если есть выговор с занесением! Это всё было интересно, но не за тем же я сюда приехал!

Открываю второй том, в конце — четыре документа „о присвоении звания Героя Советского Союза“. Представление и ещё чего-то, сейчас уже не помню. Взял, переписал всё — чётко, нормально. Осталось только вставить фамилию...»

Какая была фамилия, и даже под какую национальность, этого Шевченко не знает до сих пор — изначально звание Героя было присвоено разведчику-нелегалу на чужое имя, потом уже наградная грамота переписывалась...

Однако, что забавно (или печально), у нас появляется всё больше и больше «специалистов», предлагающих за истину собственные версии любого исторического события. Кто-то из авторов написал (в какой книге — не помним, но было!), что звание присвоено Геворку Андреевичу за работу в Тегеране в годы Великой Отечественной войны. При этом, якобы прочитав в представлении о том, что за два года группе Варганяна удалось разоблачить порядка четырёмсот агентов и близких к германской разведке иранцев, некий мудрый цековец поморщился и попросил сократить количество агентов хотя бы вдвое. Но в представлении Иран и близко не упоминался! Не только из-за того, что это могло «расшифровать» нелегала,

но и потому, что звание присвоено за совсем иные подвиги совсем иного времени.

Кстати, завесу секретности над этими подвигами и их «географией» чуть приподнял сам Юрий Иванович уже в своей первой книге:

«Несколько лет „Анри“ и „Анита“ работали в Италии, уделяя пристальное внимание южному флангу НАТО. Это было как раз в те годы, когда будущий директор ЦРУ США адмирал С. Тернер был командующим войсками этой зоны, а генерал Александр Хейг — командующим союзническими войсками НАТО в Европе. К этому времени „Анри“ и „Анита“ уже занимали видное положение в обществе, их хорошо знал президент и некоторые министры страны, а американские морские офицеры и сам адмирал С. Тернер не раз пожимали им руки и пользовались их услугами. Они же оказывали „Анри“ помощь, когда ему приходилось выезжать в США с заданиями нелегальной разведки. Всё как у Д. Карнеги: умей заводить, иметь и сохранять друзей»^[293].

Между тем, как представляется, «товарищей из ЦК» волновали вопросы формы, а не содержания. Решение уже было принято на самом верху, следовало его должным образом оформить. И вот что рассказывал Юрий Анатольевич:

«Я привёз все эти документы с Лубянки, говорю секретарше (тогда ещё на машинках печатали): „Светочка, напечатай, пожалуйста, вот таким шрифтом — крупными буквами, всё должно быть крупно. Здесь подчёркнуто — подчеркни. Интервалы вот такие, как здесь“. Всё сказал — она всё точно и красиво сделала.

Кладу в папочку — и к Дроздову. „Юрий Иванович, ваше задание выполнено — пожалуйста!“ Открывает: „Юра, да всё не так!“ — „Юрий Иванович, всё так! Всё точно так должно быть“. — „Нет, сейчас всё по-другому нужно делать!“ — „Юрий Иванович, ну нельзя же! Я когда-нибудь выполнял ваши задания не так? Вот как надо делать!“

Но с генералами спорить трудно. Обмениваться мнениями легко: приходишь со своим, а уходишь с его. Обменялись!

Дроздов сказал: „Нет! Вот так, так и так — переделай!“ — „Есть! Будет исполнено!“ Прихожу: „Света, извини! Переделай вот так...“

„Порядок! — сказал шеф. — Это совсем другое дело!“ Но я же хитрый — я первый вариант документов положил в сейф и продолжал заниматься своими делами...

Через пару недель — звонок от Дроздова: „Юра, зайди!“ Я сразу понял, зачем — эти документы! Прихожу, он спрашивает: „А что мы в первом варианте там написали?“ Говорю: „Вот материал, я же вам

показывал!“ — „А, ну правильно! Так и надо было!“ — „Но я же вам говорил!“ — „А чего ты меня не убедил?“

Но он был совершенно доброжелателен. Я, конечно, ему не грубил — это было бы неприлично, но настойчивость по отношению к нему проявлять пытался. И он прислушивался — когда нужно, особенно когда ему вышестоящие инстанции указывали, что это всё-таки не так. Но ведь всё знать невозможно!»

Кстати, Юрий Иванович нам говорил, что когда он доложил, что называется, «в верхах» о сделанном Геворком Андреевичем Варганяном (понятно, что доклад был без излишних подробностей), его недоверчиво спросили: «Как, неужели всё это он сделал один?» — «Нет, не один, — отвечал генерал. — Вдвоём с женой». И Гоар Леоновна получила высокую государственную награду.

Об этом Дроздов также написал в книге «Вымысел исключён»:

«Руководство страны положительно рассмотрело материалы нелегальной разведки о присвоении звания Героя Советского Союза нелегалу „Анри“ и награждении Орденом Красного Знамени его жены „Аниты“, отдавших более 40 лет жизни обеспечению безопасности нашей Родины.

У меня на столе лежал Указ Президиума ВС СССР, а где-то через пару часов „Анри“ или „Анита“ должны были выйти на связь, получить и расшифровать телеграмму. Какой написать текст? Решили — сухо и просто: „Указом Президиума ВС СССР за выполнение специальных заданий Родины Вам присвоено звание Героя Советского Союза. ‘Анита’ награждена Орденом Красного Знамени. Поздравляем. Желаем успехов в работе. Центр“. Рабочих вопросов в шифровке на этот раз не было»^[294].

И вот, представьте себе: спокойный зимний вечер в одном из тихих уголков нашей маленькой Евразии. Изящно, со вкусом обставленная уютная квартира в фешенебельном районе столицы солидного государства. В квартире — немолодая, очень симпатичная семейная пара, люди, относящиеся друг к другу с искренним вниманием и заботой, каждый занят каким-то своим делом. Простая, почти идиллическая картинка домашнего быта...

Но пусть лучше об этом расскажет сама Гоар Леоновна:

«Радиограммы из Центра я принимала, но в этот день я занята была. Принял Георгий Андреевич — очень быстро, короткий текст получился, обычно бывает намного больше. И сидит, молчит. Я думаю, наверное, не успел. Или что-то случилось. Подхожу, он смотрит на меня и даёт, чтобы я читала. Говорю: „Я не хочу!“ Я уже испугалась, потому что когда

маленький текст — очень опасно: или надо собирать чемоданы, или вообще без чемоданов убежать, сразу уезжать, или же что-то дома... Он говорит: „Бери, читай!“ Громко же он не может мне сказать, мы ничего лишнего не говорили, хотя и были уверены, но всё равно. Я когда прочла — прямо ахнула! Не поверила... И он... Мы собрались и тут же ушли из дому. Пошли в ресторан, сели, выпили там вина и поговорили — такая радость! Мы же не ожидали этого, совершенно не ожидали! После войны такого не было! Тогда же наградили и меня — орденом Красного Знамени»^[295].

Кто-то из наших собеседников — вспомнить бы, ведь он был куратором Вартадяна! — рассказывал, что первое коллективное (маленьким коллективом) «обмывание» пока ещё не Золотой Звезды, за ней требовалось приехать в Москву, но самого факта присвоения Геворку Андреевичу звания Героя происходило в Будапеште, в прекрасном ресторане «Рыбацкий стан», выбранном самим «именинником». Вартадян чуть ли не специально за этим заехал в социалистическую страну, благо бизнес позволял. Яркий, широкой души был человек, людей к себе притягивал!

Кстати, чуть отвлечёмся и перескажем то, что говорил куратор о своём знакомстве с нелегалом «Анри». В какой-то стране он, будучи в первой долгосрочной зарубежной командировке, должен был как бы случайно с ним повстречаться и, очевидно, что-то ему передать. Подробностей не знаем.

И вот, как учили, молодой и тактичный сотрудник сказал: «Геворк Андреевич (или как там его называли?), вы меня простите, но я как представитель Центра (кажется, на этих словах было сделано лёгкое ударение), должен вам напомнить, что в случае, если вдруг к нам, паче чаяния, подойдёт полицейский, попросит документы, а потом спросит вас, почему вы оказались за одним столиком с советским дипломатом, вы должны...» Нелегал и куратор были примерно одного роста, люди высокие, но тут Вартадян посмотрел на «представителя Центра» сверху вниз, улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой и сказал: «Молодой человек! Если к нам подойдёт полицейский, я с ним разговаривать не буду! На это у меня есть адвокат!» Куратор понял, что ему надо ещё учиться, учиться и учиться. А с Вартадяном они вскоре стали друзьями.

Вернёмся, однако, к присвоению звания Героя.

Естественно, Геворку Андреевичу, когда он приехал в отпуск, Золотую Звезду вручали не в Кремле и даже не на Лубянке. Вручал тогдашний председатель КГБ СССР Чебриков^{140}.

Но, что интересно, — медаль (для тех, кто позабыл — Золотая Звезда Героя является медалью) ко времени вручения была уже хорошо «обмыта».

«Сначала эта медаль к нам пришла в отдел — и мы все её примеряли, на себя вешали и по-настоящему обмыли, но без „виновника торжества“. А потом мы её отдали руководству...» — вспоминал Шевченко.

Все же мы люди — и даже самые серьёзные из нас! Но, что характерно, нескольким из тех сотрудников, кто «примерял» Золотую Звезду Варганяна — тем же Алексею Михайловичу Козлову, Юрию Анатольевичу Шевченко, ну и достаточно перечислять, — впоследствии были вручены уже свои Золотые Звёзды.

Присвоение звания Героя Советского Союза ускорило завершение разведывательной карьеры полковника Варганяна. Геворк Андреевич объяснял:

«Мы сами попросили, после того как в 1984 году мне присвоили звание Героя Советского Союза, а Гоар получила очередной орден — Красного Знамени. Мы приехали в Союз, нас здесь наградили, и мы с Гоар решили, что у нас обоих уже 43–45 лет нелегальной работы, нам перевалило за 60 лет, так что надо, как говорится, и честь знать.

К тому же информация о том, что мне присвоили звание Героя, так или иначе могла просочиться за рубеж. А если бы просочилась, то, безусловно, разведки начали бы нас искать. Правда, награду мне под чужим именем дали, так что в результате я дважды получал Золотую Звезду»^[296].

Что интересно, Геворк Андреевич дважды получал Золотую Звезду (одну и ту же), зато носил две разные Золотые Звезды. Нет, речь идёт не о дубликатах этой почётной награды, выдаваемых для «повседневной жизни». Но если военные носят их на мундирах постоянно, то сотрудники разведки — лишь по великим праздникам и в своём узком кругу.

Так что когда в Ясенево, в штаб-квартиру СВР, приезжали почётные гости и посещали Кабинет истории, как скромно называется тамошний музей, а экскурсию для них порой проводил Варганян, — он брал с одной из витрин ту самую Золотую Звезду, которой в 1960 году был награждён Рамон Меркадер^[141]...

В заключение этого эпизода перескажем то, что говорил нам Герой Советского Союза Варганян о своих начальниках. Ставший разведчиком ещё в годы Великой Отечественной войны, он общался со всеми руководителями Управления «С». У каждого из них, разумеется, были свои плюсы и минусы, но никого из них Геворк Андреевич не мог назвать человеком случайным, занявшим не своё место. По его убеждению, всё это

были люди компетентные, понимающие. Разумеется, у каждого был свой подход к делу: одни более осторожные, сдержанные, другие — более рискованные. Вартаняну, по его признанию, было приятнее работать с рискованными людьми, и в числе таких, рискованных, он называл Юрия Ивановича. Но, заметим, не самым! «Эти люди могли брать ответственность на себя, рисковать, и поэтому с ними были сделаны большие дела», — говорил он.

А вот что сказал нам другой разведчик-нелегал, Герой России:

«Юрий Иванович был смелый человек — очень смелый! Порой даже сумасшедший — как про него говорили: „сумасшедший, но не дурак“. Он принимал нестандартные решения — смело, дерзко. Как-то его запрашивали из одной резидентуры — они проводили очень острое мероприятие, нужна была санкция начальника нелегальной разведки — и ему присылают телеграмму: „Просим вашего согласия на проведение таких-то и таких-то мероприятий“. Подробно излагается весь план операции. И мне потом говорили: „Представляешь, получаем от ‘Градова’ (псевдоним Дроздова) телеграмму за его подписью: На ваш номер такой-то такой-то сообщаем: ‘Да’“. И всё!»

Чтобы было ещё понятнее, о чём идёт речь, мы имеем возможность привести конкретный пример такой рискованной работы, не всеми даже в своё время одобряемой.

Помнится, Хайнц Фельфе^[142] писал:

«В Советском Союзе также признаётся неписанный закон разведки, согласно которому раскрытый разведчик не может больше заниматься этой деятельностью. Особенно в том случае, если он побывал в руках противника...»^[297]

Что же таковым остаётся делать? Вспоминать фразу Остапа Бендера: «Придётся переквалифицироваться в управдомы»? Кому-то действительно пришлось (вспомним судьбу «Веста!»), но кому-то нашлось место в Центре, без выездов за кордон и контактов с «противником» — разумеется, процентные соотношения таких судеб нам неизвестны, да и зависели они от многообразных причин.

Вот что рассказал нам Алексей Михайлович Козлов, два года проведший в южноафриканских застенках и обменянный на десяток различных шпионов:

«Юрий Иванович Дроздов предложил мне работать в Управлении „С“, в Москве, но я категорически отказался! Дроздов был страшно удивлён, но я ответил: „Если работать в ‘С’ — то только быть нелегалом!“

Тогда меня назначили в один институт. Работали хорошо, всё нормально... А потом, года через два, мне стало тоскливо. Была осень, дождь шёл. Я поднял трубку, набрал дроздовский номер: „Юрий Иванович, мне нужно с вами поговорить“. — „А ты далеко? Десять минут тебе хватит прийти до меня?“ — „Хватит“.

Прихожу. Он говорит: „Я знаю, зачем ты пришёл. Но что я с тобой буду делать? Ты отсидел, тебя все знают... Чего ты, в конце концов, хочешь?“ Говорю: „Я хочу обратно на нелегальную работу. Никуда отсюда не уйду, пока вы меня обратно не возьмёте“.

И вот мы сидели с ним и молчали. Гробовое молчание было! Потом он говорит: „Слушай, Лёшка! А чего нам не рискнуть? Ты здесь уже четыре года. Тебя они нам отдали, ты нигде в розыске не значишься. Ну и всё! За четыре года ты располнел, совсем изменился. Можно! Но сначала пошлём тебя в страну с менее жёстким режимом...“ Туда и послали»^[298].

Сергей Сергеевич объясняет, что всё было несколько посложнее и гораздо более продуманно и просчитанно:

«Если человек стал нелегалом и проникся этой профессией — оно происходит не со всеми, а в его случае произошло, то, несмотря на то, что он стал успешным руководителем, его уважали в коллективе, тем не менее у него внутри такая мысль шевелилась постоянно. Ему хотелось опять вернуться на эту работу. Условно говоря, это как наркотик для человека. Когда он почувствовал, что созрел для серьёзного разговора, он попросился на беседу к Юрию Ивановичу — и Дроздов его пригласил...

Алексей Михайлович высказал ему свои соображения. Они базировались на серьёзном анализе: он был в тюрьме, его обменяли. Ни в какие „чёрные списки“ его не внесли — его вообще вычеркнули отовсюду, так что если решить вопрос с документами на другое имя и заменить регион задействия, то в общем-то всё получится и никаких проблем не возникнет.

Но для этого сначала надо было найти документальный вариант, убедиться, что он по языку ему соответствует. И одно дело — молодому человеку начинать осваивать образ иностранца, другое дело — взрослому. Это же сколько лет „прошлой жизни“ надо „легендировать“! Я понимаю, что с опытом Алексея Михайловича это было можно, но совсем не так просто...

Юрий Иванович, как человек риска, взял всю ответственность на себя».

О дальнейшем развитии событий мы можем сказать следующее: Алексей Михайлович Козлов порядка десяти лет успешно отработал на

«нелегалке», а в 2000 году был удостоен звания Героя Российской Федерации.

Можно полагать, что когда Козлов был, что называется, «открыт», то Гордиевский, давно уже пребывавший в Великобритании, рвал волосы не только на голове!

Мы уже не раз повторили, что подробную, по датам и событиям, биографию Юрия Ивановича написать пока ещё невозможно, да и вряд ли кто и когда это сделает. А так как свой рассказ мы составляем из различных эпизодов, то можем спокойно, не нарушая логики изложения, немножко «отмотать назад» события и возвратиться хотя бы в 1982 год. В тот самый год, когда Андропов, будучи избран секретарём ЦК КПСС, сменил главного партийного идеолога Сулова^{143} и оставил должность председателя КГБ СССР.

Брежнев (кто же ещё?) выбрал на смену Андропову не партийного работника, каковым являлись не только сам Юрий Владимирович, но и его ближайшие предшественники, а кадрового военного контрразведчика Виталия Васильевича Федорчука^{144}, который с 1970 года возглавлял КГБ Украины.

Вадим Алексеевич Кирпиченко характеризовал его так:

«Виталий Васильевич, несомненно, человек честный, строгий и законопослушный, был движим самыми лучшими намерениями, но его представления о работе органов государственной безопасности сложились в далёкие предвоенные годы, главным образом по линии военной контрразведки... Разведки он вообще не знал и относился к ней довольно сдержанно, полагая, что главным в работе КГБ являются внутренние проблемы»^[299].

Думается, это был серьёзный удар по позициям Юрия Ивановича — хотя бы потому, что вряд ли он когда-либо ранее близко общался с новым председателем.

Однако Андропов, вскоре «придя на власть» в стране, тут же «передвинул» Виталия Васильевича на МВД. Формально — повышение: с комитета на министерство, да ещё и с присвоением в тот же день звания генерала армии. Реально — совсем наоборот, но объяснять не будем. Произошло это в преддверии 20 декабря, родив в недрах КГБ поговорку: «День ЧК — уход Федорчука».

А вот с Андроповым у Дроздова были самые доверительные отношения — в пределах возможного, разумеется, ибо многое в образе и личности Юрия Владимировича остаётся для нас загадкой.

Вспоминает генерал-майор Яковлев:

«Все серьёзные документы готовили на Андропова. Юрий Иванович лично докладывал, и мы ждали, когда он вернётся. Возвращаясь, он что-то комментировал или говорил, что Юрий Владимирович хотел что-то дополнительно узнать...

Я думаю, что с Андроповым он встречался часто — ряд документов проходил только через него... У председателя были максимальные полномочия — в том числе и по финансовой части, на необходимые расходы... Были и такие документы, что шли не по линии прямого документооборота, а в рамках личного доклада. Юрий Иванович докладывал их содержание лично, а потом Юрий Владимирович доводил соответствующую информацию до членов Политбюро...

Я думаю, он был в числе любимцев Андропова. Ну и потом, им следовало и по должности общаться: начальник нелегальной разведки — плюс заместитель начальника Первого главного управления. Кстати, когда вся разведка переехала в Ясенево, мы всё ещё оставались в „доме 2“. Не думаю, чтобы это было совсем случайно».

...И опять напомним: как начальник разведки Крючков пребывал в «Лесу», в Ясеневе, за МКАД, тогда как Дроздов постоянно находился на Лубянке, рядом с председателем, двери кабинета которого были для него всегда открыты...

Впрочем, особое отношение у Андропова было не только к Дроздову, но и ко всем сотрудникам Управления «С». Юрий Иванович свидетельствует:

«Перед уходом из КГБ опять на Старую площадь, на свой последний государственно-политический пост, он [Ю. В. Андропов] встретился с руководством нелегальной разведки. Он был уже тяжело болен, но считал своим долгом проститься с нами.

Обладая гигантской осведомлённостью относительно обстановки в мире и стране, он сумел в скупых, но ёмких словах поставить задачи, выполнение которых и поныне подтверждает его выводы.

Ю. В. Андропов попросил радировать от его имени всем действующим разведчикам-нелегалам о вынесении им благодарности за работу. Наши радисты и шифровальщики почти месяц передавали его последнюю шифровку и получали ответы, которые сразу же уходили к нему на Старую площадь.

Он ушёл из жизни непозволительно рано» [\[300\]](#).

Трогательно, очень трогательно поступил Андропов — и с большим уважением к людям. Ведь случается сплошь и рядом, что, когда чиновник

уходит на вышестоящую должность, прежний коллектив представляется ему некой «пройденной ступенькой». Поднялся на следующую, а пройденную можно забыть. Так что Юрий Владимирович как руководитель заслуживает высокой оценки.

И всё было бы хорошо, но... Вот фрагмент из воспоминаний генерал-лейтенанта Кирпиченко:

«Запомнился мне последний доклад Юрию Владимировичу. Это было 25 января 1982 года, незадолго до его ухода из КГБ.

Уже тяжело больной, Андропов рассматривал дела без прежней живости. Ему было трудно читать. Просмотрев несколько документов, он попросил меня зачитывать ему короткие бумаги, а содержание длинных — просто излагать. Иногда он отвлекался на телефонные звонки, а время от времени заводил беседы на темы, не связанные с докладом: ему просто нужен был отдых и переключение внимания»^[301].

Повторим эти слова: «ему нужен был отдых».

Наши заветные желания далеко не всегда совпадают не только с объективной реальностью, но порой даже и со здравым смыслом. Больной, уставший, немолодой Юрий Владимирович жаждал получить верховную власть. Его патриотизм, любовь к Родине, верность социалистическим идеалам не вызывают сомнения, но вместо того, чтобы позаботиться о судьбе державы, подобрать человека, который смог бы возглавить партию и государство, вывести страну из «застоя», а самому уже остаться в тени, Андропов занял Кремлёвский кабинет — вот только большую часть времени проводил не там, а в палате ЦКБ...

Считается, что Горбачёв был «человеком Андропова». Но два бывших руководителя КГБ, люди весьма к Юрию Владимировичу близкие — Владимир Александрович Крючков и Филипп Денисович Бобков^[145], — говорили нам, что Андропов, особенно под конец своей жизни, был весьма невысокого мнения об этом деятеле. Мол, «торопыга», вечно спешит, говоря по-русски — бестолков. «Он никогда не называл Горбачёва преемником», — сказал нам Крючков. Вот только иного «преемника» и не нашлось.

Закрываем эту тему. Главное для нас сейчас то, что Андропов из Комитета ушёл...

А вот одно из наиболее ярких (если не самое яркое!) следствий того, что происходило к тому времени в стране. Крючков писал:

«Усилиями нелегальной разведки ещё за несколько лет до Чернобыльской аварии мы получили уникальный доступ к иностранным

материалам по проектированию, строительству и эксплуатации атомных станций. Удалось вывезти несколько чемоданов документов по указанным проблемам.

Особый интерес представляла информация по обеспечению безопасности атомных станций. Кстати, эта часть информации нам досталась труднее, с осложнениями, нашему сотруднику вскоре пришлось спешно покинуть страну пребывания. Добытая информация получила во всех центральных организациях положительную оценку»^[302].

Крючков был чиновником, что предполагает определённую осторожность суждений. Мол, информация добыта, получила положительную оценку... А дальше-то что? Доблестные атомщики бросились претворять в жизнь полученную ими информацию? Ведь для того чтобы получить эту «наработку» опытным или каким-то там путём, нужно было потратить очень большие средства, тогда как в разведке, как известно, каждый вложенный рубль окупается многократно, порой — тысячекратно и даже более. Но страна постепенно переходила из «застоя» в пике, и многие (ещё не слишком многие и тем более далеко не все) стали думать исключительно о личной выгоде.

Вот какую горькую правду приоткрыл для нас куратор разведчика:

«Что сделал этот нелегал? Сейчас об этом уже можно говорить. Он достал в какой-то стране документы об обеспечении безопасности ядерных реакторов — это было перед Чернобылем. Совершенно секретные материалы. Это была такая сильная комбинация! Если бы сделали соответствующие выводы, то катастрофы Чернобыля бы не было.

Но материалы были отданы в Министерство среднего машиностроения — там написали три докторские диссертации и две кандидатских, а потом Чернобыль рванул».

Думается, времени, достаточного для написания диссертации, вполне хватило бы для внесения соответствующих технических изменений в конструкцию АЭС... Но принцип «Раньше думай о Родине, а потом — о себе» ушёл в историю. Неужели безвозвратно?

Нелегала, получившего ценнейшие материалы, наградили орденом Красного Знамени. (Не вина его, но наша общая беда, что информация, полученная им с риском для жизни, в итоге оказалась нужна лишь нескольким соискателям!)

И вот эпизод, связанный с этим награждением, прекрасно характеризующий Юрия Ивановича. Его рассказал нам куратор нелегала:

«Звонок Дроздова: „Зайди!“ Показывает он мне документ, а там его рукой написано: „Представить к ордену Красного Знамени сотрудника

Особого резерва“ — нелегала и „ведущего работника“ — то есть меня. В то время такой орден...

Он говорит: „Ну, пиши представление на нелегала! А на тебя, я скажу, пусть пишет начальник отдела“. — „Спасибо!“ — „Кстати, помнишь, мы ехали в машине — и ты сказал, что у тебя потолки низкие?“ — „Конечно!“

Это было, когда приехали в отпуск нелегалы и мы с Юрием Ивановичем поехали на встречу с ними. По дороге он говорит: „По оперативным делам я вас хорошо знаю, а что у вас в личном плане?“ — „Всё нормально! У меня двое ребят — сыну уже 17“. — „А квартира как?“ — „Хорошая квартира, в центре, но место тихое... Одна проблема: низкие потолки“. У меня уже тогда сын был под два метра, а сейчас — 2.05. Когда строили, какой-то идиот пустил там по потолку укрепляющую балку — и я втягивался, и сын втягивался. „Да, эту проблему я знаю, — сказал Юрий Иванович. — Я тоже высокий, сын высокий. Мелочь, а неприятно!“

Этот разговор Дроздов не забыл. И тут он сказал: „Есть одна квартира в сталинском доме. Как ты считаешь?“ Я так сижу... А он когда нервничал — или когда хорошее настроение, начинал поглаживать лысину. И вот, глаза блестят, спрашивает: „Ну как? Орден или ордер?“ Что вы думаете, я сказал? „Орден!“

Дроздов встал из-за стола: „Ладно, посоветуйся с женой!“

Прихожу домой, говорю жене: „Предложили тут орден или ордер...“ Она так небрежно: „Да нет! У нас ведь неплохая квартира... А там что?“ — „Сказали, потолки высокие. Сталинский дом“. — „А что ты?“ — „Сказал — орден!“ — „Да, конечно! Тебе дети до фени, тебе лишь бы бляшку на грудь! А ты видишь, он вжимается?“ — и то-сё, пятое-десятое...

Утром Дроздов всегда приходил без пятнадцати девять. В полдевятого я был уж там. Появляется Дроздов, смеётся: „А я знал, что ты придёшь! Ордена ты ещё получишь, но надо, чтобы для детей нормальная квартира была!“

Он поступил чисто по-человечески — и я ему благодарен! А нелегала наградили орденом Красного Знамени...»

Очень положительное качество для начальника: Юрий Иванович заботился о решении бытовых вопросов своих подчинённых, за что многие из них ему до сих пор признательны.

Сергей Сергеевич Яковлев рассказывает:

«В своё время я натолкнулся на „Признаки хорошего начальника“, решил на Юрия Ивановича наложить эту „сетку“ — и оказалось, что он многим критериям соответствует. То, что начальник „ведёт за собой“ — действительно, он был „генератором идей“; „начальник берёт

ответственность на себя“ — он её реально брал на себя...

Помню, был у меня такой случай. В силу возникших обстоятельств моему человеку — это был иностранец, но не на своих документах за рубежом работал, нужно было попасть на родину, решить какие-то личные вопросы. Мы стали думать, как ему туда попасть, продумали маршрут — не буду вдаваться во все тонкости, скажу только, что были проблемы. А потому наш отдел безопасности сказал, что нет, нельзя, мы это подписывать не будем — его там арестуют.

Позвонил я Юрию Ивановичу, объяснил ситуацию. Он говорит: „Маршрут кто утверждает?“ — „Мы“. — „Так ты запиши этот маршрут в задание — и всё! А я возьму ответственность на себя. Если вы всё правильно сделали, значит, всё получится. Если неправильно — меня накажут“. Он не боялся брать ответственность на себя, большую ответственность, причём мы знали, что он никогда не подставит подчинённых, если что-то делалось с его одобрения. (Есть ведь начальники, что в случае чего „признаются“: мол, „пошёл на поводу у подчинённых“, „хотел людям доброе дело сделать, а они меня подвели...“ И виноватыми оказываются „неблагодарные подчинённые“. — А. Б.).

Или вот: „Начальник говорит ‘спасибо’ — это хороший начальник!“ Тут у меня тоже личный опыт. Как-то начальник отдела дал мне поручение написать аналитический обзор по конкретной проблеме, да ещё и со взглядом в историю... Я перевернул огромное количество материала, написал обзор на 25 машинописных страниц. Потом отдал его — и забыл.

Но как-то в лифте поднимаюсь, встречаю Юрия Ивановича. Он мне громко, при всех: „Серёга, спасибо! Хороший обзор написал!“ Для меня это было как поощрение! В лифте много народу было, и все на меня уважительно посмотрели — не каждому же вот так начальник „С“ спасибо скажет, значит, я чего-то очень хорошее сделал... Наградить за хорошую работу не всегда же можно, да и не всегда нужно: награды от частого употребления обесцениваются, а вот выразить благодарность словами лишним никогда не будет.

Как мне кажется, подобное отношение к своим сотрудникам было у Дроздова прежде всего потому, что он ценил людей — не просто по должности, а по отношению к работе. Естественно, он и выдвигал сотрудников по их достоинствам. Как правило. Не часто, но ведь бывали и ходатайства „свыше“, и он иногда подчинялся, иногда — нет».

Что ж, когда-то классик марксизма-ленинизма писал (или жаловался?), что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Он ведь тоже жил в обществе и все прелести подобного бытия испытал на себе...

И вот ещё наблюдения от генерал-майора Яковлева:

«Всех поражала его память — помнить всё именно что до мелочей. Годы могли отделять его от события, а он псевдонимы помнил, и где это было, и о чём шла речь... А потому, действительно, каждый нелегал думал, что он находится в центре его внимания. Не каждый руководитель так может себя вести.

Юрий Иванович мог спросить: „На прошлой встрече о чём мы с вами по этому поводу говорили? На позапрошлой о чём?“ Это серьёзно дисциплинировало! Особенно когда выяснялось, что я что-то забыл, а он всё помнит! Ой как нехорошо! Но, с другой стороны, оказывается, что моя работа что-то значит, раз начальник Управления об этом помнит. Это очень важное качество руководителя — помнить всё необходимое. Однако Дроздов не просто уповал на свою феноменальную память: идя на встречи, он к ним всегда тщательно готовился. Мог дело затребовать, прочитать — и на выходные затребовать, чтобы спокойно изучить. То есть у него всё время работа шла.

Он был способен простить какую-то промашку, но не проступок. Он был строгий, требовательный, но не жестокий и не жёсткий. Ни в коем случае! Мог разнос устроить, если что-то не так сделано, — но без криков, без оскорблений. Он был выше этого. Хотя вообще-то Юрий Иванович был руководителем авторитарного типа...»

С ним полностью согласен и полковник Сергей Иванович:

«Я в жизни не слышал, чтобы он повысил голос. Ни разу, ни на кого! Он умел спокойно, и даже порой с улыбкой наводить тебя на мысль: „Ну а ты как думаешь? Давай, посмотри, разберёмся!“ Эта его манера руководства — удивительная! Иной бы в некоторых ситуациях точно не выдержал — но он умел держать себя в руках, общаться с людьми».

А вот, так сказать, «женский взгляд» от полковника Людмилы Ивановны:

«По-моему, Юрий Иванович вообще никого не ругал... Но он мог как-то так сказать, что ты понимаешь, что ты не прав. Мог в процессе разговора заявить: „А знаете, ребята, вот там-то вы поступили неправильно...“ И ты понимаешь, и даже как-то стыдно становится. Человечный он был! Понятно, что он — начальник, мы — подчинённые, но у нас всё-таки была как бы одна семья, мы там все какие-то близкие были, все друг друга знали... Вот он идёт по коридору — и с ним можно было просто дружелюбно пообщаться».

Стоп, делаем паузу — как на диктофоне при расшифровке текста.

Не надо понимать слово «все» буквально: Людмила Ивановна говорит

о том времени, когда она возвратилась в страну «с холода» и уже работала в Ясенева. Вот тогда она действительно могла знать всех, кто работал в «Лесу» по линии Управления, возглавляемого Юрием Ивановичем, и её знали. А до того — ни-ни! Даже в Управлении «С» её почти никто не знал.

Объясняем. Помнится, решили мы как-то проверить одну сплетню (да, работа такая!) и задали генералу Кирпиченко вопрос: мол, добрые люди говорят, что когда разведку возглавил Евгений Максимович Примаков, он тут же потребовал списки всей агентуры и кому-то их продал. (Под всеобъемлющим словом «агенты» имелись в виду и нелегальные разведчики.) Было такое — или как? Вадим Алексеевич решительно возразил, сказав, что это просто невозможно:

«Никаких ведь списков агентуры никогда не было — это табу! Как неоднократно говорил Андропов: „У вас штучная работа, штучный товар“. И каждая „штука“ должна лежать отдельно!

У каждого направленца лежат дела на агента, и он знает его имя и всё прочее. Начальник [Управления „С“], конечно, должен знать, что у него в такой-то стране есть агент с такими-то возможностями. Например, один работает в шифровальной службе, другой сидит в канцелярии президента... Но как его зовут, он не знает, и должность его тоже. (Начальнику известен оперативный псевдоним. — А. Б.) Тем самым каждый начальник соблюдает разведывательную этику и как бы сохраняет себя подспудно. Если ты не знаешь, то не можешь никуда это сообщить. Да и зачем ему знать имя нелегала, когда нелегал уже сам старается свою фамилию забыть, чтоб она не всплыла где-то?»^[303]

Как говорят умные люди, чем меньше знаешь — тем меньше можешь выболтать. Потому лишнего лучше и не знать. (Есть же всякие психотропные средства, именуемые «эликсир правды», и прочее.)

Однако возвращаемся к рассказу Людмилы Ивановны:

«Юрий Иванович понимал эту работу и знал, с какого конца подойти, а не так — с потолка. Были у нас такие начальники, что приходишь, а он говорит: „Вот тебе три минуты, изложи!“ Что можно за три минуты изложить?

Дроздов, конечно, был очень занятой человек, но у него всегда было время на каждого. И не надо было записываться! Приходишь, спрашиваешь у дежурного: „У себя?“ — „У себя“. — „Один?“ — „Один!“ „Юрий Иванович, можно?“ — „Входи!“ Не каждый так делает.

Он подчёркивал, что те, которыми он руководит, для него дороги и он их всех любит. По крайней мере, он это показывал — может быть, кто-то был и не очень любимый, но всё-таки... Женщин он любил — с ним всегда

было приятно встречаться. А потому так получалось, что даже то, чего ему и не хотел бы сказать, и не надо бы, себе во вред получится, — но с ним поделишься, скажешь. Однако он умел это хранить. И он мог помочь разобраться в каком-то вопросе, рассказать и сделать. Не было этого расстояния, что я шеф — ты моя подчинённая. Всё было по-семейному. Он уважал разведчиков-нелегалов. Он вообще, по-моему, любил людей.

Скажу так: он прежде всего был человек. И настоящий офицер! Получается, что я его очень хвалю — но это моя точка зрения. Для меня он действительно такой».

Да, можно сказать, что с таким начальником только работать и работать! Но если бы всё зависело лишь от одного конкретного руководителя...

В сентябре 1985 года стало известно о предательстве сотрудника боннской резидентуры. В своей самой первой книге Юрий Иванович пишет так: «Я не назову его фамилии и имени. Просто ОН. В нашей стране продолжает жить и растить детей его жена, горюют престарелые родители»^[304].

Фамилия появилась в последующих книгах Дроздова и в других источниках.

«В марте 1985 года предложил свои услуги ЦРУ очередной сотрудник ПГУ КГБ СССР Геннадий Вареник. Сын полковника КГБ, он в январе 1982 года был направлен в командировку в Бонн под прикрытием должности корреспондента ТАСС. Человек, по отзыву бывшего заведующего отделением ТАСС в ФРГ А. Григорьева, работающий и доброжелательный, он по приезду в Бонн сразу же активно включился в работу резидентуры. Вспоминая об этом времени, жена Вареника говорит:

„Сколько радости было, когда в январе 1982 года в КГБ ему сказали, что его посылают в Германию. Его отец занимал высокий пост в КГБ, и мой муж делал всё, чтобы тот мог им гордиться. В Бонне он просто выкладывался на работе, хотя остальные в его спецгруппе бездельничали и смеялись над ним“»^[305].

Заключительная фраза жены, постороннего для Службы человека, просто ошарашивает. Но оставим её пока без комментариев.

А то, что радость от такой командировки была, сомнений нет. Поехать работать в Бонн, в центр Европы! Это же не куда-нибудь в Могадишо или в Бангкок! В Западной Германии жизнь красивая...

Однако, к сожалению, она вызывала у некоторых наших граждан неадекватную реакцию. Вот и майор Вареник захотел «красиво пожить».

Потом, конечно, появятся рассказы про какую-то идеологическую подоплёку, хотя на самом деле всё упиралось в неизменные жадность и трусость.

«Вареник растратил казённые деньги — семь тысяч долларов — и был страшно напуган. На эти деньги он купил платье жене, новую мебель, одежду для дочерей и книги для себя. Наличных, выданных ему ЦРУ, с лихвой хватило, чтобы вернуть долги КГБ»^[306].

В общем, Геннадий Григорьевич предложил свои услуги американцам — в качестве шпиона.

И вот ещё, как комментарий к утверждениям вдовы Вареника, слова о нём Юрия Ивановича, взятые из наиболее позднего издания:

«Осенью 1984 года я прилетал в Бонн, чтобы познакомиться с работой группы. Я обратил внимание на его жалобы, что работа по прикрытию не даёт возможности заниматься оперативной деятельностью, ни на что не хватает времени. Он подчеркнул, что завидует некоторым сотрудникам, у которых есть результаты. Я порекомендовал ему не завидовать, а проанализировать все свои связи и педантично заниматься оперативной работой, тем более что его личные и деловые качества способствовали этому. К сожалению, он выбрал другое: привыкнув легко жить за спиной заслуженного отца, испугавшись первых встретившихся на жизненном пути трудностей, он за „30 сребреников“ (7 тысяч долларов) продал героическое прошлое отца, боевых товарищей, жену и двоих детей»^[307].

Теперь информация на ту же тему — только гораздо менее известная.

«Вычислить» предателя помог Олдрич Эймс — ценнейший советский агент в Центральном разведуправлении.

Николай Павлович, в ту пору — заместитель начальника отдела, оказался одним из двух человек на всё Управление «С», полностью посвящённых в суть вопроса. Вторым (вернее — первым) был генерал Дроздов. Остальных, кто привлекался к «решению вопроса», использовали «втёмную». Вот что рассказал нам Николай Павлович:

«Пожалуй, за все мои сорок лет службы это было самое тяжёлое время.

8 ноября 1985 года вызывает меня Юрий Иванович: „Слушай, мне надо из Бонна старшего в Москву вызвать — кого там оставить вместо него?“ А это моё направление, я его курировал. Говорю: „Вареника. Он там по пребыванию старше всех“. Дроздов мне: „Вот сказал — и никому больше не вздумай этого сказать! Сам загудишь туда...“ — „Чего?“ — „Предатель!“ — „Да не может быть!“ Я психологически в это не мог

поверить! Это был удар для меня.

Юрий Иванович повёл меня в кабинет к Крючкову. Там мне всё было официально рассказано, и Владимир Александрович меня предупредил, чтобы я никому ни слова — в противном случае я буду подвергнут наказанию „вплоть до увольнения и лишения офицерского звания“! Мне эти слова хорошо запомнились.

Я получил первую задачу: встретить в аэропорту его жену. А её вывозили — она в истерике, видит, что что-то не так, вдруг мужа неделю назад увезли...

Возник вопрос: им только перед тем квартиру дали, они в неё даже не вселились, лишь какие-то вещи забросили. Туда её везти — или где раньше жили? Крючков сказал: „Следствие не располагает данными, что жена что-то знает об этом. Она-то здесь при чём? Сделайте всё, как надо. — И повторил: — Но чтобы никто, кроме вас, ничего не знал!“

...Первые полгода мы спасали людей — кого можно было спасти. Потом надо было что-то зашифровать... Основная проблема была в том, что нельзя было дать противнику узнать о существовании нашего источника — Эймса.

Напряжённость была страшная. Я сидел день и ночь и сам всё на машинке печатал. Была, к тому же, команда Дроздова: „Начальнику отдела — не показывать!“ А у меня с ним хорошие отношения были, мы и жили рядом, ездили на службу на одной машине... Но дело затягивалось, начальник отдела чувствовал, что что-то не так, а что скажешь? Категорически нельзя!

Я тогда объехал все основные резидентуры. Кстати, мы успели выхватить того самого нелегала, что по АЭС сработал. Американцы не сразу передали союзникам информацию, что получили от Вареника, но передали. Мы его вызвали на срочную встречу, сказали: „Назад не поедешь!“ — „Нет, у меня там шифр!“ — „Какой шифр?! Ты в наручниках приедешь!“ Очень тяжёлая история была...

Полгода шло следствие, но только перед самым судом опросили нескольких оперработников, кто его знал: учились с ним в Высшей школе, знали его отца, рекомендовавшего его на работу в разведку, в наше управление. Некоторые сознание теряли!

Когда подводили итог, следователи и руководство ПГУ не верили, что за шесть месяцев никто ничего не узнал. Потом нас даже в пример ставили».

1 октября 1988 года генерал армии Владимир Александрович Крючков стал председателем КГБ СССР.

Генерал, чьё имя не раз появлялось на страницах нашей книги, сказал:

«Крючков был хорошим начальником разведки — за исключением взаимоотношений с Дроздовым, и он был плохим председателем КГБ. Это моё мнение! Масштаб, на который он выскочил при Горбачёве, ему не соответствовал. Но ему казалось, что это тот же уровень».

К сожалению, многие люди стремятся перешагнуть порог своей некомпетентности, в результате чего отважный «батяня-комбат» становится плохим командиром полка, а журналист, легко и красиво писавший информации, превращается в автора нудных статей на темы морали...

Впрочем, многое также зависит от времени и обстановки: профессиональная некомпетентность увешанных орденами министров обороны мирного времени проявляется только с началом серьёзной войны.

Войны не было — было «крутое пике» великой страны. К сожалению, в менталитет нашего народа накрепко вошло понимание, что «кто поп — тот и батька», а потому каждый очередной лидер изначально вызывает всеобщее преклонение, длящееся затем уже по инерции. Ярчайший тому пример — последний «деятель ленинского типа» (была такая неотъемлемая характеристика для каждого очередного генсека ЦК КПСС) М. С. Горбачёв. Кажется, все видели и понимали, что он ведёт страну к краху — но так он её туда и привёл, не встретив на своём пути особенных препятствий и активного противодействия.

Вот какую характеристику Крючкову и тому времени дал мудрый Кирпиченко:

«Трёхлетнее пребывание Крюčkова на посту председателя КГБ пришлось на период ускоренного распада нашего государства. Бездарного Горбачёва начинали покидать главные архитекторы перестройки, просто архитекторы и даже прорабы. На глазах исчезало наше главное достояние — стабильность жизни и вера в завтрашний день.

Крючков почувствовал зыбкость своего существования и очень быстро прошёл дистанцию от привычки, упоминая имя Горбачёва, неизменно присовокуплять к нему почтительное и „лично Михаил Сергеевич“, к участию в организации ГКЧП. Тревожные сигналы КГБ о положении в стране, естественно, доходили до сведения Горбачёва, однако никакого отклика на них не следовало, и постепенно руководство КГБ вынуждено было отказаться от сколько-нибудь активной реакции на происходящие события... Служба действовала вхолостую, а речи на коллегиях КГБ становились всё длиннее и длиннее и вызывали лишь раздражение у присутствующих. <...>

В условиях тотальной деградации нашей партийно-государственной

системы Крючкову уже было некогда заниматься практическими делами разведки. Впрочем, в этом и не было большой необходимости: наши дела он хорошо знал, и вполне достаточно было от него получать краткие указания и рекомендации»^[308].

Заметьте, что последняя фраза косвенно подтверждает вышесказанное: Владимир Александрович действительно был хорошим начальником разведки.

Вместо него в самом начале 1989 года руководителем Первого главного управления КГБ СССР стал генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин. Он был ровно на десять лет моложе Дроздова и принадлежал уже к другому поколению, войну не прошедшему, а потому имевшему совершенно иную психологию. Помните слова генерала Гиоргадзе, что на смену «старым операм» начали приходиться «шестидесятники»?

Что ж, выпускник МГИМО 1962 года «по определению» не мог не быть «шестидесятником», а о Юрии Ивановиче коллеги до сих пор вспоминают как о «великом опере». К тому времени, однако, он уже становился и старым: 64 года — это немало и для генерала разведки...

По своему опыту Леонид Владимирович от Дроздова явно отставал, что видно даже из той блестящей характеристики, что дал Шебаршину его предшественник:

«...в разведке проработал более 25 лет. Неоднократно находился в длительных заграничных командировках (Пакистан, Индия, Иран), востоковед, владеет английским, хинди, фарси. Человек острого ума, широко образован, начитан, большой книголюб, опытный оперативник, хотя больше склонен к аналитической работе, поэтому не случайно в последние годы работал в информационно-аналитическом управлении разведки. Отличался самостоятельным мышлением, принципиален, умел постоять за свою точку зрения, не был лишён самолюбия, но, по-моему, без особого перебора»^[309].

Приходится всё-таки уточнить, что на работу в Центр Леонид Владимирович перешёл после известного «ухода» его сотрудника Кузичкина в Тегеране.

В 1987 году Шебаршин становится заместителем начальника разведки, затем — её руководителем. Дроздов, возглавляя Управление «С», одновременно являлся и заместителем начальника ПГУ. Какие отношения были у него с руководством, сказать не можем: ни у того, ни у другого в своё время не спросили, а строить версии не хотим. Единственно, что

некий уважаемый человек передал нам такую фразу Шебаршина: «Если бы не его ехидный характер, Дроздов ушёл бы в отставку генерал-лейтенантом».

Всё может быть!

Но вот фрагмент одной из книг Леонида Владимировича — каждый волен сделать свои выводы:

«Вообще мне кажется, что Юрий Иванович склонен преувеличивать достоинства своего подразделения и не очень критично относится к его недостаткам.

Иногда возникают конфликтные ситуации между Управлением „С“ и другими подразделениями разведки. В докладах Дроздова его сотрудники выглядят рыцарями без страха и упрёка, которых обижают сомнительные личности, неведомо как пробравшиеся в разведку. В Управлении „С“ Юрия Ивановича любят, знают, что он профессионал высочайшего класса и в обиду своих не даёт. Мне же приходится вступать с ним в тактичное, но упорное противоборство, дабы восстановить справедливость. Я в нелегальной разведке не работал, однако с её деятельностью познакомился задолго до того, как оказался начальником ПГУ, и не всё здесь было к взаимному удовольствию.

Неприятные моменты в разговорах с Дроздовым мы не упоминаем, но о них помним. (Далее следует рассказ об истории всё того же Кузичкина и событиях, с этим связанных. — А. Б.)

Так что Управление „С“ небезупречно»^[310].

Такая была точка зрения начальника разведки. Хотя это всё, как говорится, в общих чертах. (Как ещё ему можно было писать о работе начальника самого засекреченного из подчинённых ему управлений?)

Зато мы можем привести фрагменты кое-каких наших разговоров, позволяющих получить определённое представление о масштабах и направлениях работы Дроздова.

К примеру, Аарон Бенедиктович рассказывал, что Юрий Иванович был одним из тех, кто заложил основы финансово-экономической разведки.

«Идею, правда, подал Питовранов^[146], но именно Дроздов её оценил, организовали отдел и начали работать среди зарубежных бизнесменов, финансистов, банкиров и прочих. Он одним из первых в руководстве разведки понял, что это крайне нужно Советскому Союзу, потому как раньше эта линия была на роли самого нелюбимого пасынка в Управлении НТР. Попадались какие-то — ну и хорошо, не попадались — чёрт с ними!

Он реализовал эту идею: при нём появился соответствующий отдел.

Кстати, в организации этого подразделения помогал ему знаменитый нелегал — Герой России Алексей Михайлович Козлов».

Рассказывает Сергей Сергеевич:

«Дроздов как-то по-другому взглянул на сотрудничество с научно-технической разведкой. У нас были серьёзные источники по этой тематике, и по его настоянию в Управлении НТР создали конкретную группу для работы с Управлением „С“. Они готовили задания для наших источников, и они же занимались реализацией... Это не только способствовало обеспечению безопасности источников, но и повышало эффективность работы...»

Полковник Сергей Иванович рассказывал о том, что в конце 1980-х была возможность учредить совместное предприятие с некими дальневосточными партнёрами — уровень образования и опыт работы позволяли ему это предприятие возглавить. Это было бы реальное СП, а не какая-то «вывеска», за которой, как в детективном фильме, прячется «шпионская контора». Такое предприятие позволило бы нашей стране начать создавать собственную элементную базу, как говорил наш собеседник, — «россыпь» (мы в этих терминах ничего не понимаем!), и к тому же было желание «обкатать» здесь наших ребят — чтобы они научились бизнесу, научились крутиться в такой среде, научились всему, что связано с этим делом...

Известно, что наши нелегалы — в частности «Бен», «Анри», «Дубравин», — действуя по собственному разумению, становились в «западном мире» весьма успешными предпринимателями. А тут, что называется, свой «бизнес-инкубатор».

Юрий Иванович сразу оценил эту идею, горячо её поддержал, но... Наши «хозяйственники» — назовём их «чистыми», но только по аналогии с «чистыми» дипломатами, — кому следовало заниматься этим СП, быстренько разобрались в ситуации и решили, что гораздо выгоднее привозить из Китая дешёвый ширпотреб, нежели что-то создавать... И если «первый транш» для работы предприятия Дроздову получить удалось, то на втором всё и застопорилось. Итог, как у О. Генри: «Трест, который лопнул».

Не всё, далеко не всё теперь уже получалось, но люди работали. Работали во имя Родины, за идею. Думаете, громкие слова? Но вот тому в подтверждение эпизод, описанный начальником разведки Шебаршиным. Леонид Владимирович вспоминал, как в 1990 году, в период горбачёвской «гласности», он выступал — руководителей обязали «быть ближе к народу» — на авиационном заводе «Знамя труда», некогда существовавшем в Москве:

«Зал набит до отказа... Град вопросов — от очень наивных до весьма непростых. Отвечаю честно, в меру своей осведомлённости.

Вопрос: „Сколько вы зарабатываете в месяц?“

Ответ: „Тысячу триста рублей“.

В зале раздаётся гул. Не могу понять, в чём дело, — видимо, сумма велика. Громкий голос из аудитории: „У нас столько слесарь может заработать!“ Вот, оказывается, что. А я-то думал, что мне хорошо платят»[\[311\]](#).

Пожалуй, тут Леонид Владимирович не совсем прав: просто слесарю, от чьей работы каждодневно зависела жизнь доброй сотни авиапассажиров, тоже хорошо платили. Это теперь зарплаты пролетариев не идут ни в какое сравнение с доходами чиновников, потому если кто-то получает «как слесарь», значит, ему вряд ли хорошо платят.

...А разведчики работали не за рубли и не за «зелёные», но потому, что это было нужно нашей Родине, народу. И работали достаточно результативно.

Вспоминает Герой Российской Федерации Юрий Анатольевич Шевченко:

«Я возвратился из одной из последних моих командировок и встретился с Юрием Ивановичем — он обязательно и отправлял, и принимал нелегалов.

И я ему докладывал: „ЦРУшники мне чётко рассказали, что будет... Во-первых, историческая роль Коммунистической партии исчерпана. Всё! Партия в ближайшее время загнётся. После этого ставится задача: первый этап — развал СССР на союзные республики. Распад будет начинаться с этих, с этих, с этих позиций — с помощью таких-то элементов. Вот такие-то возможности...“

Конкретно всё это я ему раскладывал!

„Вторым этапом будет уничтожение Российской Федерации. Есть план создания Северо-Волжской республики, Татарстан и среднее Поволжье — вторая республика, и Южно-Волжская республика. Запад и Юго-Запад отходят к нашим соседям. Север, так называемая Ингрия, и Карелия — ещё республика. Сибирь будет поделена между Китаем, Японией и США. Остаётся Российская Федерация в границах Московского княжества. Вот это будет Россия! Всё!“

Источником информации были знающие люди, кому была дана такая программа... Я докладывал Юрию Ивановичу устно — ведь все наши диссиденты со своими планами на этом фоне яйца выеденного не стоили! Хотя Горбачёв ещё что-то вякал об „исторических перспективах“, а

„легальные“ резидентуры по указанию „свыше“ собирали „положительные отклики“ на его выступления.

Я спросил: „Что делать? Это нас ждёт“. — „Юра, возьми бланк для документов особой важности и то, что ты мне сказал, сформулируй и красивым почерком напиши. Чтобы ни одна секретарша этого не печатала! Только от руки! И напиши: ‘Лично Генеральному секретарю ЦК КПСС’. Разведка не может такой документ направить — тебе, как нелегалу, даётся такое право, лично от себя направить документ, а мы поможем переслать“.

Юрий Иванович стоял на обороне государства — он ещё надеялся спасти страну в последний момент...

Генсек подсунул под клапанок-„подхалимчик“ маленькую бумажечку и расписался: „С документом ознакомлен. Горбачёв“. Чтобы письмо осталось у нас в архиве, но без его подписи. Паразит! Но он никогда не может сказать, что произошедшее было для него неожиданностью».

Разведчики, работавшие «в поле», знали о происходящем в стране гораздо лучше, нежели миллионы наших граждан, получавших из «зомбоящика» информацию о том, что «прогрессивная общественность» восхищается «перестройкой», очередными мирными инициативами СССР и «лично товарищем Горбачёвым», самым популярным мировым лидером по версиям авторитетных западных изданий, проплаченных из нашей казны. Нелегалы же черпали информацию из документов противника, снабжённых высшими грифами секретности и содержавших объективную информацию абсолютно иного толка. Они спешили сообщить в Центр о том, что им стало известно, но это воистину был «глас вопиющего в пустыне». Хотя писем таких было немало.

Шебаршин вспоминал, как Юрий Иванович передал ему одно из них:

«Дроздов смотрит на меня, на лице его нет привычной улыбки. Читаю: „...Предательство социализма... развал нашего государства... бездумные уступки Западу... предали союзников... не понятно, чем руководствуются в Кремле; люди ЦРУ в советских верхах... разлагается КГБ... куда смотрите вы?“ И спокойное: „Невыносимо тяжело наблюдать всё, что происходит в нашем Отечестве. Но вы можете быть уверены, что я выполню свой долг до конца“.

— Так что будем делать, Юрий Иванович? Председателю это письмо пошлём, пусть почитает, может быть, что-то Горбачёву процитирует... Нелегала надо успокоить: ещё ничего не потеряно, наша работа нужна Родине, ну и так далее, потеплее. Но что же будем делать, дорогой товарищ генерал? Куда мы катимся? Куда нас, как стадо баранов, ведут? Почему игнорируют нашу информацию — Крючков докладывает наверх, а там она

бесследно растворяется? <...>

Дроздов взрывается гневной тирадой — передо мной не руководитель нелегальной разведки, а офицер-фронтовик, до глубины души уязвлённый унижением своего Отечества. Мне понятно всё, что он говорит сдавленным, дрожащим от ярости голосом. У него нет главного — ответа на вопрос: „Что же делать?“

И у меня его нет. Надо работать, жить, надеяться, что пройдёт это наваждение, пройдёт с нашей помощью... И не верить кремлёвским свистунам»^[312].

Обратим внимание: Дроздов, не согласовывая ни с кем (а над ним — Шебаршин и Крючков), отправляет письмо нелегала Шевченко «на самый верх». Тут и его особый статус, им самим созданный, — мы давно заметили, что он любил бравировать своей независимостью, тут и его привычка к прямому общению с Андроповым. Шебаршин же вряд ли мог отправить письмо «через голову» Крюčkова — не потому, что боялся, а просто не имел такой возможности.

Книги следует читать внимательно. Вот Юрий Иванович писал:

«В начале 1990 г. руководство Первого Главного Управления ознакомило меня с аттестацией, вывод которой гласил, что в связи с „достижением предельного срока службы“ я подлежу увольнению в отставку. Шестьдесят пять лет. Действительно пора. За плечами 13 лет службы в Советской Армии, 35 лет в разведке, а всего 48 лет (или 53 года, с учётом льгот за особые условия работы). Можно и на покой. Но увольнение затянулось.

В начале мая 1991 г. этот вопрос был окончательно решен руководством. Я подал рапорт, в котором просил уволить меня по возрасту. 3 июня я последний раз встретился со всем коллективом нелегальной разведки, объявил о своём уходе, поблагодарил всех за службу и покинул подразделение, которому посвятил двадцать один год жизни»^[313].

Чтобы увольнение просто так затянулось более чем на год? Верится с трудом! Потому, наверное, и в Службе ходят разные предположения о том, из-за чего генерал Дроздов был вдруг уволен именно в июне 1991 года. Эти варианты мы приводить не будем, ограничившись рассказом Валерия Владимировича Попова:

«Причиной того, что Дроздов уволился, был разговор с Крючковым, и после этого разговора он был вынужден — именно вынужден! — уйти. Об этом он рассказал мне при нашей последней встрече, в самой последней беседе.

Сам я тогда, в 91-м, по его заданию находился за рубежом, работал в одной из резидентур, и не знал, что он ушёл фактически накануне известных событий.

Как он мне сказал, последней каплей для принятия такого решения была его личная встреча с Владимиром Александровичем. „Я не согласился с позицией и предложениями Крючкова по поводу спасения тогда Советского Союза. Не согласился! Я возразил, что есть другой способ, — и об этом способе сказал“.

Юрий Иванович мне уточнил: „Я категорически был против предложенного варианта тех событий, что, в итоге, произошли 19 августа. Я понял, что они не приведут ни к чему хорошему, зато они могли привести к гражданскому столкновению. Нужно было принимать совершенно иные меры! Владимир Александрович меня выслушал и сказал: ‘Ну, в таком случае, у нас разные пути’“.

Дроздов понял, что далее в КГБ ему оставаться бессмысленно, — и написал рапорт. Возраст и выслуга это ему позволяли — и он ушёл, чтобы не быть даже причастным к дальнейшим событиям... Его слова: „Остановить этот процесс я не мог, у меня не хватало полномочий и возможностей, услышать меня не услышали, а соучаствовать в этом я тоже не мог. И я ушёл“. Это был прямой ответ Юрия Ивановича на тот вопрос, который был ему мною задан».

Какой вариант был предложен Юрием Ивановичем, не знаем, предполагать и гадать опять-таки не станем.

Не знаем мы и того, что предлагал ему сделать Крючков, потому как «история ГКЧП» полна «белых пятен». В частности, рассказывая нам о событиях августа 1991 года, Владимир Александрович говорил, что Горбачёв не только был в курсе событий, но даже и «благословил» так называемых «путчистов»:

«18-го, когда к нему приехали наши товарищи, он узнал про идею ГКЧП и сказал: „Ну давайте, чёрт с вами, валяйте, действуйте“»^[314].

Но это уже совсем другая история.

И ещё несколько слов от Валерия Владимировича Попова:

«До августа 1991 года то, что мы „Вымпел“, — у нас в „Вымпеле“ никто не знал, кроме нескольких руководителей. Мы именовались ОУЦ, Отдельный учебный центр, — и всё! Только на праздновании десятилетия „Вымпела“, 19 августа 1991 года, отряду должны были вручить Боевое Знамя, где было написано: „Группа специального назначения ‘Вымпел’“. Все уже видели это Знамя, но его так и не вручили, потому как 19 августа начались события, в которых „Вымпел“, как известно, участия не

принимал...»

Глава 18. «Позывной» — «Патриарх»

Итак, служба завершена и нужно привыкать к новой жизни — процесс «весьма мучительного свойства», обычно долго продолжающийся. Процесс этот неизбежен, но острота его во многом зависит от того, чем занимается офицер после увольнения, как строит свою дальнейшую жизнь.

«Оказавшись не у дел, я добросовестно перекопал все грядки на даче, косил траву, возил тачками землю и навоз, пилил и рубил дрова, возился с машиной и никак не мог привыкнуть к избытку свободного времени. Жена с опаской смотрела на меня: надолго ли хватит. И придумывала всё новые и новые задания»^[315].

Пределно ясно: многие отставники занимаются именно этим (зачастую — только этим) делом. Но следующий абзац той же книги вновь ставит целый ряд безответных вопросов:

«3 августа 1991 г., видимо, перед подписанием Приказа об увольнении, меня принял и тепло простился Председатель КГБ СССР В. А. Крючков»^[316].

Юрий Иванович, насколько нам известно, был человеком до мозга костей военным. Как же он мог самоустраниться ещё до подписания приказа об увольнении и принялся возить на даче навоз?! Ведь получается, что ровно два месяца возил, номинально оставаясь начальником Управления «С», — с 3 июня, когда простился с коллективом, по 3 августа! Но так не бывает: только когда подписан приказ об увольнении и ты окончательно передал дела своему преемнику, ты становишься свободен — и тогда отправляйся на дачу или ещё куда хочешь. Оставить вверенный пост до приказа ты не имеешь права.

Что ж, недаром в лондонском журнале «Forbes» от 7 ноября 1994 года было дано такое описание внешности генерала Дроздова: «Он хорошо сложен, имеет военную выправку и серые жульнические глаза». (В своём дневнике писатель Святослав Юрьевич Рыбас дал схожую характеристику: «Обаятелен, хитёр и непонятен» — совпадение свидетельствует о верности определения.)

Есть подозрение, что человек с «жульническими глазами» несколько лукавил: вполне возможно, что 3 августа, чуть более чем за две недели до последней отчаянной попытки удержать в стране конституционный порядок, Крючков мог ещё раз предложить Дроздову всё-таки поддержать его планы. А может — и нет. Не знаем, ничего наверняка утверждать не

можем!

Прошло немного времени (хотя за этот период страна, как и предсказывалось, развалилась), и Юрий Иванович, всегда занимавший, как говорилось, «активную жизненную позицию», вновь взялся за серьёзную работу.

«Дома я не усидел. Новая жизнь позвала меня, как и многих других, закрутила и наполнила новыми заботами в Акционерном обществе „НАМАКОН“. Ничего не поделаешь. Хотелось бы, чтобы всё строилось с учётом прошлого на действительно равноправной и взаимовыгодной основе. Пока вроде получается...»^[317]

«НАМАКОН» — «Независимое Агентство Маркетинг и Консалтинг». Сам Юрий Иванович объяснял суть новой своей работы следующим образом:

«Нередко меня спрашивают: чем я занимаюсь сегодня? Всегда отвечаю: миром!

У меня же полем моей профессиональной деятельности всегда был весь мир. В моей памяти кроме тех стран, о которых я вам рассказал, и Огненная Земля, и Чили, и Новая Зеландия, и много-много других; в памяти люди, связанные с этими странами. Но вот какую парадоксальную вещь я хочу вам сказать... С точки зрения понимания целого ряда тонкостей в политических хитросплетениях мировой политики раньше, как ни странно, я был беднее, чем сейчас, потому что аналитикой занимался только по узким проблемам, касающимся меня непосредственно как руководителя данного направления. Поэтому рискну сказать, что работа в аналитическом центре, который я создал сразу после отставки в 1991 году, памятуя о 16-й главе американского наставления разведчикам „Использование открытых источников информации“, с точки зрения понимания обстановки в мире дала мне не меньше, чем управление советской нелегальной разведкой»^[318].

Мы не станем сейчас анализировать всю деятельность этого аналитического агентства и для начала ограничимся несколькими штрихами, позволяющими получить о нём общее представление.

Не всё пошло так гладко, как хотелось бы, и вот что писал тот же «Forbes»:

«Вначале Дроздов попытался готовить и продавать аналитические обзоры, подобные тем, какие КГБ писал для Политбюро. Никто, однако, не проявил к этому большого интереса. Тогда он попробовал приспособить западных партнеров к российской авиационной компании, которая

изготавливает диски для авиационных колес. Опять же не повезло. Затем, в прошлом году, в Лондонской газете „Файнэншл таймс“ появилось небольшое объявление, извещающее об образовании совместного предприятия, куда вошли дроздовская фирма „НАМАКОН“ и каннистараровская „Алексис Интернэшнл“. Объявление сообщало, что СП будет предоставлять помещения для офисов и осуществлять проверку российских партнеров по заказу западных компаний, заинтересованных в ведении бизнеса в России.

В августе, однако, СП практически прекратило свое существование из-за невозможности найти хоть одного клиента»^[319].

Жёстко. Но сам Юрий Иванович обвиняет в недобросовестности «американских товарищей», потому как штатовцы увидели в россиянах серьёзных конкурентов, а не, как они предполагали, младших партнёров, коими можно было бы успешно руководить в собственных интересах.

«Отношения постепенно заглохли, но опыт мы приобрели хороший. Мы получили поддержку со стороны российского бизнеса, для которого наши знания и опыт пригодились»^[320], — подвёл Дроздов итог несостоявшемуся сотрудничеству.

А сам он до конца связал свою жизнь с «НАМАКОНОм».

Вот что говорил нам генерал Яковлев:

«Практически двадцать пять лет его жизни посвящено было этой теме. Я последний раз был у него в „НАМАКОНе“, когда ему исполнилось семьдесят девять. Там отмечали. Он был уже такой слабенький...

В „НАМАКОНе“ у него было большое количество литературы. Он буквально до самых своих последних дней много читал и книги писал. Первая его книга, что он мне подарил, — „От Андропова до Путина“. Он любил аналитическую работу...»

Но, повторяем вновь и вновь, мы пишем не «житие», так что имеем право представлять и противоположные точки зрения. В частности, один опытнейший сотрудник Службы, кандидат наук, при всём его уважении к Дроздову высказался так:

«Когда в „НАМАКОНе“ стали писать все эти их книги — я попытался углубиться в анализ. Это оказалось настолько трудно! С моими всеми образованиями, с опытом — жизненным и оперативным — мне очень сложно это было читать. Заумное что-то!»

Будем объективны: подобную точку зрения нам приходилось слышать не от одного человека. Хотя другие люди дают этим книгам высокую оценку. Например:

«Это великий аналитик! В его трудах, особенно последних лет, я вижу глубочайшую способность правильно анализировать и даже прогнозировать многие вещи. Мне кажется, в этом отношении он непревзойдённый аналитик, потому что он умел анализировать, быстро принимать решения — и требовал от нас, от подчинённых, того же самого. Требовал нестандартного подхода к любой информации — уметь посмотреть с другой стороны, совершенно другими глазами. Он нам об этом говорил».

А вот что Рустамходжи Турдихужаевич сказал со всей образностью, присущей восточному человеку: «Он сидел в таком маленьком кабинете — а делал такую громадную работу!»

Ну да, анализировать современную политику — задача очень непростая. Но, по нашей информации, и когда он работал в «НАМАКОНе», кое-кто из его прежних «связей» продолжал доводить до него эксклюзивные сведения о происходящем.

Один знакомый даже сказал нам так:

«У Юрия Ивановича в „НАМАКОНе“ сбор информации был такой, что это было сравнимо с тем, словно бы он свой пост начальника нелегальной разведки не покидал...»

Дроздов знал многое. Так что в книгах его, несмотря, порой, на общую сложность восприятия, содержится немало глубоких мыслей и дельных идей, далеко не всегда соответствующих «официальной» точке зрения. (Хотя в государстве, официально отказавшемся от идеологии, говорить о таковой достаточно трудно.) Вот, например, хотя это и написано уже более десяти лет назад, но звучит весьма актуально — тем более сегодня:

«Теперь, когда становятся ещё более понятными как ошибки коммунистов, так и теоретическое и практическое бессилие их противников, всё убедительнее становится правота российских революционеров, свергнувших в 1917 году антинародный режим в России. Всё более очевидной становится правда „Манифеста Коммунистической партии“ К. Маркса и Ф. Энгельса, „Апрельских тезисов“ В. И. Ленина, „Вопросов ленинизма“ И. В. Сталина. Убеждаемся мы и в том, что путь к созданию нового мира не тротуар Невского проспекта, что он не усыпан розами. Изменяются формы борьбы за новое политическое и экономическое устройство общества, но сама борьба не прекращается. Посрамлёнными оказываются учёные и политики, возомнившие, что бедные и богатые, правители и бесправные нашли социальный консенсус и человечество обрело наконец социальный мир и духовную благодать»^[321].

Впрочем, как нам представляется, ещё сложнее, нежели

анализировать, было донести эти выводы до ушей тех, кому необходимо было к ним прислушаться.

Но если до кого-то нужно было «достукиваться», то гораздо большее количество людей сами обращались в «НАМАКОН» за консультациями и советами, делились своими проблемами, просили о помощи. Очевидно, помимо всего (а может — более всего), их притягивала личность самого Юрия Ивановича — человека из таинственного мира разведки, его авторитет, высочайшая компетентность.

Помнится, Дроздов нам как-то рассказывал:

«Один мне даже из Австралии писал: „Кто я, — спрашивал, — предатель, изменник — или просто участник войны?“ Ситуация у него была такая: парень, заброшенный с оперативной группой, остался один в живых, был взят немцами в плен, был истопником в том месте, где гитлеровцы содержали Власова... Но он всё-таки как-то связался с нашими, а потом был потерян руководителями группы, получив команду уходить с лжепартизанским отрядом на территорию Прибалтики и оттуда куда-то дальше... И всё! Его забыли, его потеряли... И ведь подобных случаев во время войны было немало».

Можно предположить, что Юрий Иванович темой Великой Отечественной войны занимался серьёзно — не только на уровне собственных воспоминаний, как многие ветераны-фронтовики.

Аарон Бенедиктович, в настоящее время известный историк, отметил:

«Я обратил внимание на то, что он хорошо владеет тематикой 22 июня 1941 года. В своих интервью он не раз и не два в открытую обвинял Соединённые Штаты в том, что они надавили на Гитлера поскорее напасть на СССР».

Что ж, интерес Дроздова к этой теме неудивителен: многие события современности уходят корнями в 1930–1940-е годы, так что заниматься политологией, не зная истории, просто невозможно. К сожалению, у нас это далеко не все понимают...

Непосредственно про тогдашнюю работу Юрия Ивановича нам рассказывала Елена Васильевна Кизимова, старший эксперт «НАМАКОНа». Педагог-математик, она в 1997 году приехала в Москву из Крыма, и её подруга, работавшая в агентстве, её туда привела, и она успешно вписалась в коллектив:

«Как расшифровывается „НАМАКОН“ — вы знаете. Маркетингом (грубо говоря, это продвижение продукта к покупателю. — А. Б.) мы там особо не занимались, в основном — аналитикой и консалтингом (консультирование руководителей и управленцев. — А. Б.). А вот

„независимое агентство“ — это абсолютно точно, потому как по любому обсуждаемому поводу каждый всегда высказывал своё мнение. Независимость доходила до абсолюта: все эксперты работали самостоятельно, никогда не было навязанного мнения со стороны руководителя или определённой трактовки в рамках каких-то установок.

Юрий Иванович собрал уникальную команду единомышленников. Это были люди, которые друг другу абсолютно доверяли, уважали друг друга бесконечно и были патриоты — чувство любви к Родине было развито в самом глубоком смысле. Какую бы работу они ни делали, все понимали, что это может быть та капля или штришок, который может на что-то повлиять, принести определённую пользу. Все, кто работал в компании, сознавали свою ответственность и работали на совесть.

Адресаты работы были самые разные: к нам обращались с запросами и государственные структуры, и частные компании. Определённой аудитории не было. Что-то публиковалось в газетах и журналах, если был такой запрос.

Безусловным лидером был Юрий Иванович — человек огромнейшей эрудиции, который был в состоянии разбираться в большущем количестве вопросов и направлений и в политике, и в экономике. К тому же он всегда мог найти в своём окружении человека, компетентного в любой сфере».

Юрий Иванович был не просто «грамотным управленцем», знающим, где взять информацию или к кому за таковой обратиться, он и сам постоянно набирался знаний. Вот что вспоминал Сергей Сергеевич:

«Мы, наверное, то ли в последний, то ли в предпоследний раз приехали в „НАМАКОН“ его поздравлять с днём рождения, и он просит: „Вы займитесь биткоином, это же такая серьёзная тема, и государственного значения, и оперативного — может быть“. Он уже об этом что-то прочитал и даже сформулировал ряд вопросов для того, чтобы эту тему двинуть дальше.

Человеку было под девяносто, а такая тема привлекла его внимание! Ум у него был живой — не случайно же он написал все эти свои книги, и в соавторстве, и самостоятельно. Он постоянно трудился».

Это подтверждает и Елена Васильевна:

«Меня всегда восхищало, какое огромное количество информации он был в состоянии обработать! Он читал — и всё действительно запоминал. В пятницу мы с ним что-то обсуждали, а в понедельник он мог сказать: „Елена Васильевна, а что там...“ — и буквально продолжать разговор с того же места. „Подождите, Юрий Иванович! Я должна посмотреть, что у меня...“ У него всё во всём было очень чётко, даже на рабочем столе всегда

всё было разложено строго по своим местам: тут — ручка, там — скрепки... Когда пыль вытирали, я говорила: „Юрий Иванович, простите, я вашу икебану нарушаю. И восстановить её по памяти не могу — даже напрягаться не буду!“ Конечно, всё со смехом, но привычка у него такая была: всегда идеальный порядок на столе.

К нам он относился с большой долей лояльности, потому что прекрасно знал, что у тех, кто работает в его команде, ненормированный рабочий день. Можем прийти на работу когда нужно — понятно, в рамках разумного, но если есть дело, то человек работает и двадцать четыре часа в сутки. А голова у всех постоянно работала. То есть и в плане организации труда — всё было чётко, никто никогда не мог подвести. Команда у нас была восхитительная! Другой такой коллектив, как был в „НАМАКОНе“, сложно найти!»

Ещё раз отметим воистину трепетное, душевное отношение Юрия Ивановича к людям. Людмила Ивановна вспоминает такой тяжёлый момент:

«Когда он работал в „НАМАКОНе“, там умерла женщина-секретарь, и её похороны были одновременно с похоронами моего мужа — и он не смог прийти к нам, был у неё».

Есть разница: прощание с заслуженным разведчиком-нелегалом и со скромным, как говорится, секретарём. Дроздов посчитал, что ему лучше присутствовать на вторых похоронах, со своим теперешним коллективом. Думается, полковник Виталий Алексеевич Нуйкин его бы понял и одобрил...

После того как Юрий Иванович перешёл, так сказать, в новое качество и сделал себя (именно так!) публичным человеком, он стал в полной мере пользоваться тем, что Антуан де Сент-Экзюпери назвал «главной роскошью» — человеческим общением. Двери «НАМАКОНа» были открыты практически для всех, и здесь нередко могли появиться совершенно как бы случайные люди, чем-то привлечённые, чем-то заинтересованные.

Агентство находилось в центре Москвы — на Большой Полянке, одной из главных улиц Замоскворечья, дом 50. Часто в офисе раздавались звонки по внутреннему телефону: «Простите, проходили мимо, увидели... А у вас можно купить книгу? Можно у Юрия Ивановича взять автограф?» — «Да, пожалуйста!» Теперь он был абсолютно открыт для людей — и люди были в восторге.

Понятно, больше было неслучайных посетителей, порой люди ехали к Дроздову за многие тысячи километров.

Однажды, например, в конце 1990-х к нему приехали морские пехотинцы Тихоокеанского флота, с острова Русский; ехали не то в Севастополь, не то в Петербург, но специально сделали остановку в Москве, чтобы зайти в «НАМАКОН» и приобрести книги. Юрий Иванович долго расспрашивал морпехов о службе, о состоянии армии, а потом подарил им такую «библиотеку», что возникло опасение, пустят ли их с таким багажом в самолёт...

Но иногда случалось, пусть и нечасто, что кто-то очень желал попасть к Дроздову, всячески к нему просился, набивался, но встретиться с ним так и не смог. У Юрия Ивановича была развита интуиция, и, доверяя ей, он решительно отказывался от некоторых встреч, никому ничего не объясняя. И если уж он сказал «нет», то значит «нет» — без вариантов.

И вот ещё что отмечала Елена Васильевна Кизимова:

«Меня всегда потрясало, с какой любовью и заботой относился Юрий Иванович к ребятам из „Вымпела“. Как учитель к ученикам, точнее — к своему первому выпуску. Его сильно волновало — как они живут, как у них всё складывается. Он переживал, когда у кого-то что-то не получалось. Дверь для них у него всегда была открыта...»

Поэтому, кстати, когда в очередной раз произошёл «облом» с представлением на присвоение звания Героя Алексею Николаевичу Ботяну, обратились именно к нему. Кто конкретно, не знаем, — не то наиболее заслуженные ветераны, не то, что не исключается, и само руководство Службы.

Имя Алексея Николаевича не раз уже встречалось на страницах нашей книги, говорили мы и о том, что ему в своё время не присвоили звание Героя Советского Союза, хотя он вполне мог бы стать и дважды Героем.

Первое представление было отправлено в Москву из действовавшего в немецком тылу разведывательно-диверсионного отряда «Олимп» сентябре 1943 года — после того как был взорван гебитскомиссариат в городе Овруче. Очевидно, самолёт, что вёз это представление, был сбит, но в отряд о том не сообщили. В январе 1945-го Ботян уничтожил огромный склад взрывчатки, подготовленный для подрыва плотин водохранилища на реке Дунаец — последующий разлив Вислы мог задержать наступление советских войск и нанести серьёзный вред Кракову. Но тогда уже представлять Алексея Николаевича к званию Героя не стали, не зная, что первое представление утрачено, — думали, оно бродит по «властным» кабинетам, какой смысл новое направлять? Нужно только немного подождать... Отдать должное герою его бывшие командиры вознамерились в 1965 году, к двадцатилетию Великой Победы, — собрали необходимые

документы, но опоздали подать их с таким расчётом, чтобы всё было оформлено к 9 Мая...

Ботян, разумеется, служил не для наград, хотя, очевидно, в глубине души обида была. Да и сослуживцы понимали, что он явно обойдён вниманием властей предрежащих — так же как, кстати, и Юрий Иванович в декабре 1979 года.

В 2006 году руководством Службы внешней разведки было принято решение представить Алексея Николаевича к званию Героя России — чтобы он получил «Золотую Звезду» к своему девяностолетию, 10 февраля 2007 года.

О дальнейшем развитии событий нам рассказал Пал Палыч — кажется, его все знают, представлять не имеет смысла:

«Мы написали письмо в Управление делами президента, мы написали в Наградное управление... Пришёл ответ, что, мол, „военнослужащим Польской армии звание Герой России не присваивается“».

Не будем пояснять, что глупость человеческая (тем более — чиновничья) не имеет границ. Ботян, родившийся в Минской губернии в последние дни существования Российской империи, оказался после советско-польской войны на территории, отошедшей к Польше, — ему тогда было три года. В двадцать один он по призыву попал в Польскую армию, стал капралом зенитной артиллерии и в самый первый день Второй мировой войны «завалил» «юнкерс» со свастикой на киле. И что, это — препятствие для получения Звезды Героя России?!

Пал Палыч продолжает рассказ:

«Как раз в это самое время к Юрию Ивановичу обратился... точно не знаю кто, попросивший помочь ему сделать газету... Дроздов предложил нам подействовать, и вышел первый номер газеты „Безопасность и Мир“.

В этом же номере был опубликован большой, на целую полосу, очерк к 90-летию Ботяна — „Алёша“, таков был его партизанский псевдоним.

Десять экземпляров этого номера мы отдали в Управление делами президента. Так как Путин лично знал Дроздова, то ему эту газету положили на стол. Ну и Юрий Иванович, кажется, тогда сам с ним связался...

В результате 7 мая 2007 года, перед Днём Победы, президент вручил Ботяну давно заслуженную им „Золотую Звезду“. А ту чиновницу, что пыталась проявить не то остроумие, не то патриотизм, — уволили».

Ещё один яркий штрих к портрету генерала Дроздова, который пользовался высочайшим авторитетом на самом различном уровне. Причём, когда в прошлое ушёл его должностной авторитет (бывший

руководитель начальником быть перестаёт), это никак не повлияло на его личностный авторитет. Поэтому, кстати, когда в 2010 году из-за предательства из США была выдворена группа наших нелегалов, то каждый из них вскоре после приезда в Москву посетил «НАМАКОН», где имел с Юрием Ивановичем продолжительную беседу с глазу на глаз...

Отметим и то, что для себя Дроздов «Золотой Звезды» ни у кого не просил и не заявлял, как порой бывает: «Мне не дали, чего я для кого-то стараться буду?»

В 1994 году московское издательство «ВлаДар», давно уже несуществующее, выпустило тиражом пять тысяч экземпляров (по тем временам не самым большим, а ныне чуть ли не фантастическим) книгу Юрия Ивановича «Нужная работа. Записки разведчика», где он рассказал о своей деятельности — в том числе и в качестве начальника Управления «С». Немного, но всё-таки...

Впрочем, об этой своей должности Дроздов стал писать и говорить ещё раньше. Так, в предисловии к воспоминаниям он написал: «После публикации статьи „Нелегал“ в газете „Труд“ (2 июня 1992 г.) ко мне обратились российские и зарубежные журналисты с просьбой рассказать о работе разведки в СССР. <...>

...У меня возникло желание в допустимых пределах рассказать российским читателям о своей работе. Всё рассказать я не могу. Не настало время. О многих событиях, в которых я участвовал, написали другие. И тем не менее рассказ непосредственного участника, а иногда организатора, надеюсь, будет интересен.

Я долго колебался, имею ли я право поведать о пережитом. Думаю, что имею. Бывшие и нынешние руководители довольно откровенно обнажили страницы „особой папки“. Наши недавние противники и бывшие партнёры открыто пишут об осуществлённом в СНГ демонтаже бывших разведывательных структур...»^[322]

Юрий Иванович оказался первым «расшифрованным» руководителем нелегальной разведки: книга его предшественника генерала Кирпиченко «Из архива разведчика» вышла в 1993 году (после того как друзья выразили Вадиму Алексеевичу своё удивление: какой это у разведчика архив? — последующие издания назывались «Разведка: лица и личности»); генерал Виталий Григорьевич Павлов в своих мемуарах вообще обошёл эту тему. Книга Т. К. Гладкова «Коротков» была выпущена в серии «ЖЗЛ» только в 2005 году. Других руководителей Управления «С» мы вообще не знаем.

Итак, в 1994 году вышла «Нужная работа», в 1997 году переизданная издательством «Альманах „Вымпел“» в расширенном и дополненном виде

под названием «Вымысел исключён. Записки начальника нелегальной разведки». Затем книга переиздавалась много раз, привлекая неизменный читательский интерес и вызывая полярные оценки по самому факту своего появления.

Ведь, с одной стороны, о любых достижениях Советского Союза рассказывать надо, ибо люди, считающие, что человечество должно существовать в глобалистском обществе, где ничтожный процент «элиты» эксплуатирует всё и вся, категорически отрицают любые положительные моменты советской истории, стараются стереть саму память о ней, не стесняются откровенной лжи и глупости. Поэтому честная книга о работе внешней разведки КГБ СССР (той организации, которой усиленно пугают и детей и взрослых) имеет особую ценность для сохранения объективной картины прошлого.

Но есть и иная сторона. От нескольких собеседников — читатель уже имеет представление, что это серьёзные и уважаемые люди, — мы слышали мнение, что Юрий Иванович не имел права писать такую книгу. Вот, в частности, что сказал один из наших хороших знакомых:

«Книги „Вымысел исключён“ и „Нужная работа“ не то чтобы вредные, но не нужны они! Известно, что нелегальной разведки ни в какой стране не было — они в ней не нуждались. Наша страна, так сказать, на заре своего существования, когда у неё ни с кем не было никаких дипломатических отношений, проводить разведку с легальных позиций не могла — потому и появилась наша нелегальная разведка.

Никто из предыдущих начальников Управления „С“ об этой работе не писал... Нет, я не могу упрекнуть Юрия Ивановича в том, что он раскрывает секреты! Но коим-то образом приоткрывает какие-то методические начала... Я говорю как человек, который сам был советником по этой линии у одной дружественной нам разведки. На мой взгляд, при глубококом, внимательном прочтении что-то можно понять.

Поэтому, очевидно, писать на эту тему никто не решался — ни Коротков, ни другие... Воспоминания оставил Кирпиченко, но это другое дело! Он арабист, очень успешно работал на Ближнем Востоке... А тут — раскрывать механизм, какие-то „винтики“, „жернова“ нелегальной разведки... Не надо было этого делать!

Я преклоняюсь перед этим человеком — он много сделал. Но в конце пути появилось любование собой. При этом я не говорю, что у него завышенная самооценка, и мы все действительно высоко ценили Юрия Ивановича, и не мне вам объяснять, за что... Человек много сделавший, но не однозначный!»

И ещё более жёсткая оценка другого ветерана: «Постулаты нелегальной разведки — зачем же ты, провозвестник их, сам же нарушаешь?»

Но вот Анатолий Дмитриевич, начальник одного из территориальных управлений, генерал-майор, — кажется, мы его уже упоминали — рассуждает так:

«Мы спрашиваем, не переоцениваем ли мы роль Юрия Ивановича в отдельных моментах? Говорим, что не надо делать из него икону. Не переоценивается ли его роль при штурме дворца Амина, при создании „Вымпела“? Многие товарищи считают, что роль его большая, но не главенствующая. Они имеют право на свою точку зрения.

Мне Дроздов не раз говорил, что напрасно его „поднимают“. Я возражал: „Юрий Иванович! Во всякой отрасли, а нелегальная разведка — тоже отрасль, должен быть кто-то, с кого следует брать пример. Если вы скажете, с кого, — мы переключимся завтра же! Но люди вашего окружения, нормальные люди, побывавшие во многих ситуациях, считают, что именно вы таким примером являетесь. Не кумиром, не звездой, не вождём — именно примером. Из этого мы и исходим. А если какие-то перехлёсты идут — мы их подправим“. Он согласился.

Некоторые наши товарищи говорят, что его роль чуточку переоценивается, но я этого не вижу».

Вот такие бытуют точки зрения — и не нам быть «третьим судьёй».

В 1999 году «Альманах „Вымпел“» выпустил книгу «Операция „Шторм-333“», в которую вошли воспоминания (скорее, даже документальные повести) самого Дроздова с тем же названием «Шторм-333» и «Мы были первыми (Афганистан-79)» Валерия Николаевича Курилова — она уже знакома читателям по 12-й главе нашего повествования...

Собственные книги — это, признаем, безумно приятно. Но Юрий Иванович не замыкался в своих успехах, а готов был помочь в творческом плане своим бывшим подчинённым и боевым товарищам.

В 1995 году министр госбезопасности Грузии генерал-лейтенант Гиоргадзе уехал в Москву, превратившись в политического эмигранта. Он служил в КГБ Грузинской ССР, окончил КУОС, воевал в Афганистане в составе отряда «Каскад-1»... Чем заниматься интеллигентному человеку в эмиграции? Традиционно — взяться за перо, что Игорь Пантелеймонович и сделал, решив написать сценарий телесериала.

«Я написал синопсис фильма о нелегальной разведке, затем набрался смелости — и пришёл к Юрию Ивановичу за „благословением“ и советом.

В моём сценарии вымысел переплетался с действительностью, он носил такой полудокументальный характер... Я ему прямо сказал, что не считаю себя вправе описывать без согласования с ним какие-то специфические вещи по нелегальной разведке. Так мне представились возможность и счастье общаться с Юрием Ивановичем. К сожалению, это уже получился не очень продолжительный по времени период...

Дроздов был человеком огромного внутреннего достоинства, высочайшего уровня профессионализма. При общении с ним складывалось впечатление, что он, во-первых, всё о тебе знает, а во-вторых, сразу же располагает тебя к себе. Он не опускал какого-то занавеса — был абсолютно честен. У меня комок к горлу от гордости и счастья подкатил, когда он прочитал синопсис, пожал мне руку и сказал: „Спасибо!“ Он, что называется, „дал добро“. Я не стал наглеть и спрашивать: „А если мне понадобится?..“ — то есть пытаться превращать его в консультанта. Однако я попросил: „Юрий Иванович, разрешите сделать с вами интервью, чтобы предварить им фильм!“ Ну, помните, как интервью Абеля перед фильмом „Мёртвый сезон“? Он ответил: „Ты знаешь, я уже столько интервью в своей жизни дал, что хватит с меня...“ Я заметил, что состояние у него уже было не совсем, и понял, что он не хотел, чтобы это на экран пошло. Хотя у него было абсолютно чёткое сознание, сохранялась великолепная память, была прекрасно поставленная речь — всё у него было в порядке, но уже ощущалось внутреннее состояние болезненности.

После этого мы встречались ещё раз три-четыре, и у меня остались о нём самые светлые, самые чистые, самые настоящие и самые профессиональные воспоминания!»

Дроздов умел притягивать к себе людей (неотъемлемое качество опытного агента). Там же, в доме 50 на Большой Полянке, располагалась мастерская художника Студии военных художников имени Грекова Юрия Алексеевича Бирюкова, и между ними быстро установились дружеские отношения.

Вспоминает Юрий Алексеевич:

«Когда я с ним познакомился, я не знал, кто это. Но меня с самого начала поразила его внешность. Он был необычен! От этого человека исходила спокойная, уверенная сила. Он никогда не повышал голос, всё было тихо-спокойно, по-домашнему, но это был удивительный человек!

Меня что в нём подкупало? Он никогда не лез с какими-то вопросами, но у меня у самого вдруг возникало желание чего-нибудь ему рассказать или спросить его мнение о чём-то. Есть такие священники, настоящие батюшки, и тебе действительно хочется чего-то спросить у этого батюшки,

как у отца. Юрий Иванович, на мой взгляд, был сродни именно таким батюшкам...

В общении с ним была какая-то домашность. Зайдёшь — сидит человек, пишет что-то, что-то читает. Какой-то уют, именно домашность. И в тех людях, что с ним работали, никогда не было никакого пафоса. Человек случайный никогда и ни за что бы не подумал, что это — умнейшие люди страны. Простые люди, спокойные — и простые отношения.

Подкупала его врождённая интеллигентность — таких людей по жизни я встречал буквально несколько человек. Это словно была какая-то отдельная планета! Казалось, вокруг него было какое-то поле, и ты не специально что-то пытаешься узнать, но разговоры касаются каких-то тем, и тебе интересно, и ты говоришь: „Юрий Иванович, а это что такое?“ А он тебе просто направление даст, где думать и, соответственно, потом какая-то информация приходит, и ты удивляешься: „Ёлки-палки, а почему я сам до этого не дошёл?“

Каких-то конъюнктурных просьб у меня к нему никогда не было. Просто хотелось порой спросить совета: „Вот такая ситуация, как мне быть?“ Обычно он отвечал примерно так: „Ты сам подумай! Ситуация может быть такой, может — такой, а может и так развернётся“. И ты уже сам начинаешь в этой парадигме думать... Не замечая, что тут какое-то воспитание идёт, ненавязчивое, и я ему за это очень благодарен».

А ещё, вспоминает Бирюков, он был находчивым и остроумным человеком.

Юрий Алексеевич рассказал, как 21 февраля 2008 года его пригласил на открытие своей выставки разведчик и художник Павел Георгиевич Громушкин. В то время Бирюков выполнял большую работу, никуда не выезжал, а тут Сергей Присекин^{147} попросил его не стричься и не подстригать бороду — ему для одной из композиций нужен был «натурный материал». Как сказал сам Бирюков, вид у него был дикий, но отказаться от приглашения он не мог... И вот его рассказ:

«Когда я пришёл на выставку, то увидел Юрия Ивановича — он возвышался над публикой и махал мне рукой. Я прошёл сквозь толпу — журналисты, коллеги... И тут Дроздов, с кем мы за неделю до того встречались, обнимает меня и говорит: „Дорогой ты мой, сколько лет!“ Понимаю, что нужно подыгрывать: „Да, Юрий Иванович, да, много...“ — „Когда прибыл?“ Вроде обо всём и ни о чём. По толпе — шёпот: „Кто это? Кто? Много лет не был... Его человек! Откуда он?“ „Так ты когда прибыл?“ — „Три дня назад!“ — „В понедельник — ко мне!“ — „Есть!“

Дроздов поворачивается к людям и с сияющими глазами заявляет: „Вы не представляете, кто это! Скорее всего, этого вы никогда и не узнаете“. Тут толпа окончательно уже потеряла рассудок! Он говорит: „Извините, дорогие мои, можно, мы отойдём? Я этого человека не видел много лет, нам нужно переброситься парой фраз“. Все: „Да-да-да! Конечно! Конечно!“

Мы отходим. „Юрий Иванович, что случилось?“ — „Прости, я никак не мог уйти, меня люди ждут — а ты как раз дал мне повод... Иначе меня не отпускают!“

Это было настолько естественно, что никакой актёр так не сыграет!»

Вне всякого сомнения, после окончания службы круг общения Юрия Ивановича не то что существенно изменился — скорее, сильно расширился.

Нельзя не вспомнить воистину хрестоматийную (не раз описана в прессе) встречу Дроздова и «группы товарищей» с американскими коллегами, которые в завершение беседы сказали: «Знали бы вы, ребята, какие у нас разведывательные позиции в руководстве вашей страны!» Слышать это было больно и обидно — особенно потому, что все понимали, что это именно так.

Но эти как бы дружеские «контакты коллег», великолепно отображённые в фильме «На Дерибасовской хорошая погода...», давно ушли в историю.

Зато Юрий Иванович стал гораздо ближе общаться и с бывшими своими подчинёнными, кому, порой проехав для этого через всю Москву, было гораздо проще «зайти на огонёк» в «НАМАКОН», нежели ранее «заглянуть» в кабинет начальника «С»; и с прессой, для которой он был закрыт и неизвестен, и со многими другими людьми самых разных профессий и направлений деятельности.

Особые отношения неожиданно сложились у него с детьми. Всё началось с того, что ветераны «Вымпела» создали для детей сотрудников военно-спортивный патриотический клуб «Эдельвейс», решив таким образом познакомить ребят с тем, чем занимаются их отцы. Довольно скоро стало ясно, что двадцать — тридцать человек — масштаб не тот, нужна сеть подобных клубов по всей стране, а руководить ею из Москвы будет Военно-патриотический центр «Вымпел». Задача центра — организация лагерей, проведение экспедиций, в которых могли бы участвовать не только «свои» дети, но и все желающие. Нашлись энтузиасты — дело пошло.

Рассказывает руководитель ВПЦ «Вымпел» полковник Святослав Дмитриевич Омельченко:

«Мы взяли за основу методики подготовки личного состава

Президентского полка, „Вымпела“, „Альфы“ — и адаптировали это под детей. Я противник „армейщины“ — не люблю, когда детей напрягают. Я им говорю: „У нас — чекистские лагеря. Строй есть строй, а так — нормальное общение“. Как у нас в „Вымпеле“ — по имени, по отчеству, без щёлканья каблуками. И так же у нас в лагере. Из полка мы взяли дисциплину и порядок. Что касается „Вымпела“ — взяли все подготовки, которые были у нас, к чему нас готовили — и горная подготовка, и десантная... Программу делали от простого к сложному.

Что дети особенно любили — это походы, и уже на второй, на третий день они в поход уходили. Перед этим применяли специальные тренинги, что брали ещё с КУОС — самые „изюминки“, на их основании сделали свою программу, названную „Специальный комплексный тренинг“, где один боец ничего не может сделать. Только групповое всё, только командой. Были интересные мероприятия, интересная программа — и это ребят объединяло.

За какие-то две недели в лагере мы давали больше, чем ребёнок получал в своём клубе за год».

«Вымпеловская» сеть действует сейчас по всей стране, о ней можно долго рассказывать, а мы коснулись этой темы потому, что к созданию и деятельности Центра приложил руку и генерал Дроздов.

Вспоминает Святослав Дмитриевич:

«С этой идеей я обратился к Юрию Ивановичу — после того как он уволился. Он выслушал меня внимательно и серьёзно к этому отнёсся. Идею поддержал, дал какие-то советы и порекомендовал, чтобы я ещё раз как следует всё продумал. Потом, когда я выносил эту идею, я попросил Дроздова возглавить попечительский совет. „Да какой я...“ — „Но имя! И потом, те советы, что вы даёте, — как раз это нам и нужно“.

Я приходил к нему один-два раза в месяц, докладывал о наших программах, о том, как всё идёт, развивается, — он меня внимательно выслушивал. На этих встречах к тому же он мне как будто лекции читал о том, что происходит в мире, делал для меня какие-то выдержки, где держал в поле зрения детское направление. Так что он создавал не только боевой „Вымпел“, но и детский „Вымпел“ и долгие годы направлял его работу в правильное русло.

Помню, он сказал: „Святослав! Ни в коем случае не брать ни копейки от зарубежа! Иначе — втянут. Дадут копейку, а потом всё сделают, чтобы запятнать это дело“. Потому никаких связей с границей у нас не было, хотя попытки были.

Центр набирал силу, Дроздов этому радовался и сводил меня с

интересными людьми; например — с Вартанянами. Я и так дружил с Ботяном, но Юрий Иванович советовал, какие задачи с ним — ну и с другими — конкретно решать. Он передавал мне своих знакомых, которые и сейчас помогают мне работать, сводил с нашими вымпеловцами — ему же было известно, кто какие вопросы знает, кто в чём может помочь, и меня консультировал...»

Юрий Иванович привлекал к себе интересных людей, и понятно, что и между этими людьми возникали свои контакты — и деловые, и личные. Так, ветераны «Вымпела» заказали художнику Бирюкову портрет Юрия Ивановича для своего музея — к профессиональному празднику, 20 декабря 2002 года.

О дальнейшем развитии событий рассказывает сам Юрий Алексеевич:

«Не считаю этот портрет окончательно удачным, потому как времени не было, чтобы его довести. Так что, когда портрет открывали, я страшно волновался — думал, сейчас позорища не оберёшься. Открываем портрет, народ ликует, а Юрий Иванович меня обнимает и говорит на ухо: „Знаешь, никто меня никогда не писал. Для меня это настолько необычно — но приятно! Спасибо, Юра!“».

В книге отзывов этого музея Дроздов написал тогда такие слова:

«Время наше сегодня трудное и тревожное, но достойное для наблюдений глазами художника и для рук творца. Всё сделанное да пусть разбредётся по русской земле, осядет в домах и семьях, напоминая о событиях и людях периода сменяющихся эпох».

А вскоре Юрий Иванович попросил Бирюкова написать портрет Людмилы Александровны. У неё тогда начались проблемы со здоровьем, и Дроздов честно сказал, что боится её потерять... (Всё, однако, получилось наоборот, он ушёл первым.)

Рассказывает художник Бирюков:

«Он принёс мне чёрно-белую фотографию. Я когда набросал, в цвете раскрыл — показал Юрию Ивановичу. „Откуда ты взял цвет плаща?“ — „У меня такое ощущение...“ Приходит он в понедельник, приносит мне старый-старый плащ, висевший где-то на даче, отворачивает воротник, там, где не выцвело, — тот самый цвет! Тут уже я глаза вытаращил...»

Он приехал ко мне через два дня после того, как я передал ему портрет, и рассказал: „Ушли дети, внуки, правнуки, остались мы вдвоём, я её на что-то отвлек, достал портрет, поставил цветы, зажёл свечи, налил бокалу шампанского, она заходит — и я ей открыл портрет... Мы всю ночь просидели с ней, до утра, держали друг друга за руки, и ощущение было такое же, как когда мы только-только познакомились. Это ни с чем не

сравнить!“ Они словно бы вернулись в свою молодость».

Наши собеседники не раз говорили, что Юрий Иванович относился к Людмиле Александровне трогательно и с большой любовью.

Вот, в частности, что вспоминала Елена Васильевна Кизимова:

«Для Юрия Ивановича очень много значила семья — не в том смысле, как для наших власть имущих, а в совершенно ином. Он чувствовал огромную ответственность за сыновей, внуков — но не в плане опеки, которой не было. От излишней папиной опеки его дети не страдали, это точно — они самостоятельные люди, и для него это был принципиальный вопрос.

Недаром Юрий Иванович повторял: „Дети — цветы жизни, и расти они должны на улице“.

И нельзя не сказать про нежные, трогательные отношения с внучкой Настей...»

Один из наших знакомых повторил фразу, сказанную ему Анастасией:

«Дед никогда меня не воспитывал — я просто у него училась. Я всегда старалась быть рядом с ним, и я очень много слушала своего деда».

«Она много впитала от Юрия Ивановича», — подтвердил наш собеседник.

Возвращаемся к рассказу Елены Васильевны:

«Для Юрия Ивановича и Людмилы Александровны характерно было стремление никого не обременить. Они не позволяли себе быть обузой для кого-то даже в каких-то малых бытовых вещах. Команда „НАМАКОНа“ всегда была готова помочь Юрию Ивановичу в любых вопросах — просто даже сходить в магазин. Человеку за восемьдесят, это не так-то и легко. Но он не соглашался, хотя мы бы с радостью побежали — нет, ходит, всё купит сам. Ему вообще было не присуще желание заставить кого-то что-то за него сделать...»

Он сохранял самостоятельность до последнего. Поэтому, кстати, некоторым казалось, что у него с детьми сложные отношения. Нет! Это было уважительное отношение, когда родителями уважается свободное жизненное пространство своих детей. Хотя, быть может, иногда это было обидно детям, потому как им хочется проявить свою заботу о родителях... В общем, такая палка о двух концах! Но это была их правда, было их правило. Дети — сами, мы — сами. Вот такой кремень, и таких людей я больше не знаю! Понятно, что если какая-то сложная ситуация — семья собирается и помогает друг другу...»

Действительно, когда мы разговаривали с одним из сыновей Юрия Ивановича, то нам было сказано так: «У отца — своя жизнь, у меня —

своя».

Но многие ли из нас могут многое, простите за тавтологию, рассказать о своих родителях? Проблема «отцы и дети» не нами придумана, она весьма многосторонняя...

И вот что ещё рассказала Елена Васильевна:

«Нас всегда восхищали его отношения с Людмилой Александровной! Это было не просто огромное уважение — это любовь огромная, настоящая любовь, которая, мне кажется, не исчезла до последних дней. Это было восхитительно! На одном уважении такие отношения не строятся.

Не было дня, чтобы Юрий Иванович пришёл на работу и не позвонил Людмиле Александровне, что он доехал. Был также обязательный звонок перед тем, как он выходит, — он должен был сообщить, что вышел с работы. Причём он всегда звонил со стационарного телефона — и жена его примерно знала, когда он придет, когда должен быть дома. Это безоговорочно!»

Кстати, сказанное вполне согласуется с той характеристикой, которую дал своей супруге сам Юрий Иванович, назвав её «прямой, честной, немного резкой, отзывчивой, но непреклонной»^[323].

Наверное, и хватит о личной жизни Юрия Ивановича? Не это ведь для читателя главное.

Хотя всё то, что мы могли рассказать и что можно рассказать, — кажется, уже сказано.

Валерий Владимирович Попов встретился с Юрием Ивановичем перед самым его уходом, и, понимая это, Дроздов был с ним предельно (но не до конца, потому как нельзя!) откровенным:

«В мой последний визит к нему в госпиталь мы проговорили более двух с половиной часов. Разговор был абсолютно профессиональным. Он с этой целью меня и пригласил».

Кое-что из этого разговора помещено в нашей книге.

Самым последним, кто навестил Юрия Ивановича в больничной палате, после Попова, был Герой Советского Союза Эвальд Григорьевич Козлов. Их разговор был недолгим, где-то с четверть часа, но что именно сказал тогда Дроздов, знает только его собеседник...

Юрий Иванович Дроздов скончался 21 июня 2017 года.

«Когда Юрия Ивановича хоронили, — рассказывает Бирюков, — я ребятам задал вопрос: „Когда был арестован Абель?“ Это тоже последствия его воздействия: какие-то факты, если порознь, они „ни о чём“, а если ты начинаешь анализировать, то бывает — накладываются один на другой, возникают какие-то параллели. „Ну, где-то в конце 50-х...“ Я говорю: „21

июня 1957 года. А Юрия Ивановича не стало 21 июня 2017 года! Ровно через шестьдесят лет — день в день!“ У нас мурашки по спине пошли... Что это? Такие вещи, которые объяснить никак нельзя».

Валерий Владимирович Попов говорит так:

«Не помню, кто это сказал, когда мы с Юрием Ивановичем прощались, что он был ювелиром. Не в смысле огранки алмазов или золотых изделий, а с точки зрения огранки информации — как аналитик. И конечно, он для нас — Патриарх, потому что именно он, никто другой, создал в Службе внешней разведки разведку специального назначения. Тому есть история и предыстория, но именно он сумел в нужный момент, в нужное время и с теми людьми, с кем можно было решить этот вопрос, — его решить...

Я называл его „крёстным отцом“, потому что когда-то он не просто направил меня на выполнение боевой задачи, но именно благословил... Для нас, спецназовцев, его „позывной“ — „Патриарх“. Он действительно Патриарх разведки специального назначения. Это его термин, он его придумал и реализовал в период своей службы, и реализация эта выразилась в создании группы специального назначения „Вымпел“, ОУЦ КГБ СССР — так было „залегандировано“ его название. Это детище Юрия Ивановича, и эти два имени — Дроздов и „Вымпел“ — неразрывно вошли в историю».

Основные даты жизни и деятельности Ю. И. Дроздова

1925, 19 сентября — Юрий Иванович Дроздов родился в Минске, в семье красного командира.

1937 — семья Дроздовых переехала в Харьков.

1940, 1 сентября — начало учёбы в Артиллерийской спецшколе № 14 в Харькове.

1941 — с началом Великой Отечественной войны спецшкола эвакуирована в Актюбинск.

1943, 18 июля — Юрий Дроздов призван в ряды РККА и направлен на учёбу в 1-е Ленинградское Краснознамённое артиллерийское училище им. Красного Октября в город Энгельс Саратовской области.

1944, декабрь — окончил 1-е ЛАУ, присвоено воинское звание «младший лейтенант», направлен в действующую армию.

1945, 15 января — назначен командиром огневого взвода 57-го отдельного гвардейского истребительного противотанкового дивизиона 52-й гвардейской стрелковой Рижской ордена Ленина и ордена Суворова дивизии 1-го Белорусского фронта. С этого дня официально считается его «пребывание на фронтах Великой Отечественной войны».

Конец января — находился в полевом госпитале; знакомство с Людмилой Александровной Юденич.

21 апреля — 2 мая — бои в Берлине; гвардии младший лейтенант Дроздов награждён орденом Красной Звезды.

1945–1952 — служба в артиллерийских частях Группы советских оккупационных войск в Германии и Прибалтийского военного округа.

1952–1956 — учёба в Военном институте иностранных языков Советской армии.

1956–1957 — учёба в Институте иностранных языков КГБ при СМ СССР.

1957, август — 1963, август — служба в Аппарате Уполномоченного КГБ по координации и связи с МГБ ГДР.

1962, 10 февраля — под «легендой» «кузена Дривса» принимает участие в обмене американского пилота Пауэрса на советского разведчика Р. И. Абея.

1963, сентябрь — 1964, лето — обучение на Курсах

усовершенствования оперативного состава.

1964, август — назначен главным резидентом в Китае.

Декабрь — первая встреча с Ю. В. Андроповым.

1968 — возвратился из Китая; назначен заместителем начальника Управления «С» — нелегальная разведка.

1974, 23 мая — присвоено воинское звание «генерал-майор».

1975, август — назначен на должность главного резидента в Нью-Йорке.

1979, октябрь — возвратился в Москву после долгосрочной заграничной командировки в США.

14 ноября — утверждён в должности начальника Управления «С» ПГУ КГБ СССР.

18 декабря — вылетел в Афганистан.

27 декабря — штурм президентского дворца Тадж-Бек в Кабуле.

1981, 19 августа — создание Группы особого назначения КГБ СССР «Вымпел».

1991, июнь — уволен в отставку по возрасту.

1992 — создание независимого агентства «НАМАКОН».

1994 — вышла первая книга «Нужная работа. Записки разведчика».

2017, 21 июня — скончался в Москве. Похоронен на Троекуровском кладбище.

Награждён орденами Ленина, Октябрьской Революции, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и многими медалями, нагрудными знаками «Почётный сотрудник госбезопасности», «За службу в разведке».

Литература

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997, 2005.

Дроздов Ю. И. Нужная работа: Записки разведчика. М., 1994.

Дроздов Ю. И., Илларионов С. И. Россия и глобализация. М., 2010.

Дроздов Ю. И., Курилов В. Н. Операция «Шторм-333». М., 1999.

Дроздов Ю. И., Фартышев В. И. Юрий Андропов и Владимир Путин: На пути к возрождению. М., 2001.

Андропов в воспоминаниях и оценках соратников и сослуживцев. М., 2011.

Антонов В. С., Карпов В. Н. Нелегальная разведка. М., 2007.

Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н. Утаённые страницы советской истории. Кн. 2. М., 2011.

Бондаренко А. Ю. Герой России Алексей Козлов: «Хочу обратно на нелегальную работу!» // Красная звезда. 2009. 19 декабря.

Бондаренко А. Ю. Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009.

Бондаренко А. Ю. Разведка: герои и предатели // Красная звезда. 2000. 25 января.

Витковский А. Д. СССР против США: Тайная война сверхдержав. М., 2012.

Вольф М. Игра на чужом поле: Тридцать лет во главе разведки. М., 1998.

Гладков Т. К. Коротков. М., 2005.

Гордиевский О. А. Следующая остановка — расстрел. М., 1999.

Григорьев Б. Н. Повседневная жизнь советского разведчика. М., 2004.

Дамаскин И. А. Разведка и вожди: От Ленина до Путина. М., 2012.

Донован Дж. Незнакомцы на мосту: Дело полковника Абея. М., 1992.

Егиазарова И. «Мы все в ответе за нашу страну». VIP-Premier, 2016.

История 1-го Ленинградского артиллерийского ордена Ленина Краснознамённого училища имени Красного Октября; Краткий очерк. Л., 1957.

История Российской внешней разведки: Очерки. М., 2014. Т. V, VI.

Казанская О. Юрий Дроздов, он же барон Хоэнштайн, он же нацист Дривс, он же кузен Рудольфа Абея // Профиль. № 10.

Капитонов К. А. Египтолог из внешней разведки. М., 2008.

Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998.

- Кобяков Ю. Агент «Федора» // Совершенно секретно. 2010. Приложение № 004.
- Козин Н. Д. Гвардейцы в боях. Барнаул, 1975.
- Колпакиди А. И., Лемехов О. И. Главный противник: ЦРУ против России. М., 2002.
- Кротков Б. «Я принимал у агента присягу на верность фюреру»: Откровения главного советского разведчика-нелегала // Российская газета — Неделя. 2007. 31 августа. № 4454.
- Крючков В. А. Личное дело. Часть первая. М., 1997.
КУОС. 50. М., 2019.
- Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. М., 1995.
- Мартынов В. Явка в Копенгагене: Записки нелегала. М., 1998.
- Мэнголд Т. Цепной пёс «холодной войны». М., 2001.
- Павлов В. Г. «Сезам, откройся!» М., 1999.
- Панцов А. В. Дэн Сяопин. М., 2013.
- Панцов А. В. Мао Цзэдун. М., 2007.
- Прохоров Д. П., Лемехов О. И. Перебежчики: Заочно расстреляны. М., 2001.
- Пыхалов И. В. Спецслужбы США. М., 2002.
- Пятков В. К., Белов К. С., Фролов С. С. Третья Ударная: Боевой путь 3-й Ударной армии. М., 1976.
- Рассекречено внешней разведкой. М., 2003.
- Рыбас С. Ю. Си Цзиньпин. М., 2019.
- Семанов С. Н. Андропов: 7 тайн генсека с Лубянки. М., 2001.
- Семёнов Я. Ф. «Действуй по плану!» // Завтра. 2015. Март. № 9 (1110).
- Снегирёв В. Н. Генерал невидимого фронта. М., 2016.
- Уайз Д. Охота на «кротов». М., 1994.
- Фельфе Х. Мемуары разведчика. М., 1988.
- Хуфельшульте Е., Лудвиг Е. К переполоху в спецслужбах Германии. Руководство Пуллаха в смятении // Кто есть кто. 1995. Сентябрь. № 16.
- Цветков А. И., Суродин В. И. Вся жизнь — атака. М., 2010.
- Цветков А. И., Суродин В. И. Герои особого назначения. М., 2015.
- Черкашин В. И., Файфер Г. В поисках агента: Записки разведчика. М., 2014.
- Шаваев А. Г. Галерея шпионажа. М., 2009.
- Шебаршин Л. В. Из жизни начальника разведки. М., 1997.
- Шебаршин Л. В. Рука Москвы: Записки начальника советской разведки. М., 1992.
- Шевченко Г. Сын за отца // Совершенно секретно. 2010. Приложение

№ 004.

Широнин В. С. КГБ — ЦРУ: Секретные пружины перестройки. М., 1997.

Эрли П. Признания шпиона: Подлинная история Олдрича Эймса. М., 1998.

Ютов В. И. Спецподразделение «Каскад». М., 1999.

Яковлев М. И. 17 лет в Китае. М., 1981.

Над книгой работали

Редактор *Е. В. Смирнова*

Художественный редактор *А. С. Козаченко*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректор *Т. И. Маляренко*

Издательство АО «Молодая гвардия»

<http://gvardiya.ru>

Электронная версия книги подготовлена компанией Webkniga.ru, 2022

notes

Примечания

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 28.

Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия:
Библиографический справочник. Именные списки. 1769–1920. М., 2004.

Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 145.

Антонов В. С. Генерал особого назначения // Независимое военное обозрение. 2017. 7–13 июля. № 24.

Егiazарова И. «Мы все в ответе за нашу страну». VIP-Premier, 2016.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 28.

Политический словарь. М., 1940. С. 617.

Егiazарова И. «Мы все в ответе за нашу страну». VIP-Premier, 2016.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 29, 30.

Бондаренко А. Ю. Первый орден генерала Дроздова // Красная звезда.
2015. 18 сентября.

Буров В. А. Блокада день за днём. Л., 1979. С. 28, 29.

История 1-го Ленинградского артиллерийского ордена Ленина Краснознамённого училища имени Красного Октября: Краткий очерк. Л., 1957. С. 95.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 30.

История 1-го Ленинградского артиллерийского ордена Ленина Краснознамённого училища имени Красного Октября: Краткий очерк. Л., 1957. С. 82.

Политический словарь. М., 1940. С. 373.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 30.

Семёнов Г. Г. Наступает Ударная. М., 1986. С. 230, 231.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 31.

Козин Н. Д. Гвардейцы в боях. Барнаул, 1975. С. 169.

Пантюхов Г. Г. Люди одной дивизии: Боевой путь 52-й гвардейской орденов Ленина, Кутузова и Суворова стрелковой дивизии. 1941–1945 гг. М., 1977. С. 180, 181.

Козин Н. Д. Гвардейцы в боях. Барнаул, 1975. С. 178.

Пятков В. К., Белов К. С., Фролов С. С. Третья Ударная: Боевой путь 3-й Ударной армии. М., 1976. С. 172–174.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 3 т. М., 1990. 10-е изд. Т. 3. С. 233, 234.

Козин Н. Д. Гвардейцы в боях. Барнаул, 1975. С. 204.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 30.

Козин Н. Д. Гвардейцы в боях. Барнаул, 1975. С. 206.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 30.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 31.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 31.

Дамаскин И. А. Разведка и вожди: От Ленина до Путина. М., 2012. С. 242.

Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 150.

Гладков Т. К. Коротков. М., 2005. С. 442.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 35.

Григорьев Б. Н. Повседневная жизнь советского разведчика. М., 2004.
С. 218.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 36.

Ермаков Н. А. Дело Рудольфа Абея // История Российской внешней разведки: Очерки. М., 2014. Т. V. С. 160.

Бондаренко А. Ю. Владимир Крючков: «Я сделал всё, что мог, чтобы спасти державу» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 15.

Донован Дж. Незнакомцы на мосту: Дело полковника Абея. М., 1992.
С. 92.

Донован Дж. Незнакомцы на мосту: Дело полковника Абея. М., 1992.
С. 92.

Наливайко Б. Я. Операция «Альтглиннике-Брюкке» // Рассекречено внешней разведкой. М., 2003. С. 116, 117.

Ермаков Н. А. Дело Рудольфа Абея // История Российской внешней разведки: Очерки. М., 2014. Т. V. С. 161.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 47.

ТВ «Россия».

ТВ «Россия».

ТВ «Россия».

Витковский А. Д. СССР против США: Тайная война сверхдержав. М., 2012. С. 141, 142.

ТВ «Россия».

Витковский А. Д. СССР против США: Тайная война сверхдержав. М., 2012. С. 142.

Казанская О. Юрий Дроздов, он же барон Хоэнштайн, он же нацист Дривс, он же кузен Рудольфа Абеля // Профиль. 1996. № 10.

Ермаков Н. А. Дело Рудольфа Абея // История Российской внешней разведки: Очерки. М., 2014. Т. V. С. 174.

Донован Дж. Незнакомцы на мосту: Дело полковника Абея. М., 1992.
С. 296.

Наливайко Б. Я. Операция «Альтглиннике-Брюкке» // Рассекречено внешней разведкой. М., 2003. С. 116, 120, 121.

Донован Дж. Незнакомцы на мосту: Дело полковника Абея. М., 1992.
С. 318.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 52.

Донован Дж. Незнакомцы на мосту: Дело полковника Абея. М., 1992.
С. 334.

Наливайко Б. Я. Операция «Альтглиннике-Брюкке» // Рассекречено внешней разведкой. М., 2003. С. 128, 129.

ТВ «Россия».

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 52.

Кротков Б. «Я принимал у агента присягу на верность фюреру»: Откровения главного советского разведчика-нелегала // Российская газета — Неделя. 2007. 31 августа. № 4454.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 53.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 53.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 47.

Крючков В. А. Личное дело. 1997. Ч. 1. С. 102.

Панцов А. В. Дэн Сяопин. М., 2013. С. 279.

Панцов А. В. Мао Цзэдун. М., 2007. С. 556.

Кротков Б. «Я принимал у агента присягу на верность фюреру»: Откровения главного советского разведчика-нелегала // Российская газета — Неделя. 2007. 31 августа. № 4454.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 47.

Дамаскин И. А. Разведка и вожди: От Ленина до Путина. М., 2012. С. 287.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 60.

Панцов А. В. Мао Цзэдун. М., 2007. С. 661.

Телеканал «RT».

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 61.

Семанов С. Н. Андропов: 7 тайн генсека с Лубянки. М., 2001. С. 51.

Телеканал «RT».

ТВ «Россия».

Телеканал «RT».

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 67.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 67.

ТВ «Россия».

Панцов А. В. Дэн Сяопин. М., 2013. С. 281.

Панцов А. В. Мао Цзэдун. М., 2007. С. 670, 671.

Шаваев А. Г. Галерея шпионажа. М., 2009. С. 139.

Рыбас С. Ю. Си Цзиньпин. М., 2019. С. 98.

Телеканал «RT».

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 62, 63.

Яковлев М. И. 17 лет в Китае. М., 1981. С. 221.

Панцов А. В. Мао Цзэдун. М., 2007. С. 692.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 63.

Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 157.

Семанов С. Н. Андропов: 7 тайн генсека с Лубянки. М., 2001. С. 45.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 64.

Телеканал «RT».

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 67, 68.

Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 137, 138.

Дроздов Ю. И. Ю. В. Андропов и нелегальная разведка // Андропов в воспоминаниях и оценках соратников и сослуживцев. М., 2011. С. 136, 137.

Гордиевский О. А. Следующая остановка — расстрел. М., 1999. С. 87.

Вольф М. Игра на чужом поле: Тридцать лет во главе разведки. М., 1998. С. 118.

Бондаренко А. Ю. Маркус Вольф: «Большинство немцев понимают значение России для Германии и её будущего» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 84.

Бондаренко А. Ю. Маркус Вольф: «Большинство немцев понимают значение России для Германии и её будущего» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 84.

Павлов В. Г. «Сезам, откройся!». М., 1999. С. 46.

Фельфе Х. Мемуары разведчика. М., 1988. С. 169.

Хуфельшulte Е., Лудвиг Е. К переполоху в спецслужбах Германии: Руководство Пуллаха в смятении // Кто есть кто. 1995. Сентябрь. № 16.

Сибирский Б. Н. Атомные сценарии НАТО на столе разведки // История Российской внешней разведки: Очерки. М., 2014. Т. VI. С. 66.

Кротков Б. «Я принимал у агента присягу на верность фюреру»: Откровения главного советского разведчика-нелегала // Российская газета — Неделя. 2007. 31 августа. № 4454.

Хуфельшulte Е., Лудвиг Е. К переполоху в спецслужбах Германии: Руководство Пуллаха в смятении // Кто есть кто. 1995. Сентябрь. № 16.

Кротков Б. «Я принимал у агента присягу на верность фюреру»: Откровения главного советского разведчика-нелегала // Российская газета — Неделя. 2007. 31 августа. № 4454.

Хуфельшulte Е., Лудвиг Е. К переполоху в спецслужбах Германии: Руководство Пуллаха в смятении // Кто есть кто. 1995. Сентябрь. № 16.

Прохоров Д. П., Лемехов О. И. Перебежчики: Заочно расстреляны. М., 2001. С. 319, 320.

Прохоров Д. П., Лемехов О. И. Перебежчики: Заочно расстреляны. М., 2001. С. 220.

Бондаренко А. Ю. Владимир Мартынов: «Если разведчик начинает стрелять...» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 174.

Григорьев Б. Н. Повседневная жизнь советского разведчика. М., 2004.
С. 228.

Мартынов В. Явка в Копенгагене: Записки нелегала. М., 1998. С. 441, 443, 444.

Антонов В. С., Карпов В. Н. Нелегальная разведка. М., 2007. С. 314.

Гордиевский О. А. Следующая остановка — расстрел. М., 1999. С. 193.

Прохоров Д. П., Лемехов О. И. Перебежчики: Заочно расстреляны. М., 2001. С. 323.

Гордиевский О. А. Следующая остановка — расстрел. М., 1999. С. 193, 194.

Бондаренко А. Ю. Герой России Алексей Козлов: «Хочу обратно на нелегальную работу!» // Красная звезда. 2009. 19 декабря.

Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н. Утаённые страницы советской истории. М., 2011. Кн. 2. С. 375.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 271.

Бондаренко А. Ю. Разведка: герои и предатели // Красная звезда. 2000.
25 января.

Гордиевский О. А. Следующая остановка — расстрел. М., 1999. С. 182.

Бондаренко А. Ю. Владимир Мартынов: «Если разведчик начинает стрелять...» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 181.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 271, 272.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 271, 272.

Гордиевский О. А. Следующая остановка — расстрел. М., 1999. С. 477.

Там же. С. 236.

Бондаренко А. Ю. Разведка: герои и предатели // Красная звезда. 2000.
25 января.

Бондаренко А. Ю. Владимир Мартынов: «Если разведчик начинает стрелять...» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 182.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 272.

Бондаренко А. Ю. Юрий Дроздов: «Он был из тех, с кем близко сходишься и трудно расстаёшься» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 54.

Капитонов К. А. Египтолог из внешней разведки. М., 2008. С. 206.

Дамаскин И. А. Разведка и вожди: От Ленина до Путина. М., 2012. С. 309.

Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 144.

Бондаренко А. Ю. Вадим Кирпиченко: «Разведка — дело профессионалов» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 46, 47.

Бондаренко А. Ю. Юрий Дроздов: «Он был из тех, с кем близко сходишься и трудно расстаёшься» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 54, 55.

Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 147.

Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 148.

Чаковский А. Б. Победа. М., 1985. Кн. 3. С. 376, 377.

Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 145.

Крючков В. А. Личное дело. М., 1997. Ч. 1. С. 97, 98.

Крючков В. А. Личное дело. М., 1997. Ч. 1. С. 98.

Бондаренко А. Ю. Николай Леонов: «Мы верили ему, не опасаясь подвоха» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 79.

Дроздов Ю. И. Ю. В. Андропов и нелегальная разведка // Андропов в воспоминаниях и оценках соратников и сослуживцев. М., 2011. С. 129.

Бондаренко А. Ю. Юрий Дроздов: «Он был из тех, с кем близко сходишься и трудно расстаёшься» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 55.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 72, 73.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 73.

Капитонов К. А. Египтолог из внешней разведки. М., 2008. С. 103.

Бондаренко А.Ю. Вадим Кирпиченко: «Разведка — дело профессионалов» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 47, 48.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 73.

Григорьев Б. Н. Повседневная жизнь советского разведчика. М., 2004.
С. 172, 173.

Эрли П. Признания шпиона: Подлинная история Олдрича Эймса. М., 1998. С. 101.

Григорьев Б. Н. Повседневная жизнь советского разведчика. М., 2004.
С. 172.

Черкашин В. И., Файфер Г. В поисках агента: Записки разведчика. М., 2014. С. 113.

Снегирёв В. Н. Генерал невидимого фронта. М., 2016. С. 65.

Снегирёв В. Н. Генерал невидимого фронта. М., 2016. С. 68.

Эрли П. Признания шпиона: Подлинная история Олдрича Эймса. М., 1998. С. 71.

Эрли П. Признания шпиона: Подлинная история Олдрича Эймса. М., 1998. С. 71.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 74.

Эрли П. Признания шпиона: Подлинная история Олдрича Эймса. М., 1998. С. 90.

Колпакиди А. И., Лемехов О. И. Главный противник: ЦРУ против России. М., 2002. С. 308.

Прохоров Д. П., Лемехов О. И. Перебежчики: Заочно расстреляны. М., 2001. С. 219.

Григорьев Б. Н. Повседневная жизнь советского разведчика. М., 2004.
С. 357.

Мэнголд Т. Цепной пёс «холодной войны». М., 2001. С. 190.

Черкашин В. И., Файфер Г. В поисках агента: Записки разведчика. М., 2014. С. 113.

Колпакиди А. И., Лемехов О. И. Главный противник: ЦРУ против России. М., 2002. С. 308.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 32.

Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. М., 1987.
Т. 1. С. 812.

Снегирёв В. Н. Генерал невидимого фронта. М., 2016. С. 89, 90.

Прохоров Д. П., Лемехов О. И. Перебежчики: Заочно расстреляны. М., 2001. С. 235, 236.

Мэнголд Т. Цепной пёс «холодной войны». М., 2001. С. 190.

Снегирёв В. Н. Генерал невидимого фронта. М., 2016. С. 90.

Кобяков Ю. Агент «Федора» // Совершенно секретно. 2010.
Приложение № 004.

Уайз Д. Охота на «кротов». М., 1994. С. 158.

Снегирёв В. Н. Генерал невидимого фронта. М., 2016. С. 90.

Уайз Д. Охота на «кротов». М., 1994. С. 158.

Прохоров Д. П., Лемехов О. И. Перебежчики: Заочно расстреляны. М., 2001. С. 236.

Черкашин В. И., Файфер Г. В поисках агента: Записки разведчика. М., 2014. С. 111, 112.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 76.

Пыхалов И. В. Спецслужбы США. М., 2002. С. 219, 220.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 77.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 78.

Эрли П. Признания шпиона: Подлинная история Олдрича Эймса. М., 1998. С. 72.

Шевченко Г. Сын за отца // Совершенно секретно. 2010. Приложение № 004.

Снегирёв В. Н. Генерал невидимого фронта. М., 2016. С. 41.

Эрли П. Признания шпиона: Подлинная история Олдрича Эймса. М., 1998. С. 86.

Дроздов Ю. И. Ю. В. Андропов и нелегальная разведка // Андропов в воспоминаниях и оценках соратников и сослуживцев. М., 2011. С. 130.

Кротков Б. «Я принимал у агента присягу на верность фюреру»: Откровения главного советского разведчика-нелегала // Российская газета — Неделя. 2007. 31 августа. № 4454.

Крючков В. А. Личное дело. М., 1997. Ч. 1. С. 99.

Шевченко Г. Сын за отца // Совершенно секретно. 2010. Приложение № 004.

ТВ «Россия».

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 80.

Эрли П. Признания шпиона: Подлинная история Олдрича Эймса. М., 1998. С. 85.

Дроздов Ю. И. Ю. В. Андропов и нелегальная разведка // Андропов в воспоминаниях и оценках соратников и сослуживцев. М., 2011. С. 130.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 80.

Дроздов Ю. И. Ю. В. Андропов и нелегальная разведка // Андропов в воспоминаниях и оценках соратников и сослуживцев. М., 2011. С. 130.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 81.

Кротков Б. «Я принимал у агента присягу на верность фюреру»: Откровения главного советского разведчика-нелегала // Российская газета — Неделя. 2007. 31 августа. № 4454.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 80.

Крючков В. А. Личное дело. М., 1997. Ч. 1. С. 136, 137.

Черкашин В. И., Файфер Г. В поисках агента: Записки разведчика. М., 2014. С. 139, 140.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 84.

Дроздов Ю.И. Ю. В. Андропов и нелегальная разведка // Андропов в воспоминаниях и оценках соратников и сослуживцев. М., 2011. С. 134.

203

Телеканал «RT».

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 187, 188.

205

ТВ «Россия».

Широнин В. С. КГБ — ЦРУ: Секретные пружины перестройки. М., 1997. С. 131.

*Дроздов Ю. И., Фартышев В. И. Юрий Андропов и Владимир Путин:
На пути к возрождению. М., 2001. С. 30.*

Дроздов Ю. И., Курилов В. Н. Операция «Шторм-333». М., 1999. С. 7.

(Электронный ресурс). URL: <https://www.litmir.me/br/?b=250989&p=41>

Дроздов Ю. И., Курилов В. Н. Операция «Шторм-333». М., 1999. С. 250.

(Электронный ресурс). URL: <https://www.litmir.me/br/?b=250989&p=40>

Дроздов Ю. И., Курилов В. Н. Операция «Шторм-333». М., 1999. С. 32.

Бондаренко А. Ю. Юрий Дроздов: «Он был из тех, с кем близко сходишься и трудно расстаёшься» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 57.

Бондаренко А. Ю. Вадим Кирпиченко: «Разведка — дело профессионалов» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 49.

Бондаренко А. Ю. Владимир Шебаршин: «В конфликт был ввязан весь мир» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 248.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 197.

Семёнов Я. Ф. «Действуй по плану!» // Завтра. 2015. Март. № 9 (1110).

KYOC. 50. M., 2019. C. 37.

Цветков А. И., Суродин В. И. Герои особого назначения. М., 2015. С. 141.

Дроздов Ю. И., Курилов В. Н. Операция «Шторм-333». М., 1999. С. 250.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 201.

Дроздов Ю. И., Курилов В. Н. Операция «Шторм-333». М., 1999. С. 30.

Семёнов Я. Ф. «Действуй по плану!» // Завтра. 2015. Март. № 9 (1110).

Бондаренко А. Ю. Александр Голубев: «Потом нам сказали: „Забудьте, где были и что делали!“» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 242.

Цветков А. И., Суродин В. И. Герои особого назначения. М., 2015. С. 141.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 208.

Цветков А. И., Суродин В. И. Вся жизнь — атака. М., 2010. С. 72.

Бондаренко А. Ю. Александр Голубев: «Потом нам сказали: „Забудьте, где были и что делали!“» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 242.

Семёнов Я. Ф. «Действуй по плану!» // Завтра. 2015. Март. № 9 (1110).

Бондаренко А. Ю. Александр Голубев: «Потом нам сказали: „Забудьте, где были и что делали!“» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 242, 243.

Дроздов Ю. И., Курилов В. Н. Операция «Шторм-333». М., 1999. С. 279.

(Электронный ресурс). URL: <https://www.litmir.me/br/?b=250989&p=46>

Дроздов Ю. И., Курилов В. Н. Операция «Шторм-333». М., 1999. С. 50.

Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 144.

Семёнов Я. Ф. «Действуй по плану!» // Завтра. 2015. Март. № 9 (1110).

(Электронный ресурс). URL: <https://www.litmir.me/br/?b=250989&p=46>

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 216.

Дроздов Ю. И., Курилов В. Н. Операция «Шторм-333». М., 1999. С. 7.

239

ТВ «Россия».

(Электронный ресурс). URL: <https://www.litmir.me/br/?b=250989&p=47>

Дроздов Ю. И., Курилов В. Н. Операция «Шторм-333». М., 1999. С. 70.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 216.

(Электронный ресурс). URL: <https://www.litmir.me/br/?b=250989&p=47>

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 231.

Капитонов К. А. Египтолог из внешней разведки. М., 2008. С. 122.

Телеканал «RT».

Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 355.

Телеканал «RT».

ТВ «Россия».

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 186.

Крючков В. А. Личное дело. М., 1997. Ч. 1. С. 143.

Гордиевский О. А. Следующая остановка — расстрел. М., 1999. С. 136.

Бондаренко А. Ю. Лонсдейл, Блейк и другие // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 156, 157.

Дроздов Ю. И. Ю. В. Андропов и нелегальная разведка // Андропов в воспоминаниях и оценках соратников и сослуживцев. М., 2011. С. 136, 137.

Эрли П. Признания шпиона: Подлинная история Олдрича Эймса. М., 1998. С. 191.

Кротков Б. «Я принимал у агента присягу на верность фюреру»: Откровения главного советского разведчика-нелегала // Российская газета — Неделя. 2007. 31 августа. № 4454.

Шебаршин Л. В. Из жизни начальника разведки. М., 1997. С. 26.

Крючков В. А. Личное дело. М., 1997. Ч. 1. С. 130.

Шебаршин Л. В. Рука Москвы: Записки начальника советской разведки. М., 1992. С. 166.

Бондаренко А. Ю. Владимир Шебаршин: «В конфликт был ввязан весь мир» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 245.

Прохоров Д. П., Лемехов О. И. Перебежчики: Заочно расстреляны. М., 2001. С. 358, 359.

Шебаршин Л. В. Рука Москвы: Записки начальника советской разведки. М., 1992. С. 166.

Прохоров Д. П., Лемехов О. И. Перебежчики: Заочно расстреляны. М., 2001. С. 359.

Дроздов Ю. И. Ю. В. Андропов и нелегальная разведка // Андропов в воспоминаниях и оценках соратников и сослуживцев. М., 2011. С. 140, 141.

Матонин Е. В. Сидней Рейли. М., 2018. С. 232.

Бондаренко А. Ю. Герой России Алексей Козлов: «Хочу обратно на нелегальную работу!» // Красная звезда. 2009. 19 декабря.

Григорьев Б. Н. Повседневная жизнь советского разведчика. М., 2004.
С. 228.

Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 147.

Бондаренко А. Ю. Геворк Вартанян: «Я всегда лез в самое пекло — к спецслужбам» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 120.

Дроздов Ю. И. Ю. В. Андропов и нелегальная разведка // Андропов в воспоминаниях и оценках соратников и сослуживцев. М., 2011. С. 128, 129.

Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н. Утаённые страницы советской истории. М., 2011. Кн. 2. С. 374.

Бондаренко А. Ю. Владимир Шебаршин: «В конфликт был ввязан весь мир» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 251.

Телеканал «RT».

Шебаршин Л. В. Рука Москвы: Записки начальника советской разведки. М., 1992. С. 167.

Яковлев М. И. 17 лет в Китае. М., 1981. С. 301.

Панцов А. В. Дэн Сяопин. М., 2013. С. 401.

Панцов А. В. Дэн Сяопин. М., 2013. С. 401.

Бондаренко А. Ю. Геворк Вартанян: «Я всегда лез в самое пекло — к спецслужбам» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 133, 134.

Дроздов Ю. И. Ю. В. Андропов и нелегальная разведка // Андропов в воспоминаниях и оценках соратников и сослуживцев. М., 2011. С. 142.

Бондаренко А. Ю. Юрий Дроздов: «Он был из тех, с кем близко сходишься и трудно расстаёшься» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 58.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 163.

Дроздов Ю. И. Нужная работа: Записки разведчика. М., 1994. С. 126.

Цветков А. И., Суродин В. И. Вся жизнь — атака. М., 2010. С. 59.

KYOC. 50. M., 2019. C. 28.

Цветков А. И., Суродин В. И. Вся жизнь — атака. М., 2010. С. 140.

KYOC. 50. M., 2019. C. 29.

Ютов В. И. Спецподразделение «Каскад». М., 1999. С. 19.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 2005. С. 172.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 169.

Дроздов Ю. И. Ю. В. Андропов и нелегальная разведка // Андропов в воспоминаниях и оценках соратников и сослуживцев. М., 2011. С. 145.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 162.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 102, 103.

Дроздов Ю. И. Нужная работа: Записки разведчика. М., 1994. С. 98.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 103.

Бондаренко А. Ю. История любви в контексте нелегальной разведки // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 142, 143.

Бондаренко А. Ю. Геворк Вартанян: «Я всегда лез в самое пекло — к спецслужбам» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 119.

Фельфе Х. Мемуары разведчика. М., 1988. С. 294.

Бондаренко А. Ю. Герой России Алексей Козлов: «Хочу обратно на нелегальную работу!» // Красная звезда. 2009. 19 декабря.

Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 183.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 69.

Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 144.

Крючков В. А. Личное дело. М., 1997. Ч. 1. С. 133.

Бондаренко А. Ю. Вадим Кирпиченко: «Разведка — дело профессионалов» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 48.

Дроздов Ю. И. Нужная работа: Записки разведчика. М., 1994. С. 170.

Прохоров Д. П., Лемехов О. И. Перебежчики: Заочно расстреляны. М., 2001. С. 319, 320.

Эрли П. Признания шпиона: Подлинная история Олдрича Эймса. М., 1998. С. 215.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 2005. С. 280.

Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 186, 187.

Крючков В. А. Личное дело. М., 1997. Ч. 1. С. 427.

Шебаршин Л. В. Из жизни начальника разведки. М., 1997. С. 27.

Шебаршин Л. В. Рука Москвы: Записки начальника советской разведки. М., 1992. С. 228.

Шебаршин Л. В. Из жизни начальника разведки. М., 1997. С. 28, 29.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 313.

Бондаренко А. Ю. Владимир Крючков: «Я сделал всё, что мог, чтобы спасти державу» // Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 23.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 313.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 313.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 315, 316.

Дроздов Ю. И. Ю. В. Андропов и нелегальная разведка // Андропов в воспоминаниях и оценках соратников и сослуживцев. М., 2011. С. 153, 154.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 317.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 318.

Дроздов Ю. И., Илларионов С. И. Россия и глобализация. М., 2010. С. 366.

Дроздов Ю. И. Нужная работа: Записки разведчика. М., 1994. С. 5, 9.

323

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 1997. С. 31.

comments

Примечания редакции

1

Хельмут Карл Бернхард фон Мольтке Старший, граф (1800–1891) — германский генерал-фельдмаршал, военный теоретик.

Владимир Сергеевич Антонов (1943–2020) — полковник Службы внешней разведки, писатель.

Виктор Иванович Хохряков (1913–1986) — советский российский актёр, театральный режиссёр, мастер художественного слова (чтец). Народный артист СССР (1973), лауреат двух Сталинских премий (1949, 1951).

Артур Христианович Артузов (Фраучи; 1891–1937) — руководитель внешней разведки в 1931–1935 годах.

Борис Ефимович Стекляр (1923–2018) — участник Великой Отечественной войны, полковник КГБ СССР.

Сарпінка — лёгкая хлопчатобумажная ткань с полосатым или клетчатым рисунком. Навыки её производства были привезены немцами-колонистами из Германии.

«Стой! Руки вверх! Гитлер капут!» (нем.).

Вадим Алексеевич Кирпиченко (1922–2005) — генерал-лейтенант, участник (в звании сержанта) Великой Отечественной войны. Начальник Управления «С» — заместитель начальника ПГУ КГБ СССР в 1974–1979 годах. Затем до 1991 года — первый заместитель начальника ПГУ КГБ СССР.

Олег Данилович Калугин (р. 1934) — бывший генерал-майор КГБ (1974; лишён звания в 2002 году). В 1973–1979 годах — начальник Управления «К» (внешняя контрразведка) ПГУ, затем — заместитель начальника Управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области. Общественный и политический деятель.

Теодор Кириллович Гладков (1932–2012) — писатель-документалист, автор книг серии «ЖЗЛ»: «Артузов», «Менжинский», «Медведев», «Коротков», «Николай Кузнецов», а также ряда книг о спецслужбах, выпущенных в различных издательствах. Лауреат литературных премий КГБ СССР, СВР и ФСБ России.

Вильям Генрихович Фишер (1903–1971) — разведчик-нелегал, полковник.

«Нью-Йорк таймс» — американская ежедневная газета, «Шпигель» — информационно-политический еженедельник ФРГ.

Моррис (1910–1995) и Леонтина (1913–1992) Козн — разведчики-нелегалы, Герои России.

Конон Трофимович Молодой (1922–1970) — участник Великой Отечественной войны, впоследствии разведчик-нелегал, полковник; оперативный псевдоним «Лонсдейл».

Маркус Иоганнес Вольф (1923–2006) — начальник Главного управления разведки Министерства государственной безопасности ГДР в 1958–1986 годах, генерал-полковник государственной безопасности.

Евгений Александрович Савинцев (1925–2015) — полковник КГБ, сотрудник внешней разведки, заместитель командира спецподразделения «Вымпел».

Алексей Николаевич Ботян (1917–2020) — полковник, Герой Российской Федерации. В годы Великой Отечественной войны боец спецотряда НКВД «Олимп»; в послевоенное время — разведчик-нелегал, затем — на различных должностях по линии Первого главного управления КГБ СССР.

Степан Андреевич Бандера (1909–1959) — украинский политический деятель, идеолог и теоретик украинского национализма.

Владимир Александрович Крючков (1924–2007) — в 1974–1988 годах — начальник Первого главного управления КГБ СССР; в 1988–1991 годах — председатель КГБ СССР. Генерал армии (1988), член Политбюро ЦК КПСС (1989–1990).

Джеймс Бритт Донован (1916–1970) — американский адвокат, офицер военно-морских сил США, политический переговорщик.

Борис Яковлевич Наливайко (1919–2004) — советский разведчик,
ПОЛКОВНИК.

Николай Михайлович Горшков (1912–1995) — сотрудник внешней разведки СССР, полковник.

Эрих Фриц Эмиль Мильке (1907–2000) — министр государственной безопасности ГДР в 1957–1989 годах, член Политбюро Центрального комитета Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), генерал армии, дважды Герой ГДР, дважды Герой Труда ГДР, Герой Советского Союза.

Вольфганг Фогель (1925–2008) — адвокат, общественный деятель ГДР, посредник в операциях по обмену шпионами времен холодной войны.

Шарлоттенбург — дворец-музей, крупнейший и самый значительный дворцовый комплекс бранденбургских курфюрстов, прусских королей и германских императоров в Берлине.

Намёк на Отто Скорцени (1908–1975), немецкого диверсанта, оберштурмбаннфюрера СС, получившего широкую известность в годы Второй мировой войны своими успешными спецоперациями.

«На войне как на войне» (фр.).

Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюрени (1611–1675) — знаменитый французский полководец, маршал Франции (1643), главный маршал Франции (с 1660 года).

Александр Александрович Дейнека (1899–1969) — живописец, монументалист и график, педагог, профессор. Академик АХ СССР. Народный художник СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии.

Мао Цзэдун (1893–1976) — китайский революционер, государственный, политический и партийный деятель, главный теоретик маоизма, создатель современного китайского государства. После провозглашения 1 октября 1949 года Китайской Народной Республики до конца жизни фактически являлся её лидером, с 1943 года занимал должность председателя китайской компартии.

Чжоу Эньлай (1898–1976) — политический деятель Китая, первый глава Госсовета КНР с момента её образования в 1949 году до своей смерти.

Александр Михайлович Сахаровский (1909–1983) — генерал-полковник (1967); в 1956–1971 годах — начальник Первого главного управления КГБ при Совете министров СССР (внешняя разведка).

Сергей Николаевич Семанов (1934–2011) — историк, писатель, литературовед, публицист. Был заведующим редакцией серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия».

Владимир Ефимович Семичастный (1924–2001) — генерал-полковник, председатель Комитета государственной безопасности СССР (1961–1967). С марта 1958-го по март 1959 года — первый секретарь ЦК ВЛКСМ; с марта по август 1959 года — заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам; затем — второй секретарь ЦК КП Азербайджана.

Курсив в книге.

Альфред Эрнст Розенберг (1893–1946) — государственный и политический деятель нацистской Германии, идеолог и один из наиболее влиятельных членов Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). Начальник Внешнеполитического управления НСДАП (1933–1945), уполномоченный фюрера по контролю за общим духовным и мировоззренческим воспитанием НСДАП (1934–1945). Приговором Нюрнбергского трибунала объявлен одним из главных военных преступников и казнен.

Рукописные листовки (*kit.*).

Сергей Георгиевич Лапин (1912–1990) — посол в Китайской Народной Республике в 1965–1967 годах. Затем — генеральный директор ТАСС, председатель Гостелерадио СССР. Герой Социалистического Труда (1982), Депутат Совета Союза ВС СССР (1970–1989), член ЦК КПСС (1966–1986).

Альфред Крупн (1812–1887) — немецкий промышленник и изобретатель; крупнейший поставщик оружия своей эпохи.

Альфريد Крупп фон Болен унд Гальбах (1907–1967) — владелец концерна «Фридрих Крупп» с 1943 года, фюрер военной экономики (1937), штандартенфюрер Национал-социалистического лётного корпуса (НСФК).

Георгий Хосроевич Шахназаров (1924–2001) — советский и российский политолог, политический деятель, писатель, доктор юридических наук, член-корреспондент АН СССР (1987).

Александр Леонович Тер-Григорян (1931–1984) — журналист-международник. Жил и работал в Китае, Вьетнаме, Венгрии, Бангладеш, Непале, Индии. За неполные 54 года жизни написал более тысячи очерков и репортажей, свыше десяти книг.

Курсив в тексте.

Олег Антонович Гордиевский (р. 1938) — полковник, исполняющий обязанности резидента в Великобритании; работал на британскую разведку.

Владимир Андреевич Кузичкин (р. 1947) — майор; в 1982 году в Иране попросил политического убежища в посольстве Великобритании.

Кондаков Б. Иуда из Ясенева. М., 1996.

Вилли Брандт (1913–1992) — немецкий социал-демократический политик, председатель Социал-демократической партии Германии в 1964–1987 годах, четвёртый федеральный канцлер ФРГ (1969–1974).

Виталий Григорьевич Павлов (1914–2005) — генерал-лейтенант КГБ СССР, заместитель начальника внешней разведки в 1961–1966 годах.

Вильгельм Бодевин Йоханн Густав Кейтель (1882–1946) — начальник штаба Верховного командования вермахта (Вооружённых сил Германии) в 1938–1945 годах, фельдмаршал. Казнён в Нюрнберге по приговору Международного военного трибунала.

Внешняя разведка ФРГ.

Рейнхард Гелен (1902–1979) — генерал-лейтенант (1945) вермахта, один из руководителей разведки на Восточном фронте. Создатель «Организации Гелена», позже преобразованной в Федеральную разведывательную службу Германии (BND). Первый президент Федеральной разведывательной службы в 1956–1968 годах.

Место дислокации штаб-квартиры БНД.

Семён Кузьмич Цвигун (1917–1982) — первый заместитель председателя КГБ СССР (1967–1982). Генерал армии, Герой Социалистического Труда. Литератор и сценарист.

Георгий Карпович Цинёв (1907–1996) — первый заместитель председателя КГБ СССР. Генерал армии, Герой Социалистического Труда.

Иван Анисимович Фадейкин (1917–1979) — генерал-лейтенант. Великую Отечественную войну начал комиссаром полка, закончил командиром стрелковой дивизии. С 1949 года во внешней разведке; в 1963–1966 годах — начальник Управления военной контрразведки КГБ при СМ СССР. Затем — уполномоченный КГБ СССР в ГДР, руководитель Представительства КГБ СССР при министерстве безопасности ГДР.

Сальвадор Гильермо Альенде Госсенс (1908–1973) — чилийский государственный и политический деятель, президент Чили с 1970 года, погиб в результате военного переворота.

Периферия — место работы разведчика за рубежом.

Штаб-квартира ЦРУ.

Дмитрий Фёдорович Поляков (1921–1988) — генерал-майор ГРУ. На протяжении более двадцати лет являлся агентом американской разведки. Расстрелян.

Павел Георгиевич Громушкин (1913–2008) — полковник, советский разведчик; художник-портретист. Во время Великой Отечественной войны делал документы для советских разведчиков, которые ни разу не вызвали подозрения у гитлеровцев. В частности, изготавливал документы для Николая Кузнецова, Вильяма Фишера (Рудольфа Абея), Александра Феклисова, Павла Судоплатова.

Алексей Михайлович Козлов (1934–2015) — разведчик-нелегал, Герой Российской Федерации. Два года (1980–1982) провёл в тюрьме ЮжноАфриканской Республики.

Эрнст Кальтенбруннер (1903–1946) — начальник Главного управления имперской безопасности и статс-секретарь имперского министерства внутренних дел Германии (1943–1945), обергруппенфюрер СС и генерал полиции. Казнён по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

МОССАД — политическая разведка Израиля.

Отто Адольф Эйхман (1906–1962) — оберштурмбаннфюрер СС, заведовал отделом гестапо IV В 4, отвечавшим за «окончательное решение еврейского вопроса». После войны скрылся в Аргентине.

Олдрич Хейзен Эймс (р. 1941) — начальник контрразведывательного подразделения Центрального разведывательного управления США, начальник советского отдела управления внешней контрразведки ЦРУ, с 1985 года на протяжении девяти лет являлся агентом советских и российских спецслужб.

Антониу Себастьян Рибейру ди Спинола (1910–1996) — португальский политический и военный деятель, губернатор Португальской Гвинеи в 1968–1973 годах, президент Португальской республики в 1974 году.

Виктор Михайлович Чебриков (1923–1999) — председатель КГБ СССР (1982–1988), член Политбюро ЦК КПСС (1985–1989). Генерал армии (1983), Герой Социалистического Труда (1985), лауреат Государственной премии СССР (1980). Участник Великой Отечественной войны.

Яков Прокофьевич Медяник (1916–1996) — генерал-майор,
заместитель начальника ПГУ в 1975–1987 годах.

Мухаммед Анвар ас-Садат (1918–1981) — президент Египта (1970–1981), маршал (1973).

То есть сотрудники военной разведки — Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооружённых сил СССР (ГРУ).

Александр Борисович Чаковский (1913–1994) — писатель. Герой Социалистического Труда (1973), лауреат Сталинской (1950), Ленинской (1978) и Государственной премий СССР (1983). Главный редактор «Литературной газеты» (1962–1988). Член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, секретарь правления Союза писателей СССР (1962–1991). Кавалер девяти орденов, из них четырёх орденов Ленина.

Анатолий Гаврилович Ковалёв (1923–2002) — с 1971 года — заместитель, в 1986–1991 годах — первый заместитель министра иностранных дел СССР.

Николай Сергеевич Леонов (р. 1928) — генерал-лейтенант; с 1971 года — начальник информационно-аналитического управления внешней разведки; с сентября 1983 года — заместитель начальника ПГУ. С 30 января по 27 августа 1991 года — начальник аналитического управления КГБ СССР.

Борис Александрович Соломатин (1924–2005) — генерал-майор. Резидент в Дели, Вашингтоне, Нью-Йорке и Риме, заместитель начальника внешней разведки (1968–1971), советник председателя КГБ СССР.

Яков Александрович Малик (1906–1980) — в 1946–1953 и 1960–1967 годах — заместитель министра иностранных дел СССР. Постоянный представитель СССР при Организации Объединённых Наций и в Совете Безопасности ООН в 1948–1952 и 1967–1976 годах.

Олег Александрович Трояновский (1919–2003) — Постоянный представитель СССР при ООН и в Совете Безопасности ООН с ноября 1976 года по март 1986 года.

Джон Энтони Уокер (1937–2014) — дежурный офицер связи штаба командующего подводным флотом США в Атлантическом регионе, агент внешней разведки СССР. Завербован в 1967 году, арестован в мае 1985 года. Считается одним из наиболее ценных зарубежных агентов КГБ. Приговорён к пожизненному заключению.

Воинское звание, промежуточное между сержантским и офицерским — нечто типа старшего прапорщика (мичмана).

Гленн Майкл Соутер (Михаил Евгеньевич Орлов) (1957–1989) — американский военный моряк, старшина, по идейным соображениям сотрудничавший с советскими спецслужбами. 9 июня 1986 года нелегально выехал в СССР. Присвоено звание майора КГБ; покончил жизнь самоубийством.

Датская спецслужба.

Второе главное управление КГБ СССР — контрразведка.

Прошу прощения! (англ.).

Джеймс Джизес Энгтон (1917–1987) — руководитель контрразведывательной службы Центрального разведывательного управления США с 1954 по 1975 год. Ушёл в отставку в результате скандала, связанного с незаконной слежкой ЦРУ за гражданами США внутри страны.

Исхак Абдулович Ахмеров (1901–1976) — советский разведчик, полковник. Руководитель нелегальной резидентуры НКВД (НКГБ) в США в 1942–1945 годах.

Василий Михайлович Зарубин (1894–1972) — советский разведчик, генерал-майор. В 1941–1944 годах — резидент НКВД (НКГБ) в США.

Ким Филби (1912–1988) — один из руководителей британской разведки; член легендарной «Кембриджской пятёрки». С 1949 по 1951 год возглавлял миссию связи в Вашингтоне, координируя совместные действия США и Великобритании по борьбе с «коммунистической угрозой». 23 января 1963 года нелегально переправлен в СССР.

Джеймс Форрестол (1892–1949) — министр военно-морских сил США и первый министр обороны США (1947–1949).

Ален Уэли Даллес (1893–1969) — американский дипломат и разведчик, руководитель резидентуры Управления стратегических служб в Берне (Швейцария) во время Второй мировой войны, директор Центральной разведки (1953–1961).

Джеймс Гарольд Вильсон (1916–1995) — лидер Лейбористской партии с 1963 года, премьер-министр Великобритании в 1964–1970 и 1974–1976 годах.

СИС или МИ-6 (SIS, MI-6) — британская разведка.

Ричард Макгарра Хелмс (1913–2002) — кадровый разведчик, директор Центральной разведки США (1966–1973).

Ловец шпионов (англ.).

Ассошиэйтед Пресс (АП) — одно из ведущих международных агентств информации и новостей.

Алексей Исидорович Кулак (1922–1984) — полковник ПГУ; участник Великой Отечественной войны. Учёный-химик в области радиологии. Работал в США под прикрытием Научного комитета ООН по изучению проблем радиации.

Джон Эдгар Гувер (1895–1972) — американский государственный деятель, директор Федерального бюро расследований в 1924–1972 годах.

Яков Владимирович Смушкевич (1902–1941) — генерал-лейтенант авиации, помощник начальника Генштаба РККА по авиации (1940); генерал-инспектор ВВС РККА; дважды Герой Советского Союза.

Отдел национальной безопасности (*англ.*).

Détente (*фр.*) — отдых, расслабление.

Аркадий Николаевич Шевченко (1930–1998) — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР, в 1973–1978 годах заместитель Генерального секретаря ООН по политическим вопросам и делам Совета Безопасности ООН. В апреле 1978 года отказался вернуться в СССР из длительной служебной командировки. Заочно приговорён к высшей мере наказания за измену Родине.

Курт Йозеф Вальдхайм (1918–2007) — австрийский дипломат и политик, Генеральный секретарь ООН (1972–1981), президент Австрии в 1986–1992 годах.

Андрей Андреевич Громыко (1909–1989) — советский дипломат и государственный деятель, в 1957–1985 годах — министр иностранных дел СССР, в 1985–1988 годах — председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член Политбюро ЦК КПСС в 1973–1988 годах. Доктор экономических наук (1956). Дважды Герой Социалистического Труда.

Анатолий Андреевич Громыко (1932–2017) — Чрезвычайный и Полномочный посланник 1-го класса, член-корреспондент АН СССР (1981). Специалист в области американистики, африканистики, международных отношений.

Павел Иванович Зырянов (1907–1992) — генерал-полковник, начальник Главного управления пограничных войск КГБ при СМ СССР в 1957–1972 годах.

Нур Мохаммад Тараки (1917–1979) — генеральный секретарь ЦК Народно-демократической партии Афганистана и лидер её фракции «Хальк». Председатель Революционного совета и премьер-министр Афганистана.

Вячеслав Сергеевич Широнин (1939–2001) — генерал-майор. Начальник одного из аналитических центров КГБ СССР (Управление «А»); заместитель начальника контрразведки.

Хафизулла Амин (1929–1979) — афганский государственный, политический и партийный деятель, член Политбюро ЦК Народно-демократической партии Афганистана, министр иностранных дел (1978–1979), министр обороны, премьер-министр, генеральный секретарь ЦК Народно-демократической партии Афганистана и председатель Революционного совета Афганистана (1979).

Эвальд Григорьевич Козлов (р. 1938) — сотрудник КГБ СССР, капитан 1-го ранга, Герой Советского Союза, первый командир отряда специального назначения «Вымпел» (1981–1985).

Василий Васильевич Колесник (1935–2002) — генерал-майор ГРУ ГШ ВС СССР (1988), Герой Советского Союза (1980).

Салтан Кеккезович Магомедов (1920–1989) — генерал-полковник (1978). В августе 1972-го — декабре 1979 года — первый заместитель командующего Забайкальским военным округом. С ноября 1979 года — главный военный советник в Афганистане.

Леонид Владимирович Шебаршин (1935–2012) — генерал-лейтенант, начальник Первого главного управления КГБ СССР в 1989–1991 годах.

Григорий Иванович Бояринов (1922–1979) — полковник, начальник КУОС КГБ СССР в 1969–1979 годах. Погиб во время штурма дворца Амина в Кабуле. Герой Советского Союза.

Яков Фёдорович Семёнов (1939–2017) — полковник госбезопасности. В 1980–1991 годах — старший преподаватель КУОС КГБ СССР, доцент Краснознамённого института КГБ СССР им. Ю. В. Андропова.

Александр Титович Голубев (1936–2020) — генерал-лейтенант, начальник одного из управлений СВР.

Борис Семёнович Иванов (1916–2001) — генерал-лейтенант; с 1969-го по март 1979 года 1-й заместитель начальника ПГУ КГБ. С 17 марта 1979 года — руководитель Оперативной группы КГБ в ДРА, затем в 1982–1987 годах — главный консультант по разведке Группы консультантов при председателе КГБ СССР.

Михаил Михайлович Романов (1937–2004) — полковник, заместитель командира Группы специального назначения «А» КГБ СССР (1977–1980), командир Группы специального назначения «Гром» КГБ СССР (1979), участник штурма дворца Амина. Награждён орденом Ленина.

Пётр Иванович Багратион (1769–1812) — генерал от инфантерии; в 1812 году командовал 2-й Западной армией, смертельно ранен в сражении при Бородине.

Александр Антонович Ляховский (1946–2009) — исследователь Афганской войны; служил в Генеральном штабе Вооружённых сил СССР и в Главном штабе Сухопутных войск, в 1987–1989 годах проходил службу в Афганистане; генерал-майор, член Союза писателей России.

Хальк, Парчам — две фракции Народно-демократической партии Афганистана.

Пантелеймон Иванович Гиоргадзе (1925–2009) — генерал-майор Пограничных войск КГБ СССР. Грузинский политический деятель. Председатель Единой коммунистической партии Грузии с 1992 года.

Иван Данилович Кудря (1912–1942) — лейтенант госбезопасности. В марте 1941 года командирован в Киев, оставлен для руководства подпольной разведывательно-диверсионной группой. Герой Советского Союза.

Владимир Александрович Молодцов (1911–1942) — капитан госбезопасности, руководитель нелегальной резидентуры «Форт» в Одессе. Герой Советского Союза.

Виктор Александрович Лягин (1908–1943) — подполковник. В 1939–1941 годах — в командировке в США; руководитель нелегальной резидентуры «Маршрутники» в Николаеве. Герой Советского Союза.

Василий Алексеевич Дождальёв (1921–2004) — генерал-майор внешней разведки.

Какой ужас! (*англ., нем.*).

Игорь Пантелеймонович Гиоргадзе (р. 1950) — генерал-лейтенант. Окончил Высшую школу КГБ СССР в 1973 году, затем служил в КГБ Грузинской ССР. В 1980–1981 годах в составе отряда специального назначения «Каскад» воевал в Афганистане. В 1993–1995 годах — министр государственной безопасности Грузии.

Виталий Алексеевич Нуйкин (1939–1998) — полковник, до 1986 года находился на нелегальной работе, кавалер ордена Октябрьской Революции и двух орденов Красного Знамени.

Рождество (англ.).

Дэн Сяопин (1904–1997) — китайский государственный, политический и партийный деятель, фактический руководитель Китая с конца 1970-х до начала 1990-х годов. Разработал принцип «социализма с китайской спецификой», стал инициатором экономических реформ и сделал страну частью мирового рынка.

Вань Ли (1916–2015) — китайский государственный деятель, председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 7-го созыва (1988–1993).

Михаил Иванович Филоненко (1917–1982) — полковник, разведчик-нелегал; комиссар разведывательно-диверсионного отряда «Олимп».

Африка де лас Эрас (1909–1988) — член Компартии Испании, участница Гражданской войны; в 1939 году выведена в СССР. После Великой Отечественной войны находилась на нелегальной работе за границей. Полковник.

Павел Анатольевич Судоплатов (1907–1996) — генерал-лейтенант; в 1939–1946 годах — заместитель начальника внешней разведки, во время Великой Отечественной войны одновременно руководил 4-м («партизанским») управлением НКВД.

Александр Иванович Лазаренко (1922–2004) — генерал-майор госбезопасности; начальник разведки ВДВ (1959–1961). Командир отряда специального назначения «Каскад» КГБ СССР (1980–1982).

Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882) — генерал от инфантерии, герой войны 1877–1878 годов.

Денис Васильевич Давыдов (1784–1839) — поэт, мемуарист, военный теоретик, генерал-лейтенант. В Отечественную войну 1812 года — один из зачинателей партизанского движения.

Николай Анисимович Щёлоков (1910–1984) — министр внутренних дел СССР (1966–1982), генерал армии.

Илья Григорьевич Старинов (1900–2000) — легендарный диверсант, участник многих войн, «профессор спецназа».

Рюкзак конструкции известного отечественного альпиниста В. М. Абалакова.

Вадим Александрович Матросов (1917–1999) — генерал армии (1978), Герой Советского Союза (1982). Начальник Пограничных войск — заместитель председателя КГБ СССР (1972–1989).

Виктор Михайлович Чебриков (1923–1999) — председатель КГБ СССР (1982–1988), член Политбюро ЦК КПСС (1985–1989). Генерал армии (1983), Герой Социалистического Труда (1985), лауреат Государственной премии СССР (1980). Участник Великой Отечественной войны.

Рио Хайме Рамон дель Меркадер (1913–1978) — испанский агент советских органов госбезопасности; ликвидировал Льва Троцкого.

Хайнц Фельфе (1918–2008) — оберштурмфюрер СС, работал в федеральной разведывательной службе ФРГ БНД до 1961 года, пока не был раскрыт как советский агент. Сотрудник органов государственной безопасности СССР; кавалер орденов Красной Звезды и Красного Знамени.

Михаил Андреевич Сулов (1902–1982) — член Политбюро ЦК КПСС (Президиума ЦК КПСС) в 1952–1953 и 1955–1982 годах, секретарь ЦК КПСС (1947–1982).

Виталий Васильевич Федорчук (1918–2008) — в органах военной контрразведки с 1939 года; в 1967–1970 годах — начальник 3-го Управления КГБ СССР. Председатель КГБ Украинской ССР (1970–1982), председатель КГБ СССР (1982), министр внутренних дел СССР (1982–1986), генерал армии (1982).

Филипп Денисович Бобков (1925–2019) — начальник 5-го Управления КГБ СССР в 1969–1983 годах, заместитель, первый заместитель председателя КГБ СССР в 1983–1991 годах. Генерал армии.

Евгений Петрович Питовранов (1915–1999) — генерал-лейтенант; начальник 2-го Главного управления МГБ СССР в 1946–1950 годах; с 1953 года — во внешней разведке. В 1962–1966 годах — начальник Высшей школы КГБ. Председатель Президиума Торгово-промышленной палаты СССР в 1983–1988 годах.

Сергей Николаевич Присекин (1958–2015) — полковник, художник Студии военных художников им. М. Б. Грекова. Академик Российской академии художеств, народный художник Российской Федерации. (Помещаем эту сноску, чтобы Серёжу не забывали.)